

№. 7.

1897 г.

ъ VII.

4

Д.

Д.

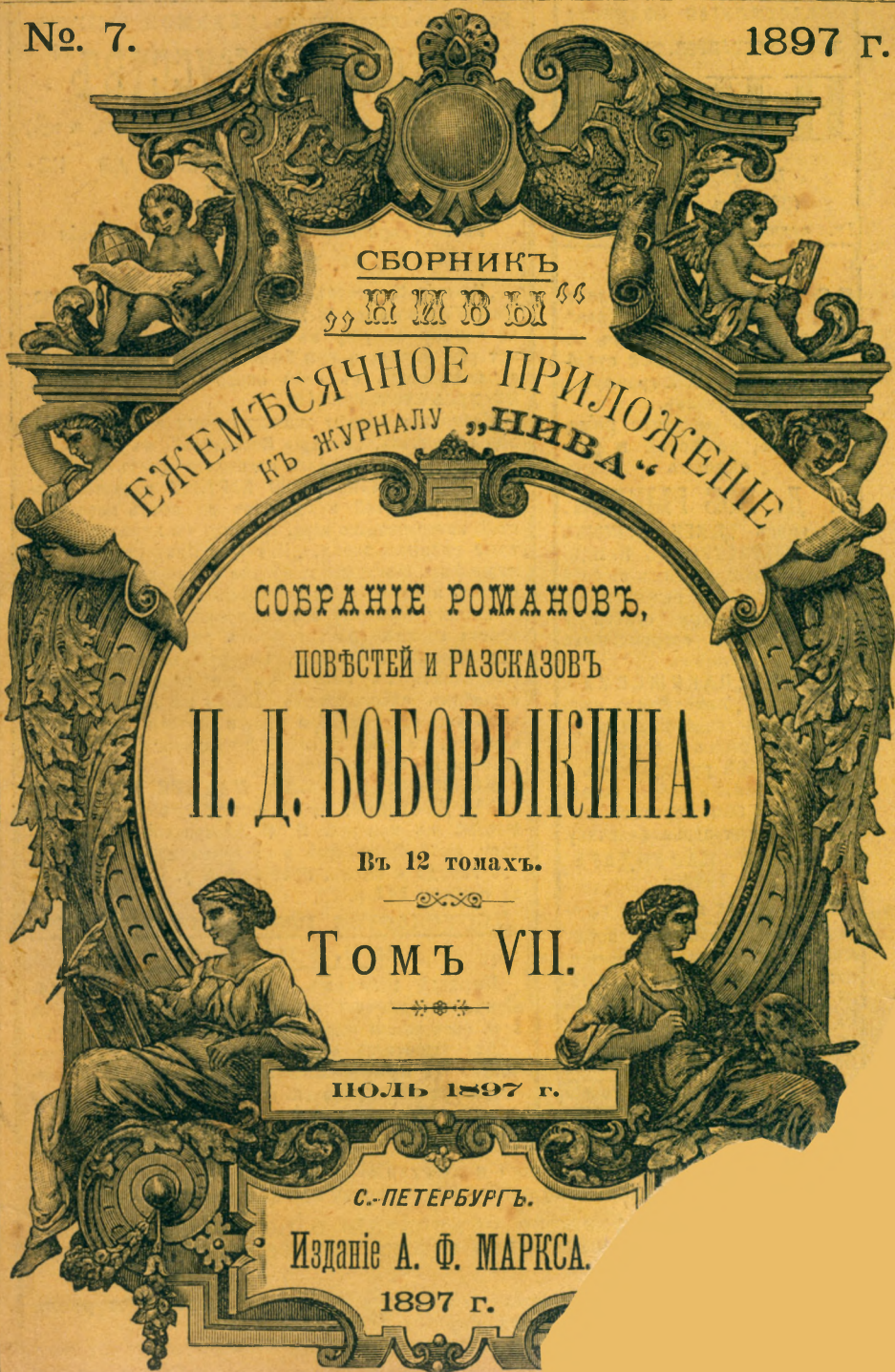
СОИМЕН. Д. Д. Д.

РИСКЪ

ДВЫ

ЮЛЬ

1897.

СБОРНИКЪ
„НИВЫ“

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
къ журналу „НИВА“

СОБРАНИЕ РОМАНОВЪ,
ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА.

Въ 12 томахъ.

Томъ VII.

ЮЛЬ 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. МАРКСА.

1897 г.

Продолжается подписка
на иллюстриров. журналъ

НИВА

на 1897 г.
(28 годъ изданія).

Гг. подписчики получать въ
1897 г.:

52 №№ художественно-литератури. журнала „Нива“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 томовъ собранія романовъ, повѣстей и разсказовъ

П. Д. БОБ РЫКИНА.

12 книгъ „ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, содержащихъ въ себѣ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и проч. лучшихъ современныхъ авторовъ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 800 чертежей выкроекъ въ натуральн. величину.

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ
на 1897 г.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ со всеми вышеозначенными приложениями: Безъ доставки въ СПб. **5** р. Съ доставкою въ СПб. **6** р. **50** к. Безъ доставки въ Москвѣ (въ конг. Н. Н. Печковской) **6** р. Съ перес. во

въ города и мѣстности Россіи
р. ЗА ГРАНИЦУ **10** р.

Разосланъ подписчикамъ СЕДЬМОЙ ВЫПУСКЪ

„ИСТОРИИ ИСКУССТВЪ“

(архитектуры, скульптуры, живописи и пр., и пр.)
съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней,

въ популярномъ, общедоступномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

„Исторія Искусствъ“ выйдетъ въ свѣтъ въ теченіе 1897 г. въ видѣ 12-ти ежемѣсячныхъ выпусковъ, — по одному выпуску въ началѣ наждаго мѣсяца. — кот. рые составятъ три большихъ тома in quarto, заключающихъ въ себѣ около 2000 гравюръ и 30 хромолитографій.

Благодаря такому значительному объему и обилію рисунковъ, „Исторія Искусствъ“ въ живомъ и доступномъ для наждаго изложеніи даетъ ПОЛНУЮ И ШИРОКО НАПИСАННУЮ КАРТИНУ развитія различныхъ отраслей художества на всемъ пространствѣ историческаго міра. На ряду съ характеристиками разныхъ эпохъ, „Исторія Искусствъ“ даетъ подробныя біографіи наиболѣе выдающихся художниковъ и копии съ ихъ лучшихъ произведеній.

Такому богатому и разнообразному содержанію текста вполнѣ соответствуетъ роскошная и изящная внѣшность изданія, которую мы постарались приравнять къ подобнымъ же художественнымъ изданіямъ европейскимъ. Въ то же время, назначивъ весьма умеренную цѣну и допустивъ разсрочку платежа, мы сдѣлали пріобрѣтеніе этого роскошнаго изданія вполнѣ доступнымъ.

ПО ШИШНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ИЗДАНІЕ:
БЕЗЪ ДОСТАВКИ: въ С.-Петербургѣ **12** р., въ Москвѣ, въ конгорѣ Н. Н. Печковской, **13** р. Съ дост. въ С.-Петербургѣ и съ перес. въ Москау и во всѣ города и мѣстн. Россіи **1-1** р. Съ пересылкою за границу **16** р.

Допускается разсрочка платежа
на 2, 3 и 4 срока.

Первый выпускъ, для ознакомленія съ изданіемъ, продается отдѣльно и высылается за **1** р. (почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ).

Для любителей особо роскошныхъ изданій отпечатано 50 нумерованныхъ экземпляровъ на слоной бумагѣ, цѣною каждый экз. **50** р., съ дост. и перес. **55** р.

Подписка на „Ниву“ и „Исторію Искусствъ“ продолжается, и подписчику высылаются сразу все вышедшіе номера.

ованное объявленіе о подпискѣ, украшенное
сылается всѣмъ интересующимся изда-

дресовать въ С.-Петербургъ, въ Контору журнала
Малая Морская, № 22.

СОБРАНИЕ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЬКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ СЕДЬМОИ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРСА, Ср. Подъяч., № 1.

ПЕРЕВАЛЪ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ПЕРЕВАЛЪ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Vivit is, qui se utitur“.
Seneca.

I.

Человѣкъ крупнаго роста, въ сибирскомъ ергагѣ и въ войлочной бурой шапкѣ, повернулъ въ Большую Никитскую.

Онъ только что поглядѣлъ на циферблатъ часовъ, на боковомъ корпусѣ „Стараго“ московскаго университета: стрѣлка показывала двадцать минутъ второго.

Стоялъ морозный день. Снѣгъ лежалъ кое-гдѣ; санный путь еще не открылся.

Запахиваясь въ свой легкій и теплый ергагъ, Лыжинъ—такъ его звали—шагалъ вверхъ по улицѣ лѣнливой и широкой поступью и, на ходу, немного покачивалъ туловищемъ. Изъ-подъ войлочной шапки, сдвинутой слегка къ затылку, на вискахъ, плотно подстриженные волосы примѣтно сѣдѣли—густые и темнорусые. Лицо—длинное и очень худое, загорѣлое, съ впалыми большими глазами—смотрѣло разсѣяннo и грустно. Тонкій и хрящеватый носъ, съ нервными ноздрями, дѣлалъ профиль суровѣе, чѣмъ фасъ лица. Подстриженная съ боковъ, узкая борода — съ такой же просѣдью — еще больше удлиняла

его обликъ. Изъ-подъ густыхъ усовъ сквозили хорошо сохранившіеся зубы. Наружность—въ общемъ—была породистая и красивая.

Взглядъ, брошенный Лыжинымъ на широкій подъѣздъ университетской церкви и на двухъ студентовъ въ пальто съ башлыками, спускавшихся внизъ по лѣвому тротуару, вдругъ вызвалъ въ немъ вопросъ, котораго онъ никакъ бы не ожидалъ еще минуту передъ тѣмъ:

„Полно, пересталъ ли онъ самъ быть студентомъ, сдающимъ какой-то безконечный экзаменъ?“

Онъ шелъ домой, гдѣ черезъ полчаса ему предстоитъ дѣловой и рѣшительный разговоръ, послѣ чего надо будетъ проститься съ тѣми десятинами лѣса и луговъ, которыя все еще держали его въ какой-то нудной связи съ „землей“.

Онъ окончательно рѣшился на это, и рѣшился съ чувствомъ, близкимъ къ радости. Не дальше, какъ часъ назадъ, сидя въ залѣ трактира, гдѣ завтракалъ, онъ смотрѣлъ на этотъ шагъ, хотя бы и рискованный, какъ на средство освободить себя отъ тягостнаго символа связи съ землей и народомъ. Ну, онъ превратится въ презрѣннаго рантье, будетъ проѣдать свои купоны, или купитъ здѣсь домъ, дающій шесть процентовъ въ годъ, или займется промышленнымъ дѣломъ, откроетъ справочную контору, кабинетъ для чтенія; все это лучше, чѣмъ чувствовать надъ собою и подъ собою что-то жуткое; въ себѣ—нѣчто въ родѣ болотной лихорадки: то каяться, то подозревать себя, то приходиться къ выводу, что никто ни въ чемъ не виноватъ, и въ пору самому остаться цѣлымъ. Кажется, все было рѣшено, въ принципѣ, и купчая должна быть подписана безъ всякихъ проволочекъ!..

И стоило ему пройти мимо университета и взглянуть случайно на двухъ студентовъ,—и въ груди заняло. Душевное недомоганіе снова зашевелилось. Оно подсказываетъ все то же: „ты проигрался на жизни“. Обманывать себя нечего: Лыжинъ—тотъ, что цѣлыхъ двадцать лѣтъ „сдавалъ экзаменъ“—только взадъ смотреть на себя и подводить итоги; но мыслить и чувствовать попрежнему—онъ не можетъ.

На вопросъ, такъ внезапно пришедшій ему: пересталъ ли онъ самъ готовиться къ экзамену, какъ тѣ два студента въ башлыкахъ?—онъ готовъ отвѣтить: „пересталъ“... Но это и замозжило его.

Передъ нимъ начали всплывать лица и разговоры оттуда, изъ тѣхъ заграничныхъ мѣстъ, которыя онъ—всего мѣсяць назадъ—посѣтилъ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ ходять къ покойникамъ. Да и на одномъ кладбищѣ онъ побывалъ нарочно, точно затѣмъ, чтобы самому похоронить прежняго Лыжина.

Высохшій, сѣдой старикъ, въ старенькомъ халатѣ, подирая своей высокой фигурой низкій потолокъ мансарды, долго говорилъ ему, глухо и поспѣшно, безъ злобы и унынія, съ вѣрой въ то, что „родина—сфинксъ“, сама разрѣшитъ свою загадку, что въ ея судьбѣ „все возможно“, и правы будутъ тѣ, кто не мѣшаетъ ея невидимой, органической работѣ.

И опять маленькая комната и длинный разговоръ около чугунной печурки—въ другомъ сосѣднемъ городѣ—съ человѣкомъ уже его поколѣнія, „семидесятникомъ“, бывшимъ земцемъ. Онъ молился когда-то на Европу; теперь раскусилъ ее и мистически ждетъ той минуты, когда ему „подадутъ тройку“, и она понесетъ его на родину, гдѣ „все сдѣлается“, какъ страстно мечтаетъ онъ и тѣ, кто чувствуетъ съ нимъ заодно.

А вотъ и курильная комната отеля, гдѣ онъ остановился на два, на три дня въ томъ же городѣ. И отель-то называется—точно такъ было предопредѣлено свыше—„Hôtel de Russie“, на самой набережной озера.

Послѣ обѣда до поздняго часа длилась бесѣда. Онъ больше слушалъ. Его собесѣдникъ—старый знакомый, съ которымъ они не видались около пятнадцати лѣтъ—остался все тотъ же студентъ начала шестидесятыхъ годовъ. Языкъ, тонъ, порывистые жесты, шумные возгласы,—ничто не измѣнилось послѣ тридцати лѣтъ заграничнаго подневольнаго житья. Вся панорама „движенія“ протянулась передъ Лыжинымъ, освѣщенная умомъ и великорусскимъ юморомъ, оцѣнками и окриками этого расходившагося студента начала шестидесятыхъ годовъ.

И какая же нота звучала громче другихъ?.. Нота возмущенія противъ тѣхъ, кто—по доброй волѣ—отрекся отъ своего культурнаго превосходства и ударился въ идолопоклонство „передъ сермягой“.

— Все—къ чорту!—слышались ему раскаты голоса сангвиника, быстро ходившаго по комнатѣ.—Наука, талантъ, искусство, свобода, личное достоинство,—все долой! *Пустилъ*

себя вошь въ ухо, надѣлъ зипунъ и стукай лбомъ передъ своимъ идоломъ—народомъ!

Такихъ рѣчей онъ не слыхалъ, когда въ первый разъ попалъ туда, въ тотъ же живописный городъ на озерѣ, гдѣ столько перекипѣло русскихъ душъ, умерло упованій и разбилось надеждъ, столько говорилось и писалось въ бреду и въ полномъ самообладаніи, откуда было послано столько лозунговъ и столько исповѣданій вѣры.

Лыжинъ не возражалъ обличителю тѣхъ, кто „пустилъ себя вошь въ ухо“ и въ зипунѣ колотить лбомъ передъ идоломъ—народомъ. А вѣдь шестидесятникъ зналъ его прошлое и то, за что онъ могъ пострадать; слыхалъ, вѣроятно, и про многое, чѣмъ онъ увлекался въ послѣдствіи, не дальше, какъ три-четыре года назадъ. Это не помѣшало старому студенту повторить свою остроуту. Оба громко смѣялись, и Лыжину стало тогда еще яснѣе, что вѣры въ тѣхъ, кого обличалъ шестидесятникъ, въ немъ уже нѣтъ.

И все-таки, на другой день, въ тускляя сумерки, когда холодная „биза“ рѣзала ему лицо и онъ прощался съ городомъ, въ груди у него заныло. Онъ началъ уже тамъ хоронить прежняго Лыжина.

Еще несомнѣннѣе хоронилъ онъ его передъ могильнымъ памятникомъ, когда—недѣлей позднѣе—попалъ подъ лазурное небо южнаго побережья на Средиземномъ морѣ.

Надъ рядомъ мраморныхъ бѣлыхъ гробницъ высится бронзовая, коренастая фигура—точно живая, съ длинными волосами большой головы, съ руками, сложенными въ обычный жестъ—убѣжденности и пылкаго протеста.

Онъ не заплакалъ, когда прикоснулся къ плитѣ пьедестала, не каялся и не клеймилъ себя. Превратись этотъ бронзовый русскій идеалистъ тридцатыхъ годовъ въ чловѣка изъ плоти и крови, онъ сказалъ бы ему:

„На васъ, на вашихъ идеяхъ и упованіяхъ, на нашемъ возмущенномъ чувствѣ гражданина я воспиталъ себя со студенческой скамьи; двадцать лѣтъ искалъ пути, исхода, основы и откровенія, и вотъ теперь руки у меня опустились. Я не предалъ никого; я не продаю и себя никому и ничему; но я не вѣрю въ то, во что и вы увѣровали, съ тѣхъ поръ, какъ, возмутившись фальшью и бездушіемъ западнаго лжерадикальнаго буржуа, вы стали ратовать за мужицкую общинную правду. Я готовъ былъ бы и теперь служить „идеѣ“, но гдѣ она и какъ это дѣлать—

не знаю. Не клянупася васъ и всѣхъ, кто пошелъ еще дальше васъ, за то, что самъ близокъ къ душевному банкротству; но чувствую, что завѣщаннаго вами дѣла я дѣлать не буду“...

Лыжинъ былъ такъ захваченъ этими образами недавно пережитого, что совсѣмъ забылъ, куда онъ идетъ. Только выше зданія консерваторіи онъ спохватился, перешелъ улицу и долженъ былъ спуститься опять внизъ по Никитской до перваго поворота направо.

Тамъ, въ концѣ поперечной улицы, помѣщался мебелированный домъ, гдѣ онъ нанялъ себѣ отдѣленіе въ двѣ комнаты, помѣсячно.

Какъ онъ проведетъ зиму въ Москвѣ, чѣмъ займется, на чемъ успокоится—онъ еще не зналъ. Отдохнуть, осмотрѣться онъ долженъ былъ, главное—осмотрѣться именно здѣсь, въ этомъ срединномъ русскомъ городѣ, гдѣ протекла и половина его молодой жизни.

Послѣдняя попытка уйти въ новѣйшій духовно-нравственный видъ народничества привела его къ тому, что онъ впервые испугался за самого себя, за то фарисейство, которое начало обволакивать его. Этотъ видъ скопческаго себлюбія и эпикурейства сталъ ему просто гадокъ, точно изувѣрство какого-нибудь грязнаго юродиваго. Да и любой юродивый, который ходитъ въ морозъ по улицамъ полунагимъ и носить пудовыя вериги, хоть физически страдаетъ по доброй волѣ, пока не впадетъ въ идіотскую потерю всякой чувствительности.

Онъ хотѣлъ осмотрѣться и понять: куда все идетъ теперь? Не могъ онъ не видѣть, какъ все тронулось, какъ студенческую молодежь точно кто подмѣнилъ, если не всѣхъ, то очень-очень многихъ, какъ бывшіе недавно подъ спудомъ инстинкты просочились наружу и задаютъ тонъ.

Прямо мириться съ тѣмъ, что принесли съ собою послѣдніе годы, онъ не желаетъ, но не можетъ и самъ, по-прежнему, уходить въ твердыню принциповъ и упованій, въ которые извѣрился.

И яркой личной жизни онъ уже не жаждалъ. Молодость прошла. Ему сорокъ лѣтъ. Столько онъ жилъ идеями, столько силъ ушло на порыванія—служить народу и обществу, что теперь онъ въ правѣ былъ бы мечтать о наградѣ, о кусочкѣ счастья, о тихомъ довольствѣ. Фаустъ, во второй части поэмы, отъ бурныхъ наслажденій подни-

мается до чувства высшаго долга передъ челоѳчествомъ, а ему, простому смертному, послѣ двадцати лѣтъ почти полнаго отреченія отъ своей личности, не воскреснуть уже къ опьяняющимъ радостямъ жизни!..

Усталость брала верхъ и подсказывала законное право пожить смиренно для себя, разъ онъ созналъ, что самоотреченіе ни къ чему не привело, кромѣ душевнаго разброда. Голова еще есть на плечахъ, она не разучилась мыслить и наблюдать. Вѣдь ея работа—величайшее благо и наслажденіе, какое челоѳкъ можетъ имѣть на землѣ, величайшее и безобидное. Оно не обманетъ, даже передъ концомъ бытія, когда смерть принесетъ съ собою вѣчное, желанное усюкоеніе...

II.

— Никто меня не спрашивалъ?

Лыжинъ, на нижней площадкѣ, остановилъ швейцара, молодого малаго, въ длиннѣйшей ливреѣ.

— Постороннихъ никого не было, Юрій Петровичъ. Только одинъ жилецъ изъ нижняго этажа, господинъ Воденягинъ, просилъ сказать, когда вы будете дома.

— Господинъ Воденягинъ?—переспросилъ Лыжинъ. — Кто онъ?

— Они пишутъ.

Швейцаръ какъ-то двусмысленно усмѣхнулся.

— Прикажете имъ сказать?

— Скажите.

Лыжинъ медленно—ему сдѣлалось жарко въ ергакѣ—сталъ подниматься въ третій этажъ, по свѣтлой, широкой лѣстницѣ, съ бѣлымъ половикомъ и съ ясеневыми стульями на площадкахъ.

Меблированный домъ содержался довольно чисто и степенно. Его кто-то прозвалъ „Дворянское гнѣздо“. По зимамъ жили тутъ больше помѣщичьи семьи, снимавшія цѣлыя отдѣленія. Лакеи носили фраки.

Хмурое небо стало раздвигать облака, пока онъ шелъ домой, и въ верхнемъ коридорѣ — прямо противъ двери въ его помѣщеніе—изъ широкаго окна проливался свѣтъ, и золотыя главы Кремля заискрились на прояснившемся небѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ здѣсь, по утрамъ онъ то и дѣло останавливается передъ видомъ Кремля и по долгу смотреть на него. Прежде онъ былъ равнодушенъ

къ картинной сторонѣ Москвы; теперь въ немъ что-то каждый разъ затеплится, какая-то смутная смѣсь художественнаго чувства съ потребностью слиться съ родиной болѣе тихимъ и примиреннымъ влеченіемъ.

И теперь онъ остановился на минуту передъ окномъ, любуясь рядомъ главъ церкви „Спаса Золотая-рѣшетка“ и нѣжнымъ колеромъ окраски теремовъ.

Своей квартирой Лыжинъ былъ доволенъ. Она состояла изъ просторнаго кабинета и спальни. Капитальная стѣна отдѣляла его отъ слѣдующаго помещенія, и онъ пользовался полной тишиной. И по коридору могъ онъ ходить, по-домашнему одѣтый, рѣдко встрѣчаясь съ остальными жильцами. Онъ чувствовалъ себя дома, а не въ номерахъ.

Повѣсивъ свой еркакъ, онъ остался въ синей парѣ изъ мохнатого шевіота, въ которой смотрѣлъ моложе, чѣмъ въ шубѣ.

Въ кабинетѣ у него прибрали. На столѣ не валялось ничего лишняго. Нѣсколько книгъ лежали въ порядкѣ на полкахъ этажерки. Онъ закурилъ папиросу и хотѣлъ было что-то достать изъ стола, да вспомнилъ, что его желаетъ видѣть „господинъ Воденягинъ“. Почему-то ему не захотѣлось сразу принять его здѣсь. Онъ привыкъ, чтобы къ нему, подходя, обращались съ просьбами всякаго рода, но въ послѣднее время онъ избѣгалъ просителей особаго рода, изъ тѣхъ, что являлись къ нему, какъ къ человѣку извѣстнаго направленія и репутаціи, какъ бы обязанному помогать каждому, кто считалъ себя достойнымъ поддержки.

Съ папиросой вышелъ онъ въ коридоръ и началъ прохаживаться около двери къ себѣ, останавливаясь передъ широкимъ окномъ, опять привлеченный видомъ Кремля.

Скрипъ сапогъ послышался позади его. Лыжинъ обернулся и сейчасъ же рѣшилъ, что жилецъ, приближавшійся къ нему, и есть тотъ самый господинъ, про котораго докладывалъ ему швейцарь.

Быстро, на разстояніи двухъ сажень, оглядѣлъ онъ его.

Къ нему подходилъ мужчина лѣтъ за пятьдесятъ—можетъ-быть, и моложе—сутуловатый, плечистый, малаго роста, съ широкимъ лицомъ инородческаго типа, смуглый, еще не сѣдой; нахмуренныя брови выдвигались надъ короткимъ, сдавленнымъ носомъ; борода туго рос-

ла — тоже безъ сѣдины. Узкіе темные глаза смотрѣли вбокъ.

Одѣтъ онъ былъ по-домашнему, въ черную шерстяную блузу, перепоясанную кожанымъ кушакомъ.

„Должно-быть, изъ такихъ“, — подумалъ Лыжинъ, прежде чѣмъ тотъ подошелъ къ нему.

„Изъ такихъ“ — былъ его обычный терминъ для обозначенія цѣлаго разряда лицъ, съ какими онъ встрѣчался долгіе годы.

— Воденягинъ, — глухо и взглядывая на него снизу вверхъ, проговорилъ челоуѣкъ въ блузѣ.

— Очень радъ.

Лыжинъ протянулъ ему руку и пожалъ, спросивъ себя: случилось ли ему гдѣ-нибудь встрѣчать этого Воденягина?

Память ничего ему не подсказала. Но онъ тотчасъ сообразилъ, что съ *такимъ* неловко говорить въ коридорѣ. Онъ непремѣнно обидится, больше чѣмъ кто бы то ни было.

— Милости прошу ко мнѣ, — пригласилъ Лыжинъ, растворяя дверь.

Если бъ онъ захотѣлъ прислушаться къ своему тону, онъ долженъ былъ бы сознаться, что годъ, даже полгода назадъ, не было бы въ этомъ тонѣ такихъ звуковъ вѣжливости, безукоризненной, но суховатой.

Зачуявъ сразу, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, онъ внутренно съезжился. Ему жутко стало напередъ отъ невозможности попрежнему отнестись къ своему собесѣднику; хитрить и маскироваться онъ еще не умѣлъ и не хотѣлъ сразу выкладывать свою душу, да еще передъ однимъ изъ тѣхъ, кто, можетъ-быть, остается на всю жизнь съ упорнымъ завѣтомъ.

Его предчувствіе оказалось іота-въ-іоту вѣрнымъ.

Воденягинъ, войдя медленно въ кабинетъ, осмотрѣлся и спросилъ:

— Вы здѣсь одни живете?

— Одинъ.

Лыжину извѣстенъ былъ и этотъ пріемъ осторожности.

— Присядьте, — поспѣшилъ онъ, пригласить гостя къ столу и самъ сѣлъ.

Сказать ему фразу: „чѣмъ могу служить“ — онъ не рѣшился.

— И я въ этихъ же номерахъ, только внизу. Свѣту маловато, да и не совсѣмъ мнѣ по карману.

Говорилъ Воденягинъ туго, точно разставляя слова, и смотрѣлъ не на собесѣдника, а въ сторону—на большую круглую печку около двери.

И такая манера говорить была знакома Лыжину.

„Безъ сомнѣнія—изъ такихъ“,—еще разъ опредѣлилъ онъ, пододвинувъ гостю коробку съ папиросами.

Воденягинъ закурилъ съ молчаливымъ поклономъ и тогда только вынулъ откуда-то — кажется, изъ панталонъ — письмо, уже немного помятое, и подалъ его Лыжину.

— Къ вамъ грамотка—отъ вашего знакомца.

Широкій ротъ Воденягина повела усмѣшка, которую Лыжинъ не нашелъ пріятной.

Письмо было изъ провинціи, отъ одного живущаго тамъ, не по своей волѣ, литератора, занимающагося статистикой. Съ нимъ Лыжинъ встрѣчался и раньше, до „исторіи“, послѣ которой тотъ попалъ сначала въ глухой городишко на крайнемъ Сѣверѣ.

„Вотъ ты изъ какихъ!“—мысленно выговорилъ Лыжинъ, не глядя на своего гостя.

Будь это пять лѣтъ назадъ, человѣкъ въ блузѣ тотчасъ получилъ бы въ его глазахъ ореолъ. Четверть вѣка прошло съ той эпохи и окружило многихъ легендарнымъ обаяніемъ, которое Лыжинъ еще такъ недавно испытывалъ. Десять лѣтъ тяжкаго наказанія и пятнадцать томительныхъ лѣтъ подневольнаго житія по разнымъ захоlustьямъ представлялъ собою этотъ человѣкъ, пришедшій знакомиться съ нимъ или, лучше сказать, вручить ему письмо „знакомца“. Но письмо было написано нѣсколько мѣсяцевъ раньше.

— Вы давно перебрались въ Москву?—спросилъ Лыжинъ.

— Съ весны я здѣсь.

— И какъ же устроились?

— Да ничего, пока.

Въ письмѣ Лыжина просили оказать Воденягину поддержку въ отысканіи работы.

— Вы меня развѣ тогда не нашли? А я былъ еще въ Москвѣ.

И теперь они жили въ одномъ гарнѣ уже больше двухъ недѣль.

— Мнѣ сказывали потомъ,—продолжалъ такъ же мед-

ленно Воденягинъ, между затылками дымомъ папирасы.— Работу я нашелъ—и довольно прочную. Большую книгу перевожу съ англійскаго. Спѣшки, значить, не было. Да и теперь, какъ увидалъ вашу фамилію внизу на доскѣ... знаете... сразу не пошелъ...

Опять его усмѣшка точно кольнула Лыжина.

Но онъ ничего на это не замѣтилъ.

— Вы вѣдь тотъ самый Юрій Лыжинъ, который, въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, водился съ кружкомъ пахомовцевъ?

Лыжина опять точно что кольнуло. Онъ тотчасъ все понялъ.

Этотъ прямолинейный человѣкъ, „пострадавшій“ — и такъ сильно—двадцать пять лѣтъ тому назадъ, вотъ что онъ хотѣлъ сказать ему своимъ вопросомъ:

„Ты, молъ, дружилъ съ пахомовцами, а они поплатились. Почему-то ты не былъ даже потревоженъ, хотя и могъ бы оказаться въ числѣ тѣхъ, которыхъ оправдали. Хоть ты и продолжалъ считаться недурнымъ малымъ, но кто тебя знаетъ—во что ты теперь превратился...“

Приди къ нему этотъ человѣкъ еще весной, онъ, зачуявъ такое подозрѣніе, сейчасъ сталъ бы изливаться. Уколъ онъ почувствовалъ и теперь, но изливаться не сталъ.

— Я знавалъ многихъ пахомовцевъ,—выговорилъ онъ сдержанно, — и могъ бы быть привлеченъ, но остался въ сторонѣ. По правдѣ сказать, они меня тогда и не вводили въ свои дѣла.

Воденягинъ поморщился отъ дыма и, все съ той же усмѣшкой, выговорилъ:

— По нынѣшнимъ временамъ — вы понимаете — такіа вездѣ происходятъ превращенія...

Онъ не договорилъ и взглянулъ на Лыжина прямо.

— Вамъ, я думаю, и самимъ,—продолжалъ онъ, улыбувшись только глазами, — приходится убѣждаться въ томъ же?

Неловкость этой фразы только подтверждала то, что Лыжинъ почувалъ въ вопросѣ Воденягина о его собственномъ прошедшемъ.

— Стало-быть, вы вашимъ положеніемъ здѣсь довольны? — спросилъ онъ, переводя разговоръ на фактическую почву.

— Не жалуюсь.

Человѣкъ „съ ореоломъ“ не поднималъ въ немъ желанія разспросить про его испытанія, вызвать въ немъ задушевную рѣчь о судьбѣ его товарищей. Онъ напередъ зналъ, что и какъ Воденягинъ будетъ ему говорить, въ какомъ тонѣ и въ какихъ именно фразахъ. Поддакивать онъ не могъ, а слушать изъ простого любопытства — не хотѣлъ.

Ему стало нудно; никогда онъ не испытывалъ такой тяжести. Еще яснѣе сдѣлалось для него, что прежняго Лыжина въ немъ нѣтъ—и это уже не могло его такъ, какъ полчаса раньше, когда думы охватили его, на Большой Никитской.

III.

Въ дверь слегка постучались. На окликъ Лыжина вошелъ коридорный и подалъ карточку.

— Просите!—сказалъ Лыжинъ, отпуская лакея движениемъ головы и, обратившись къ Воденягину, добавилъ:— Вы меня извините, пожалуйста... дѣловой разговоръ...

Онъ произнесъ это умышленно мягко и любезно; но ему все-таки стало не совсѣмъ пріятно: точно онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ посѣтителя. Иначе нельзя было поступить. Предстоялъ рѣшительный разговоръ по продажѣ имѣнія. Лыжинъ упрекнулъ себя за то, что не предупредилъ швейцара, чтобы къ нему сегодня никого не пускать, кромѣ господина, котораго онъ ждалъ къ двумъ часамъ.

Воденягинъ лѣниво поднялся съ кресла и бросилъ папирсный окурокъ въ плевальницу.

— Не стѣсняйтесь, сдѣлайте одолженіе,—все тѣмъ же двойственнымъ тономъ выговорилъ онъ. — Мы пока въ одномъ домѣ живемъ... Своими дѣлами я васъ беспокоить не буду... А знаете... на всякій случай... если придется... за кого-нибудь похлопотать... Мнѣ вашъ знакомецъ такъ всегда про васъ говорилъ...

Не докончивъ фразы, Воденягинъ неловко покачнулся туловищемъ передъ тѣмъ, какъ идти къ двери.

Лыжинъ всталъ и протянулъ—было ему руку въ ту самую минуту, какъ отворилась дверь и вошелъ дѣловой посѣтитель. Онъ видѣлъ его въ первый разъ и не зналъ, какое довѣренное лицо пришлетъ ему покущикъ — коммерсантъ Кумачевъ, съ которымъ онъ всего одинъ разъ видѣлся. Переговоры велись сначала черезъ комиссіонную контору.

Посѣтитель былъ маленькаго роста, совсѣмъ круглый человекъ, еще молодой. Вздернутый носъ, свѣтлые курчавые волосы, русая борода, лоснящіяся щеки и блестящіе свѣтло-сѣрые глаза — все вмѣстѣ дѣлало его сразу похожимъ на конториста, на довѣреннаго приказчика. И одѣвался онъ старательно и франтовато, похоже на то, какъ одѣты обыкновенно кассиры и контролеры въ банкахъ — коротенькій синій пиджакъ, цвѣтной галстукъ съ булавкой, на цѣпочкѣ большой золотой жетонъ съ эмалью, отложные воротнички.

— Кострицынъ, — виолголоса выговорилъ онъ, кинувъ тотчасъ же взглядъ на Воденягина.

— Иванъ Кузьмичъ? — тономъ вопроса сказалъ Лыжинъ, только что прочитавшій его имя и отчество на карточкѣ.

— Такъ, точно.

Лыжинъ пожалъ сначала руку Воденягину и сказалъ новому посѣтителю:

— Присядьте. Сю минуту къ вашимъ услугамъ.

Онъ проводилъ Воденягина въ коридоръ.

— Не беспокойтесь, — выговорилъ тотъ, усмѣхнувшись, и въ этой усмѣшкѣ сидѣло: — „Очень ты, братъ, ужъ побарски вѣжливъ“.

— Вы ко мнѣ по дѣлу? — спросилъ Лыжинъ, вернувшись въ кабинетъ, гдѣ толстенькій блондинъ разглядывалъ на стѣнѣ какую-то гравюру.

— Отъ Захара Лукьяныча, — произнесъ онъ звонко, голосомъ, который также показался Лыжину купеческимъ.

Посланецъ коммерсанта Кумачева, оглянувшись на дверь и блеснувъ своими яркими и узкими глазками, спросилъ:

— Сей блузникъ — господинъ Воденягинъ?

— Вы его знаете? — заинтересованно откликнулся Лыжинъ и повторилъ: — Прошу присѣсть.

— Видѣлъ разъ всего. Только онъ меня врядъ ли узналъ, хотя мы имѣли съ нимъ принципиальную *прю*, — сострилъ Кострицынъ.

— Гдѣ же это?

— У студентовъ... въ одномъ кружкѣ земляковъ, оттуда, съ Волги. Онъ вѣдь тамъ проживалъ въ послѣднія двѣ зимы, передъ тѣмъ, какъ его пустили въ Москву.

Голосъ оставался все такимъ же купеческимъ; тонъ и складъ рѣчи отзывались чѣмъ-то совсѣмъ другимъ, — и Лыжинъ чуть было не спросилъ: какого же званія и профессіи этотъ, по наружному виду, приказчикъ изъ „амбара“

въ Черкасовомъ или Юшковомъ переулкѣ, между Никольской и Ильинкой?

— А вы посѣщаете такіе кружки?—спросилъ Лыжинъ, наклонивъ голову, чтобы не смотрѣть прямо на лицо блондина.

— Ха-ха!.. Я всякіе кружки посѣщаю. Въ свободные часы—а они у меня есть—хожу по Москвѣ и суесловлю. Какъ Сократъ хаживалъ по Афинамъ, задавая вопросы, пустяшные, на оцѣнку его согражданъ.

„Это еще что?“—мысленно спросилъ Лыжинъ и, улыбнувшись, протянулъ ему папирсы, такимъ же точно жестомъ, какъ и Воденягину, за четверть часа передъ тѣмъ.

— Не употребляю, благодарю покорно, хотя ученія о табакѣ, какъ средствѣ притупленія совѣсти, не держусь... Ха-ха!.. Барско-мистической ереси не признаю...

Кострицынъ такъ при этомъ поглядѣлъ на Лыжина, что тотъ сейчасъ зачуялъ намекъ на его недавнее увлеченіе этой самой „ересью“. Тогда онъ временно бросилъ курить и даже пробовалъ быть вегетаріанцемъ.

— Развѣ мы съ вами уже встрѣчались?—осторожно выговорилъ онъ.

— Нѣтъ-съ... такъ, чтобы насъ съ вами познакомили... Но я васъ давно знаю... И частенько видалъ... особенно одну зиму. Въ послѣдній разъ—въ аудиторіи музея.

— Вы, стало-быть?..

— Шатунъ, шатунъ! Могу—разумѣется, въ скромныхъ размѣрахъ—примѣнить къ себѣ то, что Цицеронъ про себя говоритъ: „*me non civem unius urbis, sed totius orbis puto...*“ Хе-хе!

„Кто же онъ?“—недоумѣвалъ Лыжинъ, а сдѣлать прямой вопросъ считалъ не деликатнымъ.

— Извините,—сказалъ онъ,—я немного забылъ по-латыни... Смыслъ этого изреченія...

— Тотъ, что Цицеронъ считалъ себя гражданиномъ не одного города, а цѣлаго свѣта—*totius orbis*.

По-латыни Кострицынъ произносилъ отчетливо, немного педантично, какъ истый словесникъ, учившійся у какого-нибудь нѣмца или онѣмеченнаго чеха.

— А-а... — протянулъ Лыжинъ, и уже нѣсколько иронически.

Ему такой языкъ въ посланцѣ коммерсанта Кумачева показался позировкой.

— Извините,—спохватился Кострицынъ.—Нынче вѣдь поневолѣ позволишь себѣ цитату... Старая привычка...

— Привычка педагога?

— Репетитора... Я еще съ послѣдняго класса гимназій сталъ ходить по барчатамъ и купеческимъ сынкамъ—подготовлять ихъ по древнимъ языкамъ.

— Такъ какъ же вы?..

Лыжинъ досказалъ свой вопросъ взглядомъ.

— Васъ удивляетъ нѣчто?.. Понимаю. Видите ли, я былъ сначала филологъ и кандидатскій экзамень сдалъ. А потомъ перешелъ на физико-математическій отдѣлъ. Какъ въ среднѣе вѣка—весь кругъ захотѣлось продѣлать, чтобы потомъ трактовать *de rebus omnibus*... Хе-хе... Потянуло и къ магистерству, только торопиться я не хотѣлъ. Вотъ и сажу за конторкой.

— Вы довѣренное лицо Кумачева?

— Если хотите,—да. Математика пригодилась для бухгалтерской цифири, а филологія послала ученика, который теперь превратился въ моего принципала... Захаръ Лукьяновичъ состоялъ въ моихъ питомцахъ, когда я былъ еще словесникъ на третьемъ курсѣ... А теперь онъ—*самъ!*—подчеркнулъ Кострицынъ и опять засмѣялся короткимъ и жидкимъ смѣхомъ.

Этотъ частый смѣхъ не нравился Лыжину; но личность дѣловаго посѣтителя заинтересовала его. Теперь онъ уже распознавалъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— И вы не оставляете науки? — спросилъ онъ оживленнѣе.

— Ни науки, ни мышленія, если позволите мнѣ такъ громко выразиться. Контора беретъ у меня утро до трехъ, да и то не каждый день; а чаще я уже къ позднему завтраку справляюсь. Голова моя отдыхаетъ на цифрахъ контроля и дѣловыхъ письмахъ. Читай себѣ и думай все остальное время. Надъ нами не каплетъ: одной диссертацией больше, одной меньше—не важно. Мыслить свободно только и можно, когда не надѣнешь никакого ученаго мундира.

— Это очень оригинально,—выговорилъ болѣе искренней нотой Лыжинъ, хотя посланецъ покупщика что-то недѣлался ему симпатичнѣе.

— Я въ оригиналы не мѣчу,—возразилъ Кострицынъ.—Гдѣ же?!.. Развѣ то, что мнѣ Господь Богъ изволилъ пожаловать такую гостинодворскую внѣшность? Что жъ! Это

мнѣ тамъ, въ амбарахъ города, не мѣшаетъ, а въ другихъ мѣстахъ знаютъ, кто я... Однако, Юрій Петровичъ, прошу великодушно простить за это отступленіе. Вамъ время дорого не такъ, какъ мнѣ, шатуну, во вкусѣ Сократа... Позвольте вамъ вручить письмо отъ Захара Лукьяновича.

Онъ вынулъ изъ большого бумажника изящный конвертъ, съ огромной монограммой, изъ веленовой бумаги.

— Принципаль мой просилъ васъ пожаловать къ нему завтра, къ пяти часамъ, для окончательныхъ переговоровъ, и откушать у него заодно въ шесть.

— Откушать?

Лыжинъ уже пробѣжалъ записку и спросилъ это, поднявъ голову, съ чуть замѣтной улыбкой въ глазахъ. Она не ускользнула отъ Кострицына.

— Не отказывайтесь, Юрій Петровичъ. По законамъ великосвѣтскихъ приличій ему слѣдовало лично просить васъ. Но, видите ли... онъ все-таки пользуется своимъ правомъ покупателя; да и купеческая традиція къ тому же: безъ угощенія нельзя, хоть и на архи-европейскій манеръ. Вы Захара Лукьяновича видѣли только въ амбарѣ?

— Всего разъ.

— Посмотрите на него и дома. Это новый человѣкъ. И онъ, и супруга его, урожденная княжна Жеребьева...

— Зарайская? — вопросительно договорилъ Лыжинъ и всталъ. — Не родственница ли князя Иларіона... оттуда, отъ насъ, изъ новозёмскаго уѣзда?

— Совершенно вѣрно. И, право, — вы увидите сами, — они пара. Рѣзкаго мезальянса въ сущности нѣтъ. Мой бывший ученикъ, хоть и не особенно усердно зубрилъ *адристы*, но онъ — кандидатъ правъ и, пожалуй, не безъ основанія вырѣзалъ на своей печати латинское изреченіе... Виновать, опять у меня латынь!

— Какое, какое изреченіе? Это интересно!

— Такое-съ: „*Ibo singulariter donec transeam*“ — по-русски: „мы сами съ усами!“... Ха-ха!

Они оба размѣялись, и Лыжинъ хотѣлъ было присѣсть опять къ столу, начать дѣловой разговоръ, но Кострицынъ самъ всталъ и взялся за шляпу-котелокъ, оставленную у двери.

— Покончить съ вами, Юрій Петровичъ, я не уполномоченъ. У Захара Лукьяновича есть еще два-три второстепенныхъ пункта, которые онъ желалъ бы выяснить. Я

буду допущенъ присутствовать при вашемъ разговорѣ, потому что долженъ поѣхать съ вами на мѣсто. А больше пока ничего не имѣю, кромѣ полученія вашего согласія на зовъ Захара Лукьяновича.

— И вы будете тамъ обѣдать?

— Буду-съ.

— Какъ же это... парадно?

— Нѣтъ. Полупарадно—въ сюртукахъ. Значить, позволите рассчитывать на васъ?

И на утвердительный жестъ Лыжина Кострицынъ, сдѣлавъ короткій поклонъ, пожалъ протянутую ему руку и быстро вышелъ.

IV.

На срединѣ Пушкинскаго бульвара, не доходя крытой эстрады для музыкантовъ, Кострицынъ, въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ, встрѣтилъ носъ къ носу рослаго студента, шедшаго сверху отъ памятника.

— А! Шипилинъ!

— Иванъ Кузьмичъ!

— Съ рукопожатіемъ они вразъ размѣялись. И студенту; и „шатуну“ въ сократовскомъ вкусѣ одинаково пріятно было увидеть другъ друга.

Шипилинъ былъ на цѣлую голову выше его ростомъ. На его большой курчавой головѣ брюнета фуражка съ полинялымъ околышемъ сидѣла молодцовато-небрежно, совсѣмъ открывая лобъ. Лицо съ мелкими оживленными чертами—отъ усовъ безъ бороды—смотрѣло по-военному. Каріе глаза, быстрые и веселые, играли. Форменное пальто сидѣло на немъ ловко, поношенное, безъ барашковаго воротника.

— Съ лекціи?—спросилъ ласково Кострицынъ.

— Нѣтъ, я тамъ сегодня и не бывалъ.

— Какъ же вы?.. Вѣдь надо расписываться.

— Это ужъ дѣло педелей, а не мое. Мнѣ-то, старику, да конгѣтъ, безъ надобности, въ аудиторіяхъ?! Для этого не мало юнцовъ... изъ первыхъ учениковъ.

Онъ выговорилъ послѣднія два слова съ особенной интонаціей.

Кострицынъ понялъ ее. Чувствовалось, что онъ хорошо знакомъ съ жаргономъ такихъ студентовъ.

Шипилину пошелъ уже двадцать четвертый годъ. Онъ два года назадъ былъ удаленъ, и только въ сентябрѣ этого

года—не безъ сильныхъ хлопотъ—опять припятъ. Во всей его посадкѣ сквозило то, что онъ—не изъ нынѣшнихъ первыхъ учениковъ.

— Домой, на Патриаршіе?—полюбопытствовалъ Кострицынъ.

— Надо еще къ одному человѣчку завернуть, вотъ тутъ, въ Палашовскомъ переулкѣ. Мы кое-что, Иванъ Кузьмичъ, затѣваемъ.

— Смотрите! Опять очутитесь въ Бутыркахъ!

— Нѣтъ, самое невинное. Насчетъ одного изданія.

Шипилинъ былъ естественникъ.

— По какой части?

— Да еще ничего толкомъ не налажено. Вотъ хотимъ собраться... И васъ пригласимъ, Иванъ Кузьмичъ. Вы—мужъ совѣта.

Оглянувшись вбокъ, въ сторону Бронной, студентъ взялъ опять за руку Кострицына.

— Да не зайдѣмъ ли выпить кружку трехгорнаго? Въ ту портерную... Помните, которую мы когда-то хотѣли упорядочить? Васъ давно не видалъ; а хочется побалакать. Идемъ?.. Съ полчаса? Или вамъ нужно по дѣлу?

— Съ полчаса можно.

Они пошли подъ-руку и вскорѣ свернули съ бульвара.

Къ этому студенту Кострицынъ давно приглядывался. Шипилинъ считалъ себя представителемъ старой генераціи студентовъ. Онъ „пострадалъ“ и одно время считался вожакомъ. Теперь въ немъ Кострицынъ замѣчалъ нѣчто болѣе зрѣлое—на его оцѣнку, другое отношеніе и къ тому, чѣмъ онъ увлекался: и къ студенчеству, и къ профессорамъ, и къ наукѣ, и къ „проклятымъ вопросамъ“.

Такія проявленія „здороваго критицизма“—какъ называлъ Кострицынъ—онъ очень цѣнилъ въ молодыхъ людяхъ. Съ Шипилинымъ онъ обходился осторожно, больше слушалъ его, чѣмъ самъ говорилъ, и прочилъ его себѣ въ „ученики“, когда тотъ „еще поумнѣетъ“.

Онъ ему прощалъ нѣкоторое молодечество, любованіе собой и своимъ краснорѣчіемъ, на сходкахъ и вечеринкахъ, за бутылками пива, желаніе дать тонъ и направить массу. Не думалъ онъ, что изъ Шипилина выйдетъ перво-разрядный ученый, скорѣе—журналистъ съ нѣкоторой подкладкой положительныхъ знаній. Но голова у него была цѣпкая, рѣзвая, и онъ хорошо усваивалъ себѣ и отвлеченныя идеи и поговаривалъ, что, покончивъ съ есте-

ственными науками, займется философией. Всего больше привлекали в нем Кострицына его жизненные позы, желание найти своему „я“ полный ходъ, не очень задумываясь надъ тѣмъ,—одобрять или не одобрять его тѣ изъ товарищей, кто еще пережевывалъ разное „старье“.

Въ портерной, куда они вошли, было уже довольно народу,—все больше студенты, сидѣвшіе и группами, и въ одиночку, съ газетой въ рукахъ.

Они примостились къ окну во второй комнатѣ. Кострицынъ не нашелъ тутъ знакомыхъ; Шипилинъ перездоровался съ нѣсколькими студентами, шумно переходя отъ стола къ столу.

По манерѣ держать себя, было замѣтно, что это—малый, привыкшій считать себя „чѣмъ-то“.

Сѣли они поодаль, и когда имъ подали двѣ кружки—оба стали говорить гораздо тише.

— Ну, что жъ, — спросилъ Кострицынъ, наклоняясь надъ столомъ,—теперь, милѣйшій мой, вы искушены опытомъ и постараетесь безпрепятственно дотянуть до государственнаго экзамена?

— Постараюсь, Иванъ Кузьмичъ,—отвѣтилъ Шипилинъ ему въ тонъ, тряхнулъ головой и однимъ глоткомъ отпилъ треть свѣтлаго, пѣнистаго пива.

— Хоть побывать въ бутырской академіи и не бесполезно, — продолжалъ шутливо Кострицынъ, — но, право, шкурка не стоитъ выдѣлки.

— Надо всего отвѣдать... Съ самаго того сидѣнья... съ того сидѣнья,—повторилъ Шипилинъ, лихо оглянувъ комнату,—я и сталъ распознавать, какой у насъ всяческій разбродъ въ честномъ студенчествѣ.

Онъ говорилъ горячо, довольно тихо звукомъ—не изъ боязни, что его услышатъ. Ни отъ кого онъ не скрывалъ своихъ взглядовъ на массу и на ближайшихъ товарищей и ставилъ себѣ это въ немалое достоинство.

— До сихъ поръ, Иванъ Кузьмичъ, помню, какъ настоящіе—то инстинкты взяли верхъ, когда возбужденіе спало. Многіе и оказались не выше юнкеровъ, право!

Онъ разсмѣялся не очень громко и глотнулъ изъ кружки.

— А теперь, вотъ, со вторичнаго поступленія моего,—продолжалъ онъ, ускоряя темпъ рѣчи, — я вижу, Иванъ Кузьмичъ, что еще сильнѣе преобладаетъ *первый ученикъ*.

— Что жъ? Развѣ это худо?

— Да вы, небось, сами были въ гимназїи, знаете—что такое первый ученикъ.

— Я и самъ сиживаль подолгу первымъ.

— Въ ваше время другое дѣло было... Не теперы!.. И здѣшніе, изъ мѣстныхъ гимназїй, самые патентованные. До жалости! Изъ губерній—менѣе вымуштрованы... Есть милые юнцы. Но масса съ такой торричеллиевой пустотой въ головахъ, что имъ всякое мѣсиво на потребу. Всѣмъ восхищаются! Сегодня попалъ на лекцію, гдѣ профессоръ-научникъ почитываетъ—слушаетъ его, развѣся уши, и радъ. Завтра ему разводитъ рацеи самый гнилой метафизикъ—на подкладкѣ мистицизма—хлопаеть и ему и умиляется! Прямое доказательство, что онъ изъ гимназїи никакихъ опредѣленныхъ не то что идей, а хоть догадокъ не вынесъ.

— И не могъ вынести, — ласково возразилъ Кострицынъ.—И нѣтъ въ этомъ никакой бѣды. Вы такъ, милый мой, говорите по традиціи. И ваше поколѣніе, и мы грѣшныя,—когда поступали въ университетъ,—только брали на вѣру то, что намъ книжки любимыхъ журналовъ говорили.

— А они и журналовъ-то не читали!

— И это не большая бѣда! Вамъ самому сколько надо было лѣтъ, чтобы посмѣлѣе взглянуть на казенщину обязательнаго направленства?

Кострицынъ подмигнулъ ему и протянулъ кружку чокнуться.

— Да здравствуетъ разумъ!

— Да здравствуетъ! — повторилъ Шипилинъ и, взглянувъ на дверь, окрикнулъ:—Сюда, сюда!

Въ дверяхъ—еще въ фуражкѣ—стоялъ студентъ, снявшій въ первой комнатѣ шинель—плечистый, съ большой русой бородой, въ короткой сѣрой „тужуркѣ“. Лицо у него было свѣжее, загорѣлое; глядѣль онъ немного хмуро своими красивыми голубыми глазами изъ-подъ густыхъ бровей.

— Вы его не помните, Иванъ Кузьмичъ? — спросилъ Шипилинъ въ то время, когда студентъ въ тужуркѣ пробирался къ нимъ.

— Кажется, видалъ.

— Это Мечъ... Владиміръ Мечъ.

— Тоже былъ въ Бутыркахъ?

— Былъ; только ему легче сошло; онъ предпоследній семестръ дослушивалъ.

Студентъ Мечъ послѣшно подошелъ къ ихъ столу.

Шипилинъ назвалъ его по имени и спросилъ для него пива. Его товарищъ присѣлъ къ столу молча. Видно было, что онъ не разговорчивъ.

— Ты меня искалъ?—спросилъ его Шипилинъ.

— Не то что искалъ... Къ Тишинымъ пробирался. Теперь уже четвертый въ началѣ.

— Успѣемъ!

— На то совѣщаніе?—спросилъ вполголоса Кострицынъ.

— Вѣдь это въ двухъ шагахъ... Не выпьемъ ли еще по кружкѣ, Иванъ Кузьмичъ?

— Нѣтъ, милый мой... Мнѣ пора.—Онъ вынулъ часы съ тяжелой золотой доской.—И очень пора. Мнѣ еще надо побывать въ городѣ.

— Въ амбарѣ небось? Вотъ, Мечъ, Иванъ Кузьмичъ, магистрантъ, и не пренебрегаетъ мѣстомъ въ конторѣ... А у насъ чуть какой кандидатишко два реферата изъ себя выдавилъ, за которые его похвалили на „семинаріяхъ“—и оставляй его при университетѣ, и за границу шли, и онъ священнодѣйствуетъ! Какъ ему чѣмъ-нибудь, кромѣ слизыванья архивной пыли, заняться?!

Товарищъ Шипилина усмѣхнулся въ свои густые усы и ничего не сказалъ.

— Эй, завяжи на память узелокъ!—проговорилъ, вставъ, Кострицынъ и прикоснулся рукой къ плечу Шипилина.

— Какъ же, Иванъ Кузьмичъ!—удержалъ его тотъ,—позвольте васъ извѣстить, когда у насъ компанія соберется?.. Очень бы одолжили.

— Буду, буду!

Молчаливый студентъ очень крѣпко сжалъ руку Кострицына.

Въ портерной народу прибывало; табачный дымъ и гулкій говоръ густѣли. Кострицынъ, застегивая пальто у выхода, оглядывалъ эту молодежь и тихо улыбался.

Если бы онъ вдругъ собралъ ихъ вокругъ себя и сталъ бы имъ развивать *свою* теорію жизни и правды—за кого бы многіе изъ нихъ его приняли? А тѣ, кто способенъ на работу головы, рано или поздно придутъ къ его же выводамъ. Но когда?—Когда растеряютъ все въ добровольномъ рабствѣ передъ какимъ-нибудь сочиненнымъ принципомъ.

V.

Въ „амбарѣ“ Кострицынъ не засталъ своего хозяина. Захаръ Лукьяновичъ уѣхалъ раньше обыкновеннаго.

Отвѣтъ Лыжина нужно было принести сегодня. Обѣдать онъ у Кумачевыхъ не останется, если бъ его и оставляли: у него сегодня обѣдъ въ трактирѣ — кружковой, молодыхъ медиковъ, больше психіатровъ, съ которыми онъ давно дружить. За обѣдомъ завязываются всегда пренія и длятся иногда до поздняго часа. На послѣднемъ обѣдѣ пришлось даже выбрать председателя и дать ему колокольчикъ, чтобы не говорили по-трое, по-четверо за разъ.

Въ такихъ сборищахъ, гдѣ можно держать „прю“, онъ только и живетъ, и въ этомъ онъ чувствуетъ себя кореннымъ москвичемъ. Здѣсь онъ родился, на Садовой, въ приходѣ Ермолая, здѣсь былъ гимназистомъ и студентомъ, отсюда никуда не выѣзжалъ дальше Серпухова, въ одну сторону, и Новаго Іерусалима — въ другую.

Безъ преній, безъ діалектической игры онъ не понимаетъ жизни и въ потребности къ перетряхиванію вопросовъ науки и устоевъ метафизики полагаетъ самое высшее отличіе москвича отъ всякихъ другихъ русскихъ — петербуржцевъ и провинціаловъ.

Вокругъ него идутъ сѣтованія на „подлое время“, нытье о паденіи идеаловъ, объ опошленіи молодежи, о всеобщемъ бездушномъ изувѣрствѣ, о расовыхъ инстинктахъ нетерпимости, о возмущающемъ душу нахальствѣ охранителей „лже-патріотическихъ“ началъ...

Онъ только посмѣивается себѣ въ бороду и видитъ, что все это — жалкія слова. Для него то, что наступило, должно было случиться, какъ реакція добровольному рабству во имя разныхъ фетишей, передъ которыми „хорошіе“ люди предыдущаго десятилѣтія совершали свои идоложертвенныя требы... А теперь идетъ „дифференціація“, теперь личность хочетъ поднять себя, дерзаетъ противопоставлять свое „я“ обязательнымъ символамъ вѣры, дерзаетъ и посягаетъ.

И мысль не спитъ въ этой „купецкой“ Москвѣ. Нѣтъ! Тотъ слой, гдѣ мозги давно расшатаны, не намѣренъ отрекаться отъ своей привилегіи на высшее духовное достояніе.

Кострицынъ думалъ такъ — и не въ первый разъ, — по-

качиваясь на извозчицѣй пролеткѣ изъ города черезъ Кремль, въ сторону Пречистенки, гдѣ на одномъ изъ бульваровъ стояли палаты его питомца по части греческихъ „адристовъ“—теперь уже главы миллионной фирмы, виднаго дѣятеля по городскому самоуправленію, попечителя многихъ школъ и пріютовъ, чиномъ надворнаго совѣтника, ожидающаго—не безъ резона—что къ новому году его супруга, рожденная Жеребьева-Зарайская, прочтетъ на карточкахъ своего мужа, во второй строкѣ, то званіе, которое даетъ ходъ ко всему.

Два часа назадъ, когда онъ просилъ Лыжина не отказываться отъ обѣда и заинтересовалъ его личностью коммерсанта Кумачева, вплоть до его латинскаго девиза,—онъ не преувеличивалъ.

Разумѣется, Лыжинъ—этотъ горюнь-семидесятникъ—не найдетъ въ Захарѣ Лукьяновичѣ, пожалуй, ничего, кромѣ нынѣшняго карьеризма „купчишекъ“, почувшившихъ, что если къ ихъ капиталамъ да прибавить классическое образованіе, да мѣдный лобъ въ городскихъ дѣлахъ, да ловкое подхалимство передъ тѣми, кто даетъ ходъ, то можно всего достигъ и на высшій манеръ тѣшить свое чванное и деспотически-купецкое „я“.

И проглядить суть того, что представляетъ собою Захаръ Лукьяновичъ, „горюнь-семидесятникъ!..“

Для него, Кострицына, Кумачевъ—символь, показатель новой фазы общественнаго роста,—и онъ, и жена его, захудалая княжна, захудалая только потому, что папенька и маменька, безумно бросая деньги, остались нищими, но воспитанная отъ дохода въ сотню тысячъ рублей.

Вѣрно онъ опредѣлилъ Лыжину и то, что „мезальянса“ тутъ не было. Если бъ его хозяинъ не носилъ фамиліи *Кумачевъ* и не звали бы его *Захаръ Лукьяновичъ*, никто бы не распозналъ въ немъ внука того Сидора Емельяновича Кумачева, который перебрался въ Москву простымъ „горшечникомъ“—какъ зовутъ въ подмосковныхъ деревняхъ мелкихъ фабрикантовъ набивного ситца,—съ капиталомъ въ какую-нибудь тыщонку рублей, крестьяниномъ графовъ Струниныхъ, откупившимся отъ крѣпости уже тогда, когда былъ въ сотняхъ тысячъ. Отецъ его, Лукьянъ Сидоровичъ, былъ только грамотень и языковъ не зналъ; но мать, воспитанная и ученая по-другому, Раиса Гордѣевна, постаралась о своемъ первенцѣ и единственномъ сынѣ Заха-

рушкѣ, котораго окрестила такъ въ память своего пра-дѣда.

Въ томъ-то и сказывается прежде всего умъ его учителя, что онъ хоть и будетъ, лѣтъ черезъ пять, много черезъ десять, особой четвертаго класса, а все-таки „прядильщикъ“, и не заброситъ своего многомилліоннаго дѣла; вѣроятно, завѣщаетъ его и сыну.

Нужды нѣтъ, что Раиса Гордѣевна мечтала о другой „душѣ“ для своего сынка. Когда она пригласила Кострицына къ Захарушкѣ въ репетитору, она и тогда уже сътовала на то, что въ сынкѣ мало склонности къ ея „идеямъ“. Она, когда стала взрослой дѣвицей, подпала подъ вліяніе разныхъ „хорошихъ“ мыслей и передовыхъ людей, читала запоемъ книжки и, выйдя замужъ, сразу ушла въ добрыя дѣла, не по-старинному, а съ направлениемъ. Ей мечталось, что ея Захарушка будетъ нѣчто въ родѣ шпильгагенскаго „Лео“ или одного изъ тѣхъ крупныхъ финансистовъ, которые, въ тридцатыхъ годахъ, хотѣли во Франціи пересоздать положеніе рабочаго класса, а затѣмъ и всего человѣчества.

Но теперешній Захарушка—человѣкъ своего десятилѣтія, и этимъ-то онъ и характеренъ въ глазахъ его бывшаго репетитора.

„Такіе нужны для Москвы“, — рѣшаетъ каждый разъ Кострицынъ, думая о Кумачевѣ. Онъ доволенъ всего больше тѣмъ, что въ немъ самомъ нѣтъ и тѣни раздраженія противъ милліонщика Кумачева за то только, что тотъ его „хозяинъ“, а онъ—его „батракъ“. Нигдѣ бы онъ себя не чувствовалъ независимѣе, чѣмъ въ званіи довѣреннаго конториста Захара Лукьяновича. Его личное достоинство принципаль уважаетъ достаточно... Дѣла на него не наваливаетъ и даетъ понять, что онъ цѣнить въ бывшемъ своемъ репетиторѣ его „умственность“, какъ выражался еще покойный отецъ его, Лукьянъ Сидоровичъ. Ему, вѣроятно, льстило то, что магистрантъ—человѣкъ, прошедшій два факультета, сидитъ въ его „амбарѣ“.

Экая важность!.. Въ древности рабы держали въ рукахъ свѣточі своихъ эпохъ. Кто такой былъ Эпиктетъ?—рабъ! и Эзопъ—также! И Сократъ могъ быть рабомъ...

Никакого рабства не испытывалъ онъ „на службѣ“ у Захара Лукьяновича. Въ его домѣ онъ не приспѣшникъ, не мелкій приказчикъ, а довѣренное лицо съ умственнымъ авторитетомъ, который добровольно гораздо больше при-

знаеть „самъ“, чѣмъ „сама“, — чѣмъ эта роскошная и жизнерадостная Антонина Борисовна. Съ нею ему приходится вести тайную борьбу, парировать ея замаскированные удары, чуютъ ея полубрезгливое отношеніе къ себѣ. Онъ знаеть, что она находитъ его наружность гостинодворской, вульгарной и тонъ — недостаточно „въ стилѣ“, или, какъ она по-англійски выражается про себя: „no good style“.

На его оцѣнку, Антонина Борисовна — болѣе мѣщанка, чѣмъ ея мужъ, Захарушка Кумачевъ. Она ѣжится отъ звука этой „ужасной“ фамиліи, но сама смакуеть суетнѣе и чувственнѣе, чѣмъ онъ, сладость барышей, доставляемыхъ работой прядильщиковъ и ткачей на двухъ мануфактурахъ мужа. Ея тонъ менѣе ровень, выдержанъ и своеобразенъ, чѣмъ у Захарушки. Она безъ всякой надобности дѣлаеть а parte по-англійски при немъ, забываая, что онъ понимаетъ, а мужъ ея этого никогда не дѣлаеть, хоть и говоритъ и по-англійски, и по-французски, и по-нѣмецки съ превосходнымъ акцентомъ. Французскимъ языкомъ онъ владѣеть такъ, что можетъ произносить цѣлые спичи даже съ блестками остроумія, а ея жаргонъ — дальше барской болтовни нейдетъ.

И въ этомъ бракѣ онъ видитъ *показателя* теперешней дорогой ему Москвы — „сердцевины“ русскихъ городовъ, гдѣ вырабатывается русская культура, гдѣ народный трудъ, купецкая мощна, чувственные аппетиты, сословная перетасовка, повальная ѣда и питье, трактиры, картежъ и тотализаторъ, гикъ цыганъ и колокольный звонъ „сорока-сороковъ“ — служатъ той же почвой, откуда вырастають вопросы ума, творчества, красоты, научной истины, полета въ безплотную высь обобщающей философской мысли...

Пролетка, перекатываясь справа-налѣво по мерзлой, безснѣжной мостовой, повернула къ подъему, откуда Кремль и дальше вся панорама, вдоль Александровскаго сада до набережной, открылась въ лучахъ заката, пестрѣла красками церквей, башенъ, домовъ.

„Флоренція! — мысленно вскричалъ Кострицынъ, оглянувшись на кремлевскую стѣну, откуда верхи теремовъ весело смотрѣли между двумя башнями старо-итальянскаго стиля. — Флоренція! Аѳины, гдѣ, какъ и я, многогрѣшный, курносый мужъ злобной Ксантиппы бродилъ подъ портиками и задавалъ ехидные вопросы досужаго шатуна“.

Черезъ пять минутъ пролетка подвезла его къ подъѣзду двухъэтажнаго дома, построеннаго въ какомъ-то смѣшанномъ стилѣ изъ краснаго кирпича съ обшивкой тесовымъ камнемъ, со множествомъ поливныхъ изразцовъ, вѣланныхъ въ стѣны, и съ высокой металлической крышей, украшенной переборомъ изъ кованнаго желѣза. Домъ, въ дѣломъ, не казался пестрымъ, несмотря на множество деталей отдѣлки. Крыльцо, умышленно тяжеловатое, съ каменнымъ навѣсомъ, вело къ парадному ходу на возвышеніи. По бокамъ навѣса выглядывали металлическіе завитки, напоминавшіе всегда Кострицыну орнаменты итальянскихъ дворцовъ, которые онъ видалъ на фотографіяхъ.

„Флоренція! — все такъ же весело повторилъ онъ еще разъ про себя. — Палаццо Стрѳцци! И тамъ патриціи вышли изъ суконщиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, какъ Захарушкинъ дѣдъ — изъ подмосковныхъ горшечниковъ“.

Въ сѣни онъ вошелъ прямо, не звоня. Его встрѣтилъ швейцаръ.

VI.

Къ великолѣпнѣю палатъ Захара Лукьяновича Кострицынъ достаточно приглядѣлся. Внутри домъ былъ отдѣланъ по-европейски, строго, безъ притязаній на русскій пошибъ.

Изъ обширныхъ сѣней съ лѣстницей во второй этажъ черезъ площадку Кострицынъ вошелъ въ кабинетъ хозяина.

На вопросъ швейцару:

— Захаръ Лукьяновичъ одни у себя?

Швейцаръ доложилъ:

— У нихъ Раиса Гордѣвна сидятъ.

Кострицынъ видѣлъ широкій одноконный фаятонъ, когда подъѣзжалъ, но не узналъ экипажа Кумачевой-матери.

Она рѣдко бывала у сына, врядъ ли чаще, чѣмъ разъ въ два мѣсяца. Кажется, и невѣстка не чаще того навѣщала ее. Отношенія ихъ держались въ суховатомъ, приличномъ тонѣ, на „вы“. На званныхъ обѣдахъ и вечерахъ Раиса Гордѣвна почти никогда не показывалась въ домѣ своей невѣстки за послѣднія двѣ зимы.

Когда Кострицынъ вошелъ въ кабинетъ, онъ засталъ Кумачева стоящимъ у камина—спиной. Мать его сидѣла въ шляпкѣ и съ муфтой въ креслѣ около письменнаго стола.

Съ прошлаго лѣта Захаръ Лукьяновичъ началъ полнѣть, но не казался толстымъ при его очень видномъ ростѣ и широкихъ плечахъ.

Онъ смотрѣлъ молодымъ бариномъ изъ отставныхъ военныхъ. Смуглое лицо съ крупнымъ носомъ, густые черные волосы, подстриженные безъ погони за модой, довольно длинные усы съ бритымъ подбородкомъ давали ему представительный и бравый видъ. Глаза, длинные, темнокарие, онъ имѣлъ привычку прищуривать, но рипсез не носилъ. Синюю, плотно застегнутую визитку съ отложнымъ галстукомъ серьезнаго рисунка и широкія панталоны англійскаго покроя носилъ онъ свободно и тоже какъ бы по-военному.

Раиса Гордѣвна передала сыну цвѣтъ своихъ глазъ и волосъ, уже начинавшихъ сѣдѣть, и большой ростъ. Она была худа, блѣдна, съ очень чистымъ оваломъ лица. Приподнятые углы тонкихъ бровей дѣлали выраженіе постоянно грустнымъ, несмотря на сохранившійся блескъ темнокарихъ глазъ. Ей шелъ пятидесятый годъ, но она смотрѣла моложе и одѣвалась богато, въ темные цвѣта.

Сыну было уже подъ тридцать, но и ему никто бы не далъ его лѣтъ.

— А! Иванъ Кузьмичъ! Я васъ въ амбарѣ поджидалъ...

Кумачевъ руки ему не протянулъ, но кивнулъ головой по-пріятельски.

Раиса Гордѣвна вскинула на Кострицына своими длинными рѣсницами, и ея крупный ротъ раскрылся въ добрую и степенную усмѣшку.

Послѣ рукопожатія, она сказала Кострицыну своимъ тихимъ, нутрянымъ и низкимъ голосомъ:

— Меня совсѣмъ забываете, старуху.

— Виноватъ, Раиса Гордѣвна! Вотъ такъ по Москвѣ чертъшь-чертъшь...

Она продолжала къ нему благоволить и послѣ того, какъ онъ ходилъ репетиторомъ къ ея Захарушкѣ. Въ послѣдніе годы, съ женитьбы Захара Лукьяновича, она уже не говорила съ нимъ о сынѣ такъ откровенно, какъ прежде.

По возбужденности лица Кумачева онъ догадывался, что попадаетъ на какое-то объясненіе между сыномъ и матерью. На лицѣ Раисы Гордѣвны трудно было что-нибудь замѣтить: она привыкла владѣть собою удивительно.

— Очень рада, Иванъ Кузьмичъ,—заговорила она нѣсколько оживленнѣе,—что вы пожаловали... Вы могли бы меня поддержать.

Она повела своими тонкими губами, еще не поблеклыми, и высвободила одну руку изъ муфты.

Сынъ ея сдѣлалъ быстрый жестъ плечами, не ускользнувшій отъ Кострицына.

„Принципалу не очень пріятно будетъ мое участіе въ разговорѣ“, — подумалъ онъ, но не съѣжился. Своихъ мыслей и вкусовъ онъ не привыкъ подгонять къ хозяйскому аршину.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ тономъ равнаго.

— Вы вѣдь видали у меня Суревичъ, Ольгу Степановну?

— Учительницу городской школы?

— Именно.

— Какъ же, какъ же! Хорошо помню ее.

— Вотъ изъ-за нея мы и воюемъ теперь съ Захаромъ Лукьяновичемъ,—сказала Раиса Гордѣевна съ двойственной и грустной усмѣшкой. — Онъ вѣдь попечитель этой школы, и ни больше, ни меньше, какъ выдаетъ ее тѣмъ, кому она не понравилась. Ее гонять!

Кострицынъ взглянулъ въ сторону Кумачева.

Захаръ Лукьяновичъ уже яснѣе пожалъ плечами и еще шире разставилъ ноги, грѣя спину замирающимъ огнемъ камина.

Этимъ жестомъ онъ какъ бы хотѣлъ дать понять матери, что не совсѣмъ тактично — вводить въ ихъ объясненіе и дѣлать судьей его поступковъ все-таки же подчиненнаго ему человѣка.

Такъ понялъ Кострицынъ и согласился, про себя, что на мѣстѣ Кумачева и онъ бы не былъ очень доволенъ.

— Дѣвушка — удивительная!— заговорила опять Раиса Гордѣевна и значительнымъ жестомъ правой руки подчеркнула свой отзывъ. — Едва ли не самая достойная. Кончила на педагогическихъ курсахъ въ Петербургѣ. Въ какихъ-нибудь два учебныхъ года успѣла сдѣлать школу образцовой...

— Все это прекрасно, маменька, — перебилъ Кумачевъ и отошелъ отъ камина.—Кромѣ формальной стороны ученія, есть еще соображенія нравственнаго свойства...

— Ужъ этого я тебѣ не позволю говорить! — остано-

вила его Раиса Гордѣвна и встала.—Дѣвушка рѣдкихъ правилъ.

— Можетъ-быть, — сдерживая себя, возразилъ Захаръ Лукьяновичъ, и тутъ только усмѣхнулся. — Можетъ-быть, маменька; но она... Такихъ радикалокъ намъ не нужно.

— Стало-быть, ты желаешь поддакивать тѣмъ, кто вездѣ видитъ только—какъ это нынче называется, Иванъ Кузьмичъ—нарушеніе основъ, что ли?

Кострицынъ повелъ только губами и ничего не отвѣтилъ.

— Маменька, — началъ Кумачевъ въ нѣсколько другомъ тонѣ. — Позвольте мнѣ вамъ заявить, что ни къ чему и ни къ кому я не поддѣлываюсь. Повѣрьте мнѣ, я самъ раздѣляю мнѣніе, что такія педагогички, какъ госпожа Суревичъ, при всей ихъ учености и достоинствахъ, — вредны-сь.

— По нынѣшнему времени?—добавила Раиса Гордѣвна и сдѣлала шагъ къ двери.

— И по нынѣшнему, и по всякому времени. Дѣтей надо учить грамотѣ и закону Божію, а не дѣлать школу средствомъ Богъ знаетъ какой пропаганды.

— Никакой пропаганды нѣтъ! Это чистѣйшая ложь, и мнѣ обидно за тебя... Да и за себя, — прибавила потише Раиса Гордѣвна, — что я пріѣхала просить тебя. Что жъ! Мы не дадимъ такой достойной дѣвушкѣ, какъ Ольга Степановна, остаться безъ мѣста.

— Это ваше дѣло, маменька!

— Иванъ Кузьмичъ! — окликнула Кострицына Раиса Гордѣвна опять своимъ плавнымъ, истовымъ голосомъ, — какъ вы разсудите? Вы—умница и всегда были человекъ независимый...

Кострицынъ, съ нѣсколько натянутой улыбкой, развелъ руками.

— Отъ роли судьи — избавьте, Раиса Гордѣвна... Вѣроятно, и вы, и Захаръ Лукьяновичъ — правы, каждый по-своему.

— Иванъ Кузьмичъ, — отозвался Кумачевъ, снова отошедшій къ камину, — васъ я достаточно знаю. Вы—первый—не охотникъ до всего этого полуподневольнаго правленства, какъ вы частенько выражаетесь. Довольно мы здѣсь терпѣли всѣ эту игру въ радикализмъ, въ умничанье всякихъ такихъ госпожъ. Надо и своимъ уму жить намъ, представителямъ интересовъ города, да и

простого народа, которому не нужно никакихъ лишнихъ рапей, сбивающихъ его съ толку.

Свою тираду Захаръ Лукьяновичъ произнесъ, не поднимая голоса и не дѣлая лишнихъ жестовъ. Онъ такимъ точно сдержаннымъ тономъ привыкъ говорить и въ думѣ.

— И вы въ этихъ взглядахъ? — спросила Кострицына Раиса Гордѣвна.

— Иванъ Кузьмичъ — человѣкъ новый, какихъ намъ нужно вездѣ: и въ городскомъ хозяйствѣ, и въ университетѣ, и въ земствѣ, вездѣ, — стремительнѣе выговорилъ Кумачевъ.

Къ его смуглымъ щекамъ кровь немного прилила.

Кострицыну надо было отвѣтить что-нибудь менѣе уклончивое.

Эту солидную и благожелательную „почетную гражданку“ онъ уважалъ, но вовсе не преклонялся передъ ея „направленіемъ“. Раиса Гордѣвна въ его глазахъ — „выученица“ разныхъ интеллигентныхъ москвичей, которыхъ онъ считаетъ „зашибленными“ мундирнымъ либерализмомъ и гуманизмомъ. Ему не было прямого повода выкладывать передъ нею свои карты, и она не знала его коренныхъ воззрѣній. Они были болѣе извѣстны Захару Лукьяновичу, хотя далеко не вполнѣ.

— Раиса Гордѣвна, — заговорилъ Кострицынъ съ игрою въ глазахъ, — я не могу быть судьей въ этомъ столкновеніи взглядовъ и симпатій. Но, быть-можетъ, будь я знакомъ, какъ слѣдуетъ, съ особой, о которой идетъ рѣчь, и съ ея преподаваніемъ — я бы не сталъ ни на вашу сторону, ни на сторону Захара Лукьяновича.

— Ни въ тѣхъ, ни въ этихъ, значить? — спросила уже съ брезгливой миной Раиса Гордѣвна.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ немного задѣтый Кострицынъ, — если Захаръ Лукьяновичъ, какъ попечитель школы, считаетъ свое поведеніе честнымъ и послѣдовательнымъ, — онъ долженъ удалить госпожу Суревичъ.

— Будь по-сему! — вымолвила съ грустной ироніей Раиса Гордѣвна и, обернувъ голову къ сыну, прибавила: — Прощай... Мѣшать вамъ не стану... Извини, что обезпокоила... Антонина Борисовна дома?

— Дома, маменька.

— Пройду на минутку къ ней.

Кумачевъ почтительно поцѣловалъ руку матери, про-

водилъ ее до лѣстницы и вернулся въ кабинетъ, гдѣ его ждалъ Кострицынъ.

VI.

По лѣстницѣ съ рѣзными дубовыми перилами, во вкусѣ итальянскаго „Возрожденія“, Раиса Гордѣевна поднималась къ невѣсткѣ. Свое художавое тѣло она носила легко и для себя незамѣтно, и держалась очень прямо, такъ что сзади, по ея талии, выступавшей изъ-подъ короткой плюшевой пелеринки, всякій бы принялъ ее за молодую женщину.

Въ первый разъ ее такъ сильно возмутилъ ея Захарушка. Многое она ему прощала и давно уже начала убѣждаться въ томъ, что шпильгагенскаго *Лео* изъ него не выйдетъ, что въ немъ — помимо ея воли и влiянiя — засѣли другiе „фасоны“, вынесенные имъ отовсюду — изъ гимназiи и университета, изъ книгъ и газетъ — въ особенности изъ нѣкоторыхъ газетъ; заглавiе ихъ Раиса Гордѣевна не произносила никогда иначе, какъ съ грустно-презрительной усмѣшкой; изъ воздуха, наконецъ, изъ теперешняго воздуха — повальнаго служенiя одному своему „я“, подъ прикрытiемъ какихъ-то новыхъ взглядовъ, яко бы болѣе здоровыхъ и полезныхъ идей.

Но она была упорна, не менѣе, чѣмъ ея первенецъ и единственный сынъ. Прикрикнуть на него она могла, но знала, что это уже бесполезно. Его не такъ воспитывали. Всегда она уважала его личность, даже держа его въ дѣтствѣ „на аглицкiй ладъ“, какъ говаривалъ ея мужъ, Лукьянъ Сидоровичъ: онъ самъ живалъ по дѣламъ въ Англiи и присматривался къ тамошнимъ порядкамъ, хотя и не умѣлъ говорить по-англiйски. И власти, въ видѣ угрозы и принужденiя, у нея также нѣтъ надъ сыномъ. Въ купеческомъ быту, да и во всякомъ другомъ, деньги, хозяйская воля — все. Захарушка остался наслѣдникомъ двухъ огромныхъ мануфактуръ. Ей выдѣлили ея часть по завѣщанiю, въ видѣ денежнаго капитала. Она и живетъ на проценты въ своемъ домѣ, небольшомъ особнякѣ на Зубовскомъ бульварѣ.. Только что Захарушкѣ исполнился двадцать одинъ годъ, она подала ему счеты, какъ попечительница; сберегла ему за лѣта его несовершеннолѣтiя нѣсколько миллiоновъ, удвоила его состоянiе.

Во всемъ этомъ она поступала по тѣмъ правиламъ,

про которыя Захаръ Лукьяновичъ насмѣшливо выражается, иногда и при ней самой: „Это маменька изъ своихъ либеральныхъ книжекъ вычитала“.

И сегодня она сильнѣе, чѣмъ когда-либо, пожалѣла, что не согласилась на то, что ей, передъ смертью, предлагалъ мужъ. Онъ хотѣлъ оставить ей въ пожизненное владѣніе обѣ мануфактуры. Тогда сынокъ поневолѣ прыгалъ бы по ея дудкѣ.

А тутъ еще эта невѣстка. Не соглашаться на бракъ не было никакого повода. Онъ влюбился въ породу, въ красоту, въ умъ, въ образованность, въ таланты. Княжна Жеребьева-Зарайская жила своимъ трудомъ, оставшись безъ всякихъ средствъ по смерти родителей, давала уроки пѣнія, рисовала на продажу по фарфору и атласу; одно время должна была, послѣ болѣзни, ѣхать за границу, въ родѣ какъ компаньонка. Все это подкупало Раису Гордѣевну. Не очень смущалась она и тѣмъ, что Захарушка былъ ровесникъ своей невѣстѣ. Ей и тогда шель уже двадцать пятый годъ, какъ и ему.

Они—пара, во всемъ—пара. Между ними всегда тайный уговоръ, потому что оба живутъ только въ себя, въ ненасытное тщеславіе, прикрытое личиной. Она тянетъ его все выше и выше, чтобы камеръ-юнкерство ему дали, чтобы выбрали въ „лорды-мэры“, чтобы оттуда, пожалуй, въ губернаторы пробраться, когда ей на конвертахъ будутъ уже писать: „Ея превосходительству“... Начальникъ губерніи—Захаръ Лукьяновичъ Кумачевъ... „И будетъ!“—думала она.

И все-таки Раиса Гордѣевна дѣлала послѣднюю попытку въ своемъ ходатайствѣ за учительницу Суревичъ—повліять на сына черезъ его жену. Невѣстка ея довольно вообще бездушна и въ разговорахъ злоязычна, часто безъ всякой надобности; но у нея есть манера показывать, что дѣла ея мужа—не то что хозяйскія, но и общественныя—до нея не касаются. Она держится пока въ сторонѣ и отъ барскихъ благотворительныхъ затѣй—до поры, до времени, когда состарится и будетъ дама съ высокимъ положеніемъ. Теперь она вся въ любованіи своей красотой и работаетъ надъ превращеніемъ своего муженька въ джентльмена, котораго вездѣ принимали бы не какъ выскочку изъ „купчишекъ“, а какъ человѣка, равнаго кому угодно. Она только тайно направляетъ его ходами и чуть что—сейчасъ же скажетъ: „Я ни во что такое не вмѣши-

ваюсь. Это дѣло *Закки*:—такъ она передѣлала имя Захарь, на англійскій манеръ.

То же можетъ она сказать и сегодня.

Щемило Раису Гордѣевну и то, что невѣстка цѣлый мѣсяць къ ней „не жаловала“ и ни разу не попросила запросто обѣдать, съ самой осени, съ ихъ возвращенія изъ Крыма. А будь Антонина Борисовна немного менѣе суха съ нею, она способна бы привязаться къ ней, какъ къ родной дочери. Она и дѣлала попытки, цѣлый годъ дѣлала—и ничего изъ этого не вышло...

Вдоль амфилады парадныхъ комнатъ, соединенныхъ между собою большими пролетами, Раиса Гордѣевна замедлила шагъ. Лакея въ темно-коричневомъ ливрейномъ фракѣ съ штіблетами она спросила, гдѣ въ эту минуту Антонина Борисовна, и онъ ей доложилъ, что барыня „одѣвались“, а теперъ „должны быть“ въ своемъ кабинетѣ.

Отдѣлывали домъ сынъ съ невѣсткой по-своему, положили на него около милліона; но Раиса Гордѣевна не желала заглядывать имъ въ карманъ. Всѣ комнаты — и внизу, на его половинѣ, и наверху—полны дорогихъ вещей, хорошихъ, выбранныхъ съ умѣньемъ картинъ, гобеленовъ, вазъ, бронзы. Что твой музей! Антонина Борисовна сама художница, и Захарь Лукьяновичъ смыслить въ искусствѣ, холостымъ ѣздилъ даже въ Аѳины и на пергамскія раскопки, толкуетъ увѣренно о всякихъ „антикахъ“ и „школахъ“. Пускай ихъ! Отчего и не тратиться—только бы подъ всѣмъ этимъ „европействомъ“ хити капельку души и неліцемерной мысли о тѣхъ, кому не то что тысячныхъ гобеленовъ, а хлѣба ржаного фунтъ—и то не на что купить.

Въ крайней комнатѣ—кабинетѣ—Раиса Гордѣевна остановилась и увидала въ отворенную настежь дверь невѣстку, передъ трюмъ, въ обширной уборной. Она уже кончила свой туалетъ и только охорашивалась, поправляя на головѣ перышко куафюры.

Кабинетъ служилъ и мастерской, и былъ отдѣланъ какъ „atelier à la Sarah Bernhardt“. Надъ восточнымъ диваномъ, съ подушками изъ индійскихъ матерій, двѣ палки поддерживали легкій навѣсъ. Тутъ висѣли: мумія, мечъ, громадное опахало, древнія майолики. Надъ балдахинномъ съ рѣзного карниза глядѣло японское чудище — все изъ чернаго лака съ матовой позолотой. Справа и слѣва кусты

живыхъ азалій выставляли свои цвѣтистыя шапки. На коврѣ, подѣ диваномъ—шкура бѣлаго медвѣдя. Стѣны, драпированныя старыми парчевыми и шелковыми полотенцами, были покрыты картинами и скульптурными вещами. Нѣсколько поодаль, у одного изъ оконъ, стояли панно изъ атласа, зарисованнаго Антопиной Борисовной присами. Она иногда рисовала и дарила экраны своимъ знакомымъ.

Комната освѣщалась большимъ китайскимъ фонаремъ.

Раиса Гордѣевна остановилась посрединѣ комнаты и глядѣла въ дверь на невѣстку. Та не слышала звука ея шаговъ по толстому коврику и не могла видѣть, съ своего мѣста, ея отраженія въ зеркалѣ.

Антонина Борисовна ѣхала, вѣроятно, куда-нибудь на званый обѣдъ. Свѣтлое шелковое платьѣ—тяжелое и очень богатое—съ кружевной складкой сзади, шедшей отъ глубокаго вырѣза спины, и съ широкими рукавами, схватывающими руку выше локтя, оставляя остальное обнаженнымъ, съ короткой таліей—дѣлало ея станъ еще стройнѣе и роскошнѣе. Руки были наливныя, и когда она подняла правую руку, чтобы поправить згретку на головѣ, причесанной съ греческой пирамидой изъ ея золотистыхъ волосъ, цвѣта, средняго между темнорыжимъ и русымъ, Раиса Гордѣевна залюбовалась на нее.

Въ ухахъ блестѣли кабошоны, на шеѣ ошейникъ изъ восьми нитокъ крупнѣйшаго жемчуга, и на груди, съ обѣихъ сторонъ вырѣзовъ лифа, по драгоценной броши съ изумрудами и темнымъ жемчугомъ. Она любила брильянты и цвѣтные камни, „какъ истая мучничиха съ Устрѣтенки“, — говорила про себя Раиса Гордѣевна; но тутъ помогла нынѣшняя мода, позволяющая надѣвать на себя много драгоценностей.

Антонина Борисовна повернулась вбокъ и, освѣщенная двумя лампами, висѣвшими на той же стѣнѣ, гдѣ стояло и трюмо, и канделябромъ на туалетномъ столикѣ, выдѣлилась точно фигура въ живой картинѣ. Свекровь еще больше залюбовалась ею. Лебединая шея могучимъ стволемъ поддерживала ея молодую голову, съ красивымъ короткимъ носомъ, въ которомъ было что-то хищное, чудеснымъ цвѣтомъ кожи на щекахъ и красными, почти малиновыми губами немного утолщеннаго рта, полуоткрытаго, съ полосой крупныхъ зубовъ. Глаза, темно-сѣрые, кругловатые, смотрѣли изъ впадинъ, скрашенные густыми

бровями, которыя шли не совсѣмъ правильной дугой. Вырѣзь платья, четверугольный и глубокой, выставялъ высокую, волнистую грудь, уходившую въ отдѣлку изъ старинныхъ „венцейскихъ“ кружевъ.

Къ такой красотѣ и величавости и Раиса Гордѣевна была чувствительна. Она не могла оторвать взгляда отъ невѣстки и медлила окликнуть ее.

Та отошла отъ трюмò, скрылась на нѣсколько секундъ въ глубину уборной и показала въ дверяхъ, со щеточкой, которой отдѣлывала свои розовые, покрытые лакомъ, миндалевидные ногти.

— А!.. Раиса Гордѣевна!.. Какъ вы тихо... Здравствуйте! Голось задрожалъ низковатыми нотами.

Она подошла къ свекрови не спѣша, только передала изъ правой руки въ лѣвую свою щеточку и подала свободную руку Раисѣ Гордѣевнѣ, послѣ чего указала на одинъ изъ маленькихъ дивановъ.

— Какъ я рада... Вы видѣли Зѣкки? Онъ готовъ?.. Мы ѣдемъ съ нимъ обѣдать къ Верховцевымъ. Моя пріятельница Напон... празднуетъ нынче день рожденія своего каплюшки-сына.

Они сѣли церемонно на диванчикъ. Раиса Гордѣевна осмотрѣла еще разъ туалетъ невѣстки и сказала, искренно улыбнувшись:

— Сейчасъ любовалась вами... Моды, кажется, повернули къ старинѣ... Лифа-то какіе носятъ—какъ наши бабушки. Къ кому идетъ—красиво.

— Да... Будутъ носить еще выше... Совсѣмъ empire.

„Кажется, я подхождъ дѣлаю къ невѣстухѣ?“ — подумала Раиса Гордѣевна, и ей стало немного конфузно.

Но говорить такъ, какъ бы она хотѣла, она не могла съ этой блистательной супругой Захара Лукьяновича, настоящей представительницей „конца вѣка“.

VIII.

— Такъ, значить, — спросила Раиса Гордѣевна невѣстку, приподнимаясь черезъ десять минутъ съ дивана, — на вашу поддержку, Антонина Борисовна, я не могу рассчитывать?

Та тоже поднялась и, сдѣлавъ плавный жестъ головой назадъ и вбокъ, выговорила:

— Извините меня, Раиса Гордѣевна, у Зѣкки — свой умъ. Онъ всегда и во всемъ очень справедливъ.

„Подходь“ свекрови не подѣйствовалъ.

Раиса Гордѣвна хотѣла ей дать понять, въ своемъ ходатайствѣ за учительницу, что такая повадка Захара Лукьяновича можетъ ему повредить. Всѣхъ не заставишь молчать. Но Антонина Борисовна осадила ее довольно извительной выходкой противъ „крикуновъ и либераловъ“, передъ которыми ея мужъ не хочетъ „прыгать“. Пускай его бранятъ тѣ, кто нынче „не у дѣль“. Въ такихъ людяхъ они съ мужемъ и не нуждаются.

Невѣстка сегодня выказала себя откровеннѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ. Раиса Гордѣвна что-то не помнила, чтобы она этимъ увѣреннымъ и принижующимъ тономъ говорила о „крикунахъ“ и „либералахъ“. Съ такой подругой и руководительницей ея Захарушка далеко уйдеть „по нынѣшнему времени“.

— Извините, голубчикъ мой, что обезпокоила васъ; вамъ, я вижу, пора, — сказала Раиса Гордѣвна тихимъ голосомъ, съ чуть замѣтной усмѣшкой въ грустныхъ глазахъ.

Она нарочно назвала невѣстку „голубчикъ мой“, чего обыкновенно не дѣлала. Этимъ она хотѣла дать ей почувствовать, что великолѣпная Антонина Борисовна — „по себѣ“ княжна Жеребьева-Зарайская — все-таки жена ея Захарушки, и, благодаря милліонамъ, которые мать ему удвоила, царствуетъ въ этихъ палатахъ и радить себя, дерзко выставляя напоказъ брильянты и жемчуга.

Антонина Борисовна повела вбокъ ртомъ и переступила съ ноги на ногу — привычка, оставшаяся у нея съ дѣтства.

— Вы пройдете еще къ Закки? — спросила она свекровь, точно отпуская ее съ аудіенціи.

— Нѣтъ... Зачѣмъ же? Вотъ дѣтокъ бы хотѣла видѣть.

— Они еще не вернулись съ прогулки.

— Не поздно ли въ такой часъ? Солнце сѣло, а нынче рѣзкая погода, — замѣтила кротко Раиса Гордѣвна.

— Какіе пустяки! Борю купаютъ каждый день въ холодной водѣ.

— На англійскій манеръ?

— Это — лучшая система.

Онѣ, безъ пожатія руки, простились на порогѣ гостиной.

Раиса Гордѣвна больше двухъ недѣль не видала своихъ внучатъ. Ихъ привозили къ ней очень рѣдко. Мальчика звали Борей, дѣвочку — Катей, или Китти, опять „на англійскій манеръ“.

Къ сыну она не заходила больше и въ сѣняхъ встрѣтилась съ Кострицынымъ. Швейцаръ подавалъ ему пальто.

— До свиданія, Иванъ Кузьмичъ, — сказала она ему съ тихой усмѣшкой. — Вы, я вижу, стали нынче большимъ дипломатомъ.

— Это почему, Раиса Гордѣевна? Извините, что мое мнѣніе не пришлось вамъ по вкусу, но обратитесь вы ко мнѣ съ-глазу-на-глазь, а не при Захарѣ Лукьяновичѣ, и отвѣтилъ бы то же самое.

— На здоровье!

Кострицынъ вышелъ съ ней вмѣстѣ и посадилъ ее, вмѣстѣ съ швейцаромъ, въ ея степенный купеческій фэзтонъ.

Наверху, Антонина Борисовна выбрала въ уборной перчатки и платокъ и послала сказать Захару Лукьяновичу, что она готова. Она никогда не заставляла дожидаться себя и сама не торопила мужа. Захаръ Лукьяновичъ и до женитьбы былъ безупреченъ въ соблюденіи всякихъ приличій и приемовъ общежитія, а съ женитьбы сталъ еще болѣе „good style“ — какъ его жена любила выражаться.

Его тактомъ, умѣньемъ одѣваться, манерами, разговоромъ Антонина Борисовна была довольна и сознавала даже, что у него бываетъ часто больше выдержки и самообладанія, чѣмъ у нея. Своимъ богатствомъ онъ пользовался просто и серьезно и боялся постоянно того, чтобы кому-нибудь не показаться купцомъ, желающимъ ѣхать „одному въ трехъ каретахъ“. По натурѣ онъ былъ скорѣе прижимистъ, чѣмъ расточителенъ. Домъ у нихъ полонъ цѣнныхъ вещей и солидной роскоши; у нихъ бываютъ обѣды и приемы, но тратятъ они совсѣмъ немного, и это ей самой пріятно. Она тоже скупенька — на все, что не ея туалетъ и брильянты.

Одно иногда, нѣтъ-нѣтъ, да и кольнетъ Антонину Борисовну. Въ разговорѣ, когда онъ бываетъ въ дворянскомъ обществѣ, Захаръ Лукьяновичъ держитъ себя съ достоинствомъ, даже съ апломбомъ, всегда умно и бойко. И французское произношеніе у него прекрасное, и обо всемъ онъ можетъ, на трехъ языкахъ, выражаться литературно. Но по-русски, вѣтъ-нѣтъ, да и выскочитъ какое-нибудь чисто московское словечко. До сихъ поръ она не можетъ мириться съ такими выраженіями, какъ: „посейчасъ“, или: „страшное дѣло“, или: „одна слеза“, или: „эта пьеса

себя не оправдала“, и нѣсколько другихъ въ такомъ же родѣ.

За собой она многого не замѣчаетъ. Ея тонъ дѣлается все злѣе и безцеремоннѣе, когда она царить у себя, въ своей гостиной, или въ кабинетѣ-мастерской, подѣ балдахиномъ. Слова, проскользающія у нея въ русскомъ разговорѣ, часто отзываютъ помѣщичьимъ жаргономъ „до эмансипаціи“. Ей случается теперь говорить: „горничная дѣвка“ и даже просто „дѣвка“, чего она навѣрно бы не сказала, если бѣ оставалась, какъ пять лѣтъ назадъ, безприданницей, захудалой княжной, дававшей уроки живописи по фарфору.

Въ половинѣ шестого Захаръ Лукьяновичъ прислалъ сказать снизу, что и онъ готовъ и ждетъ Антонину Борисовну. Горничная поддерживала ея трѣнъ по ступенямъ парадной лѣстницы. Выѣздной уже держалъ ея парижскую шубу изъ свѣтлаго сукна, съ оторочкой изъ соболя и съ живописнымъ высокимъ воротникомъ. На голову она накинула легкій платокъ изъ волнистой восточной ткани. Такого „confection“, какъ ея шуба, не было во всей Москвѣ по цѣнѣ и изяществу.

Лакей носилъ ливрею съ капюшономъ, обшитымъ широкимъ басономъ и мѣхомъ, какъ въ самыхъ строгихъ титулованныхъ домахъ.

Другой, официантъ въ ливрейномъ фракѣ, держалъ наготовѣ шинель Захара Лукьяновича, который какъ разъ въ эту минуту показался изъ своей половины.

Взглядъ, брошенный женой на мужа, доложилъ ей, что Захаръ Лукьяновичъ, какъ всегда, безукоризненъ въ туалетѣ. На немъ солидно и красиво сидѣлъ не очень короткій англійской работы „смокингъ“, съ атласными лацканами, при бѣломъ галстукѣ. Это была его обѣденная форма. Иногда онъ прицѣплялъ и цвѣтокъ. Представительность его до сихъ поръ удивляла Антонину Борисовну. Если бѣ не фамилія „Кумачевъ“—невозможно было бы предположить, что онъ внукъ „горшечника“ — Сидора Емельянова Кумачева.

Наружная дверь сѣней отворилась въ ту минуту, когда имъ подали верхнее платье. Вошла бонна, плотная англичанка, въ кофточкѣ и низкой шляпкѣ, ведя двоихъ дѣтей.

— Почему такъ поздно? — спросила Антонина Борисовна по-англійски.

— Мы прошли далеко, всё бульвары, — отвѣтила та спокойно.

Дѣти—красивыя и пышныя въ своихъ зимнихъ пальто—бросились цѣловать мать и отца, но безъ всякаго шума. Ихъ держали строго и при постороннихъ они никогда не обѣдали. Захаръ Лукьяновичъ поднялъ дочь за плечи и чмокнулъ въ ея полныя и румяныя щеки. То же продѣлалъ онъ и съ сыномъ, бывшимъ на годъ старше сестры.

Карета подкатила къ подъѣзду беззвучно, на резинахъ, высокая, на восьми рессорахъ, выписанная отъ Биндера, изъ Парижа. Они ѣздили въ шорахъ. Кучеръ былъ изъ финляндцевъ, съ рыжими узкими бакенбардами. Пара свѣтло-гнѣдыхъ, англійскихъ „кровей“, образцово вывѣженная, особенно шла, по своей масти, къ заграничной упряжки.

— Ты покончилъ съ этимъ Лыжинымъ? — спросила Антонина Борисовна, ласково взглянувъ на мужа, когда карета выѣхала изъ-подъ сводчатаго подъѣзда.

— Завтра покончу.

— Онъ будетъ къ обѣду?

— Будетъ.

— Мнѣ о немъ писала Елена Акридина. Она другъ Иды Радиной и погостить у ней передъ прїѣздомъ сюда. Кажется, у Иды былъ съ нимъ романъ... Впрочемъ, не знаю. Онъ вѣдь изъ красныхъ? Былъ замѣшанъ?..

— Не знаю, что-то не слыхалъ... Изъ кающихся, должно-быть, какихъ теперь столько разведось.

Захаръ Лукьяновичъ разсмѣялся.

И она вторила этому смѣху.

— Раиса Гордѣвна, — сказала она, минутъ пять спусти, — очень обижена за ту... учительницу... Какъ ея фамилія?

— Суревичъ. Знаю.

— Прежде она меня не вмѣшивала въ твои дѣла и распоряженія. Съ какой же стати компрометировать себя, какъ попечителя, изъ-за какой-то стриженной?.. Но Раиса Гордѣвна вѣрна себѣ.

— То-есть, „хорошимъ“ книжкамъ, — подтвердилъ Захаръ Лукьяновичъ.

Онъ оглядѣлъ вбокъ всю эффектную фигуру жены, ея голову, задрапированную бѣлой тканью въ рамкѣ собольей опушки — и у него радостно ёкнуло на сердцѣ. Его потянуло поцѣловать ее въ щеку.

— Позволяете?—протянул онъ губы.

— Позволяю, — отвѣтила Антонина Борисовна, не повертывая головы.

Губы его звучно приложились къ твердой щекѣ, отъ которой шелъ блескъ.

„Есть же на свѣтѣ такія роскошныя созданія, какъ жена моя!“—говорилъ его взгляды.

IX.

Въ комнатахъ Лыжина уже смеркалось.

Онъ, не спѣша, одѣвался въ спальнѣ и, стоя передъ зеркаломъ, поправлялъ галстукъ. Новый сюртукъ, вычищенный и аккуратно сложенный, дежалъ на стулѣ, около постели.

Съ утра онъ чувствовалъ опять тревогу и душевное недомоганіе. Рано принесли заказное письмо — изъ того уѣзда, гдѣ его имѣніе.

Письмо было отъ его сосѣдки и „товарица“, какъ онъ давно зоветъ ее, отъ Иды Радиной, отъ милой, печальной Иды, такого же „обломка“ семидесятихъ годовъ, какъ и онъ, только „по другой части“.

Ида не видалась съ нимъ по его возвращеніи изъ послѣдней поѣздки за границу и, кажется, еще ничего не знаетъ про то, что онъ хочетъ, какъ можно скорѣе, раздѣлаться съ имѣніемъ.

Она спрашивала его о немъ самомъ, своимъ искреннимъ тономъ, съ чуть замѣтнымъ налетомъ своеобразнаго юмора. По-русски она не научилась еще писать интимныя письма. Но въ ея французскомъ языкѣ заграничной русской, съ его модными словами и условнымъ реализмомъ, была все-таки славянская прелесть, трепетала ея усталая и извѣрившаяся душа.

Черезъ недѣлю открывалась школа, которую Ида выстроила на свои средства, въ верстѣ отъ усадьбы. Она приглашала его на открытіе и погостить къ себѣ, хоть на нѣсколько дней. Поджидала она и пріѣзда своей пріятельницы — Акридиной, съ которой Лыжинъ видѣлся не разъ, и въ Россіи, и за границей.

„Если вы пріѣдете и раньше Лены,—пишетъ ему Ида,— и мы будемъ „подъ одной кровлей“ — это насъ не скомпрометируетъ. Гораздо опаснѣе будетъ, если вы найдете кровь у моей арендаторши. Ея дочь какъ-то особенно поводитъ глазами, когда при ней говорятъ о васъ. Если бѣ

у васъ былъ здѣсь домъ, вы бы, пожалуй, кончили тѣмъ, что женились на этой вдовѣ, которая для васъ — „un *parodnik*“ — должна представлять особое символическое значеніе“.

„Un *parodnik*!“

Такимъ еще считаетъ его Ида. Полгода и больше тому назадъ, когда они видѣлись, — онъ еще носилъ на себѣ мундиръ полу-толстовца, полу-народника, но уже съ червякомъ недовольства и разброда, который точилъ его. Говорить съ ней тогда объ этомъ разбродѣ онъ не хотѣлъ, и въ письмахъ, какія изрѣдка писалъ ей, не изливался.

Можетъ-быть, и лучше было бы, если бы онъ на самомъ дѣлѣ, годомъ раньше, сошелся съ той *вдовой*, насчетъ которой Ида шутить въ своемъ письмѣ, — дочерью арендаторши, крестьянскаго рода, здоровой, работающей, веселой; построилъ бы хуторъ и сталъ бы хозяйничать съ поддержкой тещи — умнѣйшей старухи, умѣющей молотить рожь на обухѣ.

Теперь это уже позади. Онъ боится не того, что останется безъ кола, безъ двора, а того, какъ бы его не потянуло опять къ землѣ и народу, разъ онъ попадетъ на это открытіе школы. Отказываться не хорошо, да и это совпадаетъ какъ разъ съ его поѣздкой туда, на осмотръ имѣнія, въ сопровожденіи довѣреннаго лица коммерсанта Кумачева.

И въ томъ же письмѣ Иды онъ совершенно неожиданно нашелъ одну подробность, связанную какъ разъ съ личностью этого Кумачева, женатаго на княжнѣ Жеребьевой-Зарайской. Ида ее знаетъ; она приходится не-родной племянницею ея подругѣ Акридиной. Въ учительницы своей школы ей рекомендуютъ изъ Москвы какую-то Суревичъ, которую теперь попечитель городского училища, гдѣ она служить, притѣсняетъ и гонитъ, а онъ есть не кто иной, какъ мужъ княжны Жеребьевой — „un *représentant de la plutocratie moscovite*“ — опредѣляетъ его Ида.

И вотъ онъ цѣлый день не можетъ высвободиться изъ-подъ наплыва чувствъ и мыслей, вызванныхъ письмомъ его пріятельницы. Имѣніе онъ хочетъ продать; но ему, чѣмъ ближе подходило время къ четыремъ, тѣмъ не-пріятнѣе становилось отправляться на обѣдъ къ этому Кумачеву.

Въ глубинѣ его „я“, которое, казалось ему, стряхнуло

съ себя всякіе сословныя инстинкты и задержки, зашел велился человекъ хорошаго рода, Лыжинъ, сынъ заслуженнаго генерала. А тутъ какой-то купчишка, у котораго столько-то тысячъ веретенъ и сотъ станковъ на двухъ мануфактурахъ, играетъ роль „особы“, живетъ въ чертогахъ, хочетъ, чтобы онъ къ нему пожаловалъ „откушать“, вѣроятно за тѣмъ, чтобы добиться уступки, половчѣе его „объегорить“.

Даже это неизящное слово „объегорить“ пришло Лыжину, когда онъ, стоя передъ зеркаломъ, надѣвалъ галстукъ. Раздраженіе его росло и усиливалось еще болѣе отъ того, что коммерсантъ Кумачевъ—мужъ княжны Жеребьевой—Зарайской, племянницы того князя Иларіона, котораго онъ когда-то ставилъ такъ высоко, а потомъ заподозрилъ его въ чудачествѣ и юродствѣ.

Теперь онъ что-то припоминалъ изъ разговоровъ съ Идой Радиной объ этой княжнѣ. Кажется, она красива и съ талантами, осталась совсѣмъ безъ средствъ, чуть ли не давала уроки. Въ другое время—и не будь онъ приглашенъ обѣдать, какъ продавецъ имѣнія—это бы его заинтересовало, онъ сталъ бы присматриваться къ такой четѣ. Но прежде онъ былъ обличитель, „принципистъ“, скорбѣлъ о меньшей братіи, презиралъ всякій видъ эксплуатаціи, ненавидѣлъ *буржуя* не меньше, чѣмъ, напримѣръ, какой-нибудь Воденягинъ, являвшійся къ нему вчера.

Все это *было*. Такого строя души въ немъ уже нѣтъ, и онъ наканунѣ того, чтобы совсѣмъ покончить со всѣми этими ненужными замашками. Онъ хочетъ доживать въ полной свободѣ отъ всякой прописи, отъ всего, что онъ навязывалъ себѣ поочередно, ища правды и свѣта, въ сущности дѣлаясь кабалнымъ должникомъ выдуманнаго заимодавца—народа, человечества, идеи, общаго дѣла!..

Туалетъ былъ конченъ. Въ двубортномъ сюртукѣ, застегнутый и старательно причесанный, Лыжинъ, съ подстриженной покорооче бородой, перешелъ въ кабинетъ, чтобы вынуть изъ ящика письменнаго стола тѣ бумаги, какія ему нужно было захватить съ собою.

Письменный столъ, ящикъ, бумаги тотчасъ же вызвали передъ нимъ фигуру Кострицына, его приказчиье лицо, искристые глазки, его тонъ и языкъ, латинскія изреченія, что-то особенное въ его отношеніи къ своему „принципалу“.

Такихъ Лыжинъ еще не встрѣчалъ. Не могъ же онъ

ему все „нахвастать“ про себя, про два университетскихъ курса, которые прошелъ, про то, что готовится, не спѣша, къ приобрѣтенію высшей ученой степени. Въ немъ онъ почувялъ челоуѣка другой полосы русской интеллигенціи— и образованнѣ себя, смѣлѣе. Этотъ дерзаетъ *по-своему* относиться къ тому, что теперь дѣлается въ обществѣ, въ народѣ, наверху и внизу.

Сразу онъ ему не очень понравился, въ особенности его короткій приказчиій смѣшокъ, часто заканчивающій его отвѣты и замѣчанія.

Вѣдь съ *такими* русскими людьми, если они только не рисуются, ему и слѣдовало бы водиться *именно теперь*.

Положивъ въ глубокой боковой карманъ бумаги, Лыжинъ продолжалъ думать о личности Кострицына и сталъ спокойнѣе. Его уже не теребило брезгливо-щепетильное чувство неохоты отправляться на обѣдъ. Онъ даже пристыдилъ себя.

Какое ему, наконецъ, дѣло до того, что этотъ Кумачевъ— „дворянящійся купчина“? Развѣ онъ самъ не желаетъ теперь, продавъ землю, устроиться въ Москвѣ? Съ какой же стати фыркать, попрержнему, на всѣхъ, кто не его толка, коли къ такому толку онъ принадлежать уже не можетъ?..

Это значило бы уходить отъ жизни, отъ факта, отъ закона развитія обществъ. Положимъ, онъ не писатель, не романистъ, не социологъ, даже не газетный отмѣтчикъ, а просто образованный баринъ не у дѣлъ, двадцать лѣтъ производившій надъ собою благородные эксперименты.

„Образованный?“—Врядъ ли. Такой Кострицынъ знаетъ, конечно, во сто разъ больше его вещей положительныхъ, знаетъ древніе языки, читалъ, навѣрно, въ подлинникѣ Спинозу и Платона, Эсхила и Светонія, а онъ не можетъ; тотъ сдѣлаетъ сейчасъ какое угодно вычисленіе, а онъ забылъ и тройное правило, да и какъ бывший студентъ-юристъ не переведетъ тѣхъ пандектовъ, которые двадцать лѣтъ назадъ заучивалъ наизусть.

Окажется, что и „дворянящійся купчина“ Кумачевъ знаетъ больше его.

И ему вдругъ захотѣлось вспомнить то изреченіе, которое хозяинъ философа - шатуна приказалъ вырѣзать на своей печати.

— Иво... кажется, *иво?* — мысленно спросилъ себя Лы-

жизнь; а дальше и не могъ возстановить текстъ и сознался, что и смыслъ его онъ отчетливо не схватилъ; помнилъ только еще одно слово „donec“, навѣянное ему изъ римскаго права.

— *Donec probetur!* — выговорилъ онъ громко, и ему стало веселѣе.

Онъ бодро и скоро надѣлъ свой еркакъ и ровно въ четыре часа вышелъ въ коридоръ.

Х.

Пять часовъ уже пробило. Въ кабинетѣ Захара Лукьяновича дѣловой разговоръ отъ разныхъ фактическихъ подробностей — планъ имѣнія Лыжина былъ разложенъ на особенномъ столѣ — переходилъ къ установленію цѣны.

Кострицынъ, сидя въ сторонѣ на диванѣ, только присутствовалъ, но не вмѣшивался въ разговоръ. Всего разъ или два онъ подсказывалъ вопросы своему принципалу. Кумачевъ, въ смокингѣ, но при черномъ галстукѣ — такъ какъ онъ звалъ мужчинъ въ сюртукахъ — откинулся на спинку своего рѣзного стула передъ письменнымъ столомъ и курилъ сигару. Лыжинъ, по-сю сторону стола, въ низкомъ мягкомъ креслѣ, тоже курилъ и у него начинался легкій мигрень; къ нимъ онъ былъ склоненъ.

Кабинетъ Кумачева, высокій и обширный, освѣщенный въ это время двумя лампами — одной на столѣ, другой въ углу, на модномъ штативѣ, — съ его книжнымъ шкапомъ, картинами и темной, артистической бронзой отъ *Барбедьенъ*, изъ Парижа, со всей своей солидной европейской роскошью, немного раздражалъ его, такъ же какъ и струи дыма дорогой сигары, доплзавшія до его ноздрей.

Кумачевъ въ дѣловомъ разговорѣ велъ себя солидно и мягко, въ барскомъ тонѣ; но его глаза, нѣтъ-нѣтъ, и усмѣхнутся, и въ ихъ жидкомъ блескѣ мелькнетъ „купецкое“ себѣ на умѣ, инстинктивное желаніе показать, что „мы-де хоть и живемъ какъ настоящіе баре, а на мякинѣ насъ не проведешь, и цѣну мы дадимъ въ обрѣзъ“.

Покупщикъ зналъ, что крайности у Лыжина не было продавать имѣніе: оно не заложено, и онъ можетъ лѣсъ продавать на срубъ. Но это требуетъ сноровки и умѣнья; надо жить на мѣстѣ и пользоваться минутой, когда дрова поднимутся въ цѣнѣ. Главное, нуженъ призоръ: въ лѣсной дачѣ и теперь водятся порубки, какъ о томъ докла-

дывалъ приказчикъ, котораго Кумачевъ уже посылалъ туда. Лыжинъ — тяготится имѣніемъ и хочетъ его продать цѣликомъ. Въ уѣздѣ, да и повсюду въ губерніи, продажныхъ имѣній, заложенныхъ въ банкахъ за неплатежъ процентовъ, десятки. Лучшаго покупателя ему не найти.

Все это въ разговорѣ чувствовалъ и Лыжинъ—въ короткихъ фразахъ Кумачева, произносимыхъ имъ какъ бы въ сторону, для Кострицына.

— Захаръ Лукьяновичъ,—сказалъ тотъ, вставая съ дивана,—я васъ оставлю теперь вдвоемъ. Пойду сообщить Антонинѣ Борисовнѣ, что къ шести ваша конференція будетъ кончена?

— Разумѣется!—подтвердилъ Кумачевъ и кивнулъ головой.

Лыжинъ былъ доволенъ тѣмъ, что Кострицынъ оставилъ его вдвоемъ съ Кумачевымъ. Торговаться при немъ ему стало бы неловко, а торговаться неизбѣжно... Между ними уже состоялся такой уговоръ, что рѣшительная цѣна будетъ окончательно установлена сегодня, съ тѣмъ условіемъ, если лѣсъ окажется, при вторичномъ осмотрѣ его, въ такомъ положеніи, какое опредѣляетъ самъ владѣлецъ.

Поглядывая на Кострицына, до его ухода, Лыжинъ минутами плохо вѣрилъ, что это—одно и то же лицо: контористъ купца-милліонщика и „шатунъ-философъ“, желающій играть роль Сократа древнихъ Аѳинъ. Онъ ему былъ все-таки ближе, чѣмъ этотъ милліонщикъ. Ему разъ пришла даже мысль,—въ самомъ разгарѣ дѣлового разговора,—не надѣваетъ ли на себя этотъ Иванъ Кузьмичъ личины? Врядъ ли онъ довольствуется тѣмъ, что шатается по Москвѣ и вступаетъ, то здѣсь, то тамъ, въ *прю!* Можетъ-быть, это какой-нибудь членъ тайнаго общества, которому поручено обрабатывать купца-милліонера, съ цѣлью служенія „дѣлу“?

Почему же онъ сейчасъ узналъ Воденягина? Кто ихъ вѣдаетъ!.. Быть-можетъ, они служатъ одному дѣлу и только для постороннихъ не знаютъ другъ друга.

Кострицынъ, уходя изъ кабинета, сдѣлалъ легкій поклонъ Лыжину и безшумно отворилъ дверь.

Антонина Борисовна уже съ четверть часа какъ приготовилась къ приему гостей и сидѣла у себя въ кабинетѣ,

освѣщенномъ, кромѣ китайскаго фонаря, еще двумя лампами съ четырехугольными кружевными абажурами.

Когда Кострицынъ подходилъ къ портьерѣ, она обуждала, кого съ кѣмъ посадить за обѣдомъ. Изъ дамъ она ждала одну свою подругу—Nanon Верховцеву, по-русски: Анну Алексѣевну, безъ мужа — мужъ уѣхалъ на охоту. Мужчинъ будетъ званыхъ, не считая Ивана Кузьмича, своего человѣка,—Лыжинъ, одинъ дѣтскій писатель—онъ ухаживалъ за ней, когда она была дѣвушкой,—ихъ консультантъ, профессоръ Шахматовъ, крупный чиновникъ изъ Петербурга и еще одинъ изъ „habitués“ ея гостиной и столовой, очень хорошей фамилии, въ родствѣ со всѣми. Злые языки называютъ его „pique-assiettes“, но онъ всегда даетъ прекрасный тонъ общему разговору.

Кажется, ни одного купца! Даже не будетъ дяди Захара Лукьяновича, брата Раисы Гордѣевны, котораго она выносила гораздо больше, потому что онъ тономъ и видомъ похожъ на стараго барина, очень воспитанъ и живетъ часто за границей.

Нѣтъ! Одинъ купецъ все-таки будетъ—вспомнила она. Но этотъ ужъ настоящій парижанинъ и лицомъ очень смахиваетъ на принца Донъ-Карлоса. Онъ спустилъ миллионное состояніе на рулетку и женщинъ, и теперь ему его братъ выдаетъ пенсію по тысячѣ рублей въ мѣсяцъ. Бѣдняга! Онъ считаетъ себя — и совершенно законно — нищимъ.

— А! Иванъ Кузьмичъ! — встрѣтила она Кострицына возгласомъ, гдѣ было что-то безцеремонное, что его тайно задѣвало.

Онъ поклонился ей по-своему — короткимъ наклономъ головы, какъ кланяется народъ, и, подойдя ближе, протянулъ руку.

Ея рука была занята. Она опять полировала ногти и протянула ему свою руку не слѣша, когда отложила щеточку на столикъ.

Она была въ бархатномъ, пыльнаго цвѣта, лифѣ съ короткими буфами и съ голыми руками, какъ и вчера. Этотъ модный покрой пришелся ей особенно по вкусу, и Кострицынъ замѣчалъ, что она имъ злоупотребляетъ. И камней на ней было достаточно. На шеѣ—неизмѣнный жемчужный ошейникъ.

Антонина Борисовна считала Кострицына прежде всего полезнымъ дѣлу своего Закки; но она жалѣла, что у него

такая гостинодворская наружность. И тономъ его она не всегда довольна. Онъ былъ вѣжливъ и держался осторожно, не позволялъ себѣ фамильярности ни съ мужемъ ея, ни съ нею. Но въ его глазахъ, въ короткомъ, частомъ смѣшкѣ, въ разныхъ изреченіяхъ она распознавала постоянного наблюдателя и оцѣнщика ея ума, такта, разговора, мнѣній, туалетовъ. Правда, она сама не желала ни баловать его, ни доводить до того, чтобы онъ стоялъ передъ ней „на заднихъ лапкахъ“. Онъ могъ бы и самъ почувствовать безусловное преклоненіе передъ ней, какъ передъ существомъ высшей породы, признать за нею званіе самой красивой и блестящей женщины во всей Москвѣ—и, однако, такого преклоненія она что-то не замѣчаетъ.

Не совсѣмъ нравилось ей и то, что Иванъ Кузьмичъ—бывшій учитель Захара Лукьяновича, и когда зайдетъ какой-нибудь „особенный“ разговоръ, философскій или литературный, приказчикъ даетъ понять и хозяину, и его гостямъ, что онъ магистрантъ, и „Захарушка“ обязанъ ему всѣмъ тѣмъ, что у него осталось изъ классической учености... Что Иванъ Кузьмичъ часто поддакиваетъ Захару Лукьяновичу и какъ бы любитъ имъ, это скорѣе расчетъ, чѣмъ добровольное признаніе превосходства своего хозяина.

— Зѣвки еще въ кабинетѣ, съ тѣмъ господиномъ? — спросила она Кострицына, указывая ему, жестомъ головы, мѣсто на одномъ изъ пуфовъ, стоявшихъ полукружіемъ около ея дивана, подъ навѣсомъ.

— Сейчас покончатъ насчетъ цѣны.

— Зѣвки, по-вашему, дѣлаетъ хорошую аферу?

— Это немного округляетъ наши мѣстныя угодыя.

Слово „наши“ показалось ей чѣмъ-то „лакейскимъ“.

— Этотъ Лыжинъ,—спросила она вполголоса,—кажется, интересный человѣкъ... еще не старый?

— Лѣтъ сорока... вида внушительнаго, барскаго. Хе-хе! Тоскующій семидесятникъ!

— Какъ вы сказали?

Она опять взялась за свои ногти.

— Представитель семидесятыхъ годовъ. Кажется, побывалъ и въ толстовцахъ, и въ болѣе радикальныхъ народникахъ. А теперъ тоскуетъ... Ха-ха!

Она пожалѣла, что спросила его о Лыжинѣ. Какое ей дѣло до того, „семидесятникъ“ онъ или нѣтъ? Кто онъ,

какъ мужчина и свѣжій человѣкъ, она и сама разбереть и рѣшить — стоитъ ли его просить бывать у нихъ, или нѣтъ. Если этотъ Лыжинъ красный, Богъ знаетъ съ какими замашками, то она его спустить „n'en déplaie,— прибавила она мысленно, — нашей общей знакомой, Идѣ Радиной, его пріятельницѣ“.

Но вѣдь Ида сама, давно, „а un passé compromettant“.

Послышались въ сосѣдней гостиной мужскіе голоса.

Антонина Борисовна окончателно освободилась отъ ногтяной щеточки и пошла навстрѣчу гостю.

Мужъ представилъ ей Лыжина, назвавъ его по имени и отчеству, взявъ его за руку и своимъ увѣренно-гостепріимнымъ тономъ, повернувшись къ нему лицомъ, прибавилъ:

— Просимъ любить да жаловать!

Лыжинъ суховаго поклонился ей, и когда она протянула ему свою бѣлую, необычайно красивую руку, и пальцы, покрытые кольцами, блеснули, — онъ поднялъ на нее глаза и, выдерживая ея вызывающій, блистательный видъ, про себя выговорилъ:

„Вотъ ты какой экземпляръ!“

И вслѣдъ за тѣмъ по немъ пришлось давно имъ неиспытанное чувство чего-то жуткаго — отъ чувственной мощи женщины, которая дошла до точки своего пышнаго расцвѣта.

Онъ не могъ воздержаться про себя отъ французскаго восклицанія:

„Elle est à point“.

XI.

Черезъ двѣ-три минуты они остались вдвоемъ. Кумачевъ незамѣтно увелъ Кострицына, что-то такое сказать ему по поводу покупки имѣнія. Онъ могъ это забыть во время обѣда.

Гостя онъ предоставилъ женѣ, строго держась обычая не угощать собственной особой при женѣ тамъ, гдѣ она должна была царить одна.

— У насъ съ вами, monsieur Лыжинъ, — заговорила Антонина Борисовна, откинувшись въ смѣлой позѣ на одну изъ подушекъ, — есть общая знакомая... и вашъ другъ, если не ошибаюсь.

— Кто это?

— Ида Радина... Вы вѣдь ея сосѣдъ? И не одна Ида... Ея пріятельница—Акридина—моя тетка.

— Ваша тетка?—переспросилъ Лыжинъ.

— Васъ это удивляетъ?.. Но вѣдь она уже не молоденькая.

Она засмѣялась, и рядъ ея зубовъ, красиво и жестко блеснувъ, заставилъ Лыжина еще болѣе сжаться.

— Да, ей подъ-сорокъ, — продолжала Антонина Борисовна. — Она мнѣ тетка... Очень дальняя... троюродная сестра моей матери... Правда... гораздо ея моложе. Мы ея скоро ждемъ. Но она сначала проѣдетъ къ Идѣ... Сюда она на съѣздъ. Вы вѣдь знакомы съ ея учеными трудами?

Косая усмѣшка немного скривила ея властный и сочный ротъ.

— Какъ же... У нея очень почтенное имя.

— Только, кажется, археологія ей уже пріѣлась... хотя нынче это очень модная и выгодная наука.

— Выгодная?

— Да, можно легко составить себѣ имя и быть на хорошемъ счету. Я говорю о мужчинахъ.

Лыжинъ прислушивался къ ея говору. Она выражалась по-русски очень отчетливо и съ музыкальной пѣвучестью, которая противорѣчила жесткому взгляду ея глазъ. Съ мужчинами не изъ особенно старо-дворянскаго круга она почти никогда не французила. Привычку къ хорошему русскому языку пріобрѣла она, когда давала уроки пѣнія и живописи по фарфору и атласу. Тонъ ея немного отзывался также военнымъ обществомъ; такой бываетъ у молодыхъ командиршъ въ гвардейскихъ полкахъ.

— Елена Константиновна... Акридина,—добавила она,—вѣроятно, будетъ гостить у насъ.

И взглядомъ она пояснила: „Можете заниматься съ моей тетенькой умными разговорами“.

Въ салонѣ у такой эффектной особы Лыжинъ давно не бывалъ. Его начинало стѣснять то, что онъ теряетъ подходящій тонъ съ женщинами, какъ эта, во всякомъ случаѣ, характерная супруга прядильщика, Захара Лукьяновича Кумачева.

— Князь Иларіонъ Ивановичъ—вашъ родственникъ?—спросилъ онъ, зная, что князь—ея дядя.

— Князь Иларіонъ? Старшій братъ моего покойнаго отца. Вы видали его?

— Всего одинъ разъ въ жизни. Но много слышанъ.

— Я воображаю! О немъ ходятъ цѣлыя легенды. Такихъ чудодѣевъ нигдѣ не встрѣтишь.

Лыжинъ хотѣлъ что-то возразить, но къ хозяйкѣ медленно подходилъ уже отъ двери плотный брюнетъ, въ очень длинномъ визитномъ сюртукѣ, лѣтъ сорока, съ бородой, остриженной четырехугольникомъ, въ ринсе-пез, съ выраженіемъ полного, еще не морщинистаго лица, какое бываетъ у влюбленныхъ въ себя холостяковъ, сознающихъ, что они не только большого ума, но и долго будутъ опасны для женщинъ.

Хозяйка крѣпко пожала ему руку, слегка приподнявшись, и представила ихъ другъ другу.

— М-г Эсауловъ!—назвала она гостя.

Гдѣ-то Лыжинъ встрѣчалъ его, зналъ его и по репутаціи „молодого“ и выдающагося публициста.

Эсауловъ присѣлъ къ Антонинѣ Борисовнѣ очень близко, на пуфъ, у самаго края дивана, такъ что его колѣни почти касались юбки ея бархатнаго платья. Глаза его прищурились, и носомъ, изъ-подъ ринсе-пез, онъ слегка повелъ.

— Mein Kompliment! — выговорилъ онъ съ шутливой старательностью нѣмецкаго произношенія и рукой указалъ на туалетъ хозяйки.

Та очень ласково улыбнулась и, нагнувшись къ нему, сказала потише:

— Вы сядете рядомъ съ Nanon... довольны вы мною?

— Очень,—оттянулъ Эсауловъ, кладя ногу на ногу.

Они были старые знакомые, изъ того времени, когда Антонина Борисовна, обѣднѣвшей княжной, давала уроки. Она ему очень нравилась, но его ухаживаніе не довело его до женитьбы, и онъ во-время сумѣлъ удержаться въ извѣстныхъ границахъ, лестныхъ для всякой дѣвушки и не опасныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ обѣднѣвшая княжна сдѣлалась богачкой, но купчихой, Эсауловъ началъ новое ухаживаніе, и Антонина Борисовна позволяетъ ему держаться съ нею пріятельскаго тона, дорожить имъ для своей гостини, какъ человѣкомъ хорошаго общества, съ нѣкоторой извѣстностью. Она знала, что онъ не важнаго рода: его отецъ, кажется, изъ выслужившихся чиновниковъ, но мать его была княжна,—правда, изъ тамбовскихъ дворянокъ средней руки и татарской крови.

Лыжинъ считалъ Эсаулова позитивистомъ и либераль-

нымъ доктринеромъ, въ англійскомъ вкусѣ, и въ этомъ смыслѣ онъ его не особенно интересовалъ. Свою теперешнюю душевную „ликвидацию“—какъ онъ выражался—распространялъ онъ рѣшительно на всѣ клочки, кружковые катехизисы и мундирныя отмѣтки—отъ мистическаго народничанья до докторальнаго „направленства“.

— Мы, кажется, встрѣчались у Цыбашева?—небрежно спросилъ его вбокъ Эсауловъ, снимая правой рукой свое *ripse-pez*.

— Очень можетъ быть,—отвѣтилъ ему Лыжинъ съ такимъ же отѣнкомъ.

— Давно я не видалъ старика... Все такъ же пылокъ и бурливъ?

— Вѣроятно... Я самъ давно у него не бывалъ.

Голосъ и манера говорить Эсаулова не нравились Лыжину; но онъ не хотѣлъ давать хода своему безрелигиозному настроенію.

Разъ онъ принялъ приглашеніе на сбѣдъ, глухо было ѣжиться и раздражаться. Надо воспринимать жизнь такой, какой она представляется. Это—*новая* московская жизнь. Домъ Кумачева—въ его теперешнемъ положеніи человѣка, который хочетъ найти самого себя и осмотрѣться—быть-можетъ, настоящая находка.

Личность самого хозяина, его *alter ego* Кострицынъ, его жена, ея салонъ—все это нѣчто, въ такомъ подборѣ имъ еще не виданное.

— Напон будетъ съ мужемъ?—спросилъ Эсауловъ, нагнувшись еще ближе къ Антонинѣ Борисовнѣ.

— Утѣштесь... одна.

— Супругъ боленъ?

— Нисколько. Онъ на охотѣ... на лосей... или на медвѣдей... ужъ не знаю хорошенько!

— А-а!.. Какая пріятная страсть въ мужѣ!

— Смотрите!—погрозила пальцемъ Антонина Борисовна. — Онъ ходитъ на медвѣдя съ рогатиной. Одинъ на одинъ. Такой мужъ опасенъ.

Тонъ этого разговора показался Лыжину сомнительнаго вкуса.

„Это еще кто?“ — спросилъ онъ, увидавъ новую мужскую фигуру справа отъ себя.

Маленькими шагками двигался такого же высокаго роста, какъ онъ, блондинъ, въ смѣкингѣ, съ падающими плечами и женскимъ складомъ бедеръ, держа свои корот-

кія ручки на груди и съ опущенными внизъ кистями. Лицо у этого уже немолодого мужчины было круглое, пухлое, съ налетомъ пудры, бритое, при длинныхъ и тонкихъ усахъ.

Во всемъ его существѣ Лыжинъ зачуялъ что-то тайно порочное и исковерканное.

Къ хозяйкѣ подошелъ онъ, нагибая на особый ладъ свою голову, маленькую, съ рѣдкими, лоснящимися волосами, и когда совѣмъ нагнулся, чтобъ поцѣловать ея руку, то весь представилъ собою ломаную линію, смѣшную и кокетливую, съ его длинными и сухими ногами, которыя болтались въ широкихъ — по-модному — панталонахъ съ шелковыми лампасами.

Это былъ Ковригинъ, тотъ родственникъ и свойственникъ самыхъ лучшихъ фамилій, котораго поджидала Антонина Борисовна. Она считала его выгодной принадлежностью своей гостиной и столовой, хотя всѣмъ извѣстно, что онъ давно живетъ на чужой счетъ, и его специальное прозвище въ ея кругу: „Kowrigine — le pique-assiettes“.

— Bonjour, bonjour, ma toute belle! — картаво и визко процѣдилъ онъ и опустился около нея на диванъ, не сразу выпустивъ руку.

Она познакомила съ нимъ Лыжина. Эсауловъ подаль ему руку, Ковригинъ протянулъ ему свою, лѣниво и мажнерно, не покидая развинченной позы между двумя подушками дивана.

„Ахъ ты, животное!“ — выбранился Лыжинъ и сейчасъ вспомнилъ, что это за баринъ и какой *особенной* репутаціей пользуется. На немъ лежало двойное клеймо — и такое, о которомъ говорила вся его внѣшность, и клеймо еще недавняго друга дряхлой, выжившей изъ ума княгини. Онъ ее пустилъ по міру, — это было лѣтъ десять назадъ, — проѣлъ ея состояніе, и теперь опять проживаетъ лизоблюдомъ въ Москвѣ и за границей, куда удаляется каждый годъ въ январѣ.

Изъ гостиной раздался говоръ, и звонкій женскій голосъ покрывалъ другіе — мужскіе голоса.

— Voici Nanon! — назвалъ Ковригинъ, и сдѣлалъ чисто дамскій жестъ кистью правой руки.

Антонина Борисовна встала, за ней и двое гостей; но Ковригинъ оставался въ той же позѣ.

ХІІ.

За столомъ было ровно десять человѣкъ. Лыжина посадила между Кострицынымъ и Эсауловымъ — посрединѣ одного изъ продольныхъ краевъ стола. Хозяинъ и хозяйка сидѣли одинъ противъ другого, на узкихъ краяхъ.

Противъ Лыжина помѣщались двое господъ, съ которыми его не успѣли познакомиться, передъ переходомъ въ столовую — длинную комнату, шедшую параллельно съ двумя парадными салонами.

Эти два гостя составляли центръ. Они вели и общій разговоръ, одинъ—шумно и словообильно, другой—съ меньшей увѣренностью, въ видѣ краткихъ изреченій. Кострицынъ за супомъ шепнулъ Лыжину, что первый—приѣзжій изъ Петербурга, крупный чиновникъ Сидоренко; второй — Шахматовъ, восходящая медицинская извѣстность, годовой врачъ Кумачевыхъ, специалистъ по дѣтскимъ болѣзнямъ.

Сидоренко—съ широкой грудью, плечистый брюнетъ—своими расчесанными бакенбардами, прической и краснымъ, салыстымъ лицомъ, смахивалъ на швейцара въ казенномъ домѣ. Шахматовъ смотрѣлъ чиновникомъ, и даже приѣхалъ со службы въ вицмундирѣ: молодой и очень молодой, съ подстриженной бородкой, русой, въ высокихъ воротничкахъ и въ золотыхъ очкахъ, съ постоянной иронической усмѣшкой на безцвѣтныхъ губахъ широкаго недобраго рта.

Кострицынъ же объявилъ Лыжину и кто сидѣлъ рядомъ съ хозяйкой—въ томъ же ряду: прожившійся фабрикантъ-милліонеръ Орѣховъ, похожій лицомъ на Донъ-Карлоса, сѣдой и въ черныхъ усикахъ, съ остатками мужской красоты, также въ смѣкингъ, какъ и Ковригинъ, сидѣвшій справа отъ Антонины Борисовны.

Подали „chaud-froid“ изъ дичи, четвертое блюдо изъ меню, написаннаго на атласистыхъ листкахъ съ цвѣтными и золотистыми арабесками.

Все, что подавали, съ самаго начала обѣда, показывало, на какой ногѣ стояли кулинарная часть и сервировка въ домѣ Захара Лукьяновича Кумачева. Серебро, фарфоръ, хрусталь, вазы съ цвѣтами, все это было и богато, и очень красиво, по всему этому, вѣроятно, прошелся артистическій вкусъ Антонины Борисовны. Для рыбы клались,

у каждаго куверта, особенные ножи—на англійскій ладъ, съ серебрянымъ лезвиемъ, притупленнымъ и матовымъ.

Прислуга, въ своихъ темно-коричневыхъ фракахъ, съ бархатными воротниками и золотыми пуговицами, похожа была на цѣлую команду чиновниковъ. Служила она съ соблюденіемъ самыхъ утонченныхъ пріемовъ, подъ строгимъ надзоромъ дворецкаго, стоявшаго около рѣзного открытаго буфета.

— *C'est exquis!* — промямлилъ противный Лыжину Ковригинъ, отвѣдавъ отъ кушанья, подкатилъ зрачки къ верхнему вѣку и сдѣлалъ два кивка головой въ сторону хозяйки и своей *vis-à-vis*—Nanon Верховцевой.

Ей Лыжина представили передъ уходомъ изъ кабинета Антонины Борисовны, но со своего мѣста онъ могъ видѣть только ея профиль и не-роскошныя формы московской барыни, вышедшей замужъ на возрастѣ къ двадцати пяти годамъ. Nanon, прозванная такъ въ кругу своихъ пріятельницъ, была некрасива, со вздернутымъ носомъ и узкими глазами, но вообще съ пикантнымъ лицомъ; она брала гибкостью бюста и никогда не измѣнявшей ей бойкостью, говорила много и скоро, звонкимъ голосомъ, много французила и выкладывала свои „штучки“, какъ выражалась про нее, за глаза, и ея первая пріятельница—Антонина Борисовна.

За этимъ обѣдомъ ей не удалось овладѣть разговоромъ. Посаженный рядомъ съ нею Эсауловъ нашептывалъ ей какія-то двусмысленныя любезности и заставлялъ часто смѣяться. Разговоръ—послѣ возгласа Ковригина насчетъ четвертаго блюда „*chaud-froid*“—опять перешелъ къ той темѣ, которую съ особеннымъ усердіемъ поддерживали Сидоренко и Шахматовъ.

Съ первыхъ приступовъ бесѣды Лыжинъ очутился въ воздухѣ самой несдержанной и злорадной травли „жида“. Петербургскій гость—онъ ѣлъ все съ ножа—проглотивъ стремительно два-три куска тонкаго кушанья, изготовленнаго французомъ „шефомъ“, продолжалъ, краснѣя и пыхтя, изложеніе своихъ видовъ и мѣропріятій, особенно любезныхъ его „русской“ душѣ; Шахматовъ, улыбаясь вбокъ, поддакивалъ движеніемъ головы и ѣлъ медленно и опрятно. Аккуратность сквозила во всѣхъ его пріемахъ, и онъ дѣйствовалъ ножомъ, точно производилъ изящную и тонкую операцію передъ аудиторіей пятаго курса студентовъ.

— Стало-быть, — освѣдомился Захаръ Лукьяновичъ со

своего конца,—вокругъ нихъ будутъ теперь обводить тѣ же круги... суживать ихъ и суживать?

— Какъ въ нѣкотораго рода чистилищѣ? Ха-ха!..

Шахматовъ поглядѣлъ увѣренно вправо и влѣво, дожидаясь, что всѣ разсмѣются.

Разсмѣялись Орѣховъ и хозяйнѣ. Антопина Борисовна въ эту минуту что-то говорила своей пріятельницѣ и не разслыхала.

Лыжинъ взглянулъ сначала на Эсаулова, потомъ на Кострицына, какъ они отнесутся къ этой суровой расовой травлѣ?

Эсауловъ, съ самаго начала обѣда, ни однимъ словомъ не протестовалъ противъ выходовъ петербургскаго администратора и московскаго практиканта. Точно такъ же и Кострицынъ отдѣлывался только ужимочками и своимъ смѣшкомъ, въ которомъ Лыжинъ ничего опредѣленнаго не распознавалъ.

Теперь онъ поглядѣлъ на него въ упоръ.

Кострицынъ вынесъ этотъ взглядъ и, не пуская своего „хе-хе“, повелъ плечомъ и вмѣшался въ разговоръ въ первый разъ.

— Стало, ихъ запрутъ на пространствѣ шести или семи губерній, и никакого хода изъ этого желѣзнаго кордона не будетъ?

Въ тонѣ этого вопроса Лыжину было очень трудно различить, какихъ взглядовъ держится самъ Кострицынъ, и эта двойственность начинала не на шутку раздражать его. Большая рюмка изумительнаго рейнвейна, выпитаго имъ послѣ рыбы, приподняла и безъ того температуру его головы.

— Запрутъ, запрутъ! — разразился Сидоренко, и отъ смѣха его широкая грудь пошла ходуномъ.

Онъ положилъ оба локтя на столъ и безцеремонно нагнулся надъ своимъ приборомъ.

— Знаете... въ одномъ огромномъ ушатѣ. И пусть варятся въ собственномъ соку.

— Фи! Какое сравненіе! — брезгливо отозвалась Антопина Борисовна.

Ея пріятельница громко сказала, обращаясь больше къ Эсаулову, по-французски:

— У мужчинъ теперь только и разговоръ, что о еврейхъ.

Слово „les juifs“ прозвучало и въ ея извилистыхъ гу-

бахъ съ такой же интонаціей, какъ у Сидоренко и Шахматова.

— А потомъ что? — вдругъ спросилъ Лыжинъ, наклоняясь къ своему сосѣду черезъ столъ.

До тѣхъ поръ онъ упорно молчалъ, хотя хозяинъ раза два хотѣлъ втравить его въ общій разговоръ.

— Потомъ что? — переспросилъ чиновникъ. — Да то же!..

— Пускай варятся въ собственномъ соку! — выговорилъ вкусно и отчетливо Шахматовъ и поправилъ галстукъ на туго накрахмаленной груди рубашки.

— А каково же будетъ мѣстному русскому населенію?

— Тутъ пока ничего не подѣлаешь! Разумѣется, радикальная мѣра — одна!

— Всѣхъ поселить на необитаемомъ островѣ или выбросить въ море? — спросилъ Лыжинъ, впадая, противъ воли, въ насмѣшливый тонъ.

— Вотъ была бы благодать! — такъ же вкусно и отчетливо выговорилъ Шахматовъ и поглядѣлъ на Лыжина своими узкими самодовольными глазами.

Тотчасъ же Лыжину сдѣлалось досадно на себя, зачѣмъ онъ вмѣшался въ такой разговоръ. Добро бы еще изъ желанія подзадорить этихъ господъ и вызвать весь букетъ нынѣшняго преобладающаго настроенія.

Развѣ въ первый разъ слышитъ онъ тѣ же выходки? Прежде этимъ пробавлялись одни „гасильники“, теперь всѣ: чиновники и профессора, офицеры и студенты, художники и свѣтскіе шалопаи, старики и дѣти.

Онъ хочетъ „воспринимать русскую жизнь“, какова она есть въ настоящій моментъ. Нелѣпо возмущаться, если это — „неизбѣжная фаза общественнаго роста“ — какъ, навѣрно, скажетъ ему и его хитроумный сосѣдъ слѣва, магистрантъ Кострицынъ. Можетъ-быть, и тотъ съ особеннымъ вкусомъ склоняетъ, при случаѣ, слово „жидъ“, или „нѣмецъ“, или „полякъ“ — смотря по сюжету разговора.

— А ваше мнѣніе о земледѣльческихъ колоніяхъ? — освѣдомился Кострицынъ съ тою же двойственною усмѣшкой.

— Какія колоніи?.. Это все пuffs! Они не способны ни на какой честный крестьянскій трудъ. Да если бъ и были способны, все равно — нечисть одна и та же: за кабацкой стойкой обдуваетъ онъ мужика или самъ сѣно косить.

Опять у Лыжина зашевелился вопросъ: „такъ какъ же съ ними быть?“ — но онъ сдержалъ себя и, повернувъ го-

лову вѣѣво, сказалъ, обращаясь одинаково и къ Кострицыну, и къ Кумачеву:

— Вы знаете, что французскіе антисемиты заподозрѣли и въ папѣ Львѣ XIII еврея?

— Все возможно,—тонко отвѣтилъ Кумачевъ, съ улыбкой хозяина, который прежде всего желаетъ держаться въ трѣнѣ общаго разговора, пріятнаго большинству, не скрывая нисколько, что и онъ чувствуетъ, какъ истинный сынъ своей земли, какъ москвичъ, какъ дѣятель въ томъ городѣ, откуда русская земля „пошла естъ“—могъ бы онъ повторить слова лѣтописца.

XIII.

Замороженный пуншъ на чайномъ ликерѣ вызвалъ паузу передъ блюдомъ овощей—крупнѣйшей спаржи, поданной на серебряномъ штативѣ съ широкими щипцами.

Къ сладкому блюду оба vis-à-vis Лыжина—Сидоренко и Шахматовъ—опять попали на ту же зарубку.

Шампанское, послѣ разнородныхъ винъ, которыя подносились лакеями въ налитыхъ рюмкахъ, подняло еще выше температуру. Въ дамскомъ углу происходило à parte между Напон, Эсауловымъ и хозяйкой; къ нему присоединялся и Ковригинъ, то и дѣло нагибая голову въ сторону Антонины Борисовны, съ манерностью, все такъ же противной Лыжину.

Вина онъ давно не пивалъ въ такомъ количествѣ. Винные пары не дѣлали его веселѣе, только воспримчивѣе ко всему, что вокругъ него происходило и говорилось.

Голосъ Шахматова, отчетливый и деревянный, съ приглушеннымъ высокимъ звукомъ гласныхъ, врѣзывался въ его ухо.

— Помилуйте... У насъ просто оба царства—іудейское и израильское — водворились—было на семи холмахъ Москвы... Теперь только и отдыхаемъ немного!..

— Вижу,—откликнулся съ игриво-пьянѣющими глазами петербургскій гость, — вижу, что и у васъ всѣхъ этихъ лже-русскихъ и лже-германцевъ вывели на свѣжую воду... *Зильберляницъ*—портной... Но мнѣ этого мало... Ты—*Мовша Исаевъ*. Такъ ты и долженъ значиться... Или какая-нибудь *Паренова*—содержательница кассы ссудъ... Какъ бы не такъ! Ты—*Ривка Мордохъева!* Ха-ха!

Оба очень громко засмѣялись. Имъ сдержанно вторилъ и хозяинъ.

Опять взгляды Лыжина обратился влѣво, на Кострицына. Тотъ нагнулся надъ тарелкой севрскаго фарфора и доѣдалъ съ золоченой ложки пирожное — изъ замысловатой смѣси мороженаго, печенья и фруктовъ.

И вдругъ прожившійся купчикъ съ лицомъ Донъ-Карлоса точно про себя выговорилъ, съ кислой усмѣшкой:

— Однако... и *они* кое-гдѣ приносятъ пользу.

— Кто? Какъ? Гдѣ? — озадачили его однимъ выстрѣломъ Сидоренко.

— Да хоть бы на Окѣ, около нашей мануфактуры... Цѣлое село, въ три тысячи душъ, только и дышитъ, что работой на большой магазинъ готовымъ платьемъ, здѣсь вотъ, на Тверской, кажется... какого-то тоже Зильберглянца или Мандельбаума. Не все ли равно, какого онъ тамъ закона... А безъ него имъ всѣмъ хоть по-миру идти.

— Извините-съ! — крикнулъ Сидоренко и поднялъ кверху золоченый десертный ножикъ. — Это чистѣйшій софизмъ! Если на какой-нибудь промыселъ есть спросъ настолько, что нельзя обойтись безъ крестьянскаго труда, то благодѣтель вовсе не Зильберглянецъ.

— Однако, онъ первый началъ раздавать работу.

— Раскусилъ, что это выгодно. Но раньше-то они тамъ на что-нибудь жили?

— Бѣдствовали!

— Однако жили же! И это только лишнее доказательство соблазна и совращенія. Дать заработокъ, но какой? — совсѣмъ не въ духѣ крестьянскаго труда... Портняжество! И зачѣмъ дать заработокъ? Затѣмъ, чтобы держать цѣлую округу въ своихъ грязныхъ когтистыхъ лапахъ!

— Ну, ужъ это вы... слишкомъ! — прожившійся въ Парижѣ и въ Монте-Карло миллионеръ не уступалъ, хотя говорилъ точно нѣхотя, съ изнѣженной вилостью: — Послѣ того, и каждый изъ нашихъ, изъ настоящихъ русаковъ — кто заведетъ мануфактуру и станетъ набирать рабочихъ или научить мѣстныхъ крестьянъ у себя въ избахъ ткать миткаль — тоже совратитель?

— То — русскій! У него есть всѣ права. Онъ не втирается въ такое мѣсто, гдѣ ему закономъ запрещено жить... Какъ же можно сравнивать!

Орѣховъ пожалъ плечомъ и, не желая дальше возражать, считая себя слишкомъ по-европейски воспитаннымъ, взялъ стаканчикъ съ шампанскимъ и началъ тихо отхлебывать изъ него.

Онъ, видимо, хотѣлъ показать, что ему „въ сущности“ все равно, но и петербургскаго „чинушà“ онъ можетъ осадить, потому что эти господа — охотники мудрить и важничать, а настоящее дѣло дѣлаютъ только мужики, да торговые и промысловые люди, — конечно, не такіе безпутные, какъ самъ онъ, прожившій въ десять лѣтъ пай въ три милліона, да барышей на такую же сумму.

Возраженіе Орѣхова только подлило масла.

Лицо Шахматова сдѣлалось глянцевоитымъ, и глаза злобно улыбались.

— Маски надо сдирать, — проговорилъ онъ, упирая на словѣ „маски“. — Онъ — штатскій генераль, онъ съ лентой черезъ плечо! А для меня онъ — форменный жидъ! Я кровь эту узнаю въ какомъ угодно колѣнѣ... Захаръ Лукьяновичъ, — кивнулъ онъ головою черезъ столъ, — вѣдь вотъ нашъ съ вами пріятель, Ѳедоръ Германовичъ, кажется, нѣмчура по отцѣ... а по матери — настоящей русакъ. Она вѣдь была, по себѣ, Аванасьева какая-то или Севастьянова. И братъ въ чины вышелъ. Но дѣдъ ихъ былъ изъ выкрестовъ. Кровь-то, кровь — острая. Она себя сейчасъ выдастъ. Почему Ѳедоръ Германовичъ курчавый и весь обликъ у него на портного Зильберглянца смахиваетъ? Все потому же. Острая кровь, дьявольски острая! Это еще спасеніе наше... на будущее время. Въ сотомъ колѣнѣ себя выдастъ!

— Острая кровь! — повторилъ Лыжинъ и, разсмѣявшись тихо, спросилъ Костицына: — И вы не держитесь ли той же теоріи?

Костицыну подавали вазу съ фруктами. Онъ взялъ мандаринъ и не торопясь отвѣтилъ:

— Держусь теоріи... Юрій Петровичъ, только не всѣмъ этой.

И глазами досказалъ: „Развѣ вы не видите, что я лично не желаю поддерживать такого разговора? А если вамъ угодно знать мой взглядъ, то поговорите со мною съ-глазу-на-глазъ“.

Уклончивость этого „приказчика“ (такъ онъ его въ эту минуту обозвалъ) показалась Лыжину слишкомъ ординарною, чтобы стоило вступать съ нимъ въ особый разговоръ.

Онъ даже попенялъ себѣ, зачѣмъ сдѣлалъ вопросъ насчетъ „острой крови“.

Обѣдъ кончался. Хозяйка встала первая. За ней поднялся и мужъ ея.

Онъ обратился ко всѣмъ мужчинамъ и громко пригласилъ ихъ покурить. Антонина Борисовна не выносила дыма сигаръ у нея въ гостиной или кабинетѣ. Кофе подавали мужчинамъ въ курильную, помѣщавшуюся позади столовой.

Съ дамами ушли Эсауловъ и Ковригинъ, какъ некурильщики.

Лыжинъ задержалъ Кострицына въ столовой и, прежде чѣмъ перейти въ курильную, отвелъ его къ окну, гдѣ и сталъ съ нимъ прохаживаться, въ то время какъ лакеи убирали со стола.

— Вы страстный курильщикъ?—спросилъ онъ Кострицына.

— Не курю.

— Значить... вы не стремитесь туда. Пускай они наглотаются дыму.

— Разумѣется... Намъ могутъ подать кофе и сюда.

— Мы довольно слушали этихъ *патриотовъ своего отечества*,—сказалъ Лыжинъ, не совсѣмъ довольный тѣмъ, что у него сорвалась съ языка избитая газетная прибаутка, хотя она и вѣрно выражала его мысль.

— Достаточно,—выговорилъ съ двойственной усмѣшкой Кострицынъ.

— Хорошъ петербургскій чинушъ; но не дурень и мѣстный интеллигентъ и карьеристъ.

Кострицынъ промолчалъ.

— Или, быть-можетъ, вамъ, какъ другу дома, непріятно мое опредѣленіе этого господина?

— Я въ своихъ оцѣнкахъ безусловно свободенъ, Юрій Петровичъ, —сказалъ Кострицынъ и безъ своего „хе-хе“ поглядѣлъ на него. — Но, согласитесь, роль простого созерцателя—единственно приличная тому, кто хочетъ мыслить, а не руководиться только своими эмоціями.

— Какъ сказать!—возразилъ Лыжинъ.

Въ немъ росло желаніе заставить этого „амбарнаго Сократа“—такъ онъ его уже называлъ про себя—высказаться попроще и поискреннѣе.

— Я васъ считаю человѣкомъ мыслящимъ,—заговорилъ Кострицынъ быстрѣе и серьезнѣе. — Мы можемъ понять другъ друга... если только вамъ не мѣшаютъ еще разныя прописи.

— Какія?—тревожнѣе спросилъ Лыжинъ.

— Всякія!.. Васъ я еще мало знаю... Юрій Петровичъ. Но то, что слыхаль, оставляетъ меня въ недоумѣніи...

Совсѣмъ не такой оборотъ думаль придать разговору Лыжинъ. Но съ этимъ „амбарнымъ Сократомъ“ ему все-таки стало теперь гораздо легче, чѣмъ за обѣдомъ.

— Вы къ дамамъ не пойдете?—спросилъ Кострицынъ.

— Нѣтъ.

— Такъ знаете что?.. Спустимтесь въ кабинетъ Захара Лукьяновича. Тамъ мы будемъ на просторѣ. Кстати же надо намъ условиться и насчетъ поѣздки. Вы вѣдь покончили... Но условно?

— Да,—отвѣтилъ почти нехотя Лыжинъ.—Вы должны будете произвести еще ревизію, и если все найдете такъ, какъ доносилъ управляющій...

— Вамъ это развѣ неприятно?

— Съ какой же стати!

— Я вѣдь не дѣлецъ. Захаръ Лукьяновичъ довѣряетъ мнѣ—вотъ и все. Насъ съ вами судьба свела на почвѣ купли-продажи. Но мнѣ почему-то сдается, Юрій Петровичъ, что мы съ вами пойдемъ другъ друга... и знакомство наше не ограничится одной этой дѣловой поѣздкой.

Глаза Кострицына заискрились и ихъ выраженіе не покорило Лыжина.

— Такъ идемъ внизъ?

— А хозяйнъ?

— Онъ кабинетъ свой не охраняетъ. Ха-ха! Курильная устроена во второмъ этажѣ только для удобства гостей, хорошо пообѣдавшихъ въ столовой.

Кострицынъ распорядился насчетъ кофе; они прошли на площадку и спустились по парадной лѣстницѣ на половину Захара Лукьяновича.

— Я бы хотѣлъ удалиться по-французски, — сказалъ Лыжинъ.

— И это можно!.. Хозяева это допускаютъ.

XIV.

Чашки кофе были уже допиты. Кострицынъ ходилъ маленькими шажками по кабинету. Лыжинъ сидѣлъ на ту-репкомъ диванѣ съ протянутыми ногами и курилъ.

Ихъ разговоръ перешелъ въ ту полосу, когда, послѣ взаимныхъ заподозриваній, два умныхъ человѣка должны выложить карты на столъ. Но Лыжинъ не хотѣлъ сразу вводить „амбарнаго Сократа“ въ собственное „нутро“;

показывать ему безъ особенной надобности свое общее настроеніе, близкое къ индифферентизму, и какъ онъ пришелъ къ нему изъ нежеланія подчиняться такимъ идеямъ и стремленіямъ, въ которыя извѣрился.

Ему хотѣлось сначала заставить Кострицына высказаться, не виляя, безъ прибаутокъ и классическихъ изреченій.

— Какъ же вы относитесь, Иванъ Кузьмичъ,—онъ въ первый разъ назвалъ его по имени и отчеству,—къ этому взрыву расовой нетерпимости?—спросилъ онъ его, не горячася, въ тонѣ простого любопытства.—Полюбуйтесь на сангвиническаго администратора. Вѣдь онъ готовъ проповѣдовать, подъ личиной государственной и національной пользы, чуть не Варооломеевскую ночь! А эскулапъ? Этотъ продуктъ восьмидесятихъ годовъ? Вѣдь онъ, кажется, доцентъ? Стало, онъ въ университетѣ, въ аудиторіяхъ, у товарищей набрался позитивнаго бездушія, цинической манеры выражать свои взгляды и замашки? Вѣдь ото всего этого не пахнетъ, а воняетъ безстыднымъ нахальствомъ и пошлостью.

— Ого! Какъ вы суровы, Юрій Петрович!

— Такъ, по-вашему, не такъ?

— Букетъ новѣйшій—это точно. И я не нахожу, чтобы гости Захара Лукьяновича—и господинъ Сидоренко, и терапевтъ Шахматовъ — были какими-нибудь особенно циническими выразителями момента!.. Такихъ теперь сотни—и вездѣ: и въ столицахъ, и въ провинціи, среди людей, у которыхъ есть какой-нибудь вѣсъ въ обществѣ.

— И чтò же, вы этому радуетесь?

— Я пока только констатирую. И—попутно—позвольте сдѣлать одно замѣчаніе. Къ чему эти клички и рубрики: шестидесятые года, семидесятые, восьмидесятые?! Дѣло тутъ не въ *нихъ*, а въ извѣстныхъ инстинктахъ, массовыхъ или сословныхъ—это все равно. Они и не думали замирать, а только лежали подъ спудомъ, и теперь подняли голову и добиваются удовлетворенія.

— Это такъ!—горячо прервалъ Лыжинъ. —Вы у меня точно похитили мысль, когда я слушалъ діатрибы моего визаві. Я думалъ: двадцать лѣтъ назадъ тотъ же чинушъ, а еще болѣе тотъ же доцентъ, не посмѣлъ бы, слышите, не посмѣлъ бы,—Лыжинъ выпрямилъ станъ,—не посмѣлъ бы,—еще сильнѣе повторилъ онъ,—говорить въ такомъ тонѣ. Ему совѣстно было бы.. Онъ зналъ, что тогда ему бы не дали продолжать.

— Ему и теперь возражали.

— Кто?

— Вы слышали, кто... Но почему же вы сами, Юрій Петровичъ, не разгромили его, хе-хе!

Кострицынъ стоялъ передъ нимъ, широко разставивъ свои короткія ноги.

Его искривленные глазки довольно язвительно усмѣхались.

— Съ какой стати? — вскричалъ Лыжинъ. — Съ какой стати, — повторилъ онъ, — стану я выступать противъ такихъ господъ, да еще въ домѣ, гдѣ хозяинъ, повидимому, сочувствуетъ вполнѣ такимъ, какъ вы изволили выразиться, инстинктамъ? Кстати... вы мнѣ приводили, помнится, у меня, какое-то латинское изреченіе, которое Захаръ Лукьяновичъ взялъ своимъ девизомъ... Какъ бишь это?

— *Ibo singulariter donec transeam...* Изреченіе не плохое.

— И, кажется, вы его перевели тогда: „мы сами — съ усами!“

— Ха-ха! Въ родѣ этого, но въ серьезномъ тонѣ.

— Но не значить ли *singulariter*: — въ духѣ послѣдняго десятилѣтія, рука объ руку съ такими патриотами, какъ петербургскій карьеристъ и московскій эскулапъ?

„Зачѣмъ я все это говорю?“ — вдругъ остановилъ себя Лыжинъ. Ему стало почти противно играть роль самаго обыкновеннаго либерала или радикала въ глазахъ Кострицына.

Положимъ, его тошнило за обѣдомъ отъ всей этой травли, но сиди на мѣстѣ Сидоренка и Шахматова два какихъ-нибудь красная изъ тѣхъ „толковъ“, съ которыми онъ прервалъ сношенія, многимъ ли бы лучше онъ себя чувствовалъ?

— Ни защищать моего патрона, ни нападать на него мнѣ не приходится, Юрій Петровичъ, — заговорилъ Кострицынъ, присаживаясь на край дивана. — Присмотритесь къ нему. Онъ, по-своему, homo novus... И такимъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, теперешняя полоса русской жизни.

„Съ чѣмъ и поздравляю васъ“, — хотѣлъ-было вслухъ выговорить Лыжинъ и промолчалъ.

Справа, за его спиной, вошелъ въ кабинетъ Эсауловъ.

— А! Вы вотъ куда удалились, господа! — раздался его скрипучій голосъ.

— Вы отъ дамъ? — спросилъ его Кострицынъ.

— Собираюсь уходить... и вспомнил, что оставил здѣсь шляпу... У васъ, кажется, идетъ какое-то преніе, господа?

Лыжинъ взглянулъ на него вбокъ и сказалъ, не скрывая ироніи:

— Вотъ вы человѣкъ семидесятыхъ годовъ—мой сверстникъ, развѣ въ наше время прошло бы безнаказанно то, что сейчасъ говорилось за обѣдомъ?

— Смотря гдѣ, — отвѣтилъ брезгливо Эсауловъ, понявшій намекъ Лыжина.—Если бѣ теперь протестовать вездѣ во имя пивическихъ идей, — подчеркнул онъ, — то пришлось бы съ утра до ночи кипятиться. Мы съ вами не студенты. До свиданія, господа!—такъ же брезгливо раскланялся онъ и, отыскавъ свою шляпу, вышелъ.

Оба помолчали по уходѣ Эсаулова.

— Ну, вотъ, — началъ первый Лыжинъ, — такой представитель европеизма и прогрессивныхъ идей—и онъ поумнѣлъ... Моя хата съ краю—ничего не знаю.

— Стульевъ не хочется ломать!

— Зачѣмъ же непременно стулья ломать? Можно однимъ словомъ, однимъ звукомъ очистить воздухъ отъ такихъ благоуханій. Эсауловъ—давнишній гость. У него репутація либерала. Но, должно-быть, хозяева нисколько не стѣсняются его либерализмомъ и знаютъ, что онъ сталъ тихонькій...

Лыжинъ не досказалъ и только повелъ рукой.

— Эхъ, Юрій Петровичъ, — заговорилъ Кострицынъ тише и мягче, пододвинувшись къ нему на томъ же диванѣ,—вы, какъ я вижу, желаете держать все то же знамя семидесятниковъ.

— Пожалуйста!.. Вы сами не хотите этихъ рубрикъ и кличекъ.

— Во всякомъ случаѣ, въ васъ говоритъ нѣкоторая прямолинейность взглядовъ и принциповъ.

— Ни то, ни другое... Не нужно быть прямолинейнымъ, чтобы васъ тошнило отъ пошлости, — возразилъ Лыжинъ.

— Да развѣ васъ содержаніе и тонъ такихъ бесѣдъ поразили своей неожиданностью?

— Я этого не говорю.

— Вы ихъ услышите теперь вездѣ — и въ канцеляріяхъ, и въ ученыхъ обществахъ, и между учащейся молодежью. Но вернемся къ Эсаулову. Я думаю, что такой

интеллигентъ, какъ онъ, дѣйствительно поумнѣлъ. Надо же когда-нибудь сбросить иго готовыхъ формулъ, какъ бы онѣ ни были красивы и почтенны. Въ прописяхъ вѣдь и нѣтъ никакихъ другихъ формулъ. Васъ возмущаетъ развалъ расовой нетерпимости? А для меня, Юрій Петровичъ, такой развалъ гораздо лучше, чѣмъ недавнее подхалимство передъ прогрессомъ, гуманностью, народомъ, прямолинейной моралью.

— Вотъ какъ!

— Да-съ. И если мы съ вами не разоидемя сразу—вы кончите тѣмъ, что поймете меня. Не сегодня, такъ завтра. А на сегодня—мнѣ самому надо уходить къ восьми—я скажу вамъ вотъ что: не можете быть никакого прогресса—за него вы, конечно, стоите?—до тѣхъ поръ, пока личность не будетъ автономна, пока она не будетъ дерзать и посягать.

— Дерзать и посягать?—повторилъ задумчиво Лыжинъ.

— Да-съ, дерзать и посягать! Пускай она доходитъ до крайняго предѣла своихъ собственныхъ позывовъ и не боится прописей, какъ бы онѣ ни были гуманны и благородны.

— Это что же? Защита хищничества?

— Назовите, какъ хотите. И для меня, какъ для человѣка, желающаго мыслить, а не охать, Захаръ Лукьяновичъ Кумачевъ, въ теперешней своей фазѣ, гораздо цѣннѣе, чѣмъ если бъ онъ подлаживался подъ то, что было двадцать лѣтъ назадъ въ воздухѣ.

— А онъ теперь точно такъ же не подлаживается къ камертону?

— Нѣтъ... самый этотъ камертонъ отвѣчаетъ на позывы его натуры и на запросы его личности. И прекрасно!

— Прекрасно!—повторилъ Лыжинъ, спустилъ ноги на коверъ и всталъ.—Я скрываюсь по-французски. На первый разъ—довольно!

— И на томъ спасибо!

И смѣхъ Кострицына раздался жидкимъ звукомъ въ засвѣжѣвшемъ кабинетѣ.

XV.

По первопутку извозчицы санки катились бойко. Мимо мелькали деревья бульвара, слегка уже покрытыя инеемъ. Потомъ пошли переулки съ одноэтажными обывательскими домами.

Тишина стояла полная, точно за-полночь, а былъ всего девятый часъ въ началѣ.

Лыжинъ, не закутываясь въ свой ергакъ, подставлялъ лицо подъ мягкій вѣтерокъ. Снѣжинки садились ему на щеки и освѣжали ихъ. Ему радостно было вдыхать легкій, не очень морозный воздухъ, послѣ долгаго сидѣнья въ столовой, полной свѣта, и въ кабинетѣ, гдѣ онъ разгорѣлся отъ разговора съ Кострицынымъ.

Въ передней, когда швейцаръ подавалъ ему шубу, онъ вспомнилъ вопросъ этого „мандарина“—Эсаулова: давно ли онъ видѣлъ старика Цыбашева, у котораго они когда-то встрѣчались.

И его потянуло туда. Какъ разъ это былъ день, когда Цыбашевъ принималъ у себя вечеромъ, запросто, съ семи часовъ, а къ десяти уже всѣ расходились, зналъ, что хозяинъ ложился непременно тотчасъ послѣ десяти и нигдѣ дольше этого часа не оставался.

Давно не бывалъ у него Лыжинъ, такъ давно, что почти совѣстно дѣлалось снова показаться туда.

Почему больше года не навѣщалъ онъ старика, и до послѣдней поѣздки своей за границу, и послѣ нея?

На это приходилось отвѣтить самому себѣ безъ утайки и ложнаго стыда.

Потому что во время своего временнаго увлеченія „толстовщиной“,—какъ онъ самъ теперь выражался и вслухъ, и про себя,—онъ не хотѣлъ огорчать старика неизбѣжными спорами. Онъ зналъ, что этотъ видъ „сектантства“ именно тогда всего сильнѣе раздражалъ Цыбашева. Онъ помнилъ, изъ болѣе ранней эпохи, какъ тотъ оглашалъ тѣсный кабинетикъ раскатами своего еще молодого, высокаго голоса, какъ тотъ повторялъ знаменитую формулу: „écrasez l'infâme“, примѣняя ее къ этому виду мистическаго народничества.

Теперь же, осенью, по пріѣздѣ изъ-за границы, онъ стѣснялся другимъ. Цыбашевъ, узнавъ, въ какихъ онъ мѣстахъ побывалъ, сталъ бы его спрашивать про тѣхъ, кого онъ навѣстилъ, и узнавать подробности его поѣздки на Средиземное море для поклоненія тѣни того первоначальнаго „учителя“, передъ памятникомъ котораго онъ покончилъ со своимъ „плѣненіемъ“, захотѣлъ получить обратно полную свободу ото всякихъ „прописей“ и символовъ вѣры, извѣрившись въ нихъ.

Тутъ опять пришлось бы или вилять, или огорчать ста-

рика, вызывать въ немъ взрывы негодованія, выслушивать отъ него разносы на тему „отступничества“ и „индифферентизма“.

Онъ побоялся этого, а потомъ и забылъ какъ бы о существованіи Порфірія Алексѣевича Цыбашева и его дома на Плющихѣ.

Это показалось ему сегодня постыдной трусостью. Что бы ни пришлось ему испытать въ кабинетикѣ Порфірія Алексѣевича, въ чемъ бы ни привелось покаяться или признаться, его потянуло на Плющиху, послѣ обѣда у коммерсанта Кумачева, этого homo novus послѣдней формаціи, по толкованію многоумнаго Кострицына.

Такъ задохнешься на первыхъ порахъ, прежде чѣмъ научишься приспособляться къ средѣ, превратишься въ свободнаго „созерцателя“, какъ все тотъ же Кострицынъ.

„Старый человѣкъ“ проснулся въ немъ. Ему нужно было убѣдиться, что въ томъ же городѣ есть еще старцы, оставшіеся вѣрными идеямъ, которыя Сидоренко и Шахматовъ считаютъ устарѣлымъ и непатріотическимъ вздоромъ.

Цыбашева онъ, когда-то, ставилъ очень высоко, какъ писателя и общественную силу, хоть и видѣлъ въ немъ новое доказательство того, какъ даровитый человѣкъ съ прямымъ призваніемъ не можетъ идти по своей дорогѣ. Когда-то этотъ—теперь отставной—чиновникъ былъ украшеніемъ двухъ университетовъ. И не захотѣлъ мириться съ тѣмъ, отъ чего „тошнить“, и долженъ былъ покинуть навсегда дорогія для него аудиторіи. Пришлось состоять въ ученыхъ чиновникахъ. Но перо не выпадало еще изъ его рукъ, и даже въ отставкѣ, въ послѣднія десять лѣтъ—теперь ему за семьдесятъ—онъ не переставалъ пылко и смѣло писать о томъ, что было для него дорого въ наукѣ и жизни родной страны.

Къ крестьянству, къ его судьбамъ относился онъ всегда съ особымъ чувствомъ. Онъ когда-то далъ и Лыжину первый сильный толчокъ въ сторону народолюбія. И община стала для Цыбашева несокрушимымъ догматомъ. Ее онъ отстаивалъ когда-то со славою, въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и съ тѣхъ поръ ни на одну іоту не отступилъ отъ того, что требовалъ для народа, какъ залогъ его спасенія отъ пролетаріата.

Въ этотъ „оплотъ“ Лыжинъ давно извѣрился, и когда ему его временное сектантство сдѣлалось тяжкимъ и онъ

его сбросилъ, онъ вспомнилъ Цыбашева недобрымъ словомъ, упрекнулъ его, мысленно, въ томъ, что тотъ увлекался не въ мѣру тайнымъ славянофильствомъ, въ которомъ, не сознаваясь въ томъ, пребываетъ до сихъ поръ этотъ даровитый, но упорный старикъ.

Теперь все это уже пережито. Не пойдетъ онъ ни къ кому въ выучку, не будетъ себѣ сызнова „пускать вошь въ ухо“, какъ острилъ его старшій сверстникъ, тамъ, въ Швейцаріи, въ курильной комнатѣ „Hôtel de Russie“.

Положимъ, и старикъ Цыбашевъ тоже не стоялъ никогда за обращеніе въ „звѣриный образъ“; напротивъ, до сихъ поръ способенъ разносить всѣ виды такого „юродства“, и мистическаго, и не-мистическаго, но по головкѣ онъ не погладить, если, войдя къ нему въ кабинетъ, черезъ пять минутъ сказать сразу:

— Порфирій Алексѣевичъ, я хочу раздѣлаться съ землей, и не потому, что вынужденъ сдѣлать это; только изъ потребности убѣжать отъ тошнаго повторенія все тѣхъ же „аховъ и оховъ“, при полной невозможности поднять этотъ народъ; а его не поднимешь тѣмъ, что подаришь ему свою лѣсную дачу и поѣмные луга.

Не погладить его по головкѣ Порфирій Алексѣевичъ! Онъ каждый годъ — и прежде, когда служилъ, и теперь, въ полной отставкѣ на пенсіи — ѣздитъ въ свое маленькое имѣніице, возится съ „православными“, завелъ тамъ школу и маленькое ссудное товарищество, пишетъ оттуда корреспонденціи о мѣстныхъ нуждахъ.

Не уходился старина, и не уходится, пока не забьютъ гвоздями крышку его гроба.

И все-таки, чѣмъ ближе былъ Лыжинъ отъ домика Цыбашева, тѣмъ его больше тянуло къ нему, въ его теплый и уютный кабинетикъ.

— Направо, третій домъ послѣ переулка, — сказалъ онъ извозчику, — въ три окна, одноэтажный.

Цыбашевъ называлъ свой домикъ „избушка на курьихъ ножкахъ“. Онъ ему достался отъ отца, но живетъ онъ въ немъ только съ тѣхъ поръ, какъ сталъ бобылемъ, потерявъ сначала двоихъ дѣтей, потомъ и жену. Смерть сына — красавца и даровитаго писателя — особенно подкосила его. Но онъ все еще держится на ногахъ, подвижный, живой, всегда „дымящійся“, по опредѣленію одного изъ его пріятелей.

Извозчикъ сдержалъ лошадь у калитки. Ворота были заперты.

Лыжинъ, нагибаясь, вошелъ въ калитку. Три окна домика—низкія, съ широкими простѣнками—были освѣщены.

На дворѣ, тѣсномъ и чистомъ, тропка, усыпанная пескомъ по свѣжему снѣгу, вела къ крылечку съ навѣсомъ.

Отворила ему толстая пожилая женщина, еще не сбѣдая, въ ковровомъ платкѣ—все та же Авдотья Ѳоминишна, бывшая нянька дѣтей и его экономка и горничная.

Она ему обрадовалась.

— Давно васъ, сударь, не видать, — ласково говорила она ему, снимая съ него еркакъ.—Гдѣ изволили побывать?

— За границу ѣздилъ, нянюшка,—отвѣтилъ ей въ тонъ Лыжинъ.—Порфирій Алексѣевичъ?

— Похвалить нельзя, — отвѣтила Авдотья Ѳоминишна вполголоса, уставляя въ углу крошечной передней его ботики.

Слѣва, изъ кабинета, доходили голоса и выше всѣхъ поднимался теноръ Порфирія Алексѣевича, удивительно молодежавый, точно говоритъ тридцатилѣтній мужчина, а Лыжину извѣстно, что Цыбашеву за семьдесятъ, если не всѣ семьдесятъ три.

Въ узенькой столовой, справа, шипѣлъ самоваръ на столѣ, гдѣ Авдотья Ѳоминишна только что передъ тѣмъ наливала чай.

— Порфирій Алексѣевичъ здоровъ?—спросилъ онъ увѣренно няню.

— Такъ-то... слава Богу!.. всѣмъ корпусомъ... А ножки...

— Что?

— Не дѣйствуютъ, — сказала она еще тише.—Насилу въ спальню переходятъ... вожу, какъ маленькаго.

И въ голосѣ толстухи дрогнули слезы.

— Что же такъ?

Онъ хотѣлъ спросить: ударъ?

— Съ осени правая нога... Подагра, что ли. Теперь ничего, а спервоначалу шибко мучились.

Лыжинъ остановился въ дверяхъ кабинета съ тремя окнами, занимавшаго весь фасадъ домика. Всѣ стѣны были въ книгахъ; слѣва клеенчатый мягкій диванъ, письменный столъ поперекъ, два большихъ портрета дѣтей въ простѣнкахъ. Свѣтъ висячей лампы дѣлалъ комнату очень веселой.

Хозяинъ сидѣлъ въ креслѣ съ пюпитромъ. Ноги были

укутаны пледомъ и покоились на табуретѣ; все въ той же длинной сѣрой визиткѣ, такой же свѣжій въ лицѣ; красноватые щеки не исхудали, сѣдые волосы курчавились, небольшая борода стала бѣлѣе и длиннѣе. Глаза, съ утомленными вѣками, еще блестяли и жестъ правой руки былъ, въ разговорѣ, такой же живой и характерный.

XVI.

Вокругъ хозяина сидѣло трое гостей. Никого изъ нихъ Лыжинъ не зналъ или не могъ вспомнить, встрѣчалъ ли гдѣ. Всѣ трое были старые люди; одинъ, вѣроятно, ровесникъ Цыбашева, съ бѣлой бородой и такими же длинными волосами, очень красивый старикъ; другой—врядъ ли на много моложе—съ жиденькой полусѣдой бородкой и въ шелковой скуфьѣ на совершенно голомъ черепѣ; третій—моложе ихъ всѣхъ на видъ—за пятьдесятъ лѣтъ, съ худымъ, спокойнымъ и кроткимъ лицомъ, въ густыхъ русыхъ волосахъ и бородѣ сизобурой сѣдины.

Лыжинъ остановился въ дверяхъ и выговорилъ немного взволнованнымъ голосомъ:

— Порфирій Алексѣевичъ, мое почтеніе!

— А!.. Это вы, Лыжинъ!.. Откуда? Душевно радъ... Берите стулъ—садитесь.

Тотчасъ же Цыбашевъ, двигаясь всѣмъ своимъ широкимъ и мускулистымъ туловищемъ, представилъ Лыжина своимъ гостямъ и быстро назвалъ ему каждого изъ нихъ: красиваго старца—Пехлевановымъ, старика въ скуфьѣ—Заводинымъ и высокаго, худого блондина—Гурьяновымъ.

Ихъ фамиліи ничего не вызвали въ памяти Лыжина.

— Чтò это съ вами? — спросилъ онъ, когда присѣлъ поближе къ креслу хозяина.

— „Стара стала—плоха стала“... Бисмаркова болѣзнь подкралась. Лѣтомъ еще могъ ходить, а теперь совсѣмъ инвалидъ. Вотъ спросите моего консультанта и друга Андрея Сергѣевича,—указалъ онъ своей маленькой нервной рукой на худого, высокаго блондина. — Онъ это называетъ артритъ, осложненный еще чѣмъ-то. Знаете, какъ старые французы-гувернеры говаривали въ наше дѣтство: blanc bonnet—bonnet blanc. Подагра-матужка!

И, не желая жаловаться на свои недуги, онъ съ той же живостью спросилъ:

— Куда вы пропали, Лыжинъ? Больше года о васъ ни слуху, ни духу. Можетъ-быть, ѣздили за границу?

— Былъ и тамъ... недавно вернулся, — не уклончиво, но очень сдержанно отвѣтилъ Лыжинъ.

— Небось, въ Парижѣ?

— Только проѣздомъ.

— Для васъ развѣ еще сохраняютъ какой-нибудь престижъ нынѣшніе французы? А?

— Не особенный, — искреннѣе отозвался Лыжинъ.

— Да, — подхватилъ Цыбашевъ, и его глаза блеснули въ болѣзненныхъ вѣкахъ, и весь онъ выпрямился. — Наши друзья — съ тѣхъ поръ, какъ на насъ молятся — стали Богъ знаетъ на кого и на что похожи!.. Просто стыдъ и срамъ! Мы уже стоимъ одной ногой въ могилѣ; но наша молодежь — что она тамъ можетъ взять себѣ въ образецъ, къ кому потянется умъ и душа?.. Какой задоръ шовинизма! Что за гнусное политиканство!.. Одна буланжистская буффонада чего стоить. Въ жокакахъ рабочаго класса — изувѣрство, бессмысленный и циническій анархизмъ!.. Ни въ комъ ни чести, ни совѣсти, и каждый день дуэли газетчиковъ и политикановъ, у которыхъ нѣтъ ни капли любви ни къ истинѣ, ни къ отечеству, ни пониманія надвинувшейся на нихъ грозной стихіи пролетаріата. Какъ были въ іюльскіе дни въ сорокъ восьмомъ году, таковы и теперь, закорузлые и лицемѣрные буржуа, провонявшіе фразой, блудливые и трусливые. Помните, Лыжинъ, когда я вамъ далъ читать экземпляръ „Съ того берега“ — особенный, — прибавилъ Цыбашевъ, и голосъ его дрогнулъ, — вы мнѣ потомъ говорили, что начали прозрѣвать. Червь, который точитъ французское третье сословіе, былъ передъ вами впервые отпарированъ русскимъ человѣкомъ, проникнувшимъ сразу въ самую суть того, что славянофилы звали „гніеніемъ Запада“. Ихъ поднимали на смѣхъ, а они — тысячу разъ правы!

— Да, — отозвался тихо Пехлевановъ, старикъ съ живописной головой, — не въ такую Францію вѣровали мы передъ сорокъ восьмымъ годомъ.

— Когда зачитывались, — подхватилъ Цыбашевъ съ полунасмѣшливой улыбкой въ сторону Пехлеванова, — Петра Рыжаго — Пьера Леру, — объяснилъ онъ остальнымъ, — Луи Блана и вашего любимца Кабё.

— Именно, — съ громкимъ вздохомъ подтвердилъ Пехлевановъ. — Вѣдь и вы, Порфирій Алексѣевичъ, помните, я думаю, кондитерскую Иванова, на углу Моховой и Си-

меоновской улицѣ? Мы вѣдь какъ разъ въ эти года встрѣчались въ Петербургѣ.

— Какъ же, какъ же!.. Я защищалъ тамъ свою магистерскую диссертацию... Помню кондитерскую Иванова. Тамъ получались парижскія газеты.

— И какія! „La démocratie pacifique“, Консидерана... И Прудоновы рѣчи мы поглощали.

Старикъ грустно улыбнулся и покачалъ головой.

— А теперь?! — съ новымъ наплывомъ энергіи вскричалъ Цыбашевъ — онъ сдѣлалъ неосторожный жестъ, заставившій его поморщиться отъ боли въ ногѣ. — У молодежи нѣтъ ни дорогого имени, ни путеводной звѣзды. Или развалъ хищныхъ инстинктовъ, подъ прикрытіемъ анархическаго изувѣрства, или невыносимая пошлость нелѣпаго патріотическаго задора, франко-русская маниловщина во вкусѣ господина Дерулѣда. Что же мудренаго, что даже въ университетскихъ стѣнахъ можетъ происходить шабашъ расовой нетерпимости, одичаніе, какого никто изъ насъ не видывалъ въ самую крутую полосу нашей эпохи. Вотъ у Петра Ильича, — онъ указалъ на старика въ сѣдлѣ, — двое сыновей. Онъ отъ нихъ знаетъ одну исторію. Это почти чудовищно!

— Слышалъ, слышалъ, — поторопился Лыжинъ подтвердить.

— Каково?! — кричалъ Цыбашевъ. — И Франція теперь охвачена тѣмъ же крестовымъ походомъ. И Германія!.. А для меня это только симптомъ одичанія. Не было бы жидовъ, стали бы опять травить поляковъ, нѣмцевъ, англичанъ, тѣхъ же французовъ, съ которыми лобызаются при звукахъ марсельезы!..

— И дрожишь каждый день, — заговорилъ прерывистымъ и шамкающимъ голосомъ Заводинъ, отецъ двоихъ студентовъ, — дрожишь: вотъ-вотъ разразится какой-нибудь скандалъ и очутятся въ Бутыркахъ.

Страхъ чадолюбиваго старика задрожалъ въ этомъ возгласѣ. Заводинъ женился поздно, и оба его сына учились на разныхъ факультетахъ.

— Просто не знаешь, — продолжалъ онъ такъ же прерывисто и связно, — что теперь для нихъ дорого. Мы восхищались эллинской культурой. Она намъ дала пониманіе и великихъ дальнѣйшихъ эпохъ. Мы зачитывались и Пиндаромъ, и Эсхиломъ. А потомъ — Петрарка, Тассъ, Аріостъ, божественный Аріостъ! — воскликнулъ онъ съ

искренней аффектаціей.—А имъ вдалбливаютъ латиновъ и грековъ — и ни къ чему нѣтъ у нихъ вкуса. Шекспиръ — и къ тому съ кондачка. Напримѣръ, вотъ это, — обратился онъ ко всѣмъ, и глаза его—наивные и разбѣгающіеся — блеснули юморомъ:—мой меньшей сынъ—способный мальчикъ... Но до осьмнадцати лѣтъ не читалъ „Гамлета“!.. „Гамлета“!.. — повторилъ Заводинъ. — И въ театрѣ его не тянетъ. Я насильно сунулъ ему въ руки экземпляръ. Прочелъ. И какъ бы вы думали, что онъ мнѣ сказалъ утромъ за чаемъ? „Ну, какъ?“ — спрашиваю.—„Да что,—говорить онъ, отхлебывая изъ стакана,—комикъ!“

— Это кто же? — почти съ ужасомъ вскрикнулъ Цыбашевъ.

— Гамлетъ! Принцъ датскій! На котораго мы всю свою душу клали. Онъ—комикъ!

— Ха-ха-ха!—разсмѣялся умнымъ и добрымъ звукомъ Гурьяновъ, петербургскій пріятель Цыбашева, только что переѣхавшій въ Москву на покой послѣ долгой врачебной службы и большой практики.

— Комикъ!—почти взвизгнулъ Цыбашевъ и даже схватилъ сидѣвшаго рядомъ Лыжина за руку.—Комикъ!

— Что за Гамлетъ! Нынѣшнимъ ничего не надо, — полушутливо и кротко продолжалъ Гурьяновъ. — И ихъ наставники послѣдней формаціи—такіе же. Вотъ хоть бы мой племянникъ—докторъ Шахматовъ...

— Онъ вамъ племянникъ?—перебилъ Лыжинъ.

— Какъ же... А вы изволите его знать?

— Былъ съ нимъ на одномъ обѣдѣ, — отвѣчала Лыжинъ, не пожелавшій, однако, рассказать—у кого.

— Значить, вамъ извѣстно, какой онъ типическій представитель теперешнихъ позитивныхъ патриотовъ. У него такая манія жиждства, что онъ въ себѣ самомъ, въ своемъ собственномъ происхожденіи не увѣренъ и старательно изучаетъ генеалогическое древо рода Шахматовыхъ. Его и то ужасно обижаютъ, злитъ до жалости, что происходитъ онъ отъ какого-то касимовскаго мурзы, который только при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ крещенъ въ православную вѣру.

И опять онъ покрылъ свою тираду добродушнымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, господа! — воскликнулъ Цыбашевъ и широко всплеснулъ руками. — Не хочу я вѣрить, чтобы въ моло-

дежи все замерло и выродилось. Этого быть не может! Ее нельзя винить!.. Но вѣдь мы сами были студентами. Обезьянить—порокъ молодежи. Каждый изъ насъ проходилъ черезъ него. И въ наше время бывали пошляки, и какіе еще! Не мало было и глупаго фанфаронства, офицерскаго ухарства съ оттѣнкомъ марліищины. И всѣ эти лейтенанты Бѣлосоры и Амалать-Беки превращались въ ярыгъ и пакостныхъ крѣпостниковъ. Но ядро было, ядро! Оно понимало Грановскихъ и Кудрявцевыхъ! Для него мы жили и работали и готовы были выносить гнетъ и каверзу! Вся эта молодежь считала аудиторію храмомъ, предѣломъ своихъ упованій и духовныхъ радостей!

Лыжинъ закрылъ глаза и прислушался.

„Старичокъ,—думалъ онъ,—ты счастливецъ! Сойдешь въ могилу все тѣмъ же задорнымъ энтузіастомъ, но тебя застраховали книга, кабинетъ, аудиторія. Ты не предѣлывалъ опытовъ на себѣ самомъ, ушелъ отъ того, чѣмъ я и мнѣ подобные кончаемъ!“

— Чай подавать, Порфирій Алексѣевичъ? — раздался отъ дверей жирный голосъ Авдоты Ооминишны.

— Давай! давай! — остановился Цыбашевъ и сдѣлалъ экономакъ знакъ рукой.

— Есть хорошіе ребята, есть, — выговорилъ мягко и вдумчиво Гурьяновъ. — Но кто ими руководить?—Вотъ вопросъ.

— „There is the rub!“ — проговорилъ Заводинъ изъ „Гамлета“ и махнулъ рукой.

XVII.

Послѣ чая — девять уже пробило — совершенно незамѣтно разговоръ опять ушелъ въ даль, къ тѣмъ годамъ, когда Цыбашевъ и Пехлевановъ были молодыми людьми, къ эпохѣ увлеченія Франціей и ея реформаторами. И опять Пехлевановъ, съ блуждающей, полу-жалобной улыбкой началъ вспоминать кондитерскую Иванова, на углу Моховой и Симеоновскаго, газету Виктора (онъ произносилъ Викторъ) Консидерана, „*Démocratie pacifique*“, брошюры Прудона, дебаты въ тогдашней палатѣ.

Дошло и до книги Фурье: „*Le nouveau monde industriel*“.

Лыжинъ слушалъ съ полузакрытыми глазами и ему не вѣрилось, что въ одномъ и томъ же городѣ, въ теченіе какихъ-нибудь трехъ-четыреухъ часовъ, велись бесѣды

такъ глубоко различныя. Точно онъ попалъ въ царство тѣней.

Кабѣ, Прудонъ, Консидеранъ, Фурье—развѣ это не тѣни, не покойники, хотя одинъ изъ нихъ, кажется, до сихъ поръ еще живъ и гдѣ-то дотягиваетъ свой вѣкъ, забытый всѣми и у себя на родинѣ?!

— Геніальная мысль по простотѣ,—слышался ему тихій и грустный голосъ благообразнаго старика съ серебристой большой бородой, — построить все не на туманныхъ отвлеченностяхъ, не на метафизикѣ, а на природѣ страстей человѣка.

— Геніальная?! — подхватилъ Цыбашевъ и задвигался въ своемъ креслѣ.—Геніальная!? Не знаю. Новая въ свое время, оригинальная, смѣлая, чтò вамъ угодно, но не геніальная. Геніально лишь то, чтò основано на потребностяхъ духа. Только это и вѣчно. Только это и можетъ поднимать человѣчество. Ничто иное. А не система, построенная на самомъ, въ сущности, безпардонномъ сенсуализмѣ и эвдемонизмѣ. Основаніе всему—физическое довольство, роскошь, безконечный комфортъ и механическое сочетаніе производительныхъ функцій, точно на какой-то фабрикѣ, гдѣ вмѣсто колесъ, гаекъ, блоковъ и ремней дѣйствуютъ сначала физическія пять чувствъ, потомъ четыре нравственныя чувства и три страсти—довольно-таки подсочиненныя и когда-то пресловутыя: *cabaliste*, *papillone* и *composite*!.

Лыжинъ—въ первый разъ въ Москвѣ, съ тѣхъ поръ, какъ ходилъ по кружкамъ и „говорильнямъ“—присутствовалъ при перебирании такой старины. Изъ людей его поколѣнія, можетъ-быть, кое-кто читалъ Фурье; но, конечно, не всякій изъ нихъ отвѣтилъ бы сразу: чѣмъ страсть *cabaliste* отличается отъ страсти *composite*.

— Такъ нельзя, Порфирій Алексѣевичъ,—возразилъ, немного краснѣя, Пехлевановъ.—Цѣль была прекрасная: доказать, что цивилизація можетъ пойти совсѣмъ другимъ путемъ, если ее основать на гармоніи.

— Да основаніе-то всему чтò?.. Матеріальные позывы, признаніе роскоши и чувственности—чѣмъ-то архизаконнымъ!

— Гдѣ же это?

— Какъ, гдѣ?

Глаза Цыбашева еще сильнѣе разгорались.

— Лыжинъ, сдѣлайте мнѣ, калѣкъ, маленькое одолже-

ние: вонь на третьей полкѣ послѣ большихъ томовъ стоитъ пузатенькая книжка, въ переплетѣ. На корешкѣ заглавие: „Le nouveau monde industriel“. Пожалуйста, достаньте ее.

Всѣ смолкли, дожидаясь книжки.

Она оказалась на томъ самомъ мѣстѣ. Лыжинъ отряхнулъ ее отъ пыли и подалъ Цыбашеву.

— Вотъ сейчасъ, сейчасъ, милѣйшій мой Семень Григорьевичъ!—возбужденно заговорилъ Цыбашевъ, беря толстую, короткую книжку изъ рукъ Лыжина.—Не въ службу, а въ дружбу,—обратился онъ къ нему опять,—дайте мнѣ мои очки... вонь на письменномъ столѣ.

Гурьяновъ, сидѣвшій ближе къ столу, помогъ Лыжину отыскать футляръ.

— Вотъ, не угодно ли?..

Пальцы Цыбашева нервно перебирали листы.

— У меня есть даже два уголка. Тутъ какъ разъ изложеніе доктрины въ первомъ отдѣлѣ, который называется: „Section première“, съ подзаглавіемъ: „Analyse de l'attraction passionnée“.

Профессоръ, когда-то страстно любившій свое дѣло, проснулся въ старикѣ и голосъ сейчасъ началъ вибрировать. По-французски произносилъ онъ чрезвычайно отчетливо и нарядно. Въ этомъ произношеніи слышался баринъ.

— Тэ-тэ-тэ: вотъ какъ разъ на слѣдующей же страницѣ... Не угодно ли прислушать, господа?

Онъ поправилъ очки на крупной переносицѣ и началъ съ разстановкой читать:

— „En tout temps et en tous lieux l'attraction passionnée a tendu et tendra à trois buts“... И какова же первая изъ этихъ цѣлей, къ которой страстная аттракція тяготеетъ?.. „Au luxe“,—продолжалъ онъ читать, все поднимая тонъ.—Вы слышали? „Au luxe ou plaisir des cinq sens“.

— Не къ одному этому!—тревожнѣе прервалъ Пехлевановъ.

— Погодите... Далѣе: „Aux groupes et séries de groupes, liens affectueux“.

— Тутъ и любовь, и дружба, и материнское чувство, и самолюбіе,—быстро и такъ же тревожно выговорилъ Пехлевановъ.

— Позвольте... И въ-третьихъ: „Au mécanisme des passions, caractères, instincts. Et par suite à l'unité universelle“.

— Видите?—вскричалъ Пехлевановъ, поднялся съ кресла и оглядѣлъ всѣхъ возбужденно.

— Никакого всемірнаго единенія, милый мой, нельзя основать на удовлетвореніи брюха и похоти. И вашъ сидѣлецъ-суконщикъ, хоть онъ и даровитый былъ самородокъ, только на Господа Бога клеветалъ, когда раздражался такими истинами, какъ слѣдующая...

Цыбашевъ еще быстрѣ раскрылъ книгу на сдѣланномъ когда-то уголкѣ и весело-задорно, съ игрой въ глазахъ, прочелъ:

— „Dieu, distributeur de l'attraction, donne à tous les enfans le goût des friandises“.

Онъ разсмѣялся очень молодо, высокимъ звукомъ, и его смѣху вторили всѣ, кромѣ Пехлеванова.

Пехлевановъ продолжалъ стоять въ возбужденной позѣ.

— Такъ нельзя, Порфирій Алексѣевичъ. Выхватывать цитаты и представлять все въ смѣшномъ видѣ. Идея великая! Безъ воли Провидѣнія ничего не можетъ быть въ видимомъ мірѣ!..

— Хотя бы и такъ,—серьезнѣе и спокойнѣе заговорилъ Цыбашевъ и положилъ себѣ книгу на колѣни.—Но вашъ учитель, дорогой мой Семень Григорьевичъ, плавалъ слишкомъ мелко. У него была манія, въ родѣ какъ у щедринскаго Іудушки-Кровошивушки,—манія клѣточекъ, цифръ, сложенія и вычитанія, хозяйственныхъ примѣровъ. Нельзя, милый мой, на уходѣ за разными породами французскихъ грушъ, на какихъ-нибудь дюшессахъ тамъ что ли, философски демонстрировать всеобщее притяженіе страстей и міровую гармонию! Но это куда бы еще ни шло! Основаніе-то, ближайшая-то цѣль ограничены и лишены высшаго критерія. Роскошь! Удобства! Удешаженіе производства! Пять разъ ѣда до отвалу въ день! Вотъ мы и видимъ, какіе плоды въ Западной Европѣ далъ этотъ натискъ рабочей массы къ матеріальному наслажденію, къ захвату или къ звѣрскому истребленію во имя того же захвата. Порадуйтесь!

Эта негодующая выходка Цыбашева только тутъ звала въ Лыжинѣ желаніе возражать.

— Позвольте мнѣ, Порфирій Алексѣевичъ, вставить одно замѣчаніе,—неувѣренно вымолвилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе! Пожалуйста. Никому не за-
прещаю.

— Вы были всегда такимъ безусловнымъ защитникомъ нашей общины.

— И теперь въ этомъ пребываю.

— Прекрасно! Но вы и ваши сторонники прежде всего заботились о материальномъ благосостояніи крестьянской массы.

— Всеконечно!

— Вѣдь и это основаніе можетъ показаться, на иной взглядъ, слишкомъ мелкимъ.

— Позвольте-съ!—крикнулъ Цыбашевъ, и щеки его зардѣлись. — Позвольте-съ! Мы стояли и стоимъ за право крестьянъ на землю и за тотъ минимумъ довольства, безъ котораго нельзя ему выбраться изъ звѣринаго образа. Мы клали въ основу всего нравственный правовой идеалъ общиннаго быта. Въ основу всего! И если жизнь не подтвердила нашихъ *ria desideria*, то потому только, что другихъ-то факторовъ развитія народной массы нѣтъ еще на-лицо до сихъ поръ... Это надо всѣмъ, въ первую голову, понять.

— Согласенъ,—отвѣтилъ увѣреннѣе Лыжинъ и всталъ,— согласенъ въ абстракціи,—прибавилъ онъ другимъ тономъ,—но, мнѣ кажется, въ томъ ученіи есть одна здоровая сторона, а именно, что всѣмъ людямъ, бѣднымъ и богатымъ, мужикамъ и господамъ, дается программа жизни, сообразная ихъ свойствамъ, инстинктамъ и страстямъ. Другими словами, дается идеалъ возможно широкаго развитія личности. А чѣмъ же лучше видѣть, какъ у насъ, изъ-за мистическаго народничества, люди считаютъ своимъ идеаломъ: пустилъ себѣ, съ позволенія сказать, вошь въ ухо, надѣлъ зипунъ—и счастливъ!?

Ему ужасно хотѣлось прибавить, отъ кого и когда онъ услышалъ эти хлѣсткія выраженія.

— Развѣ я стою за такое изувѣрство?—крикнулъ Цыбашевъ. — Богъ съ вами! Вамъ прекрасно извѣстны мои взгляды. Дѣлайте для народа то, что считаете залогомъ его добрыхъ судебъ, но не создавайте себѣ изъ него фетиша!..

Въ дверяхъ показалась широкая фигура служительницы. Цыбашевъ увидалъ ее, остановился и выговорилъ:

Авдотья Оминишна... Первое предостереженіе. Значить, безъ четверти десять. Она неумолима, какъ рокъ!

XVIII.

Раскаты голоса Цыбашева проносились въ головѣ Лыжина, когда онъ возвращался домой съ Плющихи, послѣ горячей бесѣды старцевъ въ „избушкѣ на курьихъ ножкахъ“.

Если бѣ не появленіе Авдотьи Ѳоминишны въ дверяхъ кабинета—*memento dormiendi*—какъ назвалъ это Цыбашевъ, онъ бы выложилъ передъ бывшимъ руководителемъ теперешнія свои карты, огорчилъ бы Порфірія Алексѣевича и вызвалъ бы сильный „разносъ“ съ его стороны, чтò было бы для него причиной припадка подагры ночью.

Его наполняло всю дорогу—Лыжинъ пошелъ пѣшкомъ по пустыннымъ бульварамъ, вплоть до Никитскихъ воротъ—одно чувство, всплывшее поверхъ всего.

Вотъ трое стариковъ. Каждому, по меньшей мѣрѣ, за шестьдесятъ пять, всѣмъ троимъ больше двухсотъ лѣтъ. Въ какое время родились и воспитались они? Въ самое тяжелое. Родились передъ николаевской эпохой, въ полосу мистическаго изувѣрства и аракчеевщины. Послѣ воспитывались, учились и были молодыми людьми въ самый развалъ реакціи сороковыхъ годовъ.

Какая вѣрность тому, чтò въ нихъ заложено—вѣрность до гробовой доски!

Цыбашевъ — энтузіастъ общины, другъ крестьянской массы, прогрессистъ, вѣрующій въ безконечный путь совершенства для всего человѣчества, несмотря на его гнѣвные выходки противъ теперешнихъ французовъ, вѣрующій и въ русскій народъ не меньше любого славянофила.

Его не сдвинешь съ того камня, на которомъ онъ будетъ сидѣть до смерти, никакими доводами. А онъ не мистикъ! Онъ человѣкъ науки, пострадавшій, столько разъ въ жизни проходившій черезъ тяжкія испытанія гражданина и человѣка, черезъ потерю любимаго дѣла и обожаемыхъ дѣтей.

Гораздо ниже сортомъ его сверстники и пріатели—Пехлевановъ и Заводинъ. Одинъ съ сладковатымъ налетомъ „ученій“, бывшихъ въ модѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ, вѣроятно, помѣщикъ и даже отставной чиновникъ, неспособный, конечно, сдѣлаться дѣятельнымъ фанатикомъ какой бы то ни было доктрины, но сохранившій въ сердцѣ мечту о томъ „фаланстерѣ“, гдѣ всѣ будутъ сладко ѣсть,

гдѣ работа превратится въ игру, гдѣ самыя грязныя профессіи окажутся упоительной забавой для цѣлыхъ коргортъ подростковъ, склонныхъ къ вознѣ съ нечистотами.

Ничего такой благообразный старецъ навѣрно не создалъ, не приобрѣлъ: ни состоянія, ни чиновъ, скорѣе—прожилъ двѣ трети своего наслѣдства „на сельтерской водѣ“ — Лыжину вспомнилась острога одного злобнаго холерика точно о такомъ старомъ баринѣ — и никогда не былъ ни дѣятелемъ, ни борцомъ, ни за идею, ни за свой интересъ.

Но онъ вѣренъ себѣ и своей эпохѣ. Онъ—тихий, мечтательный, слабый и непослѣдовательный, а все-таки энтузіастъ и не знаетъ никакого душевнаго банкротства. И онъ не извѣрился ни въ человѣчество, ни въ свою родину.

Пришибленнымъ смотрѣлъ третій, тотъ лысый, страннаго вида, въ скуфѣѣ, похожий на стараго еврея, хотя онъ навѣрно такой же столбовой дворянинъ, какъ и Пехлевановъ, и Цыбашевъ, и воспитался по-барски. Можетъ-быть, юношей полетѣлъ въ Берлинъ слушать учениковъ великаго метафизика, погибшаго отъ холеры въ званіи „rector magnificus“, или какого-нибудь великаго филолога, знатока античнаго искусства. Потомъ бродилъ по Италіи, переводилъ Аріоста и Петрарку, зачитывался Винкельманомъ и Куглеромъ, проливалъ слезы восторга надъ образомъ Беатриче, и передъ божественной головой Діаны, и передъ Лаокоономъ, и посреди форума, гдѣ каждый обломокъ камня, всякій кирпичъ, вынутый изъ храма или триумфальной арки, наполнялъ его трепетаньемъ античнаго чувства.

И вотъ онъ теперъ—старый, забитый, совсѣмъ присмирѣлый, навѣрно прожившійся, дрожитъ за своихъ дѣтей. И цѣлая пропасть раздѣляетъ ихъ. Онъ не можетъ войти къ нимъ въ душу, боится только, чтобъ они не попали „въ Бутырки“ за какую-нибудь исторію, гдѣ скажется ихъ „направленіе“, въ которомъ онъ умываетъ руки. Душа его сыновей для него — потемки. Онъ съ ужасомъ и стыдомъ, смягчая ихъ юморомъ, рассказываетъ людямъ своего поколѣнія, какъ для его меньшого сына принцъ датскій—„комикъ“.

Самъ же онъ такъ же вѣренъ себѣ, какъ и кипучій, ни передъ чѣмъ не пасующій Цыбашевъ, какъ и кроткій, мечтательный Пехлевановъ. Эпоха сквозитъ изъ каждой его поры—эпоха съ ясными идеалами, съ культомъ кра-

соты, съ проникновеніемъ въ обаятельную даль эллино-римской культуры.

Даже этотъ докторъ Гурьяновъ, человѣкъ почти шестидесятихъ годовъ — ему врядъ ли больше шестидесяти, — ровный и благодушный, безъ рисовки и безъ избытковъ общихъ мѣстъ радикализма, показываетъ каждой линіей лица, каждымъ звукомъ голоса, что отдѣляетъ его отъ племянника — этого доцента-практиканта, обирающаго бѣло-лиловыя ассигнаціи съ московскихъ обывателей. Какъ все должно быть ясно и твердо уложено въ его головѣ бывалаго и мыслящаго врача, который, по доброй волѣ, удаляется на покой въ Москву, гдѣ ему вольнѣе дышится съ людьми своего времени, и стыдитъ при случаѣ „племянника“ за его изувѣрское патріотическое чувство и циническое хапанье гонорара въ геометрической прогрессіи.

Никто изъ нихъ не зналъ его страданій. И теперь — открой онъ свою душу любому изъ нихъ — онъ выслушаетъ или грозный разносъ, или мягкую отповѣдь сожалѣнія о томъ, что человѣкъ въ его годы, свободный, съ порядочными средствами, не умѣетъ или не хочетъ быть чело-вѣкомъ „съ принципами“.

„И въ самомъ дѣлѣ, какая жалкая фигура: интеллигентъ, продѣлавшій надъ собою всякіе эксперименты и очутившійся „ни въ сихъ, ни въ оныхъ“! — думалъ съ горечью Лыжинъ, подходя по бульвару къ Никитскимъ воротамъ. — Даже не кающійся дворянинъ. Тотъ, по крайней мѣрѣ, до смерти каялся бы и стремился сбросить съ себя ветхаго человѣка, — а я?!“

Онъ зналъ, что никакого новаго переворота въ немъ не произойдетъ. Вернется онъ въ свой меблированный домъ, въ одинокую спальню, раздѣнется, что-нибудь почитаетъ и долго-долго будетъ ворочаться въ постели, съ нервами, возбужденными обѣдомъ у Кумачева, виномъ, кофеемъ, разговорами тамъ и на Плющихѣ.

Нѣтъ и для сердца ничего манящаго впереди. Сорокъ лѣтъ уже минуло. Гоняться за приманкой любви уже поздно; а темпераментъ не надѣлилъ одной изъ тѣхъ основныхъ страстей, въ которыя старикъ Пехлевановъ долженъ вѣрить, какъ въ геніальное открытіе автора толстой книжки.

Этой самой рапильоне у него нѣтъ, а если бъ и была она, съ нею — только идти на постыдную старость!..

Било одиннадцать на колокольцѣ Никитскаго монастыря, когда Лыжинъ повернулъ въ свою улицу.

У подъѣзда его гарнй стояла карета. Въ какомъ-нибудь помѣщичьемъ семействѣ чай и винтъ. Около самовара идетъ все тотъ же тягучій или обрывистый разговоръ о томъ, какъ „невозможно“ жить господамъ-дворянамъ ни въ усадьбахъ, гдѣ нельзя даже имѣть „порядочной кухарки“, ни въ Москвѣ, гдѣ „адская дороговизна“.

Исходъ одинъ—закладывать и продавать.

То же дѣлаетъ и онъ—ни дать, ни взять, какъ всѣ эти ненужныя существа, проводящія зиму въ этомъ „дворянскомъ гнѣздѣ“, съ нимъ подъ одной кровлей.

На широкой площадкѣ, еще ярко освѣщенной, онъ столкнулся съ Воденягинымъ—въ блузѣ. Тотъ провожалъ молодого человѣка, чрезвычайно худого, въ пальто безъ мѣхого воротника. Черные съ яркимъ блескомъ глаза и крючковатый носъ надъ тонкими усиками Лыжинъ успѣлъ схватить, и лицо это показалось ему не-русскимъ.

Онъ самъ задержалъ Воденягина около зеркала, у подъема наверхъ.

— Кто этотъ молодой человѣкъ?—спросилъ онъ вполголоса.

— Его фамилія—литературная: Огневъ; но настоящая—Хозькинъ.

И, усмѣхнувшись своимъ широкимъ ртомъ, Воденягинъ еще тише выговорилъ:

— Поэтъ... но званіемъ лакей.

— Какъ лакей?—удивленно переспросилъ Лыжинъ.

— Онъ—вы, быть-можетъ, примѣтили—еврей.

— Ну, и что же?

— И, по отсутствію надлежащихъ правъ, не можетъ проживать въ столицахъ. Вотъ, у одного газетчика онъ и значился въ лакеяхъ. А теперь это открылось...

Передъ Лыжинымъ пронеслись въ эту минуту лица Сидоренко и Шахматова.

Воденягинъ поклонился ему и пошелъ по нижнему коридору.

„Заключительный аккордъ!“ — подумалъ Лыжинъ, тяжело поднимаясь къ себѣ въ своемъ сибирскомъ ергакѣ.

XIX.

Вокругъ одноэтажнаго дома въ усадьбѣ тихо завывала метель. Она крутила по пригорку, сметала снѣгъ съ его

боковъ и наваливала сугробы на террасу, такую же бѣлую по окраскѣ, какъ и снѣгъ.

Сзади надвигался на усадьбу съ ея небольшимъ садомъ—внизъ по пригорку—синій боръ, мерцающій сквозь снѣжную погоду.

Изъ трехъ большихъ оконъ, съ закрытыми ставнями, проходили, сквозь скважины досокъ, тонкія полоски свѣта.

Это была тѣсноватая гостиная, занимавшая весь фасадъ по террасѣ.

Беззвучными шагами ходила по засвѣжѣвшей комнатѣ, съ голыми оштукатуренными стѣнами, освѣщенной одной лампой, молодая женщина, въ темномъ домашнемъ платьѣ, съ пелериной, обшитой мѣхомъ; голову ея окутывала кружевная косынка; это была хозяйка усадьбы и окрестнаго участка земли—Лидія Павловна Радина, пріятельница Лыжина.

Изъ-подъ чернаго кружева выглядывали глубоко-посаженные, огромные глаза,—то блестящіе, съ длиннымъ и ровнымъ блескомъ, то совсѣмъ потухающіе, обведенные темными вѣками. Худое лицо, съ мелкими нервными чертами, продолговатое и чрезвычайно тонкое по очертаніямъ своего овала и лба, блѣднѣло въ складкахъ кружева. Ротъ утратилъ свѣжесть и былъ сжатъ.

Ходила она медленно, какъ бы съ усиліемъ переступая,—съ руками, заложенными за талью, гибкую и еще стройную. Ноги, въ изящныхъ туфляхъ, были маленькія и съ высокимъ подъемомъ.

Она прислушивалась къ гулу метели, подходила къ двери балкона и сквозь щели ставень смотрѣла въ темную снѣжную ночь. Во всемъ домѣ чувствовалась жуткая тишина. Шелъ шестой часъ вечера.

Гостиная стояла съ голыми стѣнами, безъ портретовъ и занавѣсей, съ однѣми ставнями. И тѣмъ рѣзче выдѣлялась остальная обстановка: коверъ, мебель, піанино, множество вещей, покрывавшихъ круглый столъ, гдѣ горѣла лампа, этажерка и письменное дамское бюро, приставленное къ одному изъ оконъ.

По всей гостиной, въ углахъ и за диваномъ, зеленѣли лучистые и лапчатые листы большихъ латаній и фикусовъ.

Всѣ эти портреты, статуэткі, альбомы привезены были изъ далека, изъ того далека, куда уже не тянетъ больше эту дѣвушку, еще не совсѣмъ отцвѣтшую, но уже съ налетомъ сѣдины на когда-то роскошныхъ черныхъ воло-

сахъ: они порѣдѣли послѣ тифа, бывшаго съ ней два года назадъ.

Въ домѣ всего пять комнатъ: спальня хозяйки, рядомъ съ гостиной, комнаты для гостей и для прислуги—и кухня. Широкий коридоръ раздѣляетъ его на двѣ половины—съ переднимъ и заднимъ крыльцомъ.

Ея гърничная—Евгенія, пожилая дѣвушка, ѣздившая съ ней часто за границу, безмолвно сидитъ у себя въ комнатѣ и читаетъ. Она большая грамотейка и любительница газетъ. Готовитъ ходить „женщина“, Настасья, жена садовника и кучера Финогена, единственнаго мужчины во всемъ хозяйствѣ. При немъ состояло цѣлыхъ пять псовъ: двѣ овчарки, одна легавая и двѣ шавки.

Иногда, по ночамъ, они начинали выть на яркую луну или безпокойно заливаться лаемъ, зачуя волковъ.

Если зима будетъ сурова—появятся и волки около самаго дома. Въ прошломъ году они заходили на террасу.

Прислушиваясь къ метели, Ида вспоминала, какъ прошлой зимой, въ январѣ, она зачиталась, сидя у стола. И вдругъ слышитъ какое-то гудѣніе. Она подумала сначала, что это вѣтеръ. Но звукъ сдѣлался яснѣе и рѣзче. Онъ былъ похожъ на отдаленный паровой свистокъ.

Это ее такъ заинтересовало, что она подошла къ окну и—какъ всегда это дѣлала—приложилась лицомъ къ стеклу, чтобы глядѣть сквозь щель въ ставнѣ. Ночь стояла облачная.

Сначала пара, потомъ двѣ пары угольковъ мелькнули передъ ней—и послышались быстрые и мягкіе прыжки по снѣгу.

Волкъ съ волчицей забѣжали на террасу.

И тотчасъ же пошелъ лай всѣхъ пяти собакъ, не грозный, а раздраженно-страстный и прерывистый. Онъ зачуяли опасность и не выбѣжали за ограду.

Вотъ и сегодня, она не удивилась бы, если бъ музыка метели перешла внезапно въ волчій вой, похожій на гулъ парового свистка.

Она привыкла къ своему почти полному одиночеству, особенно по вечерамъ. Сколько такихъ вечеровъ протекло въ прошлую зиму!

Колокольчику она не бывала рада послѣ сумерекъ, и слѣдила за нимъ всегда съ недовольнымъ чувствомъ. Еле выносила она „дамскіе“ разговоры о помѣщикахъ, и съ сосѣдями почти не зналась, кромѣ двухъ-трехъ ближай-

шихъ усадьбъ. Бесѣда мужчинъ была ей менѣе тяжка; да и то если они говорили про деревенскія дѣла.

Народъ начиналъ вызывать въ ней жалость и даже любопытство; всего больше дѣти.

Не нужно было никакихъ подговариваній со стороны земскаго начальства, чтобы мысль построить школу — въ верстѣ отъ себя, на шоссе, между тремя деревнями—возникла въ ней. Цѣлый годъ она этимъ занималась, обдумывала планъ, рубила лѣсъ, покупала кирпичъ, ходила все лѣто и осень, пѣшкомъ, на постройку. Изъ-за нѣкоторыхъ формальностей и выбора учительницы открытіе запоздало на два мѣсяца. Но желающихъ наберется, кажется, болѣе ста человекъ, — мальчиковъ вдвое больше, чѣмъ дѣвочекъ. Надо будетъ имѣть въ будущемъ двухъ учительницъ. Въ мезонинѣ найдутся двѣ спальни и общая столовая.

Рекомендованная ей изъ Москвы учительница Суревичъ понравилась ей. Завтра она должна придти сюда — готовить съ ней и горничной Женей подарки всѣмъ дѣтямъ: сто картузовъ съ лакомствами. Онѣ ихъ разставятъ въ кухнѣ.

Отъ пріятеля своего Лыжина Ида ждала депеши. Сегодня, рано утромъ, Финогенъ поѣхалъ въ Москву и долженъ былъ, кромѣ закупки провизіи и винъ для завтрака, узнать, когда Юрій Петровичъ будетъ и гдѣ остановится. Она писала ему:

„Мы съ вами такіе ужъ старые, что, право, вы можете остаться переночевать у меня, если мы заговоримся и вы попадете ко мнѣ поздно. Постель будетъ лучше, чѣмъ въ ужасной гостиницѣ нашего уѣзднаго города“.

До ея тонкаго слуха долеталъ малѣйшій звукъ. Ей слышалось что-то въ концѣ коридора.

Ида вышла въ него и окликнула горничную:

— Женя! Пришелъ кто-нибудь?..

Въ родномъ языкѣ у нея былъ трудно уловимый, но несомнѣнный акцентъ—полу-французскій, полу-англійскій, усвоенный съ дѣтства, проведеннаго исключительно за границей. Голосъ звучалъ утомленно. На букву „р“ она слегка картавила—и по-русски, и на другихъ языкахъ...

Изъ темной глубины коридора раздался въ отвѣтъ мужской голосъ:

— Это я, Лидія Павловна.

— Вы, Финогенъ?

— Такъ точно.

— Все привезли? Подите сюда.

Финогенъ, еще покрытый снѣгомъ, въ высокихъ бѣлыхъ валенкахъ и полушубкѣ, отряхивался и обтиралъ ноги о половикъ. Вышла изъ своей комнаты и Евгенія и замѣтила ему:

— Какъ васъ засыпало, Финогенъ Авдѣичъ!

— Погода! — пѣвуче проговорилъ Финогенъ и, отряхнувшись, какъ слѣдуетъ, прошелъ къ дверямъ гостиной, гдѣ Лидія Павловна приняла отъ него докладъ о поѣздкѣ въ городъ.

Коренастый, съ огромной русой бородой и вздернутымъ носомъ, Финогенъ смотрѣлъ подгороднимъ дворникомъ или прасоломъ, былъ очень рѣчистъ и всѣхъ господъ, разговорившись съ ними, называлъ всегда „милостивый государь“.

Онъ подалъ барынѣ, кромѣ счета, еще нѣсколько нумеровъ газетъ, письмо и телеграмму.

— Позвольте вамъ доложить, сударыня: Юрія Петровича я не засталъ. Они уѣхали.

— Куда?

— Да, должно полагать, сюды... Не отъ нихъ ли и депеша?

Она была дѣйствительно отъ Лыжина и отправлена утромъ. Въ ней онъ извѣщалъ, что можетъ попасть къ Идѣ сегодня, если его не задержать въ уѣздномъ городѣ до поздняго вечера.

— Ah! mon Dieu! — полугромко вскрикнула Ида, по привычкѣ — про себя думать и говорить по-французски.

И тотчасъ же она распорядилась, чтобы Евгенія приготовила комнату для Юрія Петровича, а Финогенъ подмететъ парадный подъездъ — и ворота не запираетъ до десяти часовъ. Его жена, Настасья, должна придти и быть наготовѣ что-нибудь приготовить горячее къ чаю.

Туалета своего Лидія Павловна не разсудила мѣнять. Ожиданіе Лыжина очень оживило ее.

XX.

Самоваръ весело мурлыкалъ. Они сидѣли за столомъ другъ противъ друга.

Ида угощала Лыжина, извиняясь за стряпню Настасьи. Лыжинъ находилъ все превосходнымъ и ѣлъ съ большимъ

аппетитомъ—ему не удалось пообѣдать ни на станціи, ни въ уѣздномъ городѣ.

Разговоръ ихъ шелъ наполовину по-русски, наполовину по-французски. Больше полугода они не видались. Онъ нашель, что Ида немного поправилась въ лицѣ, и если бѣ не замѣтная сѣдина на вискахъ, то скорѣе помолодѣла, чѣмъ постарѣла.

И она похвалила его бодрый видъ, сказала, когда Лыжинъ вылѣзъ изъ своего ергака, засыпаннаго снѣгомъ, что онъ сталъ интереснѣе.

Ночевать онъ не могъ у нея остаться сегодня, потому что долженъ былъ, завтра утромъ, очень рано встать; а изъ города ему было ближе къ его имѣнію—на нѣсколько верстъ ближе.

— Вотъ завтра, канунъ вашего праздника -- открытія школы—я проведу у васъ, пріѣду подъ вечеръ и останусь ночевать.

Они пошутили и насчетъ того, что Ида писала ему о неловкости холостому проводить ночь въ домѣ дѣвушки, гдѣ не было никого больше: ни дѣтей, ни гувернантки, ни старой родственницы.

— Меня никто здѣсь не считаетъ барышней,—сказала ему Ида, когда они уже сидѣли за самоваромъ, и улыбнулась своей грустной улыбкой, немного вкось.

Говорила она это совсѣмъ просто, безъ ироніи, горечи или задора. Лыжинъ зналъ, что она—„не барышня“, что ея молодость ушла на потребность быть любимой, на исканіе беззавѣтнаго чувства.

Иду онъ сравнивалъ съ собою. Онъ—банкротъ принциповъ и теоретическихъ программъ жизни; она—банкротъ любви и жертва мужской „пакости“, какъ выражался онъ, не въ разговорахъ съ нею, а про себя.

Они подружились въ промежутокъ между двумя полосами ея женской судьбы, когда она была впервые выбита изъ колеи. Ранняя свобода сироты, воспитанной въ англійскихъ привычкахъ, отдала ее въ руки увлекательнаго „просвѣтителя“ женщинъ. Тогда она не знала, что такое—не вѣрить кому-нибудь, если какое-нибудь человѣческое существо даетъ вамъ слово или говорить: „это такъ“. Ея англійскія подруги не умѣли лгать и не понимали, какъ можно не сдержатъ слова. А онъ былъ русскій баринъ, „могучая“ натура, большой актеръ, даже и въ тѣ минуты, когда страсть увлекала его. Ему *казалось*,

что онъ свободенъ, что онъ можетъ назвать ее женой. Но онъ *былъ* женатъ, онъ презрѣнно лгалъ, даже и тогда, когда признался въ томъ, что женатъ, и клялся, что добьется развода. Она скоро помирилась съ своей долей, не требовала законнаго брака, переносила тяжесть своего положенія—только бы ее любили и не лгали ей. Но ее бросили черезъ два года, и бросили постыдно, нахально; а раньше, чуть не съ четвертаго мѣсяца связи, она испытала, чтò такое мужчина—развратный, игрокъ, способный въ пьяномъ видѣ быть грубымъ, циническимъ, доходить до полнаго скотства. Она и это выносила изъ-за „миража любви“, по собственному ея выраженію.

Отрезвленіе ея казалось глубокимъ въ ту пору, когда Лыжинъ подружился съ нею. Оба были свободны; она съ разбитымъ сердцемъ, онъ — съ сердцемъ, не знавшимъ страсти, отданнымъ только исканію правды и пути въ жизни. Они могли бы полюбить другъ друга—и дальше дружбы не пошли. Какая-то неизгладимая и неуловимая черта залегла между ними. Въ сердцѣ Иды, на днѣ его, была капля любовнаго яда, и Лыжинъ чуюлъ, что онъ ее не выльчитъ. На женщину онъ не могъ тогда отдать всей своей души, даже и на такую привлекательную—съ изящной внѣшностью, языкомъ, тономъ, съ глубокимъ обаяніемъ женственности, какой въ русскомъ обществѣ онъ рѣшительно не встрѣчалъ.

Друзьями имъ легко было сдѣлаться. У нихъ почти сразу установилась большая простота и смѣлость пріятельской бесѣды—и при личныхъ встрѣчахъ, и на перепискѣ. Ида ничего не скрывала въ своей интимной жизни, не скрывала и не прикрывалась; всегда у нея найдется настоящее слово и вѣрное опредѣленіе.

Познакомились они за границей, откуда Лыжинъ вскорѣ уѣхалъ. Онъ тогда звалъ ее въ Россію, въ деревню,—вотъ въ эту самую мѣстность,—сулилъ ей врачеваніе ея сердечной раны, если она уйдетъ въ какое-нибудь общее дѣло.

Ида, въ то время, была еще слишкомъ мало русская. Ее тянула къ себѣ заграничная жизнь. Она еще не высвободилась изъ-подъ ея авторитета... И года черезъ три опять проснулась въ ней жажда *настоящаго* чувства, ея вѣра въ то, что есть же на землѣ мужчины, способные любить безъ лжи и грязи.

Два года длился новый миражъ—и пробужденіе совсѣмъ

ее пришибло. На этотъ разъ просвѣтитель былъ уже не русскій породистый хищникъ, безшабашный и жалкій въ своей дрянности, а европеецъ высшей пробы, парижанинъ, извѣстный писатель — „un aîné“, какъ называлъ онъ самъ себя, настоящій специалистъ по женщинѣ и любви. Тотъ велъ свои кампаніи упорно, съ особеннымъ искусствомъ, могъ, цѣлыми годами, носить личину, только затѣмъ, чтобы, подобно классическому Донъ-Жуану, испытать, хоть на мгновеніе, „un nouveau frisson“. И вотъ этого-то „frisson“ онъ, должно-быть, и не испыталъ, когда страждущая и обреченная на обманъ женщина предалась ему и тѣломъ, и душой.

Съ тѣхъ поръ пріятельница Лыжина заживо похоронила себя, пріѣхала сюда, выстроила себѣ домикъ и заперлась въ немъ. Народа она раньше не знала и не льнула къ нему, и вдругъ, по своей волѣ, надумала выстроить школу и обезпечить ея содержаніе.

Лыжинъ былъ бы глубоко обрадованъ такимъ „починкомъ“, будь это еще въ прошломъ году; теперь же онъ не могъ хвалить ее безъ оговорокъ, а оговорокъ не хотѣлъ дѣлать. Онъ увидалъ во всемъ этомъ признакъ неизбѣжной скуки и радъ былъ *за нее* гораздо больше, чѣмъ за самое дѣло.

— Продаете землю? — тихо спросила Ида, послѣ того, какъ они перешли изъ столовой въ гостиную.

— Вамъ жаль изъ-за меня?

— Жаль... Вы могли бы поселиться здѣсь.

Ида заговорила объ этомъ по-русски. И вообще Лыжинъ нашель въ этотъ пріѣздъ, что она значительно „посбрусѣла“.

Ему бы слѣдовало излиться передъ ней, почему онъ хочетъ продать имѣніе, и ему стало не то что стыдно, а какъ бы „тошно“, перебирать все одно и то же. Въ началѣ ихъ разговора онъ ей сказалъ полушутя, полусерьезно, что дѣлается простымъ обывателемъ-буржуа, думаетъ устроиться въ Москвѣ и жить безъ всякихъ затѣй. Она его не спрашивала и не возражала. У нея было драгоценное свойство—не мѣшать вопросами, не вынуждать откровенности и самой говорить о себѣ тогда только, когда это ведетъ къ еще большому сближенію, когда это—новое доказательство дружбы и довѣрія.

За чаемъ Лыжинъ сказалъ ей, что пригласилъ на открытіе школы Кострицына, съ которымъ пріѣхалъ дѣлать

осмотръ имѣнія. Ей надо было позвать на завтра нѣсколько мѣстныхъ „gros bonnets“, въ томъ числѣ и ближайшую свою сосѣдку—старуху Козлишеву, жившую въ усадьбѣ съ лѣта.

— Vous verrez,—весело сказала Ида,—un vrai type!

Ида узнала отъ него и про то, кому онъ передаетъ имѣніе, и разговоръ перешелъ, въ гостиной, на Нину Кумачеву—ея знакомую, еще за границей, когда та была еще подросткомъ, незадолго до смерти ея матери.

— Смотрите, — заговорила она тихо, въ шутовомъ тонѣ,—не увлекитесь ею.—И прибавила по-французски:— Elle est très suggestive.

Лыжинъ повторилъ это слово и покачалъ головой.

— А развѣ нѣтъ?—спросила Ида.

— Я думаю,—сказалъ онъ,—что у нея, какъ народъ говорить, не душа, а паръ.

— Да, она—fin de siècle!

— О, да!—вырвалось у Лыжина.

Онъ протянулъ къ ней обѣ руки.

— Мы съ вами—инвалиды,—выговорилъ онъ грустно и медленно.

— Инвалиды?—повторила Ида.

— Обломки крушенія... У васъ—любовь, у меня... скитанья и поиски чего-то.

— Вы—мужчина... Мужчина никогда не можетъ сказать, что жизнь его кончена,—твердо и спокойно вымолвила она.

— А женщина?.. Она въ другое ударится. Сердце въ васъ только замираетъ... временно... И проснется.

— Нѣтъ! Нѣтъ!

Она вырвала свои руки и провела ими по глазамъ.

— Нѣтъ, Лыжинъ! Вотъ здѣсь я хочу прожить всю свою жизнь. Идѣ нечѣмъ уже любить. Мужчина для нея больше не существуетъ. И мнѣ хорошо, увѣрю васъ... Лучше не надо.

— И туда не тянетъ?

— Куда? За границу? О! Нѣтъ!—воскликнула она иностраннымъ звукомъ. — Мнѣ тамъ противно. Кажется, я кончу тѣмъ, что полюблю...

Она остановилась.

— Народъ?—подсказалъ онъ.

— Да... Это что-то совсѣмъ для меня новое... И свои

жизнь кажется теперь... чѣмъ-то въ родѣ сна... Какъ-то стыдно думать о себѣ.

— Вотъ какъ! Ужъ не начитались ли книжекъ?

— Du Tolstoi?—шутливо спросила она.—Oh, non! Я не мистикъ—вы знаете. И потомъ одиночество—такая чудная вещь!

— Не думаете въ монастырь пойти?

— Puisque je ne suis nullement mystique... А когда я сильно захочу говорить съ другомъ—у меня есть вы... у меня есть Елена.

Она назвала имя ихъ общей пріятельницы—Елены Константиновны Акридиной. Лыжинъ вспомнилъ, что Кумачевой она приходится теткой. Ему захотѣлось разспросить о ней, скоро ли она будетъ сюда.

Въ дверяхъ гостиной слышался кашель Финогена. Онъ пришелъ доложить, что лошадей покормили и ящикъ подалъ тройку къ парадному.

Надо было проститься—до завтра, до вечера.

XXI.

Ровно черезъ сутки, въ чистой и ярко освѣщенной кухнѣ шло приготовленіе подарковъ дѣтямъ на открытіе школы.

Лыжинъ пріѣхалъ къ позднему обѣду, и теперь пришелъ помогать женщинамъ уставлять на полу бумажные картузы съ гостинцами.

Кромѣ Настасьи—огромнаго роста бабы, въ сапогахъ и суконномъ кафтанѣ—и Евгени, имѣвшей видъ засохшей сидѣлки, въ коричневомъ платьѣ съ пелериной, Лидіи Павловнѣ помогали еще учительница и дочь ея арендаторши. Суревичъ была ростомъ ниже средняго, съ худощавой грудью. Мужественное, доброе лицо, довольно полное, давно потеряло румянецъ. На ней опрятно сидѣло черное люстриновое платье, и свѣтло-русую косу она заворачивала на затылкѣ въ плотный узелъ. Дочь арендаторши, пріятельницы Лыжина, вдова мѣщанина Анисья Прохоровна Козыхина, станомъ своимъ высилась надо всѣми остальными женщинами, кромѣ Настасьи: съ могучей грудью, бѣлая лицомъ, брюнетка, въ цвѣтномъ шерстяномъ платьѣ, хорошо и по-модному сшитомъ. Ея большіе, продолговатые глаза искрились, пряди волосъ лоснились на вискахъ. Надъ верхней губой пробивался пу-

шофъ. Довольно крупный носъ шелъ къ ея лицу народнаго склада.

Она оказалась самой ловкой и проворной въ сортировкѣ лакомствъ и укладываніи ихъ въ бумажные картузы.

Лыжинъ, стоявшій въ эту минуту безъ дѣла, около двери, залюбовался на нее.

— Анисья Прохоровна!—окликнулъ онъ ее.

— Что вы?—пѣвуче спросила она своимъ контральнымъ голосомъ.

— Вы всѣхъ насъ за поясъ заткнете. Не правда ли?—обратился онъ къ Идѣ, успѣвшей устать.

— Еще бы! Анисья Прохоровна такая же, какъ и Хіонія Ивановна.

Эти имена Ида произносила съ своимъ полу-иностраннымъ акцентомъ и медленно, точно читала ихъ по печатному.

— А что же маменька?—спросилъ Лыжинъ, принимаясь опять помогать вдовѣ.

Они стояли рядомъ и до его слуха достигало дыханіе Анисьи Прохоровны,—дыханіе здоровой женщины, не очень привыкшей къ узкому корсету. На свой пышный станъ она живописно наклоняла голову, укладывая большой пряникъ въ картузъ.

— Маменька?—переспросила она и ласково поглядѣла на Лыжина вбокъ.

— Да, маменька, Хіонія Ивановна? Она здравствуетъ?

— Благодарствуйте. Маменька будетъ завтра... утромъ, туда, прямо въ школу.

У арендаторши Лыжинъ частенько бывалъ и видалъ ея дочь еще дѣвушкой. Она вышла замужъ въ Москву, за приказчика въ суровскую лавку, но скоро овдовѣла. У матери—ихъ четыре дочери и двое сыновей, и всѣ при ней, и всѣ при какомъ-нибудь дѣлѣ. Когда Анисья Прохоровна овдовѣла, то мать ей сказала: „учись швейному мастерству у хорошей мадамы, я за твое ученье заплачу“. И въ полгода она постигла тайны кройки; теперь, живя при матери, работаетъ на щеголихъ уѣзднаго города, на женъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и даже на барынь по усадьбамъ. Платье, которое сидитъ на ней такъ ловко и красиво, она сама и скроила, и сшила.

Взглядъ Лыжина отъ сосѣдки перешелъ къ учительницѣ. Она уставляла на полу, у стѣны, картузы вмѣстѣ съ Идой. Эта, пострадавшая за какія-то свои убѣжденія

дѣвица, жертва „самодурства“ того самаго Кумачева, которому онъ продаетъ землю, не вызвала въ немъ особенной жалости, не вызвала также и никакихъ брезгливыхъ мыслей.

Правда, она попадала изъ поповъ въ дяконы, но въ этой школѣ, съ такой почитательницей, какъ Ида, ей, конечно, будетъ не плохо. Передъ тѣмъ, за чаемъ, она говорила, безъ фразы и слащавости, что она пѣлыхъ пять лѣтъ провела въ одномъ „медвѣжьемъ углу“, до назначенія въ Москву, и смотритъ на то время, какъ на самое дорогое для себя воспоминаніе.

Въ ней нѣтъ угловатости и рѣзкости настоящей „красной“—и Кумачевъ, устраняя ее, вѣроятно, желалъ передъ кѣмъ-нибудь заявить себя въ надлежащемъ свѣтѣ благонамѣренности.

Лыжинъ подошелъ къ учительницѣ и спросилъ ее ласково:

— Не помочь ли вамъ?

— Мы сейчасъ кончимъ, — весело отвѣтила она, и по ея широкому, некрасивому лицу улыбка расходилась точно ровное, свѣтлое пятно.

Ида бродила по кухнѣ беззвучно, медленно—то переставитъ готовый картузь на полу, то наложитъ лакомствъ въ новый, то отдѣлитъ одинъ большой пряникъ отъ кучи.

— Вы, кажется, товд... приустиали? — тихо спросилъ ее Лыжинъ.

— Немножко.

Ея глаза—эти чудные глаза въ глубокихъ впадинахъ, когда-то метавшіе искры любовнаго экстаза—мягко улыбались.

„Хорошо, что нашла себѣ игрушку!“ — подумалъ Лыжинъ и оглянулъ еще разъ всѣхъ этихъ женщинъ, занятыхъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, легкимъ и пріятнымъ, потому что завтра оно дастъ сильную радость цѣлой толпѣ ребятишекъ.

„Вотъ такъ бы,—продолжалъ онъ говорить про себя,—и каждому найти свою игрушку или свое неизбѣжное дѣло. Каждая изъ нихъ *живетъ* въ эту минуту, — даже моя бѣдная Ида, обломокъ крушенія, моя родная сестра по духу“...

И какъ бы устыдившись своего бесплоднаго резонерства, Лыжинъ вернулся къ Анисѣ Прохоровнѣ и сталъ помогать ей насыпать въ послѣдніе свободные картузы.

Въ дверяхъ показался Финогенъ, одѣтый по-дорожному.

— Лошади готовы, — объявилъ онъ и тише окликнулъ: — Лидія Павловна, позвольте вамъ доложить одну вещь.

Ида вышла съ нимъ въ коридоръ, и оттуда можно было слышать, какъ Финогенъ обстоятельно докладывалъ насчетъ завтрашняго дня. Провизія вся готова и поваръ доставленъ, также и вина. Самъ онъ довезетъ теперь „барышню“, т.-е. учительницу, и Анисью Прохоровну въ школу, гдѣ онъ и останутся ночевать, и вернется, чтобы завтра, засвѣтло, отвезти подарки и еще разныя вещи для сервировки стола.

Тихій голосъ Иды, ея односложныя слова: „хорошо“, „это такъ“, раздавались въ отвѣтъ на докладъ Финогена. Раза два онъ ее назвалъ „милостивая государыня“.

Черезъ пять минутъ работа въ кухнѣ прекратилась и всѣ вышли въ коридоръ — провожать уѣзжавшихъ въ школу. Ида заботливо спросила учительницу: не нужно ли дать еще пледъ; но та бодро отвѣтила:

— Помилуйте, Лидія Павловна, тутъ два шага.

— А вы, Юрій Петровичъ, — сказала Лыжину вдова, когда онъ поправилъ ей бѣлый платокъ на головѣ, откуда ея энергическое и ясное лицо живописно смотрѣло, — вы завтра, небось, будете къ самому молебну?

— Буду, буду... И съ матушкой вашей облобызаюсь.

— Она васъ очень одобряетъ, — съ усмѣшкой выговорила Анисья Прохоровна и, наклонившись къ нему, прибавила: — жаль ей вашихъ угодій.

— Что жъ сама не купить?

— Капиталовъ нѣтъ, а въ расрочку вы не уступите, небось?

Лыжинъ ничего не отвѣтилъ.

— Вы здѣсь ночевать будете? — спросила Анисья Прохоровна, и въ ея глазахъ проскользнули змѣйки.

— Здѣсь, — просто отвѣтилъ Лыжинъ.

И когда они остались вдвоемъ съ Идой, перейдя въ гостиную, онъ, по-французски, передалъ ей послѣдній вопросъ вдовы.

Она разсмѣялась.

— *C'est ça*, — сказала она, подходя къ пианино. — *La belle veuve vous jalouse, ami!*

Лыжинъ также разсмѣялся.

— А ваша учительница? — спросилъ онъ и сѣлъ въ глубинѣ комнаты. — По ея понятіямъ, вы свободный человѣкъ

и можете жить, какъ вамъ угодно... Но и она, навѣрно, думаетъ, что я...

— Кто? — откликнулась Ида, взявшая уже нѣсколько аккордовъ.

— Monsieur l'amant.

— Откуда это выраженіе? — спросила она.

Онъ сталъ припоминать.

— Вотъ откуда... Я читалъ книгу о мадамъ де-Сталь.

— Какая старина!

— Подъ конецъ, когда ей было уже за-сорокъ лѣтъ, послѣ несчастной любви, — вы помните, многіе годы героемъ ея романа былъ Бенжамёнъ Констанъ, — она успокоилась на связи съ молодымъ болѣзненнымъ итальянцемъ... кавалеромъ Рокка. Вотъ его-то ея пріятели и называли „monsieur l'amant“, когда она была съ нимъ уже тайно обвѣнчана.

— Такъ вы думаете, что m-lle Суревичъ et la belle veuve считаютъ васъ тѣмъ же?..

Она сказала это такъ просто и спокойно, что Лыжинъ тотчасъ же подумалъ:

„Для Иды нѣтъ теперь ничего щекотливаго. Все въ ней перегорѣло“...

И ему стало менѣе жалко ее, чѣмъ это было даже и вчера. Чего же лучше, какъ не застраховать себя отъ страданій?

Раздались аккорды, и перешли въ горячую, порывистую мелодію, съ аккомпанементомъ, похожимъ на переливы арфы.

— Откуда? — спросилъ Лыжинъ.

— „Les pêcheurs de perles“.

— Это, кажется, Бизе, — того, кто написалъ „Карменъ“?

— Да, — протяжно отвѣтила Ида.

Изъ-подъ ея нервныхъ, тонкихъ пальцевъ вырывался любовный дуэтъ; мятежная страсть и клокотала, и нѣжилась подъ раскаленнымъ небомъ Индіи.

Кругомъ метель чуть слышно доносилась съ террасы, занесенной снѣгомъ.

XXII.

Пара бойкихъ лошадокъ, съ бубенчиками, поднимала на изволокъ пошевни, покрытыя ковромъ. На облучкѣ сидѣлъ Финогенъ въ полушубкѣ и башлыкѣ.

Лыжина везли въ школу. Было сѣренькое утро, теплое

и тихое, послѣ вчерашней „погоды“. Снѣговая пелена, чистая и нетронутая, облекала все вокругъ шоссеиной дороги и только поодаль, справа и слѣва, темнѣли опушки хвойнаго лѣса.

Финогенъ, на полпути, обернулъ къ Лыжину свое широкое лицо съ вздернутымъ носомъ и крикнулъ прежде чѣмъ заговорить. Молчать онъ не могъ, разъ онъ вѣхалъ съ бариномъ, кто бы это ни былъ, а тѣмъ менѣе съ человѣкомъ, который находится въ пріятельствѣ съ его барышней.

Насчетъ того, „есть ли у него что-нибудь такое“ съ Лидіей Павловной, Финогенъ не позволялъ себѣ мудрить и подозрѣвать. Этотъ баринъ не былъ у нихъ на хуторѣ нѣсколько мѣсяцевъ, да и прежде наѣзжалъ не надолго. Не помнится ему—оставался ли ночевать. Какая же важность... У нихъ и „допрежъ“ ночевали господа — и молодые, и пожилые, какъ придется, безъ барынь. Барышня его такъ себя держитъ, какъ бы дама, и ее уважаютъ „на всю округу“.

Онъ слышалъ отъ арендаторши, отъ Хіоніи Ивановны Шустовой, и дочери ея Анисьи Прохоровны, что Лыжинъ продаетъ имѣніе купцу. Это его обижало,—и именно то, что купцу, а не барину, хотя онъ и долженъ былъ сознаться, что господа „совсѣмъ отбились“ отъ хозяйства, а купцы „забираютъ силу“ и умѣютъ „вести свою линію“.

— Позвольте васъ обезпокоить вопросомъ, милостивый государь,—спросилъ Финогенъ, съ особой боковой усмѣшкой, почтительной и тонкой, — правда ли, что ваша милость продаетъ свою вотчину?

Лыжинъ высвободилъ лицо изъ-подъ воротника своей дѣхи и кивнулъ молча головой, въ знакъ согласія.

— И, слышно, тому фабриканту, господину Кумачеву?

— Ему.

— Экую силу забираетъ! На сколько верстъ все его угодья. Лѣсъ весь, поди, въ его руки перейдетъ. Вонъ,—Финогенъ указалъ кнутомъ влѣво, — у сосѣдки нашей, госпожи Коблишевой, тоже никакъ хочетъ покупать.

— Не слыхалъ,—откликнулся Лыжинъ.

Ему разспросы Финогена не были особенно пріятны.

— Да она кряжиста. У ней деньги водятся. А вамъ, милостивый государь, нешто не жаль своей маетности?

Онъ опять обернулся всѣмъ своимъ фасомъ, и его лицо растянула вширь улыбка большого краснбая.

— Я—не хозяинъ.

— Вотъ бы такую же усадёбку соорудили, какъ у нашей барышни; у васъ тамъ есть одно мѣсто, на рѣчкѣ,— важное. И стали бы жить да поживать.

Его игривые глаза какъ бы досказывали:

„Да и подъ вѣнецъ бы не худое дѣло встать, благо вы и годами подходите другъ къ дружкѣ: она ужъ не очень молоденькая“.

Улыбнулся и Лыжинъ.

— Вамъ, Финогенъ, я думаю,—онъ говорилъ прислугѣ „вы“, а крестьянамъ „ты“, — житьё у Лидіи Павловны, точно у Христа за пазухой?

Финогенъ тряхнулъ на особый ладъ головой въ хорошей котиковой шапкѣ и опять протяжно крякнулъ:

— Барышня — благороднѣйшей души! Довѣрчивы ужъ больно. И всякое снисхожденіе готовы сдѣлать... По осени, — оживляясь, заговорилъ онъ, — арендательша... изволите знать, дѣшлая старушенція, — онъ сдержанно засмѣялся,—плотину у ней прорвало. По условію, ей съ барышни надо было получить сорокъ деревь счетовъ, на выборъ. А она говоритъ: „мнѣ, матушка, надо ихъ двойной комплектъ. Вѣдь ежели вы мнѣ запретите, я все-равно порублю ихъ, и вы ни о чемъ не догадаетесь, хоша у васъ и полѣсовщикъ есть“. Видите, ваша милость, безъ главы въ домѣ — неудобно. Такъ, пожалуй, все и растащатъ.

Онъ ударилъ по коренной, и сани покатили, по новой порожѣ, подъ изволокъ.

За цѣлыхъ полверсты, въ ровной лощинѣ, у самой почти дороги, виднѣлась школа — высокая, съ красной крышей, обшита тесомъ, веселая и уютная. Впереди — палисадникъ съ зеленой деревянной рѣшѣткой. Сзади дворикъ съ сарайчикомъ. Въ мезонинѣ, сбоку, терраса, откуда долженъ былъ открываться красивый видъ на перелѣсокъ и станцію желѣзной дороги, стоящую меньше чѣмъ въ верстѣ, и на усадьбу помѣщицы Кѣзлишевой, съ бѣлой пятиглавой церковью и стариннымъ, бѣлымъ же каменнымъ домомъ.

Подъѣздъ приходился сбоку. Крыльцо и часть двора, около него, усыпаны были толпой ребятъ, ихъ отцовъ и матерей. У сарайчика урядникъ привязалъ свою верховую лошадь съ казацкимъ сѣдломъ. Въ глубинѣ двора стояли два господскихъ экипажа.

— Вишь какая команда! — весело указаль рукой Финогенъ на толпу ребятъ.

Лыжинъ зналь порядочно эту мѣстность, хотя и не живаль тутъ, не имѣль даже и своей избушки, а когда навѣдывался, то останавливался всегда въ городѣ. Его имѣніе лежало по ту сторону города, верстъ за двадцать пять, и въ другомъ уѣздѣ. Крестьяне окрестныхъ деревень жили не плохо, промышляли огородами и московскимъ легковымъ извозомъ.

Толпа смотрѣла скорѣе городской, чѣмъ деревенской; на мужчинахъ—суконные поддѣвки и полушубки; на бабахъ и дѣвкахъ—суконные же кафтаны или пальто, шерстяные платки на головахъ. Никто не носиль лаптей. Незамѣтно было и оборванныхъ, плохо обутыхъ дѣтей, ни мальчиковъ, ни дѣвочекъ. Много мальчиковъ были въ ваточныхъ, суконныхъ и даже бархатныхъ картузахъ.

Сани подъѣтали къ крыльцу. Урядникъ, стоявшій тутъ, сняль картузъ и потомъ крикнуль:

— Разступитесь, православные... Дайте дорогу!

Финогенъ кивнуль ему пріятельски и спросиль вполголоса:

— И земскій начальникъ здѣсь?

— Сейчас прибыль.

— А предводитель?

— И предводитель тутъ.

Изъ мѣстныхъ властей этого уѣзда Лыжинъ никого лично не зналь. Но слышалъ, что предводитель—новый, изъ бывшихъ мировыхъ судей, и фамилія его Боярцевъ. Про земскаго начальника ему тоже что-то рассказывали, но что именно—онъ очень смутно припоминаль. Кажется, то, что онъ пошелъ служить „по принципу“ и состояніе у него хорошее.

Протолкавшись, Лыжинъ вошелъ въ обширныя сѣни, гдѣ будущіе школьники и школьницы скучились въ дверяхъ одного изъ двухъ классовъ—самаго обширнаго. Тамъ уже шли приготовленія къ молебну. Шубу приняль отъ него сторожъ изъ унтеровъ.

Лыжинъ искаль глазами Кострицына; тотъ долженъ былъ пріѣхать прямо въ школу къ одиннадцати часамъ. Но, вѣроятно, его что-нибудь задержало. Отсюда они вернутся въ городъ и завтра произведутъ осмотръ той части лѣса, гдѣ они еще не были третьяго дня.

Впередъ Лыжинъ не захотѣль пробираться и зашелъ

въ другой классъ, стоявшій пустымъ. Оттуда, въ боковую дверь, ему видно было и столъ съ образами и чашей воды, и всѣхъ, кто стоялъ впереди. Священникъ и дьяконъ уже облачились. Кромѣ причетниковъ, пѣть пришли еще четверо мужчинъ — видомъ мастеровые; одинъ изъ нихъ былъ еще подростокъ.

Ида, въ темносинемъ платьѣ, съ широкими буфами на плечахъ, съ непокрытыми волосами—занимала уголъ. Она опустила голову и не замѣтила его прихода. По другую сторону стола — Анисья Прохоровна, во вчерашнемъ платьѣ, и рядомъ съ ней ея мать—Хіонія Ивановна, въ черномъ платочкѣ и шелковой темной кацавейкѣ. Лицо ея — морщинистое и загорѣлое, безъ бровей — оживлялось юркимъ выраженіемъ двухъ сѣрыхъ глазокъ, которые такъ и шныряли. Ротъ былъ сжатъ и немного выпяченъ. Она шепнула дочери, и та сейчасъ же повернула лицо къ двери и истово поклонилась Лыжину.

Передъ толпой дѣтей человекъ въ восемьдесятъ летъ было платье учительницы, и ея широкое ясное лицо сдержанно улыбалось.

Мужчинъ было трое. Лыжинъ въ одномъ изъ нихъ призналъ предводителя—и ошибся. Онъ принялъ за него огромнаго роста барина, съ раздавшимся животомъ, лысаго, румянаго, лѣтъ за-сорокъ, затынутаго въ черный сюртукъ, съ отложными воротничками рубашки, изъ которыхъ бѣлѣла его толстая шея съ длиннымъ подбородкомъ. По формѣ усовъ онъ смотрѣлъ отставнымъ кавалеристомъ.

Ближе къ Идѣ стали двое другихъ: одинъ — большого же роста блондинъ, курчавый, съ мелкими чертами лица, стройный, близорукой, одѣтый въ темную визитку и сѣрые панталоны, не похожій ни на мѣстное служебное лицо, ни на деревенскаго хозяина. Въ его красивыхъ глазахъ съ темными рѣсницами, въ бородкѣ, округленныхъ плечахъ и поворотѣ головы сквозило что-то совсѣмъ не отзывающееся уѣздомъ. Лыжинъ принялъ его за земскаго начальника—и опять ошибся. Рядомъ съ нимъ—небольшого роста брюнетъ, худой, хмурый, плотно остриженный, съ длинными и тонкими усами, весь въ синемъ шевіотѣ. Это и былъ земскій начальникъ.

Молебень начался. Священникъ, совсѣмъ ушедшій въ ризу, шитую на другой ростъ, сильно по-московски проносилъ „а“, дѣлая свои возгласы; дьяконъ задыхался;

пѣвчіе запѣли съ большимъ усердіемъ, и одинъ изъ причетниковъ, съ дрожащимъ голосомъ, давалъ имъ тонъ, забираясь безпрестанно на верхи.

Лыжинъ, глядя на Иду, въ первый разъ спросилъ себя, какія у нея вѣрованія? Можетъ ли она сливаться, хотя бы и въ видѣ символа, съ крестьянской массой, со всѣмъ этимъ взрослымъ и малолѣтнимъ людомъ, для котораго безъ обряда не можетъ быть никакого начиванія. Лыжинъ никогда не задѣвалъ съ ней такихъ вопросовъ, но думалъ, что она не склонна къ мистицизму, что врядъ ли найдетъ она прибѣжище въ вѣрѣ „своихъ отцовъ“ отъ мятежныхъ испытаній ея скорбной и грѣшной жизни,— грѣшной на взглядъ каждой бабы, дѣлающей теперь поклоны передъ столомъ, гдѣ стоятъ иконы вокругъ миски съ водой.

Позади его послышался осторожный скрипъ сапогъ.

Вошелъ Кострицынъ и всталъ за нимъ, сдѣлавъ ему знакъ рукой, чтобы онъ не беспокоился.

Пѣвчіе между тѣмъ пѣли. Молебень былъ въ полномъ ходу.

XXIII.

Къ концу молебна сторожъ, растолкавъ толпу ребятишекъ и крестьянъ, провелъ впередъ даму — высокую, въ черномъ шелковомъ платьѣ и кружевной, черной же, косынкѣ, въ парикѣ, старуху съ крупными и еще не очень полинялыми чертами. Глаза бойко озирались изъ-подъ густыхъ бровей. Фальшивыя челюсти сверкали бѣлизной зубовъ въ ея широкомъ и властномъ рту. Она упиралась на палку.

— Знаете, кто это?—спросилъ Кострицынъ на-ухо Лыжина, подойдя къ нему.—Это знаменитая Катерина Яковлевна Козлишева... Прямо изъ „Горе отъ ума“. Новѣйшая Анфиса Ниловна Хлестова. Нинѣ Борисовнѣ приходится троюродной бабушкой, что ли... Экземпляръ!

Лыжинъ взглянулъ пристальнѣе въ старуху. Онъ уже зналъ, что она — ближайшая сосѣдка Иды, и слыхалъ — и не отъ одного Финогена — про нее кое-что. Въ ней владѣльческой типъ сохранился еще въ чистомъ видѣ. И она, по свидѣтельству Финогена, не уступаетъ своихъ угодій купцу, хотя и въ Москвѣ, и въ усадьбѣ живетъ больше лѣтомъ и осенью; зимы же часто проводитъ гдѣ-то въ Санъ-Ремо или По.

Владѣльческій элементъ значился на-лицо и въ мужчинахъ. Средняго, кунцовъ-помѣщиковъ, не было. Дворяне— и позади народъ. Къ народу принадлежали и двѣ женщины, стоявшія ближе къ господамъ: арендаторша Шустова и ея дочь.

Долголѣтіе дьяконъ возгласилъ томительно и хрипло, задыхаясь и растягивая слова. Идѣ, навѣрно, сдѣлалось жутко отъ того, что имя „болярыни Лидіи“ нужно было дьякону такъ громко выкрикивать.

Она переглянулась съ Лыжинымъ передъ тѣмъ, какъ священникъ пошелъ кропить святой водой оба этажа.

За нимъ двинулись гурьбой всѣ, и топотъ дѣтскихъ ногъ загудѣлъ въ просторныхъ бревенчатыхъ стѣнахъ школы.

Почетные гости остались въ классѣ, и Ида спросила издали Лыжина глазами, хочеть онъ быть сейчасъ имъ представленъ... Онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ головой и ушелъ съ Кострицынымъ въ сѣни, гдѣ они жадно закурили папиросы.

Съ Кострицынымъ Лыжину теперь гораздо легче. Вчера, объѣзжая часть имѣнія, они много говорили о „постороннихъ“ предметахъ, и Кострицынъ сталъ выясняться передъ нимъ. Онъ былъ несомнѣнный „интеллигентъ“, врядъ ли практикъ и карьеристъ. Если онъ и надѣвалъ на себя какой-то мундиръ,—мундиръ, похожій не то на скептицизмъ, не то на позитивизмъ,—въ немъ было что-то менѣе тошное и прѣсное, чѣмъ обыкновенное „направление“.

Кострицынъ не высказывался насчетъ того, какого онъ мнѣнія о состояніи лѣсного участка, видѣннаго имъ, но въ его тонѣ чувствовалось, что онъ подтвердитъ докладъ управляющаго, и Кумачевъ не будетъ предлагать „легкую скидочку“.

Наверхъ поднялись только священникъ и нѣкоторые изъ взрослыхъ крестьянъ.

Учительница собрала всю молодую команду въ тотъ классъ, гдѣ служили молебень, и уставляла ихъ — мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльно.

Сторожъ, Финогенъ и двѣ женщины, доставленные Хюнией-Ивановной, принесли всѣ картузы съ лакомствами и разставили ихъ по цѣлому ряду школьныхъ „партъ“ — на столахъ и скамейкахъ.

Дѣтскія головы, бѣлобрысыя и темныя, повертывались

безпрестанно въ сторону этихъ картузовъ, и по ихъ лицамъ можно было видѣть, какъ они увѣрены, что тамъ положено.

Священникъ, въ рясѣ, сошелъ внизъ, покончивъ кропленіе водой ксманъ верхняго этажа. Ида все съ той же медленностью движеній и съ утомленно-довольнымъ лицомъ пригласила почетныхъ гостей присѣсть и потомъ вошла въ кругъ дѣтей.

Началась раздача гостинцевъ. Учительница подавала ей картузы. Сторожъ и двѣ женщины сдерживали натискъ толпы малолѣтокъ. Съ четверть часа ихъ ручонки протягивались къ картузу и головы отвѣшивали поклоны. Иные, охваченные неожиданной радостью, убѣгали безъ поклона и сейчасъ же засовывали руку въ картузъ и вытаскивали оттуда расписной пряникъ съ глазурью.

Лыжинъ съ Кострицынымъ смотрѣли на все это изъ сѣней. Картина эта забавляла ихъ.

— Въ ожиданіи горькой духовной пищи, — сказалъ Кострицынъ и не выдержавъ — пустилъ свое „хе-хе“.

— По-вашему какъ, — спросилъ его Лыжинъ, — для народа такая пища — роскошь? И особенно та, которую будетъ давать имъ здѣсь госпожа Суревичъ, удаленная вашимъ патрономъ?

Кострицынъ повелъ плечомъ.

— Патронъ мой, по-своему, былъ правъ. Я говорю: по-своему, ибо ему эта дѣвица казалась слишкомъ красной. Здѣсь она, можетъ, и ко двору придется. Вапа пріятельница, Лидія Павловна, кажется, индифферентна насчетъ направленія?

Отвѣтить Лыжинъ не успѣлъ. Ихъ увидала Ида. Она поручила учительницѣ раздать остальные картузы и подошла къ дверямъ въ сѣни.

Лыжинъ представилъ ей Кострицына. Она пожала ему руку, сильно, по-англійски, и тотчасъ же сказала:

— Вы проголодались. Я такая плохая хозяйка. Юрій, — обратилась она къ Лыжину, при чемъ Кострицынъ невольно поглядѣлъ на него, — помогите мнѣ... Закуска должна быть готова. Пришлите мнѣ сказать сверху... А сами, — она глазами улыбнулась и Кострицыну, — не дожидайтесь почетныхъ особъ.

Они поднялись по свѣжимъ ступенькамъ широкой лѣстницы, построенной, какъ и весь домъ, изъ ядрѣнаго соснового лѣса.

Наверху они прошли широкими сѣнями съ русской печкой, гдѣ были устроены низкія нары на десять мѣстъ для дѣтей, которымъ въ суровую погоду далеко будетъ возвращаться домой.

— Умно! — одобрилъ Кострицынъ. — Безъ особыхъ за тѣй и даже въ народномъ вкусѣ,—указалъ онъ на печь.

Въ свѣтлой продолговатой комнатѣ, раздѣлявшей спальни учительницъ, все уже было готово къ завтраку. Анисья Прохоровна, раскраснѣвшись, такъ и летала съ одного края большого стола на другой. Ей помогала выписанный съ желѣзнодорожной станціи степеннаго вида официантъ во фракѣ и нитяныхъ бѣлыхъ перчаткахъ. И старуха Шустова не оставалась сложа руки, ставила стулья и поправляла на столѣ тарелки съ закуской.

— Хіонія Иваповна!—привѣтствовалъ ее Лыжинъ, подводя къ ней и Кострицына. — Вотъ, Иванъ Кузьмичъ, представительница народной мудрости и домовитости, моя пріятельница Хіонія Ивановна Шустова... арендуетъ у Лидіи Павловны хуторокъ и ведетъ хозяйство, что твоя Марѳа Борецкал.

Тонкая усмѣшка повела морщинистое лицо старухи. Она низко кланялась и разводила руками.

— А поцѣловать можно?—спросилъ Лыжинъ.

— Съ моимъ удовольствіемъ, батюшка.

Они три раза поцѣловались.

Пожелалъ сдѣлать то же и Кострицынъ.

— А вотъ ея дочка! Анисья Прохоровна, — окликнулъ Лыжинъ,—пожалуйте сюда!

Вдова, съ розовыми щеками и блескомъ своихъ густыхъ волосъ, быстро подошла къ нимъ и поклонилась крестьянскимъ поклономъ.

Оба подали ей руку.

— Вотъ этакихъ у Хіоніи Ивановны четыре дочери и два сына,—объяснилъ Лыжинъ, стяхнувшій съ себя высматривающее настроеніе, бывшее у него внизу во время всего молебна.

— Мое вамъ почтеніе! — вырвалось у Кострицына. — И всѣ дочери у васъ такія матерья? — спросилъ онъ у старухи.

— Которыя и поплоче маленько, — отвѣчала она имъ въ тонъ, и ея глазки весело заслезились.

Дочь ея улыбнулась и наклонила голову полу-стыдливимъ, народнымъ жестомъ.

— Анисья Прохоровна, — сказалъ ей Лыжинъ, — вотъ гость проголодался да и выпилъ бы водки. Вы здѣсь на-большая. Разрѣшите съ позволенія Лидіи Павловны. Мы никакого безпорядка не произведемъ.

— И-и, батюшка, ваша воля, — сказала старуха. — Никто и не замѣтитъ. Мы и рюмочки вытремъ, и закуску поправимъ.

Хіонія Ивановна засуетилась около стола, приглашая ихъ обоихъ присѣсть. Анисья Прохоровна налила имъ водки и подставила два-три сорта закусокъ, приготовленныхъ вкусно и красиво. Лакея онѣ не допускали.

— Такъ, значитъ, все готово? — спросилъ Лыжинъ. — Лидія Павловна просила дать ей знать.

— Мы готовы-разготовы, — отозвалась старуха. — И чай приготовили, и кофей. Анисья, — кивнула она дочери, — сбѣгай, милая, на кухню и спроси повара — можно ли подавать горячее кушанье.

— Слушаю, маменька, — весело и покорно откликнулась дочь и той же величавой и быстрой походкой пошла къ сѣнямъ.

— Не повторить ли? — спросилъ Кострицына Лыжинъ, указывая на бутылку съ красной рябиновой настойкой.

— Съ холодку — пожалуй.

Незамѣтно у нихъ установился пріятельскій тонъ, и Лыжинъ былъ рѣшительно доволенъ тѣмъ, что на предстоящемъ завтракѣ около него будетъ умный человекъ, понимающій все по-своему, очень тонко, — родъ партнера, болѣе подходящаго къ нему, чѣмъ всѣ почетные гости, за исключеніемъ, быть-можетъ, того высокаго блондина, котораго онъ все еще считалъ земскимъ начальникомъ.

Внизу застучали сапоги мальчиковъ, двинувшихся гурьбой на крыльцо, и слышались окрики сторожа.

XXIV.

— Все это не то! — вдругъ разразился полный лысый баринъ и поднялъ кулакъ съ ножомъ, которымъ онъ только что рѣзалъ ростбифъ.

Лыжинъ уже зналъ теперь по именамъ всѣхъ троихъ мужчинъ.

Это былъ почетный мировой судья, по фамиліи Кличь-Обношинъ.

— Почему же? — глухимъ голосомъ, но твердо спросилъ брюнетъ съ короткими волосами, земскій начальникъ

Ястребовъ, про котораго всё говорили, что онъ пошелъ служить „изъ принципа“.

— Ничего до тѣхъ поръ не будетъ у насъ путнаго, пока не убѣдится, что для арміи нужны особеннаго рода кадры.

— Какъ же это?—съ косою усмѣшкой своего первнаго рта спросилъ опять земскій начальникъ, служившій въ кавалеріи.

— А вотъ какъ-съ...

Мировой судья прожевалъ сначала большой кусокъ мяса и въ это время обводилъ весь столъ круглыми глазами съ маслянымъ блескомъ.

Завтракъ ужъ подходилъ къ концу, но шампанскаго еще не подавали и никто не собирался произносить спичъ или предложить здравицу. На двухъ концахъ стола сидѣли Ида и старуха Козлишева; около Иды съ обѣихъ сторонъ—Лыжинъ и высокій блондинъ, оказавшійся предводителемъ Боярцевымъ. Мировой судья и земскій начальникъ сидѣли другъ противъ друга. Кострицынъ помѣщался возлѣ предводителя, наискосокъ отъ Лыжина, и дальше учительница и батюшка, съ смуглымъ лицомъ восточнаго типа, въ бирюзовой рясѣ, съ рукавами, подбитыми шелкомъ. Дьякона и причетниковъ угощали особо.

— А вотъ какъ-съ!—повторилъ Кличъ-Обношинъ, прожевалъ окончательно кусокъ мяса и отпилъ краснаго вина.—Необходимы кадры двоякаго рода, чтобы въ нихъ народъ находилъ и духовную выучку, и военную.

— Духовную? —спросила съ своего почетнаго угла Козлишева.—Что это такое, топ шер? Я что-то въ толкъ не возьму.

— Да и мнѣ не ясно,—съ сдержанной ироніей выговорилъ земскій начальникъ.

— Родъ обителей! Чтобы въ нихъ поступали молодые парни болѣе зажиточныхъ семей... и проходили бы тамъ искусь... въ монастырской строгости и безусловномъ повиновеніи... А въ то же время обучались бы строю.

— И конному, и пѣшему? —спросилъ Кострицынъ и поглядѣлъ на Лыжина.

„Qu'est-ce qu'il radote?“—спросила его глазами и Ида, хранившая молчаніе утомленной хозяйки.

Разговоръ, оживившійся со втораго блюда, былъ для нея чѣмъ-то совершенно чуждымъ и курьезнымъ; но ея

нервы уже не позволяли ей прислушиваться къ нему съ болѣе живымъ любопытствомъ.

— Да-съ, — громко и вкусно выпалилъ Кличъ-Обношинъ, — по-конному и по-пѣшему!

— Это было бы нѣчто въ родѣ арагчеевскихъ военныхъ поселеній? — продолжалъ съ безстрастнымъ лицомъ освѣдомляться Кострицынъ.

— А что жъ? — еще побѣдоноснѣе крикнуть мировой судья. — Въ поселеніяхъ была превосходная идея, непонятая... И потомъ ее глупо охаяли, осмѣяли... всякіе разрушители.

Лыжинъ смотрѣлъ въ ту минуту на лицо учительницы. Она только что сказала что-то батюшкѣ; но, прислушиваясь къ послѣдней фразѣ Кличъ-Обношина, — какъ-то вся передернулась и удивленно поглядѣла на священника. Тотъ высматривалъ своими смѣющимися черными глазами съ хитрымъ выраженіемъ: „Пускай, молъ, господа суетловать“.

— Вы это серьезно, Теофилъ Теофиловичъ? — съ трудомъ выговорилъ Ястребовъ, и опять косая усмѣшка повела его нервный ротъ.

— Безусловно серьезно! Знаю, это можетъ показаться страннымъ. Но надо вникнуть въ идею. Русскій крестьянинъ всегда былъ и пахарь, и воинъ... Его брали на войну. Служилые люди являлись каждый съ своимъ мужицкимъ контингентомъ пѣшихъ и конныхъ... Конные пѣнились вдвое... И теперь намъ нарочито нужны лошади. Вѣдь скоро настанетъ время, когда на десять дворовъ будетъ по одной запряжкѣ. Развѣ это не вѣрно, Геннадій Николаевичъ? — окликнулъ онъ земскаго начальника.

— Пожалуй... Но въ вашихъ кавалерійскихъ монастыряхъ будутъ на лошадяхъ въ манежѣ ѣздить, а не пахать.

— И то, и другое! На все хватить время. И солдаты военныхъ поселеній въ Чугуевѣ и Новгородской губерціи были и земледѣльцы, и уланы. Но это не все! Обратите вниманіе на другую — духовную сторону дѣла. Парень получить не одну выучку солдата и пахаря, но и религіозное воспитаніе въ духѣ народно-государственной церкви — вотъ что важно! Это лучшій оцлотъ противъ раскола, противъ штунды и всякой преступной пропаганды, идущей отъ господъ разрушителей.

Онъ обвелъ молодцоватымъ взглядомъ весь столъ, и глаза его остановились на священникѣ.

— Отецъ Антонъ? Развѣ въ этомъ нѣтъ самой плодотворной идеи? Что вы скажете?

Батюшка вскинулъ волнистыми прядями, потревоженный въ своемъ приятномъ настроеніи слушателя и наблюдателя.

— Одно дѣло—идея, другое дѣло—выполненіе... хе-хе!—отшутился онъ, и съ той же лукавой усмѣшкой повелъ головой.—И выполненіе было бы возможнымъ, если бъ у насъ теперь не мудрили изъ города *Санктпетербурха*,—выговорилъ онъ, скандируя слоги,—и понимали бы духъ и потребности русскаго народа. Вы, Романъ Денисовичъ,—повернулся онъ въ сторону предводителя,—насколько я знакомъ... такъ сказать, съ пошибомъ вашихъ идей,—вы должны сочувствовать...

— Такимъ военнымъ обителямъ?—спросилъ Болрцевъ, не мѣняя спокойной и увѣренной позы, и только поднялъ голову молодымъ жестомъ.—Русскій народъ въ тѣ времена, когда онъ жилъ безъ всякой искусственной петербургской муштры, не зналъ казарменнаго устройства. Иноки спасались, а служилые люди жили на своихъ участкахъ, среди черныхъ и бѣлыхъ хлѣбопашцевъ, и тѣ переходили отъ сохи къ дротику и пищали; но никто ихъ, однако, не загонялъ въ остроги для обученія военному строю пополамъ съ иноческою жизнью.

Лыжинъ опять встрѣтился взглядомъ съ Кострицынымъ. Этотъ предводитель заинтересовалъ его своимъ тономъ и манерой говорить. Въ его отповѣди чуялся человекъ съ характернымъ развитіемъ.

— Господа,—вдругъ заговорила Козлишева густымъ голосомъ и точно вбивая гвозди въ каждый слогъ,—вы удалились куда-то въ сторону. У Теофила Теофиловича—прекрасныя намѣренія. Надо нашего мужичка поднять—это такъ. Онъ не долженъ быть предоставленъ самому себѣ. Бога онъ почитаетъ, но его богочитаніе нейдетъ ему впрокъ. Надъ нимъ нуженъ надзоръ, и слѣдуетъ радоваться, что такіе люди, какъ нашъ Геннадій Николаевичъ,—она кивнула головой въ сторону земскаго начальника,—идутъ на службу съ этой благой цѣлью. Нравственности нѣтъ, страха нѣтъ—и работать онъ не хочетъ. Мой другъ, князь Жеребьевъ, не нашъ, не блажен-

ненькій князь Иларіонъ,—засмѣялась она зычно,—а двоюродный братъ его, князь Петръ,—тотъ мнѣ прошлой зимой, за границей, читалъ записку. Онъ доказываетъ цифрами, что нашъ народъ работаетъ втрое меньше, чѣмъ гдѣ угодно—у нѣмцевъ, у французовъ, даже у итальянцевъ. Сто слишкомъ двей надо выкинуть изъ года.

— Это вѣрно!—убѣжденнымъ звукомъ пустилъ земскій начальникъ.

— Но, — продолжала Кѡзлишева, и ея голосъ гудѣлъ еще внушительнѣе, — друзья мои, мы забываемъ, что мы здѣсь на открытіи школы. И просвѣщеніе нужно народу. Это—такъ!

Офиціантъ, какъ разъ, началъ разливать шампанское.

— Пускай одинъ изъ васъ, господа, привѣтствуетъ устроительницу школы. Надо пожелать,—при этомъ Кѡзлишева подняла палецъ кверху, — надо пожелать, чтобы грамота пошла впрокъ мальчикамъ и дѣвочкамъ. Батюшка,—она кивнула священнику,—наставитъ эту юную паству свою. Это такъ же важно, какъ и всякіе методы.

— По новѣйшему звуковому способу!—задорно подхватилъ Кличъ-Обношинъ.

— И такъ, господа, — продолжала Кѡзлишева, — мы ждемъ... Геннадій Николаевичъ, вы — пѣстунъ народа, вамъ и слѣдуетъ...

— Почему же?—тревожно спросилъ Ястребовъ.—Здѣсь Романъ Денисовичъ. Онъ—представитель сословія, къ которому Лидія Павловна имѣетъ честь принадлежать!

Ида потупилась. Она почти съ замираніемъ сердца ждала какого-нибудь спича, обращеннаго къ ней.

— Романъ Денисовичъ! Мы ждемъ! — торжественно и властно окликнула Кѡзлишева.

Боярцевъ поднялся и взялъ бокаль.

— Честь и хвала учредительницѣ школы, Лидіи Павловнѣ Радиной! Въ лицѣ ея,—щеки предводителя слегка зарумянились,—отрадно видѣть возвращеніе на лоно родины русской женщины, которая, вообще говоря, такъ часто терлетъ на Западѣ чувство своей связи съ народомъ. Какъ его учить—мудреный вопросъ, но учить его надо, и учить въ духѣ его вѣковыхъ упованій и задачъ. Не создавать себѣ изъ него кумира, не дѣлать его игрушкой своихъ тлетворныхъ и безумныхъ затѣй, а войти въ его духъ и не давать ему камня тогда, когда онъ про-

силь духовнаго хлѣба. Здоровье Лидіи Павловны!—закончилъ онъ высокой, вибрирующей нотой.

Всѣ встали и началось чоканье съ хозяйкой. Ида молча улыбалась, и, только послѣ одобрительнаго возгласа Козлишевой, выговорила:

— Vous me comblez!

Съ учительницей она поцѣловалась и, подавая руку Лыжину, сказала:

— Вы довольны?

— Доволенъ, больше всего тѣмъ,—отвѣтилъ онъ громко,—что вы—такая ясная и милая!

И онъ поцѣловалъ ея руку.

Когда, послѣ пирожнаго, окончательно поднялись отъ стола, то Лыжинъ замѣтилъ, что изо всѣхъ мужчинъ, кромѣ батюшки, перекрестился, и очень истово, одинъ только предводитель.

Кострицынъ подошелъ къ Лыжину съ бокаломъ и сказалъ:

— Чокнемтесь, Юрій Петровичъ, и выпьемъ за освобожденіе личности!

Лыжинъ чокнулся и допилъ до дна свое вино.

XXV.

Узкій проселокъ, между сугробами, вился по перелѣску въ гору. Полдень, съ радостнымъ искристымъ солнцемъ, игралъ на свѣжемъ снѣгу.

Въ рогожной кибиткѣ, безъ верха, Лыжинъ съ Кострицынымъ, лежа на снѣгъ, прикрытомъ какой-то дерюгой, тихо разговаривали, подъ звяканье туго привязаннаго колокольчика.

Они ѣхали къ князю Иларіону. Заѣхать къ нему предложилъ Кострицынъ по дорогѣ въ городъ. У него было къ нему письмо отъ Антонины Борисовны Кумачевой съ предложеніемъ погостить у нихъ, такъ какъ князь собрался въ Москву, зимой. Лыжина давно занимала эта фигура; но онъ не искалъ ближайшаго знакомства съ княземъ, изъ боязни—найти совсѣмъ не то, что представлялъ себѣ.

Кострицынъ тоже былъ наслышанъ о немъ—зналъ даже, что князь—рѣдкій, почти единственный „эпигонъ“ гегелианской эпохи, оставшійся все такимъ же вѣрующимъ послѣдователемъ берлинскаго философа.

— Да который же ему годъ? — спросилъ Лыжинъ, поворачиваясь лицомъ къ своему спутнику.

— Подъ восемьдесятъ. Онъ если не слышалъ самого Гегеля, то попалъ въ Берлинъ въ первые годы послѣ холеры.

— Холеры? — переспросилъ Лыжинъ.

— Да; вѣдь Гегель умеръ холерой, въ началѣ тридцатыхъ, когда она перекочевала изъ Россіи въ Пруссію. Онъ былъ Rector magnificus.

— Вы видали князя?

— Всего разъ. И въ очень курьезной обстановкѣ. Мнѣ случилась надобность — я еще былъ студентомъ-филологомъ — заказать себѣ недорогую этажерку для книгъ — знаете, такую висячую. Захожу къ столяру, тамъ, на Патриаршихъ-Прудахъ. Столяръ не важный, безъ вывѣски, старичокъ... Мы съ нимъ разговорились. Изъ бывшихъ крѣпостныхъ... И вотъ этого самаго князя Иларіона Ивановича. Захожу къ нему — онъ, разумѣется, въ срокъ вещи не доставилъ — и застаю у него старца. Наружность — точно пророкъ Илья. Богатырь! Вотъ вы увидите, если только онъ еще сохранился въ прежнемъ видѣ. И что же оказалось? Князь, въ ту зиму, имѣлъ еще свою мастерскую, гдѣ онъ производилъ разные опыты по технической части, столярныя вещи производилъ, изобрѣлъ особый станокъ пилить фанерки изъ цѣнныхъ деревьевъ. И съ своимъ старикомъ онъ водилъ пріятельство и помогалъ ему.

— Вѣдь онъ далъ своимъ крестьянамъ волю?

— Какъ же! Еще до эмансипаціи.

— Подарилъ всю землю?

— Подарилъ! Оставилъ себѣ только кусокъ лѣса, гдѣ стоитъ его избушка.

Они переглянулись, и Лыжинъ, приподнявшись немного, выговорилъ съ особеннымъ выраженіемъ:

— Значить, — господа народники, какъ французы говорятъ — enfoncez? Съ носомъ?

Оба они засмѣялись. Наканунѣ у нихъ былъ большой разговоръ о народѣ и его радѣтеляхъ „изъ интеллигенціи“, и Лыжину дѣлалось ясно, что они съ Кострицынымъ ближе другъ другу по взглядамъ, чѣмъ онъ думалъ; но „амбарный Сократъ“ болѣе выспрашивалъ его, чѣмъ самъ говорилъ.

— А вы какъ смотрите на такой поступокъ? — спросилъ Кострицынъ вмѣсто отвѣта.

— Само по себѣ разумѣется—хорошо.

— Красиво! И въ тысячу разъ скромнѣе и проще, чѣмъ нынѣшніе опростѣлые радѣтели. Тѣ сами въ юродство впадаютъ, по части мужицкой жизни, но что-то не слышать, чтобы они вотчину въ нѣсколько тысячъ десятинъ отдавали мужикамъ. Прежде бывали такіе случаи при крѣпостномъ правѣ. И князь Иларіонъ, и его предшественники по той же части дѣлали это, говорю я, въ сто разъ проще, не носились съ своей пра-а-авдой,—растянулъ Кострицынъ,—и не кичились своей мудростью и евангельской чистотой. Все это такъ! Но, спрашиваю я васъ, помѣщика, прошедшаго, если не ошибаюсь, черезъ народолюбіе, что своимъ даромъ земли князь Иларіонъ сдѣлалъ?

— Навѣрно—очень мало.

— Если не ровно ничего! Я слышалъ, и это не трудно фактически узнать, что его бывшіе крѣпостные, которымъ отошли всѣ его угодыя, живутъ очень плохо, во много разъ хуже, чѣмъ по ту сторону, тамъ вотъ, гдѣ усадьба Лидіи Павловны; всѣ пропились, въ кабалѣ у мелкихъ прасоловъ и кабатчиковъ, слывутъ первыми жуликами и плутами, за недоимки постоянная у нихъ идетъ порка и продажа животешекъ... Хе-хе!

— Этотъ аргументъ господа народники не примутъ.

— Мало ли что! Но онъ—на-лицо. Князь самъ себя ослабилъ, свою личность, свой даровитый и благородный починъ. Вѣдь онъ не такъ, какъ нынѣшніе *пейзанобиллы*,—подчеркнулъ Кострицынъ сочиненное имъ слово,—онъ противъ знанія не бунтуетъ. Напротивъ, метафизика не помѣшала ему и точными науками заниматься. Онъ вѣдь и механикъ, и инженеръ, и музыкантъ, и столяръ. Его идея была, какъ я знаю,—а знаю это отъ Антонины Борисовны,—поднять въ крестьянствѣ кустарные промыслы. Кое-какія деньжонки онъ себѣ оставилъ и на нихъ заводилъ въ Москвѣ и мастерскія. И долженъ былъ все это прекратить. Никого онъ не выучилъ и никакой отрасли ремесленного труда не развилъ у себя. На это нужно было, кромѣ денегъ, и земля, и угодыя, и вліяніе вотчинника. А онъ въ глазахъ своихъ мужиковъ — „блаженъ мужъ“. Стцы еще были ему благодарны, а сыновья-то, навѣрно, перестали и помнить.

— Я слышалъ, однакожь,—перебилъ Лыжинъ,—что-то такое... какъ будто все село его кормить?

— Какъ же! Какъ же! Но въ этомъ я и вижу чудачество. Врядъ ли онъ доходитъ до того, что ему ѣсть нечего. Легенда есть очень красивая, какъ князь выходилъ на опушку лѣса и, стоя на пригоркѣ, кричалъ своимъ громовымъ голосомъ: „хлѣба нѣтъ!“—И ему несли.

— Я что-то въ этомъ вкусѣ и слышалъ.

— Можетъ-быть... Сомнѣваюсь: до послѣдняго ли года такъ было? Бывшіе его мужики—пропойцы и полунищіе. Ему, бѣднягѣ, очень плохо приходится. Врядъ ли приносятъ ему все, что слѣдуетъ. Дрова онъ самъ рубить.

Кострицынъ помолчалъ и заговорилъ другимъ тономъ.

— Антонина Борисовна—между нами—и просила меня до всего этого дойти. Ей жаль старика.

— Да и неприятно, изъ дворянскаго гонора,—добавилъ Лыжинъ.

— Не безъ того. И здоровье его, кажется, немного покачнулось. Прежде онъ, когда въ Москву пріѣзжалъ, у нихъ не живалъ. Она хотѣла бы, чтобы онъ провель у нихъ мѣсяць-другой... Конечно, Захаръ Лукьяновичъ готовъ былъ бы всячески поддержать его, но старецъ гордъ.

„Для полноты семейной картины, красивый дядя—князь съ наружностью пророка Іліи и въ нѣкоторомъ родѣ приживальщикъ“, — подумалъ Лыжинъ, но вслухъ этого не сказалъ.

— Скоро поворотъ къ селу Сазонову?—окликнулъ ямщика Кострицынъ.

— Верста—не больше. Вамъ къ князю Иларіону Ивановичу?—спросилъ ямщикъ, оборачивая къ нимъ красное молодое лицо.

— Къ нему.

— Знаемъ, ваша милость.

— И самого князя видалъ?

— Видалъ.

— Ну, какъ ты о немъ скажешь?—вмѣшался въ разговоръ и Лыжинъ.

— Да какъ сказать, господа?.. Чудаковатъ! Для души спасенья проживаетъ, какъ ровно пустынный.

— Вотъ слышите,—тихо подсказалъ Кострицынъ. — Я вамъ говорю: „блаженъ мужъ“. И его отреченіе отъ владѣльческихъ правъ въ глазахъ народа—барское юродство. Православные, хоть и той вѣры, что „земля наша“, а будь они, всѣмъ міромъ, на мѣстѣ князя—они полоски бы даромъ никому не отдали.

— Они сами землю пахали, — почти нехотя возразилъ Лыжинъ.

— Юрий Петровичъ! Извините. Вѣдь этотъ аргументъ давно выдохся. Будь князь Иларіонъ писатель, заработай онъ трудомъ сто тысячъ и отдай ихъ тѣмъ же мужикамъ— вѣдь этотъ капиталъ былъ бы его кровный, все равно, что распаханная новь. Это первое. А второе — подарилъ онъ имъ и лѣсъ... Ужъ согласитесь: лѣсъ-то они не распахивали, а только, я думаю, воровали и до воли.

— Конечно!— согласился Лыжинъ.

— И выйдетъ: „блаженъ мужъ“ — для народа, а для насъ съ вами — обломокъ цѣлой эпохи умственного расцвѣта. Родовитому русскому князю, пламенному ученику Гегеля—я поклонюсь, хоть я и не его философскаго толка. И онъ, и ему подобные воздѣлывали свою ниву, какъ подбаеетъ людямъ, составившимъ соль своей земли. Это было главное. А остальное—благородное юродство!

Тройка круто свернула вправо и, оставя въ сторонѣ околицу села, стала подниматься къ лѣсу.

XXVI.

— Вонъ туды идите, — указалъ имъ ямщикъ, когда тройка остановилась у новаго пригорка, совсѣмъ занесеннаго снѣгомъ.

— Да здѣсь завязнешь, — весело замѣтилъ Кострицынъ.

Они оба уже вылѣзли изъ саней.

— Тройка есть... По ней и придете.

Свѣжіе слѣды видны были въ снѣгу и вели къ рѣдкой опушкѣ, позади которой на небольшой „плѣшинкѣ“ стоялъ домикъ князя съ дворикомъ, наполовину въ сугробахъ.

Оба были въ высокихъ валенкахъ и безъ особеннаго труда добрались до калитки. Передъ домикомъ шель садикъ съ фруктовыми деревьями—саженъ пять въ длину—отъ калитки до крылечка. Бревна домика потемнѣли, но весь онъ смотрѣлъ исправно.

Изъ конуры выскочилъ песь, шершавый и очень старый, хрипло и злобно залаялъ на нихъ и запрыгалъ на цѣпи.

— Ничего, не страшимся, — пошутилъ Кострицынъ, проникая первый въ калитку.

Она была заперта на задвижку.

Лай собаки и звонъ колокольчика вызвали хозяина домика на крыльцо.

Лыжинъ приостановился у порога калитки, точно за

тѣмъ, чтобы схватить цѣльнѣе и отчетливѣе весь обликъ того, кто, по толкованію Кострицына, только „блаженъ мужъ“ въ глазахъ народа, котораго онъ облагодѣтельствовалъ.

Князь вышелъ на крыльцо, въ сѣромъ домашнемъ казакинѣ, со стоячимъ воротникомъ, въ родѣ такого, какіе носили ополченскіе офицеры въ крымскую кампанію, въ большихъ сапогахъ и на головѣ высокая мѣховая шапка. Она необычайно хорошо—на свѣту, смягченномъ деревьями—выставляла его крупное, загорѣлое лицо съ орлинымъ носомъ и длинной роскошной бородой, шедшей почти до пояса. Брови—темнѣе бороды и въющихся волосъ на вискахъ—шли острой дугой и были гуще кнаружи. Широкая грудь и посадка головы давали ему, при ростѣ вершковъ въ десять, могучую молодцоватость. Онъ совсѣмъ еще не горбился и, выйдя на крыльцо, отъ солнца защитилъ глаза рукой.

Сейчасъ же Лыжинъ вспомнилъ знаменитаго пѣвца въ роли мельника, въ оперѣ Даргомыжскаго, котораго видѣлъ студентомъ, кажется, на прощальномъ бенефисѣ, попавъ въ Петербургъ. Только князь былъ на полголовы выше ростомъ.

„Нѣтъ, это — не „блаженъ мужъ“, — подумалъ онъ и, пропустивъ впередъ Кострицына, съ такимъ именно выраженіемъ поглядѣлъ на него. Тотъ тоже улыбнулся ему въ отвѣтъ одними глазами и, снявъ шапку, окликнулъ впросительномъ:

— Князь Иларіонъ Ивановичъ?

— Онъ!.. Милости прошу.

Голосъ князя звучалъ какъ труба, съ чуть замѣтной старческой шепелявостью.

Оба вошли на крылечко. Хозяинъ приподнял шапку, его сѣрые, острые и добрые глаза пытливо и спокойно блеснули изъ-подъ живописныхъ бровей.

— Имѣю честь кланяться, князь... Кострицынъ, Иванъ Кузьмичъ... Съ письмомъ къ вамъ отъ вашей племянницы — Антонины Борисовны. А это — Юрій Петровичъ Лыжинъ, мой спутникъ, давно желающій быть вамъ представленнымъ.

Лыжинъ приподнял свою бурю войлочную шляпу и почтительно поклонился.

Старикъ сдѣлалъ широкій жестъ правой рукой, повертываясь къ двери, и повторилъ такъ же зычно:

— Милости прошу.

Входя, онъ долженъ былъ нагнуть голову.

Изъ тѣсныхъ сѣней князь ввелъ ихъ въ комнату съ пятью окнами. Свѣту входило много, комната стояла на юго-западъ, солнце пошло уже на склонъ, но еще высилось надъ деревьями опушки.

Комната, съ кафельной высокой печкой, казалась тѣснотой отъ множества разныхъ вещей. На клеенчатомъ диванѣ лежали кожаная подушка и одѣяло; рядомъ—станокъ со столярными инструментами, старинное фортепiano, множество книгъ и на полкахъ, и просто на полу, длинный изъ бѣлаго дерева столъ, заваленный всякимъ добромъ. На немъ выдѣлялся микроскопъ и какой-то химическій аппаратъ.

Пахло травами, табакомъ и столярнымъ лакомъ. Общій видъ этой лѣсной кельи былъ очень своеобразный. Особенной грязи не замѣчалось. Стѣны стояли въ деревѣ и нестрѣли литографіями и картами. Два-три фотографическихъ портрета висѣли въ простѣнкахъ. Блестѣлъ мѣдной оправой круглый барометръ.

— Садитесь, господа, гдѣ можно,—пригласилъ князь и тихо разсѣялся.—Извините... У меня стульевъ немного... въ моемъ кафернаумѣ. Въ этой комнатѣ я и днюю, и ночью. Тамъ, черезъ сѣни, у меня, на лѣтнее время, свѣтлица есть.

— Неужели вы здѣсь совсѣмъ одинъ? — спросилъ Лыжинъ, снимая свой еркакъ.

— По утрамъ приходитъ паренекъ, поможетъ мнѣ прибрать и дровъ принесть. У меня тамъ сажень нарублена. Теперь не тѣ силы, а еще ничѣго—справляемся.

Въ глазахъ старика заискрилось желаніе приободрить себя.

— Вотъ и письмо отъ Антонины Борисовны, — обратился къ нему Кострицынъ.—Я бы васъ попросилъ, князь, прочесть это письмо при насъ и дать мнѣ отвѣтъ... какой угодно, письменный или устный.

— Позвольте вздѣть *pince-nez*.

Князь началъ рыться на столѣ въ бумагахъ, нашель *pince-nez* и у окна быстро пробѣжалъ письмо.

— *C'est ça!*..—промолвилъ онъ вполголоса.

Письмо было по-французски, и у него самого не пропала привычка думать иногда на этомъ языкѣ и довольно часто употреблять французскія слова и поговорки.

— Что жь!—громко заговорил онъ, кладя письмо на столъ.—Поблагодарите Нину. Я бы ей написалъ сейчасъ же. Да врьдъ ли у меня водится почтовая бумага,—онъ широко улыбнулся и показалъ свои рѣдкіе и крупныя зубы.—И простой-то бумаги не всегда хватаетъ. Я ее истребляю въ порядочномъ количествѣ.

— Все пишете?—спросилъ Лыжинъ.

— Пишу... Тороплюсь!—старикъ размѣялся.—Вѣдь мнѣ нельзя мѣшкать. Я вѣдь—Двѣнадцатаго года.

— Въ Отечественную войну?—воскликнулъ Кострицынъ.

— Какъ же! Матушка испугалась француза. Отецъ былъ въ арміи при графѣ Коновницынѣ, а она впопыхахъ двинулась по владимірскому тракту, и дорогой я произошелъ на свѣтъ, тоже въ избѣ... Такъ мнѣ и на роду было написано—въ бревенчатыхъ стѣнахъ скоротать свой вѣкъ!

Говоръ у князя былъ плавный, и грудной оттѣнокъ голоса съ басовыми оттяжками. Такъ нынче произносятъ только хорошіе актеры старой школы въ бытовыхъ и историческихъ пьесахъ.

— Не будетъ нескромностью спросить: что именно вы торопитесь покончить?

— Да то, надъ чѣмъ сидѣлъ тридцать лѣтъ... не больше, не меньше. Полный и вѣрный переводъ...

— Вѣроятно, вашего учителя?—подсказалъ, скромно усмѣхнувшись, Кострицынъ и поглядѣлъ значительно на своего спутника.

Лыжину вдругъ стало совѣстно: точно они оба репортеры и явились „интервьюировать“ курьезнаго старика по порученію какого-нибудь листка, гдѣ торгуютъ пикантными новостями, съ приложеніемъ воскресныхъ иллюстрацій.

Но князь повелъ рукой по своимъ серебрянымъ кудрямъ — волосы у него сохранились роскошныя — и сразу заговорилъ тономъ человѣка, который обрадовался, что можетъ съ понимающими людьми отвести душу.

— Да, *его* подлинныя сочиненія, вышедшія при его жизни.

— Вы застали *его* еще въ живыхъ?

— Нѣтъ. Я пріѣхалъ въ Берлинъ двумя годами позднѣе. Въ Москвѣ, студентомъ, я только на послѣднемъ курсѣ позналъ, что такое *его* философія.

Кострицынъ не могъ воздержаться—не взглянуть на

Лыжина — отъ этого звука „философія“, съ буквой „з“, который у князя былъ привычнымъ.

— Тогда вѣдь словесный факультетъ назывался, кажется, философскимъ?

— Я былъ по второму отдѣленію, математикъ. Сидѣли мы тогда не четыре, а всего три года... Да годъ я пропустилъ, пролежалъ больной.

— И вы довели до конца свой трудъ? — съ участіемъ спросилъ Лыжинъ.

— Довелъ, но надобны еще примѣчанія. Приглашеніе племянницы, — обратился онъ къ Кострицыну, — мнѣ улыбается... Хотя я — между нами — сталъ тяготиться тамъ, гдѣ большіе приемы. Но надо сдѣлать послѣднюю попытку найти издателя.

— А Захаръ Лукьяновичъ?

На вопросъ Кострицына князь повелъ бровями и послѣ маленькой паузы выговорилъ:

— Предлагать самъ не буду... Нина пишетъ мнѣ, что вы, — повернулся онъ опять къ Кострицыну, — занимаетесь тоже философіей.

— Немножко, грѣшнымъ дѣломъ.

— И прекрасно!.. Вы мнѣ укажете. Можетъ, и найдется такой чудодѣй, что заново будетъ издавать Гегеля. И это необходимо, безусловно необходимо для подлинныхъ его сочиненій... А остальное, эстетика и прочее... это все лекціи, которыя составлялись слушателями. У меня только несомнѣнно имъ самимъ изданныя вещи. И къ нимъ есть и мое собственное слово — съ того свѣта... слово гегелианца! Въ видѣ отдѣльнаго труда.

Глаза его зажглись и изъ груди вырвался добродушный и раскатистый смѣхъ.

Засмѣялись и оба гостя.

XXVII.

Громадную голову князя Иларіона окружили клубы дыма. Онъ усиленно раскуривалъ, по-старинному, бумажкой, трубку, изъ короткаго чубука.

— Я позволяю себѣ выкурить трубку, когда кто-нибудь зайдетъ ко мнѣ. Вы чувствуете, какой это табакъ? — спросилъ онъ своихъ гостей, радостно улыбнувшись.

— Это, кажется, Жуковъ? — осторожно замѣтилъ Лыжинъ; у него изъ первыхъ годовъ дѣтства остался въ памяти запахъ „Жукова“.

— Именно! Угадали! Его можно было доставать только въ одной лавкѣ, въ Зарядѣ, да и тамъ прекратился запасъ. Теперь у меня идетъ послѣдній фунтъ. И когда подойдетъ къ концу—больше не стану курить. Дорого! Да и пора перестать угождать плоти такимъ, въ сущности, дѣтскимъ видомъ чувственности.

— Вы, конечно, сдѣлаете это, князь, не изъ угожденія тѣмъ, кто громитъ табакъ за то, что онъ будто бы заглушаетъ совѣсть?

— Ха-ха-ха! — громко и продолжительно захохоталъ князь, ходя широкой и развалистой походкой.—Нѣтъ! Я этой ереси не придерживаюсь и скорблю, что съ ней теперь носятся, какъ съ писаной торбой. Совѣсть у меня чиста. Если и дѣлалъ много глупостей, то гадостей—никогда... Вотъ видите,—живо обернулся онъ и близко подошелъ къ Кострицыну...

Передъ тѣмъ у нихъ, совершенно незамѣтно, зашелъ не споръ, но обмѣнъ мыслей о „великомъ откровеніи“,—такъ называлъ старикъ ученіе объ „идеѣ“, какъ началъ всего.

— Вотъ изволите видѣть,—продолжалъ онъ, дымя изъ трубки. — Отчего теперь такое, можно сказать, мизерабельное шатаніе въ умахъ и характерахъ? Оттого, что *идеи* признать не хотятъ въ ея великомъ, абсолютномъ значеніи!..

Это слово „идея“—князь произносилъ его протяжно и всей грудью—вдругъ напомнило Лыжину другого старика, недавно умершаго, знакомаго всей мыслящей старой и молодой Москвѣ. И тотъ ужинъ ему припомнился, гдѣ старикъ, проникнутый своеобразной смѣсью метафизическихъ ученій, развивалъ своимъ густымъ, надтреснутымъ и пылкимъ голосомъ одну изъ любимѣйшихъ темъ о красотѣ. И въ концѣ каждаго монолога онъ потрясалъ своими волосами, обводилъ всѣхъ добрыми близорукими глазами энтузіаста и выставлялъ изъ-подъ стола—характернымъ и забавнымъ жестомъ—указательный палецъ и выговаривалъ убѣжденно и торжественно:

— Идея!

— Не всѣмъ, князь, можно признавать абсолюты,—выговаривалъ Кострицынъ, переложивъ ногу на ногу. —И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

— Но позвольте,—горячѣе возразилъ князь. — Ne vous rayons pas de mots! Или система ведетъ къ открытію

истины, или нѣтъ? Средняго термина быть не можетъ. Но кто же повалилъ ее, спрашиваю я васъ?—обратился онъ къ Лыжину.

— Я, князь,—отѣликнулся тотъ,—въ спеціальныхъ вопросахъ философіи не компетентенъ. Иванъ Кузьмичъ—другое дѣло!

И онъ указалъ головой на Кострицына.

— Кто же повалилъ ее? — тѣмъ же тономъ непоколебимой вѣры спросилъ князь у Кострицына.— Не Тренделенбургъ ли? Этотъ филистеръ, впитавшій въ себя разные сорта самой жалкой эклектики? И что такое его тройственная формула, которую онъ предложилъ вмѣсто вѣчной, глубочайшей, единой? — нараспѣвъ протянулъ старикъ.—Припомните!..

— Sein, Nicht-Sein, Werden?—по-нѣмецки, съ рѣзкимъ русскимъ акцентомъ и улыбнувшись глазами, подсказалъ Кострицынъ.

— Да-съ! А у него вдругъ *бытію* противопоставлено *движеніе*, а посрединѣ *мысль*. Развѣ это не жалкое смѣшеніе понятій и сущностей? Это все равно, какъ если бы я, напримѣръ, вмѣсто: вода, земля, огонь, сказалъ: вода—льняное масло, молоко!

И опять раздался его могучій и дѣтски-радостный смѣхъ.

— Между тѣмъ какъ у Гегеля: бытіе—небытіе—становленіе! Величайшая философическая...

— Троица!—подсказалъ опять съ тою же усмѣшкой Кострицынъ.

— Именно! Ипостась!.. И остальные категоріи такого же абсолютнаго значенія!

Князь взялъ короткій чубукъ въ правую руку и повелъ имъ въ воздухѣ, точно писалъ на невидимой доскѣ ментальными буквами.

— И все остальное—такъ же ясно, глубоко и гениально найдено: время—пространство и—въ серединѣ—движеніе... А? Или: единство—притяженіе—множественность... А? Или: цѣлое—сила—части... Потомъ: причина—онъ сталъ искать слова—взаимность...

— Взаимодѣйствіе,—какъ бы про себя поправилъ его Кострицынъ.

— Благодарю. Причина—взаимодѣйствіе—слѣдствіе... И, наконецъ,—князь поднялъ плечи и закинулъ голову,—и, наконецъ, бытіе въ себѣ, или по себѣ—и для себя.

— Это и есть знаменитое an und für sich? — скромно спросил Лыжинъ.

— Именно! Это и есть то выраженіе, которымъ разные грошковые писаки такъ злоупотребляютъ... Бытіе въ себѣ— абсолютное, но не сознаваемое; бытіе въ себѣ и *для себя*— такое же абсолютное, но уже сознаваемое, и инобытіе.

„Инобытіе“ долго звучало въ ушахъ Лыжина, вмѣстѣ съ раскатомъ зычныхъ возгласовъ князя и особымъ широкимъ звукомъ „ѣ“ въ словѣ „себѣ“, точно онъ произносилъ иностранное „э“ съ французскимъ акцентомъ.

За тысячи верстъ очутился онъ отъ завтрака у своей пріятельницы Иды Радиной и проекта „кавалерійскихъ монастырей“— почетнаго мирового судьи Кличъ-Обношина. Черезъ нѣчто подобное проходилъ онъ, на-дняхъ, только въ „избушкѣ на курьихъ ножкахъ“ Цыбашева, младшаго сверстника чудака-гегельянца.

— И что такое какой-нибудь герръ Тренделенбургъ?— доносилось до него въ клубахъ ходившаго по комнатѣ дыма отъ жуковского табаку.— Кто теперь о немъ помнить? Жилъ былъ берлинскій шмерць, покушавшійся повалить гиганта, и нѣтъ шмерца, и даже мокренько отъ него не осталось!

— Ха-ха!—захохоталъ и Кострицынъ.

И Лыжину стало весело, на особый ладъ, отъ обаянія такой изумительной рьяности мозга и всей природы въ древнемъ старцѣ.

— Прошу извиненія, господа,—сразу сбавивъ діалазонъ, заговорилъ князь и присѣлъ на диванъ, — угостить мнѣ васъ нечѣмъ... не осудите. Я вѣдь живу схимникомъ. И на обязательномъ сухояденіи. Опять-таки не изъ мистицизма—я имъ не зашибаюсь, а такъ легче... И давно я у себя, дома, не знаю, что такое обѣдъ. Даже отъ горячей пищи совѣмъ отстаю.

Захотѣлось Лыжину спросить: есть ли правда въ легендѣ о томъ, какъ князь выходитъ на опушку и кричить: „хлѣба нѣтъ!“—но онъ удержался.

Кострицынъ мягко и безъ своего „хе-хе“ спросилъ:

— Ваши сосѣди, мужички, навѣщаютъ васъ, князь?

— Я къ нимъ самъ хожу. Особенныхъ дѣлъ у нихъ до меня нѣтъ; а помочь совѣтомъ всегда успѣется.

Брови его немного сдвинулись, и грустная усмѣшка повела его губы.

— Видите, господа, о нашемъ крестьянскомъ людѣ —

до второго пришествія не переговорить. Вы слышали про меня кое-что... Я просто чудачина... Un paif! „Un idiot intelligent!“—какъ меня звала покойница-матушка. Когда я пожелалъ подѣлиться съ моими крѣпостными чѣмъ могъ — я сдѣлалъ это такъ, безъ всякихъ теорій; но мечталъ—посвятить и имъ половину моей души, поднять ихъ бытъ, подтолкнуть, направить. Для нихъ и самъ сталъ учиться всякой всячинѣ, надолго забросилъ главную работу моей жизни. Что жъ! Изъ *эстаго*,—выговорилъ онъ, пожавъ плечами, — не вышло ничего. Петръ Великій добился другихъ результатовъ, потому что у него была въ рукахъ всесильная дубинка... А я только предлагалъ и убѣждалъ, и давалъ образцы. Кое-что привилось въ кустарномъ дѣлѣ; но двѣ трети села — когда-то цвѣтущаго, при моихъ родителяхъ—теперь живутъ впроголодь.

— И даровая земля не помогла?—спросилъ Лыжинъ.

— Вѣдь съ тѣхъ поръ втрое больше душъ стало на той же землѣ. Земля-то еще есть кое-какая, а лѣсъ давно перевели и пахать-то не на чемъ. Такой новый мужицкій недугъ водворился повсемѣстно: *безлошадіе*.

— Безлошадіе!—повторилъ Кострицынъ.—Мѣткое слово! Оно ваше, князь?

— Не знаю! Я его не сочинялъ... И ежели придетъ, хоть на одинъ годъ, настоящій недородъ — я не говорю голодь, — моимъ сазоновцамъ не подняться никогда — на одной землѣ. Тутъ они помянутъ и чудака князя Иларіона Иваныча, когда его не будетъ. Возмутся, быть-можетъ, за умъ и вспомнятъ, чему онъ ихъ даромъ училъ.

Старикъ всталъ. Поднялись вмѣстѣ и оба его гостя.

— Стало-быть, князь,—спросилъ Кострицынъ, приближаясь къ нему,—вы сами сознаете, что потрачено слишкомъ много силъ на неразумную толпу, которая и понять-то васъ не хотѣла, — а тѣмъ самымъ вы обдѣляли ровно настолько же вашу собственную мыслящую личность. Служеніе абсолютной истинѣ выше непрощенныхъ жертвъ.

— Положимъ, что оно и такъ,—выговорилъ князь медленно и опять съ грустной усмѣшкой.—Но зато умру съ чистой совѣстью. Каковы бы они ни были,—провелъ онъ рукой въ ту сторону, гдѣ стояло село Сазоново,—передъ ними я чистъ, и они меня лихомъ поминать не будутъ. Нужды нѣтъ, что и у нихъ молодежь—нынѣшняя-то, что

въ *спинжакахъ* ходить и *цыгарки* курить—называетъ меня „блаженненкѣй князь“.

Кострицынъ поглядѣлъ на Лыжина, и они оба почували, какъ трезво смотритъ на себя и на свое „юродство“ этотъ обломокъ канувшей въ вѣчность эпохи.

XXVIII.

Ида получила отъ Лыжина письмо дня черезъ четыре послѣ открытія школы—уже изъ Москвы.

„Ушелъ я изъ вашихъ мѣстъ, какъ владѣлецъ, совсѣмъ ушелъ, дорогой другъ мой,—писалъ ей Лыжинъ, — и вы за это на меня не попеняете. Къ вамъ я думаю наѣзжать, и чаще, чѣмъ до сихъ поръ это дѣлалъ. Меня не будетъ уже смущать вопросъ: почему я самъ не сажусь на землю и не превращаюсь въ *опростѣлаго интеллигента* — какъ только, бывало, попадалъ къ вамъ. Мужъ великолѣпной Нины, коммерсантъ Кумачевъ, даетъ мнѣ, окончателью, хорошую цѣну. Лучше никто не дастъ. Чтò я стану дѣлать въ Москвѣ—еще пока не знаю. Я, другъ мой, слишкомъ усталъ отъ возни съ самимъ собой и погони за тѣмъ: какъ жить, чтò достойно усилій мыслящаго и честнаго человѣка и чтò недостойно. Просто, хочу *жить* на первыхъ порахъ — хотя бы изо-дня-въ-день, только безъ ковырянья въ себѣ самомъ. Быть-можетъ, возьму какое-нибудь немудрое дѣло, безъ всякихъ задачъ и громкихъ программъ. Тотъ „амбарный Сократъ“, съ наружностью сидѣльца, котораго я пригласилъ къ вамъ на открытіе школы, господинъ Кострицынъ,—соблазняетъ меня предложеніемъ, котораго я пока еще не принялъ. Случиться можетъ, что пріѣду къ вамъ на-дняхъ, потолковать именно объ этомъ. Если вы скоро ждете пріѣзда вашего друга—Елены Константиновны Акридиной,—жму ея руку и хотѣлъ бы съ ней повидаться, тогчасъ по пріѣздѣ ея въ Москву, гдѣ она остановится, вѣроятно, все у той же великолѣпной Нины, какъ и дядя Нины—князь Иларіонъ.

„Со мной она — на особый ладъ—любезна; только это меня—тоже на особый ладъ—не то что раздражаетъ, а по-калываетъ“.

Ида тихо усмѣхнулась, перечитывая послѣднія строки, и мысленно повторила выраженіе: „на особый ладъ“.

Ей сдавалось, что „Юрій“ начинаетъ подпадать подъ то, чтò она на своемъ языкѣ называла „*suggestion féminine*“. А у „Нины“—этого было достаточно во семь: въ

„великолѣпной“ наружности, въ изящныхъ туалетахъ, въ тонѣ, въ талантахъ.

Она читала письмо у лампы. Шелъ восьмой часъ. На дворѣ не было метели, какъ въ тотъ вечеръ, когда приѣхалъ, въ первый разъ, Юрій Петровичъ. Стояли послѣдніе дни полнолунія, и сквозь щели ставень, выходявшихъ на террасу, виднѣлся свѣтъ, отраженный снѣжными глыбами сада.

Свою пріятельницу—Елену Константиновну Акридину—она ждала съ-часу-на-часъ. Наканунѣ пришла отъ той депеша изъ Петербурга, но съ какимъ поѣздомъ она оттуда выѣдетъ—не значилось въ депешѣ. Съ Еленой не видалась она около двухъ лѣтъ. Это было еще за границей. Потомъ Акридина дѣлала ученую экспедицію въ Малую Азію, производила тамъ раскопки, имя ея стало извѣстнымъ и въ Европѣ, ее выбрали членомъ-корреспондентомъ одной заграничной академіи. И она много печатала въ ученыхъ изданіяхъ. Много ѣздила, въ этотъ же промежутокъ времени, и по Россіи, была на Кавказѣ и за Кавказомъ—и тамъ рыла курганы.

Но это все—работа головы. Неужели она совсѣмъ не живетъ сердцемъ, съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣла? Вдовѣтъ Елена больше пяти лѣтъ и въ мужа своего не была влюблена, уважала его, считала себя его ученицей—и только. Дѣтей у нея нѣтъ и не родилось. Она еще не стара—онѣ съ ней погодки: ей самой пошелъ тридцать шестой, а Еленѣ—тридцать седьмой. Въ письмахъ, за послѣдніе мѣсяцы, Елена про себя, про свои чувства и настроенія писала мало, всего чаще коротенькія записки или письма побольше—фактическія, полныя именъ и своихъ маршрутовъ.

Врядъ ли въ ней, такой живой и смѣлой по своимъ взглядамъ, съ большимъ самолюбіемъ и жаждой всякихъ впечатлѣній, заглохла потребность любить!

Когда Ида у нея объ этомъ спрашивала, та отговаривалась недосугомъ или повторяла свою характерную фразу: „мой часъ еще не пробилъ“.

Ида этому не вѣрила. У ней сложился въ душѣ особый догматъ: каждая женщина обречена на то, чтобы быть живой жертвой, приносимой ненасытному идолу—любви. Однѣ сразу погибаютъ въ его раскаленномъ жерлѣ; другія до самой смерти ходятъ съ надрѣзаннымъ сердцемъ, откуда сочится кровь; третьи—и она въ томъ числѣ—до-

живають, отравленные любовнымъ ядомъ, который высосалъ жизненный сокъ изъ ихъ души и оставилъ ихъ дотягивать до смерти, превратясь въ тѣнь того, чѣмъ онѣ были когда-то. Тѣ же, кто устоялъ,—совсѣмъ не женщины...

И Елена не изъ такихъ. Еще два-три года—и она уже старушка, какой Ида и себя считала безъ всякой рисовки.

Она сильно задумалась—и эта дума объ Акридиной заставила ее потянуться къ альбому, гдѣ былъ и портретъ ея, снятый въ какомъ-то полу-мужскомъ восточномъ платьѣ и высланный съ годъ назадъ, съ Кавказа, хотя этотъ портретъ Ида не любила: на немъ Елена смотрѣла старымъ безусымъ мальчикомъ-подросткомъ.

Въ коридорѣ хлопнули дверью и раздались мягкіе шаги въ валенкахъ Финогена; черезъ нѣсколько секундъ и его борода выставилась изъ двери.

— Отъ станціи кто-то къ намъ заворачиваетъ, Лидія Павловна. Чтò прикажете?

— Отчего же колокольчика я не слыхала? — спросила Ида, не смущенная и не обрадованная вѣстью о какомъ-то гостѣ.

— Ъдутъ на легковомъ, въ пошевняхъ, парой.

— Что жъ! Просите и скажите Настасьѣ, чтобы самоваръ былъ готовъ.

— Слушаю-сь.

И пяти минутъ не прошло, какъ Ида и Елена уже обнимались въ коридорѣ.

— Sans crier gare!—ласково упрекала Ида, развязывая, при помощи Евгеніи, башлыкъ на головѣ своей пріятельницы.—Я бы выслала за тобой.

— Некогда было, милая! Заторопилась вчера, на скорый поѣздъ не попала. И депешу послать забыла. Прости.

Елена говорила быстро, мало связно, очень высокимъ голосомъ, звукомъ и тономъ молодой дѣвушки.

— Озябла! Сядь къ печкѣ.

Ида ввела ее въ гостиную, поддерживая за талію—она была повыше Елены—и, поставивъ противъ лампы, осмотрѣла ее пристально, щуря на нее свои глубокіе и грустные глаза, оживленные пріѣздомъ друга.

— Постарѣла? —спросила Елена, кидая свой башлыкъ на стулъ, и встряхнула волосами.

Голова ея, большая по росту, курчавая, съ черными, густыми волосами, выступала изъ широкихъ плечъ, закинутая, по привычкѣ, нѣсколько назадъ. Лицо отъ мо-

роза разгорѣлось, еще свѣжее, съ полными щеками. Ночь, крупный, прямой, говорящій о характерѣ, и толстоватыя губы дѣлали ее похожей на молодого мужчину. Но руки и ноги были маленькія, чисто женскія, и грудь полная.

На ней ловко сидѣло дорожное фланелевое платье, полосками, и кофта песочнаго цвѣта. Одѣвалась она не особенно модно, но безъ умысленной небрежности.

— Постарѣла? — повторила она и тотчасъ же, подбѣжавъ къ изразцовой печкѣ, приложила ладони заложенныхъ за спину рукъ.

— Нѣтъ! Совсѣмъ нѣтъ! — серьезно отвѣтила Ида. — Только...

— Будетъ непременно предательское „только“! Чтò же только, Ида, моя милая?

И она еще разъ порывисто обняла ее и поцѣловала въ губы.

— Только ты — какъ на томъ портретѣ — смотришь мальчикомъ.

— Тѣмъ лучше!.. Это сохраняетъ.

Глаза Елены, съ широкимъ разрѣзомъ и голубые, при черныхъ волосахъ, задорно блеснули.

Ея возбужденность пахнула на Иду чѣмъ-то молодымъ. Она еще никогда не видала Елену такой непохожей на женщину, ушедшую въ ученые труды и разѣзды. Прежде, бывало, она сейчасъ же начнетъ говорить, безъ усталости, о своихъ работахъ — въ обязательно серьезномъ тонѣ. Теперь ей, впервые, хотѣлось, прежде всего, болтать, по-приятельски, забывъ, что она — Елена Константиновна Акридина, ѣдущая въ Москву на ученый конгрессъ, гдѣ она будетъ читать блистательные рефераты о своихъ раскопкахъ и разныхъ тонкосяхъ по археологіи.

— Чаю, конечно, хочешь?

— О! Чаю, чаю! Поль-царства за самоваръ! — вскричала Елена.

— Сейчасъ будетъ готовъ.. Ты надолго ко мнѣ?

— Хотѣла бы на цѣлую недѣлю, да меня потянутъ раньше... До субботы проживу.

— Только?

— На возвратномъ пути опять... дня два, можетъ, и больше.

— Ты у своей племянницы, la belle Nina?

— Да, она проситъ, хотя мнѣ не очень это улыбается.

Ида, стоя против нея, положила ей руки на плечи; та продолжала грѣть свои ладони, прикладывая ихъ къ гладкимъ изразцамъ кафельной печки. Тутъ же рассказала она про письмо Лыжина и, прищурившись, дала понять, что его, кажется, начинаетъ интересовать Нина, и онъ, вѣроятно, будетъ часто бывать у Кумачевыхъ.

— Лыжинъ!.. Въ какихъ онъ теперь? Въ толстовцахъ?

— О, нѣтъ! — протянула Ида. — Il a liquidé! Il veut simplement vivre.

— И это всего лучше! — горячо выговорила Елена и, взявъ Иду за талию, заходила съ ней по гостиной.

XXIX.

Было уже поздно; онѣ все еще не расходились спать. Въ гостиной догорала лампа. Ида лежала на диванѣ; Елена прилегла на короткой кушеткѣ, поджавъ подъ себя ноги.

Безъ умолку говорила она, за чаемъ, о своихъ планахъ, развѣздахъ и работахъ. Въ гостиной тонъ ея сталъ вдругъ совсѣмъ иной, даже въ голосѣ слышались болѣе низкія ноты, и фразы не сыпались такъ быстро, съ обычнымъ, рѣзковатымъ ритмомъ.

Она стала спрашивать Иду про ея послѣдній романъ. Та отвѣчала односложно, не то чтобы нѣхотя, а какъ о вещи, безвозвратно канувшей въ вѣчность.

— Неужели ты похоронила свое сердце? — воскликнула Акридина среди этого разговора.

— J'ai engagé! — возразила Ида, своимъ всегдашнимъ французскимъ терминомъ.

— Engagé! Engagé! — подхватила Акридина. — Это тебѣ только такъ кажется. Еще если бъ на твоемъ мѣстѣ была женщина, способная удариться во что-нибудь другое — въ науку или въ благочестіе, въ дѣтей, въ пропаганду... А вѣдь у тебя такихъ ресурсовъ нѣтъ. Какъ же ты проживешь?

— Живу, — откликнулась кротко и спокойно Ида, — и мнѣ не нужно прежняго постыднаго рабства передъ мужчиной.

Она отвѣчала по-французски. Елена вела разговоръ больше по-русски. У нея не было такой привычки думать на чужомъ языкѣ, какъ у ея друга.

— Рабство! — опять съ какимъ-то новымъ для Иды оттѣнкомъ задора повторила Елена. — Это, милая моя,

фраза! Все рабство! Безъ кислорода воздуха ты не проживешь трехъ минутъ. И это тоже рабство? Нѣтъ ни одного сильнаго ощущенія, ни идей, ни высокихъ чувствъ и дѣлъ—безъ жертвы; другими словами—безъ преклоненія передъ чѣмъ-нибудь, выше насъ стоящимъ, безъ боли, безъ потерь.

— У тебя больше умѣнья говорить, Елена, и я спорить не буду. Ты меня спрашиваешь. Я отвѣчаю: теперь мнѣ легче, мнѣ совсѣмъ легко. Нельзя любить всю жизнь. На все—своя пора. И въ мужчинахъ это такъ же; только они испорченнѣе и менѣе смѣшны, когда влюбляются съ сѣдыми волосами.

— Ты ошиблась — вотъ и все, — говорила медленно и вдумчиво Елена, лежа на кушеткѣ, съ подушкою, которую она обняла одной рукой. — Ты ошиблась, милая, — и жестоко ошиблась. Дурной выборъ былъ сдѣланъ цѣлыхъ два раза. Они могли и совсѣмъ тебя раздавить — такіе два опыта. Ты не потеряла, однакожь, ничего, кромѣ призрака счастья.

— Какъ ты можешь знать?

— А ты знаешь? — Акридина приподняла голову и уперла ее на ладонь руки. — Если ты думаешь, что сердце твое заморожено навѣки—ты можешь грубѣйшимъ образомъ ошибаться! Давно какой-то мудрецъ сказалъ, что одна жизнь въ состояніи показать намъ, порочны мы или праведны. Такъ точно и въ дѣлѣ любви.

Ида слушала ее не безъ нѣкотораго удивленія, все съ возраставшимъ интересомъ. Она не могла отвѣчать ей иначе; но тутъ дѣло шло не объ одномъ ея счастіи. Въ своей пріятельницѣ зачуяла она что-то новое, и ей невольно припомнилось то, что она думала объ Еленѣ, еще сегодня, у лампы.

— Ты пойми, — доходилъ до нея вздрагивающій голосъ Елены. — Пойми, Ида: мужчина — только поводъ, или объектъ, по ученому выраженію. Но отправленіе...

— La fonction? — переспросила Ида серьезно, точно хорошала ученица на урокъ.

— Ну да, функція, сила, стремленіе, высшій жизненный позывъ сидитъ въ тебѣ, въ насъ, во всѣхъ насъ—женщинахъ. И если ты этой функціи не лишилась—ничто не потеряно... Я это не о тебѣ одной, милая... Ты испытала любовь, и она тебѣ дорого обошлась; другія и до твоей поры дожили, и ничего не испытали. Имъ, быть-

можетъ, сдается, что имъ не дано этой силы души, что они—нравственные уроды. И вдругъ—толчокъ, искра!..

— Un monsieur plein de suffisance et d'égoïsme crasseux,—добавила Ида безстрастно и вѣско.

— Не въ этомъ дѣло! Одинъ—негодяй, другой—герой и праведникъ... Не въ этомъ совсѣмъ дѣло! Но онъ—именно онъ, а не другой кто—заронить искру, и женщина сразу познаетъ, какая въ ней дремала сила и сколько эта сила въ состояннн дать радости. Или страданій—это все равно! Но какихъ страданій? Великихъ, захватывающихъ!

Голосъ Елены оборвался и точно всхлипнулъ. Въ этомъ звукѣ далъ себя знать не простой задоръ женщины, любившей „принципiallyно“ споръ,—что-то иное.

Идѣ припомнился другой, такой же долгій разговоръ, ночью,—это было въ Парижѣ,—и Елена, послѣ утѣшеній, въ ея послѣднемъ любовномъ ударѣ, стала негодовать, какъ женщина срамить себя; точно она неспособна ни на что, кромѣ страсти къ мужчинамъ, что для нея вся суть жизни—въ *этомъ*, въ страсти, и во всемъ, что съ нею связано; а какъ только ее не хотятъ больше любить, она—безполезное, никуда не годное существо, безъ идей, безъ таланта, безъ энергнн, безъ малѣйшей любви къ труду, къ человѣчеству, къ истинѣ.

Ей припомнилось даже извѣстное изреченіе, которымъ Елена заклеимила женщинъ:

— „Гробы повапленные!“

И тогда она попросила ее объяснить ей это выраженіе: евангеліе она читала по-англійски и славянскаго языка до сихъ поръ хорошенько не понимаетъ, кромѣ самыхъ употребительныхъ молитвъ.

Лампа стала гаснуть.

— Ah, mon Dieu!—слабо воскликнула Ида и торопливо встала съ дивана.

— Погаси ее. Свѣту не нужно. Останемся впотьмахъ... Я люблю.

Ида погасила и вернулась на диванъ. Онѣ продолжали разговаривать, и темнота охватила обѣихъ особеннымъ настроеніемъ, какъ бывало въ дѣтствѣ, впотьмахъ.

— Елена!—кликнула ее Ида вполголоса.—Ты совсѣмъ другая... Неужели?..

Она не договорила своего вопроса.

— Ахъ, милая!—Акридина заложила руки за голову и

лежала навзничъ, смотря въ темноту, куда чуть-чуть проникаль свѣтъ лунной ночи и отражался на изразцахъ печи. — По правдѣ тебѣ сказать, я чувствую, что во мнѣ происходитъ...

Она не сразу нашла слово.

— Une crise—quoi?—спросила Ида.

— Пожалуй! Что жъ грѣха таить — я злоупотребляла работой ума... Это хорошо: мужское дѣло — и женщина должна за него браться, если не желаетъ быть вѣчно на правахъ малолѣтней... И вотъ, милый мой другъ, съ нѣкоторыхъ поръ, когда много уже сдѣлано... успѣхъ, репутація—все это идетъ въ гору, совсѣмъ не того хочется!

„Я знаю—чего“,—подумала Ида и улыбнулась; не злобно, а съ горечью за свою подругу.

— Ты понимаешь—археологія, раскопки... все это прекрасно, только сушь это непомѣрная, какъ ни приправляй ее всякимъ гарниромъ.

— Oui, — выговорила шутливо Ида, — *ce n'est pas du dernier drôle!*

— Талантъ хочется выразить въ чемъ-нибудь другомъ... въ краскахъ, въ звукахъ или въ образахъ. Иной разъ меня защемитъ досада на то, что я не занималась ни живописью, ни музыкой. Даже ни одной повѣсти не написала за цѣлую жизнь.

— Пиши.

— Легко сказать!

— Попробуй. Если есть талантъ—это сейчасъ будетъ видно.

— И не одно это,—продолжала какъ бы вслухъ мечтать Акридина, такъ же вполголоса и гораздо медленнѣе,—не одно это! Встряхнуться, идти на борьбу не съ отвлеченной идеей, а съ живымъ человѣкомъ.

— *Avec un mâle*,—проронила Ида.

Елена точно не слыхала этихъ словъ.

— Все бросить, хоть на время, и узнать, что такое, когда забываешь себя, когда новая, сладкая сила подниметъ тебя надъ землей и понесетъ, какъ въ сказкѣ.

— *Mais, mon vieux*,—выговорила громче Ида,—*tu veux aimer!*

— Не знаю,—вымолвила она почти съ горечью.

— Или ты уже любишь?

— И не думаю! — болѣе весело вырвалось у Акриди-

ной.—Однако, пойдѣмъ спать, а то мы—какъ двѣ институтки на вакаціи.

Ида зажгла свѣчу и, взявъ, съ блуждающей улыбкой, свою подругу за талію, повела ее въ ея комнату.

Горничная спала, и онѣ ея не будили.

Дверь комнаты „для гостей“ приходилась наискосою съ спальни Иды. Онѣ оставили обѣ двери открытыми, чтобы можно было переговариваться.

Свѣчи были уже потушены.

— Елена, ты спишь?

— Нѣтъ, совсѣмъ не хочется.

— Здѣсь ночеваль Юрій Лыжинъ.

— Каковъ онъ теперь?—спросила возбужденно Елена.— Постарѣлъ? Опустился?

— Au physique—point. Il peut plaire.

— Ну, а душой?

— Очень милый, но утомленный... Мы понимаемъ другъ друга.

— Отчего же ты нейдешь за него?

— Онъ не сватается,—полусмѣясь отвѣтила Ида.

— Чего же ему еще надо?

— Мы оба мужчины.

— Не вѣрю,—протянула Елена.—Прощай! Пора, милая.

— Прощай!

Все смолкло; только на дворѣ собака-овчарка тявкнула разъ, другой, и опять забила въ конуру.

„Cette pauvre Hélène a quelque chose“,—убѣжденно подумала Ида и стала засыпать.

XXX.

Сосновый лѣсъ стоялъ безмолвно, окрашенный съ одного конца косвенными лучами заката. Тропка, расчищенная вдоль просѣки, вела къ усадьбѣ.

Впереди шли рядомъ Акридина и Боярцевъ.

Онъ поѣхалъ утромъ поблагодарить Лидію Павловну за приглашеніе на открытіе школы и переговорить о какихъ-то формальностяхъ насчетъ училищнаго совѣта. У нея въ домѣ онъ былъ въ первый разъ. За завтракомъ у нихъ съ Акридиной зашелъ разговоръ, до какихъ она была такая охотница, и продолжался на прогулкѣ въ лѣсъ.

Ида уже замѣтила, что этотъ стройный и красивый блондинъ, съ его особеннымъ серьезнымъ тономъ и симпатичнымъ голосомъ, сразу вызвалъ въ ея подругѣ жела-

ніе помѣряться съ нимъ идеями и вкусами. Онъ далъ понять, что знаетъ ее по репутаціи и самъ интересуется русскими древностями. Къ концу завтрака у нихъ вышелъ уже споръ, и Елена сказала ему довольно рѣзко:

— Извините меня, я занимаюсь археологіей, какъ наукой; но руссофильства на деревянномъ маслѣ не придерживаюсь.

Боярцевъ смолкъ и до конца завтрака говорилъ почти исключительно съ Идой. Это задѣло Акридину, и въ лѣсу, когда Ида, двигаясь очень медленно, отстала отъ нихъ, она возобновила разговоръ въ другомъ, болѣе сдержанномъ тонѣ.

Внутренно она волновалась и теперь, идя съ нимъ въ ногу, еще явственнѣе для самой себя, чѣмъ за завтракомъ.

Въ профиль она находила Боярцева еще красивѣе. Черты были, правда, нѣсколько мелки для такого виднаго роста. Общій обликъ нравился чистотой линій и выраженія. Щеки розовѣли, совсѣмъ какъ у юноши. Она уже замѣтила за завтракомъ, что онъ не разучился краснѣть, хотя былъ совсѣмъ не застѣнчивъ и говорилъ убѣжденно, хорошо владѣя фразой. Она уже сообразила, что Боярцевъ университетскаго образованія и очень начитанъ. Можетъ-быть, онъ даже магистрантъ: нынче не рѣдкость и въ уѣздѣ, въ званіи предводителя, встрѣтить такихъ. Въ немъ—въ его языкѣ, звукѣ голоса, манерахъ, тонѣ; во всемъ—сидѣлъ настоящей москвичь, „барское дитя“, какъ она мысленно опредѣлила его,—но барское дитя, „вкусившее интеллигенціи“—и въ значительной долѣ.

— Вы, пожалуй, — заговорила Елена и взглянула на него вбокъ, — въ правѣ были счесть меня за нестерпимую сектантку... за нигилистку, можетъ-быть, ха-ха...

Елена уже знала, что его зовутъ Романъ Денисовичъ, но не называла его по имени и отчеству.

Боярцевъ замигалъ—это у него часто бывало въ разговорѣ—и поправилъ рукой бровную шапку. Одѣтъ онъ былъ въ дорожный тулупчикъ, съ таліей, на мерлушкѣ, со стоячимъ воротникомъ, что его еще болѣе моложавило.

— Нисколько, — отозвался онъ, подумавши. — Мы, кажется, не одного лагеря; но развѣ я такъ отзываюсь деревяннымъ маѣломъ?

— Ха-ха!—Елена размѣялась очень молодо и, остановившись, протянула ему руку.—*Sans rancune!* Я беру свои слова назадъ.

Боярцевъ пожалъ ея руку съ двойственной усмѣшкой.

Она почувствовала себя задѣтой. Этотъ „аристократишка“ хочетъ все давать ей уроки такта и обращенія. Вѣдь и она не разночинка и не выскочка. И ее воспитали какъ барышню. Это не помѣшало ей стать тѣмъ, что она есть, и свое душевное и умственное добро защищать всегда и вездѣ по-мужски.

— Можно,—сказалъ Боярцевъ, помолчавъ опять,—не быть ни ханжей, ни даже руссофиломъ, въ извѣстномъ смыслѣ, и чувствовать между собою и народомъ своимъ коренную связь.

И онъ поглядѣлъ на нее вбокъ, съ полуопущенными рѣсницами.

— Я этого не отрицаю.

— И мнѣ кажется,—мягче и задушевнѣе продолжалъ Боярцевъ,—для тѣхъ, кто, какъ вы, изучаетъ, между прочимъ, и нашу старину, тяжело сознавать, что между вами и народомъ—пропасть, во всемъ, чѣмъ онъ духовно живетъ.

„Вонъ ты куда пробираешься!“—подумала она и чуть замѣтно закусилла губу.

— Его духовной жизнью мы и занимаемся—его религіей, бытомъ, преданіями и искусствомъ...

— Не спорю. Я васъ... Елена Константиновна,—тономъ полувопроса произнесъ онъ,—недостаточно знаю, въ смыслѣ вашихъ основныхъ идей и вѣрованій; но мнѣ кажется, что у многихъ изслѣдователей народной души отношеніе къ нашему народу—точно къ какимъ палуасамъ. Это для нихъ такой же предметъ, какъ и каннибалы, какъ первобытные народы въ эпоху матриархата, полиандріи, общности женъ или кровомщенія.

— Наука стоитъ выше отжившихъ пристрастій и вѣрованій!—выговорила Акридина опять болѣе твердымъ, мужскимъ тономъ.

Въ ней забродило сложное чувство: этотъ „дворянчикъ“, въ званіи предводителя, который и сегодня, за завтракомъ, крестился съ какой-то особой обстоятельностью,—человѣкъ не ея лагеря. Она такихъ уже встрѣчала и въ свѣтскихъ гостиныхъ, и въ интеллигенціи, часто и среди ученыхъ. Многие ея коллеги по археологіи и первобытной культурѣ „зашибаются“ славянофильствомъ и руссофильствомъ. Пускай бы и этотъ, во всякомъ случаѣ, дилетантъ, хотя и начитанный, вѣрилъ во что ему угодно.

Не это ее теребило, а то, что онъ держится съ ней тона *молодого* человѣка, ведущаго умный разговоръ съ специалисткой извѣстной репутаціи и извѣстныхъ *мытъ*.

Дорогой она нѣсколько разъ, незамѣтно для него, взглядывала на Боярцева. Онъ—еще совсѣмъ молодой человѣкъ; на видъ ему много двадцать четыре года, хотя Ида и говорила ей, что ему подѣ тридцать.

И рядомъ съ нимъ она уже дама, годится ему въ *старшія* сестры, а злобный шутникъ скажетъ: „и въ тетеньки“. Женщины онъ въ ней точно совсѣмъ не замѣчалъ.

Быть-можетъ, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она овдовѣла, испытывала она около молодого мужчины такое раздвоеніе своей личности. И женщина въ ней заговорила сильнѣе специалистки и сторонницы строго научныхъ взглядовъ, не желающей вдаваться ни въ какой мистицизмъ, чѣмъ бы онъ себя ни прикрывалъ.

Съ нѣкотораго времени она стала гораздо больше заниматься своимъ туалетомъ, и Ида уже замѣтила это ей сегодня съ одобреніемъ. Но она пошла гулять въ шубкѣ „по тальѣ“, отзывавшейся третьегодней модой. Она ей была узковата. Шапочка тоже не особенно шла къ ней. На ногахъ большія калоши—„бахилы“, какъ говорятъ въ Москвѣ.

Все это она должна была обновить, какъ только поселится у своей племянницы, Нины Кумачевой.

— Вы живете въ имѣніи или только наѣзжаете сюда?—спросила она, не безъ желанія перемѣнить тему разговора, чтобы не выдавать себя.

— У меня въ Москвѣ—*piéd-à-terre*, зимой, но я больше въ усадьбѣ.

— И ваша должность васъ интересуетъ?

Противъ ея воли вопросъ звучалъ скептически.

— Весьма!.. Должность эта теперь, — онъ протянулъ слово,—очень вліятельная и очень серьезная.

— Будто?

— Увѣрю васъ.

И во взглядѣ его слегка прищуренныхъ глазъ она могла прочесть:

„Какъ же это вы, сударыня, занимаетесь отечествовѣдѣніемъ, а не знаете: какъ живетъ теперь русскій уѣздъ и какую серьезную роль можетъ играть въ немъ предводитель?“

— Вы считаете и земскихъ начальниковъ важнымъ институтомъ?

Не сразу отвѣтилъ Боярцевъ.

— И они могутъ быть очень полезны. Народъ нашъ нуждается въ хорошемъ руководствѣ.

— Но если вы народникъ, какого бы то ни было отѣнка, вы не должны ему навязывать опеку.

— Я не считаю себя народникомъ, какъ вамъ, быть-можетъ, угодно думать,—медленно выговорилъ Боярцевъ, точно прислушиваясь къ своему голосу.—Правду и добро, все, что есть въ нашемъ крестьянствѣ здороваго и благотворнаго, — оно воспитало въ себѣ на общечеловѣческой почвѣ...

— Какой же?—нетерпѣливо подхватила Акридина.

— Христовой вѣры.

„Ну да, ну да... такъ и есть“,—подтвердила она, и ей стало досадно на самоё себя: она все волнуется въ разговорѣ; а у него—прекрасный тонъ.

— Подождете Иду!—сказала она у опушки лѣса.

Ида догнала ихъ черезъ три-четыре минуты. Она запыхалась, и щеки ея порозовѣли. Воротникъ живописно обрамлялъ ея интересную голову.

— Все въ спорахъ?—сказала она, подойдя къ нимъ.

— Нисколько!—отвѣтила за обоихъ Акридина.

Боярцевъ сталъ прощаться, не входя въ комнаты; ему надо было попасть засвѣтло на станцію.

— Вы вѣдь знакомы съ Ниной? — спросила Акридина Боярцева.

— Встрѣчалъ.

— Мы еще увидимся... Вы посѣтите нашъ сѣздъ?

— Постараюсь.

— Я попрошу моего знакомаго Лыжина дать вамъ знать о пріѣздѣ Иды.

Боярцевъ молча поклонился и пожалъ имъ обѣимъ руки.

Его сани дожидались тутъ же, у крыльца.

XXXI.

Все было готово къ отѣзду Акридиной въ Москву послѣ ранняго завтрака.

Ида ходила по гостиной и подносила изрѣдка папиросу къ своимъ блѣднымъ губамъ. Къ ней иногда возвращалось желаніе курить, но чаще въ разговорѣ, чѣмъ въ одиночествѣ.

Наклонившись надъ кожаннымъ дорожнымъ мѣшкомъ, Елена укладывала въ него какія-то брошюры.

— Ты даешь мнѣ слово пріѣхать въ Москву? — живо окликнула она Иду.

— Развѣ это нужно? Вѣдь ты еще заѣдешь сюда?

— Милая! Я не могу ручаться, что меня не начнутъ таскать по разнымъ обществамъ и вечерамъ, и я, противъ воли, заживусь.

— Если такъ... я пріѣду.

— Ты у Нины не остановишься?

— Съ какой стати?

Елена защелкнула замокъ мѣшка и, сдѣлавъ жестъ руками, похожій на тотъ, когда аплодируютъ, подошла къ Идѣ.

— Видишь ли... я сама не очень рада тому, что буду гостить у Нины. Но я не хотѣла ее обидѣть. Въ семейственные чувства — между нами — я не очень вѣрю. Она и мужъ ся интересуется мною, потому что я — на виду. Въ нѣкоторомъ родѣ феномень,—со смѣхомъ добавила она.

И тотчасъ же, о чемъ-то подумавъ, она остановиле Иду и положила ей руки на плечи своимъ любимымъ жестомъ.

— Помнишь, мы видѣли съ тобой въ Парижѣ или въ Петербургѣ... кажется, въ Петербургѣ, какую-то пьесу, она еще меня возмутила... гдѣ главное лицо — женщина-врачъ?

— La doctoresse?

— Да, да! И когда она попадаетъ въ семейство клоуповъ, ей старшая дочь говоритъ: „Vous êtes phénomène... Moi aussi je fus phénomène!“

Онѣ обѣ засмѣялись.

— Вотъ и я для Нины феномень,—повторила Елена.

— Тебѣ будетъ тамъ хорошо. Юрій сегодня встрѣтитъ тебя.

— Ты развѣ писала?

— Я послала ему депешу.

— Зачѣмъ?

— Il faut qu'il se dégourdisse un peu.

— Ты думаешь, что Нина... lui donne sur la peau? — кончила она по-французски.

— Peut-être.

— Не надо этого желать, милая. Онъ можетъ увлечься. А у Нины здѣсь, кажется, ничего нѣтъ.

Она указала на сердце.

— Любить ему—поздно,—сказала Ида.—Онъ слишкомъ утомленъ.

— Отчего? Настоящей жизнью онъ не жилъ, только дѣлалъ опыты. Вы съ нимъ, Ида, слишкомъ рано ликвидировали.

— Не такъ жили. Ты вотъ собираешься, кажется, заново жить?

Ида поцѣловала подругу и взглянула на нее игриво.

— Le beau blond? Hein?—вполголоса выговорила она.

— Какой?

— Боярцевъ.

— Вотъ глупости какія!

— Ты покраснѣла!.. Елена, ты покраснѣла!

— И не думала! Если это и герой, то не моего романа. Онъ еще мальчуганъ. Я ему въ тетку гожусь.

— Qui sait!—протянула Ида.

Изъ двѣрей показалась борода Финогена, съ обычнымъ выраженіемъ, говорящимъ: „все готово“.

— Пора?—спросила его Елена.

— Пора, Елена Константиновна, къ поѣзду только что такъ.

— Хорошо. Вещи вынесъ?

— Такъ точно.

Елена отдала ему мѣшокъ, въ коридорѣ поспѣшно одѣлась съ помощью Евгени и нѣсколько разъ поцѣловала Иду въ лобъ и въ губы.

— Пріѣзжай. Тебѣ надо встряхнуться. Я не хочу, чтобы ты заживо себя похоронила.

— Хорошо.

Ида укутала ее въ бѣлый пуховый платокъ и хотѣла проводить въ сѣни; Елена остановила ее.

— Простудишься. Поклонись отъ меня твоей учительницѣ. Она мнѣ очень понравилась. Толковая и скромная.

Елена посѣтила наканунѣ школу и оставалась тамъ до обѣда.

— Чтò въ ней краснаго?—вполголоса спросила Ида.

— Ничего! Я доложу господину Кумачеву, что онъ сдѣлалъ просто гадость. Но ей у тебя не хуже. Ну, прощай.

Онѣ еще разъ обнялись, и Елена бодро сбѣжала со ступеней крыльца и сѣла въ пошевни, покрытыя ковромъ.

Финогенъ погналъ лошадей. Всѣ собаки провожали ихъ съ радостнымъ лаемъ. Дорога была уже укатана, морозъ легкій, и пріятный свѣтъ лился съ блѣднаго неба.

— Что не погостили у насъ подольше, милостивая государыня?— спросилъ Финогенъ, обернувши къ ней улыбающееся лицо.

— Пора въ Москву.

— Барышню нашу не соблазнили попасть въ столицію?

— Пріѣдетъ. Обѣщала.

— Разлюбезное бы дѣло... Авось и женишка. А то все въ одиночествѣ обрѣтаются.

И, не dokonчивъ, Финогенъ ударилъ по лошадямъ; но внезапно опять обернулся и добавилъ:

— Вы меня не обезсудьте, милостивая государыня... я отъ своего убогаго разумѣнія.

Она весело кивнула ему головой и внутри ея все смѣялось отъ его „милостивой государыни“.

Собаки продолжали скакать по сторонамъ и впереди саней. Лошадки такъ и рвались. Финогенъ пускалъ осоебое гиканье, и онѣ сбивались тогда вскачь.

До прохода поѣзда въ Москву оставалось всего четверть часа. Финогенъ суетливо сталъ выгружать изъ саней вещи и пригласилъ Елену Константиновну, „пожаловать“ въ пассажирскую залу и поручить ему покупку билета и сдачу багажа.

Онъ со всѣмъ этимъ справился очень быстро. Билетъ онъ взялъ перваго класса, о чемъ Акридина немного пожалѣла; но потомъ подумала, что за ней, вѣроятно, выѣдетъ Нина и поморщится, видя, какъ ея тетка вылѣзаетъ изъ вагона втораго класса.

Совсѣмъ уже смерклось, когда оберъ-кондукторъ усадилъ ее въ дамское отдѣленіе, гдѣ она оказалась одна и одной просидѣла до самой Москвы.

Читать ей не хотѣлось, хотя спальный кондукторъ, заглянувъ къ ней, предлагалъ свѣчу. Она легла на одинъ изъ дивановъ и, съ закрытыми глазами, въ сизомъ полу-свѣтѣ, который шелъ отъ фонаря, завѣшеннаго матеріей, раздумалась.

Сначала объ Идѣ. Она уѣзжала отъ нея точно отъ тяжело-больной, не сознающей, что ее давно приговорили къ смерти. Ида не жаловалась, увѣряла ее, что ничего

не желаетъ, кромѣ тишины, свободы и хорошаго одиночества. Школа, правда, занимаетъ ее; но она не кладетъ въ нее всей души. Да и что же такое школа? Развѣ она можетъ такъ захватить? Есть хорошая учительница... Каждый день надзирать и опекать — это только путать безъ толку.

Нѣтъ, она не вѣрила, чтобы Ида покончила жизнь женщины. А если—да, то она—мертвецъ. Безъ любви ея существованіе не имѣетъ смысла.

И это слово „любовь“, выговоренное ею мысленно, какъ-то произвольно вызвало въ головѣ картинку. Они идутъ по лѣсной тропѣ съ предводителемъ... Ида напрасно думаетъ, что „le beau blond“ задѣлъ ее. Однако, оставилъ какое-то чувство не то досады, не то задора, не то любопытства, если не яркаго желанія — приглядѣться къ этому „спиритуалисту“: такъ она его и назвала—для себя.

До сихъ поръ вездѣ, гдѣ она играла первую роль, мужчины — даже и не ея лагеря — или говорили общія лестныя фразы, или спорили, въ деталяхъ. Этотъ „дворянчикъ“ едва ли не первый сказалъ ей сразу, что между нею и народомъ, который она изучаетъ, лежитъ пропасть, и до души этого народа—ей дѣла нѣтъ! Это—неправда. Она всегда жалѣла и любила народъ, — разумѣется, не на основѣ „деревяннаго масла“.

Въ родѣ Боярцева она встрѣчала мужчинъ въ послѣдніе три-четыре года; совершенно похожаго — нѣтъ. И во внѣшности—также.

Подъ качающій ритмъ поѣзда она забылась, и ей, въ полуснѣ, опять среди снѣжной природы, видѣлось мужское лицо, съ тонкими, некрупными чертами, съ нѣжной краской щекъ. И голосъ — высокій, почти юношескій — слышался, вплоть до манеры произносить отдѣльныя слова.

Какъ иглой проколола ей мозгъ мысль: „Я гожусь ему въ тетеньки“.

Елена раскрыла глаза и быстро подняла голову.

Поѣздъ вѣхалъ уже подъ сводъ вокзала и электрическій свѣтъ заливалъ все, забираясь и въ полутемноту вагона.

Первый подошелъ къ ней на платформѣ высокій мужчина въ сибирскомъ ергакѣ и бурой войлочной шапкѣ.

Она очень обрадовалась Лыжину и звонко поцѣловала его въ щеку, когда онъ наклонился къ ея рукѣ.

— Здѣсь Антонина Борисовна,—сказала она ей, улыбувшись изъ-подъ своихъ длинныхъ усовъ,—и вашъ знакомый—Эсауловъ.

Нина уже подходила къ ней, съ другой стороны, и шуба, свѣтло-гороховая, съ богатымъ шитьемъ, подбитая розовымъ тибетскимъ мѣхомъ, въ первую минуту совѣмъ озадачила ее.

— Ma tante!—музыкально воскликнула Нина, сия своимъ чудеснымъ цвѣтомъ лица.—Вы со мною, въ каретѣ. Monsieur Эсауловъ, — указала она на своего пріятеля, — пріѣхалъ привѣтствовать васъ.

— Мы старые знакомые, — замѣтила Елена, и тутъ же почувствовала, какъ она мала ростомъ, не молода и не нарядна рядомъ съ этой „великолѣпной“ Ниной, въ ея шубѣ на розовомъ мѣху, придававшей ей что-то полусказочное въ волнахъ голубоватаго электрическаго свѣта.

XXXII.

Шторы были еще спущены въ тѣхъ двухъ комнатахъ куда Нина помѣстила Акридину, въ первомъ этажѣ, по другую сторону сѣней, гдѣ не такъ давно была дѣтская, переведенная наверхъ.

Наканунѣ Елена вернулась въ третьемъ часу ночи съ совѣщанія, которое затянулось и кончилось очень длиннымъ, чисто московскимъ ужиномъ, съ рѣчками и здравичами. Взглянувъ на часики, поставленные на ночномъ столикѣ, она застыдилась своего „безобразія“ и тотчасъ же вскочила съ постели.

Горничной она не звала. Она привыкла — давнымъ-давно—обходиться безъ прислуги. Все было приготовлено съ вечера на ея умывальномъ столѣ, и платье висѣло въ шкапу, вынутое изъ чемодана.

Обѣ комнаты — спальня и родъ гостиной — составляли особое помѣщеніе и были отдѣланы съ солидной, англійской роскошью. Такъ помѣщаютъ своихъ гостей только въ англійскихъ усадьбахъ. Она даже вспомнила такія двѣ комнаты, отведенныя ей въ коттеджѣ; въ окрестностяхъ Лондона, у одного богатаго адвоката, имѣющаго имя въ социальныхъ наукахъ; только тамъ была еще ванна, а въ домѣ Кумачевыхъ она помѣщалась особо.

Все, начиная съ вида и костюма горничной и до послѣдней подробности комфорта, поражало въ русскомъ домѣ своей добротностью и изяществомъ. Ничего подоб-

наго не видала она и въ самыхъ богатыхъ барскихъ домахъ. Тамъ, почти всегда, парадныя комнаты, будуаръ, спальня хозяйки отдѣла ны роскошно, а остальное — кое-какъ, даже въ деревенскихъ домахъ, съ десятками комнатъ.

Родители Нины прожили большое состояніе, и она помнить, какъ ея мать бросала деньги на разныя затѣи, но если бъ ей пришлось у нихъ гостить, въ Россіи или за границей, — ее бы помѣстили въ тѣсную комнату съ желѣзной койкой и плохимъ умывальникомъ.

Поспѣшно одѣваясь, Елена не могла не думать о новомъ классѣ русскихъ людей, откуда вышелъ супругъ великолѣпной Нины — купчикъ Кумачевъ, находящійся на прямой линіи къ камеръ-юнкерству и къ должности лорд-мэра, когда придетъ его чередъ. И она еще не знала, кто кого перевоспитываетъ на свой фасонъ: Нина — Захара Лукьяновича, или онъ — жену? Кажется, происходитъ, — какъ она вчера замѣтила, засыпая, — органическій „экзосмозъ“ и „эндосмозъ“, проникновеніе взаимно притягивающихся элементовъ.

И вчера же, уѣзжая послѣ обѣда на совѣщаніе, она невольно поставила рядомъ двѣ фигуры и двѣ фізіономіи: коммерсанта Кумачева и предводителя Боярцева. При всемъ ихъ несходствѣ — въ обоихъ есть что-то общее. Они оба — одной полосы и того же десятилѣтія. Въ обоихъ — сознательный и довольно твердый консерватизмъ, съ національной окраской, хотя одинъ, кажется, идеалистъ, а другой — несомнѣнный практикъ.

Еленѣ стало почти непріятно, что Кумачевъ напомнилъ ей о Боярцевѣ.

Она еще вчера, за завтракомъ, спрашивала, знакомы ли Кумачевы съ Боярцевымъ. Нина встрѣчала его въ одномъ строгомъ дворянскомъ домѣ; мужъ ея зналъ его по какой-то комиссіи, гдѣ они оба засѣдали, какъ гласные. Но у нихъ онъ не бываетъ. Нина тотчасъ же предложила ей позвать его обѣдать, на что она отвѣтила, что знакома съ нимъ слишкомъ еще мало.

Съ Ниной онъ на „вы“. Она ей приходится теткой, но самой отдаленной: она была троюродная сестра ея матери, чуть не на двадцать лѣтъ моложе той. На это она обратила вниманіе Захара Лукьяновича, чего съ ней никогда не случалось. Своихъ лѣтъ она никогда не скрывала и даже любила повторять, что ей подь-сорокъ, когда

ей было только „сильно“ за тридцать. И она ощутила— за тѣмъ же разговоромъ о Боярцевѣ — явственное удовольствие, когда мужъ Нины на ея замѣчаніе, что онъ „юнъ“, обстоятельно отвѣтилъ:

— Это только такъ кажется... Я полагаю, что ему за тридцать, не меньше тридцати двухъ-трехъ.

Стало-быть, онъ моложе ея на какихъ-нибудь три-четыре года, а можетъ—и ровесникъ.

Въ гостиной, пока Акридина спала, все было готово для утренняго чая—и опять въ англійскомъ вкусѣ—даже и гренки стояли въ серебряномъ штативѣ, и приборъ для бараньихъ котлетъ, и чашечка для яицъ всмятку. Стоило только позвонить—и офиціантъ сейчасъ все внесетъ и оставитъ. Нина сама предложила ей пить утромъ чай у себя, „какъ въ отелѣ“, — прибавила она, и если она желаетъ, то у себя же и завтракать.

И какъ въ хорошемъ отелѣ, на одинъ звонокъ являлся лакей, на два—горничная, на три—швейцарь.

Два офиціанта въ темно-коричневыхъ ливрейныхъ фракахъ сразу внесли серебряный самоваръ и горячую ѣду.

Одинъ изъ нихъ, уходя, доложилъ ей:

— Господинъ Лыжинъ приказали спросить: могутъ ли они пройти къ вамъ? Они теперь въ кабинетѣ Захара Лукьяновича.

Это ее обрадовало. Вчера она мелькомъ видѣлась съ нимъ; а въ этотъ приѣздъ ей о столькомъ надо было переговорить съ нимъ по душѣ.

Лыжинъ нашелъ ее за ѣдой и шутливо попенялъ ей позднее вставаніе—было уже около двѣнадцати. Отъ чая и яицъ онъ отказался.

Лицо Елены нашелъ онъ несвѣжимъ, съ красноватыми вѣками отъ вчерашняго ужина. Туалетъ ея, хотя она и очень быстро одѣвалась, былъ уже не домашній, а приготовленный къ выѣзду, и онъ шелъ къ ней. Но, какъ всегда, она смотрѣла скорѣе мальчикомъ, чѣмъ дамой за тридцать.

— Спасибо, Юрій Петровичъ, большое спасибо, что зашли именно теперь. Я, черезъ полчаса, улечиваюсь, и на цѣлый день. А я такъ жажду бесѣды съ вами. Извольте, прежде всего, говорить о себѣ... Чаю хотите?

— Чашку выпью.

Лыжинъ сидѣлъ сбоку стола, наклонивъ голову, и тихо улыбался. Съ Акридиной ему было не такъ легко и по-

койно, какъ съ Идой; но онъ теперь уже не боялся ея „прямолинейности“ и готовъ былъ прямо сказать ей, что считаетъ себя „нравственнымъ банкротомъ“.

На это ему не нужно было никакихъ подходовъ; да и она отъ Иды слышала про его теперешнее настроеніе.

— Что жъ, Лыжинъ,—говорила она ему, прихлебывая изъ чашки послѣ котлеты,—вамъ надо осмотрѣться и просто пожить.

— Я это и дѣлаю.

— Но не думать, что вы ликвидируете. Нѣтъ! Вы кончили съ временнымъ сектантствомъ... И прекрасно. Я васъ за это хулить не буду. Довольно! Это все бунтъ противъ науки. Я вотъ не считаю себя падшей душой оттого, что, признавая знаніе, не желаю создавать себѣ кумира не изъ чего—вплоть до народа.

— У васъ есть наука... а у меня?

— А передъ вами—вся книга жизни. Берите изъ нея что хотите.

Елена оглядѣла его своими близорукими большими глазами, гдѣ заискрилась ласка.

— Да вы еще—интересный мужчина! Нужды нѣтъ, что виски серебрятся. Вы и Ида—„des malades imaginaires“—каждый по своей части, ха-ха! И слѣдовало бы вамъ кончить бракомъ.

— Куда!

Лыжинъ комически тряхнулъ головой.

— Ничего! И вообще, другъ мой, вы мнѣ кажетесь совсемъ не заштатнымъ, убитымъ жизнью. Вздоръ!

Понизивъ тонъ, она спросила его быстро:

— Вы продаете имѣніе Кумачеву?

— Уже продалъ. Послѣзавтра—купчая.

— И неужели будете простымъ буржуемъ? — подчеркнула она съ усмѣшкой.—Купоны отрѣзывать?

— Представьте...—Лыжинъ еще придвинулся къ ней и сталъ говорить вполголоса. —Этотъ миллионеръ, черезъ своего фактотума, очень курьезную личность—нѣкоего господина Кострицына...

— Я вчера съ нимъ здѣсь обѣдала. Онъ, кажется, изъ интеллигентовъ?

— Еще изъ какихъ! Такъ вотъ Захаръ Лукьяновичъ сначала черезъ него позондировалъ почву—не соглашусь ли я принять должность... какъ бы это сказать—оберъ-контролера, что ли—его двухъ мануфактуръ и лѣсныхъ угодій?

— Да развѣ вы смыслите въ фабричномъ дѣлѣ?

— Контроль, понимаете, общій: положеніе рабочихъ, дѣйствія мѣстной администраціи, надсмотръ за лѣснымъ хозяйствомъ — въ немъ я кое-что смыслю, какъ бывшій землевладѣлецъ. И господинъ Кострицынъ — я его прозвалъ: „амбарный Сократъ“ — подошелъ очень ловко: „Въ васъ-де, все-таки, сидить до сихъ поръ народолюбець, такъ чего же лучше, какъ не быть посредникомъ между капиталомъ и трудомъ?.. Захаръ-де Лукьяновичъ не долюбливаетъ фабричныхъ инспекторовъ, потому что они умничаютъ и носъ во все суютъ. Онъ надумалъ имѣть контроль по своему почину, столько же въ интересахъ хозяйской экономіи, сколько въ интересахъ трудовой массы“.

— Идея хороша... Но нѣтъ ли тутъ подвоха?

— Не знаю.

— Можетъ-быть, — она подмигнула, — тутъ есть починъ моей великолѣпной племянницы?

— Врядъ ли.

— А Ида думаетъ, — выговорила Акридина совсѣмъ тихо, — что она... *qu'elle vous donne sur la peau*, — добавила она по-французски.

— Очень ужъ скоро было бы.

И онъ спросилъ звукомъ ниже:

— Такъ какъ вы находите?

— Попробуйте. Берите. Къ чему васъ это обязываетъ? Вы сейчасъ очутитесь въ самомъ пеклѣ жизни.

— Но вѣдь это, голубушка, опять къ той же приведетъ неразрѣшимой дилеммѣ: народъ, его нужды, забитость или — капиталъ, невозможность повалить его.

— Да, тому Лыжину, который страдалъ исканіемъ абсолютныхъ морали и справедливости, стало бы тяжело; но вѣдь теперешній Лыжинъ сбросилъ съ себя иго всякихъ прописей?

И вмѣсто свободы и простой, тихой жизни, попадетъ въ пекло, какъ вы сейчасъ выразились.

— Попробуйте!.. Одно то, что это васъ сдѣлаетъ своимъ человекомъ въ домѣ Нины. А ея, какъ типомъ, стоить заняться.

— Я не писатель.

— Во всякомъ случаѣ, васъ здѣсь по-своему оцѣнятъ. Она встала и положила салфетку на столъ.

— Мнѣ пора! Такая досада. Завтра я ваша, цѣлый вечеръ.

И какъ бы вскользь, она кинула ему, уходя въ спальню, докончить туалетъ:

— Вы вѣдь познакомились у Иды съ Боярцевымъ? Какъ вы его нашли?

— Онъ интересень.

— Не правда ли? Нина предлагала мнѣ просить его обѣдать. Но надо сначала, чтобы онъ заѣхалъ ко мнѣ... Вы, быть-можетъ, встрѣтитесь съ нимъ...

— Если онъ васъ интересуеть, я вамъ его добуду.

— Merci! Другъ!—оживленно откликнулась она и еще разъ кивнула ему головой на прощанье.

XXXIII.

Въ приходѣ „Успенья-на-Могильцахъ“ небольшой барскій особнякъ съ мезониномъ уютно помѣщался на углу переулка. Передъ домомъ шель чистенькій палисадникъ изъ подстриженныхъ тополей, съ широкой дорожкой, покрытой красноватымъ пескомъ. Подъѣздъ былъ со двора, по-старинному.

Часу въ десятомъ утра въ домѣ стояла глубокая тишина; но въ немъ и господа, и прислуга давно уже встали.

Мезонинъ занималъ Боярцевъ, когда жилъ въ Москвѣ; низъ дома—его мать; принималъ онъ менѣ близкихъ знакомыхъ и по дѣлу—въ залѣ.

Сегодня, какъ и ежедневно, мать его, Татьяна Егоровна Боярцева, уже пошла пѣшкомъ къ поздней обѣднѣ. Сынъ проснулся часовъ въ восемь и, до полного разсвѣта, читалъ больше часа у себя въ мезонинѣ, гдѣ онъ изъ цѣлой его половины устроилъ себѣ обширный кабинетъ, весь уставленный книжными шкапами. Письменный столъ, піанино и токарный станокъ, вмѣстѣ съ пѣсколькими креслами и кожанымъ диваномъ, дополняли обстановку.

Уже много лѣтъ, какъ Татьяна Егоровна Боярцева вдовѣтъ. Ея старшій сынъ живетъ въ другой губерніи и служить тамъ по земству. Дочери она внезапно лишилась два года назадъ, и эта смерть наложила на ея жизнь еще болѣе строгую тѣнь. Она почти никуда не выѣзжала, кромѣ одного общества, гдѣ была членомъ совѣта, и двухъ-трехъ институтскихъ подругъ, изъ которыхъ одна попала недавно въ игуменьи. Къ ней Боярцева ѣздила каждую недѣлю.

Цѣлые дни, когда сынъ жилъ въ усадьбѣ, она или ги-

тала—часто духовныя книги, или вышивала воздухи и ковры для своей приходской церкви и въ церкви обоихъ сель, гдѣ ея сыновья жили. Компаньонки или чтицы она не держала: глаза у нея прекрасно сохранились; она даже не надѣвала очковъ, когда работала за пильцами, и только при лампѣ читала въ очкахъ.

Въ передней сидѣлъ пожилой человекъ. При молодомъ баринѣ состоялъ въ камердинерахъ его посыльный изъ уѣзднаго города, гдѣ Боярцеву приводилось бывать каждую недѣлю. Это постоянное переѣзжанье изъ уѣзда въ Москву и обратно сначала утомляло его; теперь онъ привыкъ.

И кабинетъ его, и спальня—въ задней половинѣ мезонина—смотрѣли чинно и скромно, держались въ большой чистотѣ, безъ всякихъ модныхъ излишествъ мебели, бронзы и стѣнныхъ украшеній. Въ спальнѣ, въ углу, стоялъ цѣлый кіотъ и горѣла „неугасимая“ лампада. Ее поддерживала няня Ульяна, выходявшая всѣхъ дѣтей Татьяны Егоровны.

Чай сынъ пилъ у себя; но каждый день, какъ только мать вернется изъ церкви, сходилъ внизъ, цѣловаль у нея руку и оставался нѣкоторое время съ нею въ угловой, гдѣ она пила не чай, а кофе.

Сегодня ему хотѣлось, до выѣзда, кончить статью въ духовномъ журналѣ, по расколу. Онъ вообще имъ очень интересовался. Читалъ онъ, ходя короткими шагами по кабинету, отъ одного шкапа къ другому.

Дома онъ безсмѣнно носилъ синюю военную блузу и смотрѣлъ еще моложе, чѣмъ въ сюртукѣ или во фракѣ.

И до смерти отца, и послѣ нея онъ привыкъ чувствовать себя „сыномъ своей матери“—точно онъ все еще носить блузу гимназиста и каждый день, надѣвъ ранецъ, бѣжитъ въ ближайшую гимназію, гдѣ высидѣлъ семь полныхъ лѣтъ; или студентомъ, который еще не носилъ формы, и, одѣтый безъ франтоватости, также пѣшкомъ отправлялся къ Арбатскимъ воротамъ и оттуда на Моховую, по Воздвиженкѣ.

Мать воспитывала его гораздо замѣтнѣе и глубже, чѣмъ отецъ—въ послѣдніе годы больной—или школа, или аудитория. Отъ нея перешли къ нему серьезность, интересъ къ вопросамъ нравственнаго „бытія“, религіозное чувство—безъ ханжества, любовь къ родинѣ, уваженіе къ родовымъ традиціямъ, сознание долга „просвѣщеннаго че-

ловѣка и дворянина“—передъ всѣмъ тѣмъ, что онъ долженъ поддерживать и защищать и въ своемъ сословіи, и въ народѣ.

Она поощряла его любовь къ нимъ и была бы рада видѣть его на ученомъ поприщѣ. Его оставляли при университетѣ, и онъ серьезно думалъ о магистерскомъ экзаменѣ, но попалъ въ деревню, которой надо было заняться, и это его затянуло въ общественное дѣло. На свою должность смотрѣлъ онъ такъ, какъ говорилъ объ этомъ съ Акридиной, когда они шли по лѣсу. Книга, міръ идей—всего больше религиозно-философскихъ и на почвѣ народно-бытовой исторіи—не теряли своего обаянія на Боярцева. Въ деревнѣ и въ уѣздномъ городѣ, внѣ службы, онъ постоянно читалъ, и бібліотека у него въ усадьбѣ была такихъ же размѣровъ, какъ и здѣсь, въ мезонинѣ.

Въ Москву онъ возвращался каждый разъ съ юношескимъ, почти дѣтскимъ влеченіемъ домой, туда, гдѣ личность его матери служила ему оплотомъ и вѣчно живымъ примѣромъ тихаго мужества передъ натискомъ жизни съ ея утратами и неизбѣжнымъ концомъ. Что бы ему ни готовила судьба, онъ ничего не желалъ, какъ дожить свой вѣкъ такъ же чисто, строго и безобидно, съ такой же ясностью и твердостью души, какъ его мать. У него являлось всегда особенное настроеніе въ Москвѣ, въ своемъ мезонинѣ, чувство той прочности, какое у большинства людей бываетъ только въ дѣтствѣ и въ ранней молодости, когда отчій кровь защищаетъ какъ бы отъ возможности какого бы ни было удара.

Вотъ и теперь—мраморные часы на письменномъ столѣ показывали половину одиннадцатаго—онъ, доканчивая статью, зналъ, что черезъ десять минутъ раздастся внизу слабый звонокъ въ передней, мать его вернется отъ обѣдни—непремѣнно съ просфорой—и онъ сойдетъ къ ней, въ угловую, гдѣ она будетъ пить кофе, и на ея ясномъ, немного строгомъ лицѣ, въ глубокихъ, до сихъ поръ красивыхъ глазахъ, прочтетъ все ту же убѣжденную покорность Промыслу и вдумчивость, лишенную всякаго малодушнаго страха за свою особу, свое здоровье или посѣщеніе смерти.

Звонокъ раздался нѣсколькими минутами раньше.

Боярцевъ дочелъ статью и минутъ черезъ пять, тихо ступая по нѣсколько скрипучимъ ступенямъ старой деревянной лѣстницы, спустился внизъ и прошелъ въ угловую.

Татьяна Егоровна встрѣтила его на порогѣ своей любимой комнаты, откуда пальцы никогда не выносились.

Большого роста, совсѣмъ сѣдая, въ черномъ, съ крепкой наколкой на голсовѣ, она немного горбилась на ходу, но сохранила станъ молодой женщины и не носила ни серегъ, ни браслетъ. Большіе, совсѣмъ черные глаза и прямой носъ дѣлали ея лицо съ мягкимъ оваломъ нѣсколько суровымъ. Ротъ, со свѣжими, довольно крупными зубами, она держала полуоткрытымъ, и это смягчало выраженіе лица.

— Здравствуй, дитя мое.

Она поцѣловала его въ лобъ и слегка дотронулась лѣвой рукой до его плеча. Ея руку онъ цѣловаль всегда съ такимъ же точно чувствомъ, какъ и пятнадцать лѣтъ назадъ, когда онъ кончалъ курсъ въ гимназіи.

— Вотъ, мамъ, — заговорилъ онъ своимъ высокимъ теноромъ, — статья. Она тебя очень заинтересуетъ.

Татьяна Егоровна взглянула на обертку журнала.

— Опять объ ученіи Толстого? — спросила она своимъ визкимъ голосомъ, котораго не передала сыну.

— Нѣтъ, о штундѣ.

— Прочту.

Кофе она сама себѣ заварила на маленькомъ столикѣ, на машинкѣ, и въ это время разговоръ съ матерью напомнилъ Боярцеву цѣлый рядъ такихъ бесѣдъ, съ тѣхъ поръ, какъ у него утра стали свободны, по окончаніи курса, и когда отца уже не было въ живыхъ.

— Ты будешь посѣщать засѣданія съѣзда? — спросила Татьяна Егоровна, поправляя спиртовую лампочку.

— По археологій? Да, я, было, готовилъ и рефератъ по обычному праву — въ Купріяновой волости. Да все время ушло на сессіи.

— Что дѣлать!

Должность сына Татьяна Егоровна ставила очень высоко и не считала потерей времени никакихъ, даже и скучныхъ обязанностей. Она всегда спрашивала его о деревенскихъ и уѣздныхъ дѣлахъ, и серьезность ея тона какъ-то особенно бодрила его, не допускала до лживаго и высокомернаго отношенія къ должности.

И ему тутъ же захотѣлось сообщить ей объ одномъ столкновеніи, которое онъ имѣлъ на-дняхъ, чтобы выслушать ея приговоръ. Такъ онъ поступалъ всегда, и на

душѣ у него не было ни одного важнаго поступка, не извѣстнаго его матери.

— Романъ Денисовичъ, — окликнулъ его отъ дверей степенный и глухой голосъ лакея, — васъ желаютъ видѣть.

Онъ подалъ на подносикѣ карточку.

Боярцевъ прочелъ на ней: „Юрій Петровичъ Лыжинъ“.

Не сразу вспомнилъ онъ фигуру гостя Радиной на открытіи школы.

На карточкѣ внизу приписано было: „Отъ Елены Константиновны Акридиной“.

О знакомствѣ съ этой „ученой“ женщиной онъ вчера не успѣлъ сообщить матери и передать ей разговоры за завтракомъ и въ лѣсу. *Такихъ* женщинъ онъ встрѣчалъ рѣдко и никогда не искалъ ихъ общества, но въ ней ему понравилась убѣжденность и даже мужской складъ фразы. Рѣзкость тона не оттолкнула его.

— Попроси, — сказалъ онъ человѣку, и по-французски пояснилъ матери, кто это и отъ кого.

Онъ принялъ Лыжина внизу, въ залѣ, гдѣ обыкновенно принималъ своихъ посѣтителей.

— Извините, что немного рано, — сказалъ Лыжинъ тономъ человѣка, желающаго поддержать случайное знакомство.

— Помилуйте... Я съ восьми на ногахъ.

— Елена Константиновна просила меня передать вамъ карту на входъ въ ея отдѣленіе. Она слышала, что вы интересуетесь обычнымъ правомъ... Можетъ, не прочтете ли рефератъ?

Боярцевъ покачалъ головой и улыбнулся.

— Во всякомъ случаѣ, Романъ Денисовичъ, — Лыжинъ нарочно справился о его имени и отчествѣ у человѣка, — Елена Константиновна надѣется видѣть васъ на засѣданіяхъ... А она дома, въ свободные часы, до обѣда, съ четырехъ.

— А когда она собирается читать?

— Въ концѣ этой недѣли. Объ этомъ будутъ объявленія.

— Если не придется ѣхать въ уѣздъ — постараюсь.

Лыжину тонъ Боярцева показался чопорнымъ. Какъ будто его посѣщеніе имѣло видъ зазыванія. Ему стало несовсѣмъ приятно и за свою приятельницу. Онъ и поспѣшилъ сейчасъ же удалиться, показавъ, что самъ

онъ не желаетъ вовсе навязываться съ своимъ знакомствомъ.

— Благодарю васъ и Елену Константиновну.

Боярцевъ проводилъ Лыжина въ переднюю и спросилъ:

— Она гдѣ же квартируетъ?

— У Кумачевыхъ.

— Это—урожденная княжна Жеребьева?

— Елена Константиновна приходится ей родственницей.

— Она у нихъ и гостить?

— У нихъ... занимаетъ отдѣльное помѣщеніе.

И когда Лыжинъ вышелъ на крыльцо, то ему все еще было совѣстно, и онъ спросилъ себя: „хорошо ли я дѣлаю, что сближаю ихъ?“

XXXIV.

Въ трактирѣ, въ Петровскихъ Линіяхъ, подъ грохотъ машины, гдѣ, кромѣ трубъ, слышалось и механическое фортепiano, Лыжинъ доканчивалъ свой завтракъ.

Отъ Боярцева онъ проѣхалъ къ нотариусу, у кого писалась купчая по продажѣ имѣнія Кумачеву. Потомъ надо было еще побывать въ одномъ мѣстѣ и застать Акридину. Она просила завернуть къ ней около двухъ.

Дни его начали наполняться сами собою, и, незамѣтно, онъ отставалъ отъ „самоковырянія“, — такъ онъ называлъ привычку подводить итоги и сдавать самому себѣ экзамены.

Сейчасъ, визитъ къ Боярцеву, хотя онъ и продолжался всего десять минутъ, заставилъ его подвигнуться. „Дворянчикъ съ направлениемъ“ — онъ вспомнилъ выраженіе Акридиной—во всемъ себѣ вѣренъ. Въ немъ есть что-то несомнѣнно прочное и новое. Этотъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ—даже и на предводительскомъ мѣстѣ. И самая зала, гдѣ онъ принималъ его, отзывалась прочными семейными преданіями. И ему нельзя не позавидовать. Вѣроятно, и Акридину привлекаетъ въ Боярцевѣ внутренняя чистота помысловъ и ясность идей и правилъ, исходящихъ совсѣмъ не изъ того источника, который она считаетъ единственно вѣрнымъ, какъ „выученица“ своего покойнаго мужа—позитивиста.

Въ послѣднія двѣ недѣли Лыжина затягивала жизнь постороннихъ, и Москва, гдѣ онъ давно не проводилъ зимъ, съ ея теперешнимъ „букетомъ“ — онъ вспомнилъ

при этомъ обѣдѣ у Кумачевыхъ — представлялась ему въ новомъ свѣтѣ. Онъ не хотѣлъ ни особенно возмущаться, ни мирволить тому, что находилъ „пакостнымъ“. Онъ чувствовалъ только, что надо больше знать эту центральную „машинищу“, этотъ городъ, куда стекаютъ всѣ ручьи русской жизни.

И свои дѣла получили въ его глазахъ другой оборотъ, новую окраску. Продажа имѣнія развязала ему руки. Онъ достаточно колебался — продавать его или нѣтъ. Чувство связи съ землей удерживало его до послѣдней минуты; но взяла все-таки верхъ потребность стряхнуть ярмо безплоднаго, набившаго оскомину если не сектантства, то „направленства“; это слово онъ употреблялъ всего охотнѣе, когда думалъ про себя словами, что онъ дѣлалъ почти всегда. Скучающимъ „буржуемъ“, обреченнымъ на отрѣзываніе „купончиковъ“, онъ, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ. Капиталъ не настолько большой, чтобы на него жить порядочно; а жаться онъ не желалъ, довольствуясь мизерабельнымъ прозябаніемъ какого-нибудь парижскаго рантѣе, считающаго себя на верху блаженства, если онъ можетъ каждый день выпивать свой абсентъ въ четыре часа и ѣсть въ дешевомъ ресторанчикѣ обѣдъ изъ всякой подозрительной стряпни, за полтора франка.

Сегодня онъ долженъ заѣхать въ Кумачеву въ амбаръ, на Ильинку, и весьма вѣроятно, что тотъ упомянетъ ему о томъ предложеніи, о которомъ онъ говорилъ третьяго дня съ Акридиной. Кострицынъ еще разъ возвращался къ этому вчера, зайдя къ нему поутру.

Съ „амбарнымъ Сократомъ“ у Лыжина установилось нѣчто въ родѣ пріятельства. Кострицынъ продолжалъ интересоваться его. И ему, видимо, хотѣлось, чтобы Лыжинъ пошелъ въ „инспекторы“ къ Захару Лукьяновичу. На счетъ „подхода“ Лыжинъ уже не перебиралъ въ головѣ и сознавалъ, что серьезныхъ доводовъ противъ такой службы нѣтъ. Отъ него будетъ зависѣть — сдѣлаться обычнымъ посѣтителемъ дома Кумачевыхъ и кавалеромъ „великолѣпной“ Нины Борисовны. Ея „образъ“ и отталкивалъ, и привлекалъ его. Все равно, тамъ гоститъ Елена. Тамъ же будетъ жить и князь Иларіонъ Ивановичъ — старикъ, стоящій болѣе близкаго знакомства.

Половой, въ однихъ усахъ и съ короткой стрижкой, подошелъ къ Лыжину дробной походочкой и спросилъ наклонившись:

— Кофею прикажете?

— Хорошо.

— А какой угодно номеръ поставить на машинѣ?

Лыжинъ полуудивленно взглянулъ на него.

— Чтобы не очень барабанила... Изъ „Евгенія Онѣгина“, вальсъ.

— Сію минуточку.

Только что отошелъ половой, какъ изъ двери, ведущей въ проходную комнату, показалась приземистая фигура Кострицына.

Онъ первый завидѣлъ Лыжина и быстро, съ перевальцемъ, подошелъ къ нему.

— *Хайрэ пойма!*

И съ этими словами онъ протянулъ ему руку черезъ столъ.

— Это по-каковски, Иванъ Кузьмичъ? — весело спросилъ Лыжинъ.

— Извините. . . Такая у меня греческая прибаутка образовалась привѣтствовать тѣхъ... кому искренно желаю всего хорошаго.

— Это что же значить?

— Буквально— „радуйся, гражданинъ!“ А въ вольномъ переводѣ: „добраго здоровья, землякъ!“

Кострицынъ сейчасъ же присѣлъ къ столу.

— Вы у Захара Лукьяновича еще не бывали?

— Нѣтъ еще, — отвѣтилъ Лыжинъ, кладя салфетку на столъ.

— Онъ васъ навѣрно будетъ ждать къ часу, въ амбарѣ.

— Знаю. И сейчасъ двинусь туда.

— Юрій Петровичъ, — Кострицынъ поднялъ на него взглядъ, гдѣ блеснула ласковая пытливость, — какъ же вы рѣшили? Вчера мой принципаль пощупалъ меня маленько насчетъ того, дѣлать ему предложеніе самолично и какъ — на письмѣ или устно. У него большая амбиція и осторожность... И вы понимаете... Иначе и не можетъ быть. И въ древнемъ Римѣ, equites — всадники, по-теперешнему коммерсанты, отличались бѣльшей амбиціей, чѣмъ родитѣйшіе патриціи.

— Чтò же вы ему сказали?

— То, чтò позволялъ мнѣ нашъ послѣдній разговоръ. Я сказалъ, что вы, повидимому — замѣтте, только повидимому — ничего не имѣете противъ этого въ принципѣ.

— Мнѣ кажется,—мягко возразилъ Лыжинъ,—въ принципѣ-то все и дѣло.

— Почему же? Сколько я васъ разумѣю, Юрій Петровичъ, въ вашемъ теперешнемъ отношеніи къ тому, что творится на Руси, нѣтъ принципиальнаго препятствія.

— Вамъ лично развѣ хочется, чтобы я служилъ вмѣстѣ съ вами у коммерсанта Кумачева?

— Хочется! Идея такой должности принадлежитъ, увѣрю васъ, самому Захару Лукьяновичу. Я только..

— Указали на меня?

— Что жъ! Развѣ я васъ этимъ обидѣлъ? Не есть это—съ другой стороны—и *caritatio benevolentiae*—какъ бы подходъ къ добрымъ чувствамъ. Не такая это благодать. Вы человѣкъ независимый—въ полномъ смыслѣ. Поладите—хорошо; нѣтъ — и мое почтеніе, Захаръ Лукьяновичъ, я удаляюсь.

— Ужъ если пошло на исповѣдь, Иванъ Кузьмичъ, скажите мнѣ,—если вы не смотрите на это какъ на профессиональную тайну,—Кумачевъ сейчасъ же схватился за ваше указаніе?

— Сейчасъ!.. Даю вамъ слово и не думаю, что поступаю дурно, разоблачая это. Захаръ Лукьяновичъ—человѣкъ тонкій... вы увидите. И если онъ держится вообще охранительно-патріотическихъ началъ, то, какъ представитель капитала, онъ очень широкихъ взглядовъ на положеніе и даже правъ рабочихъ—только бы они не волновались съ политическимъ отгѣнкомъ.

— Прекрасно,—перебилъ Лыжинъ.—А супруга Захара Лукьяновича?

Кострицынъ усмѣхнулся глазами.

— На это ничего не могу вамъ сказать положительнаго.

— Вѣдь онъ навѣрно говорилъ ей?

— Нина Борисовна даже афишируетъ свое невмѣшательство въ дѣла мужа.

Говоря это, Кострицынъ своей миной какъ бы показывалъ, что онъ не ручается за то, что Нина Борисовна подсказала бы Захару Лукьяновичу такой именно выборъ.

И это почему-то задѣло Лыжина, и въ головѣ его всплыло тотчасъ же восклицаніе:

„Хорошо же!“

Онъ допилъ свой кофе и, вставая, сказалъ:

— Ёду. Если принципаль вашъ представитъ дѣло такъ, какъ вы мнѣ говорили, можно будетъ посмотреть.

— Въ добрый часъ, Юрій Петровичъ!

Кострицынъ крѣпко пожалъ ему руку.

— Вы, значитъ, туда?.. И я черезъ полчаса. Теперь наскоро закушу.

Онъ довелъ Лыжина до передней и еще разъ пожалъ руку.

Въ началѣ второго Лыжинъ, на плохенькомъ извозчикѣ, спускался по Ильинкѣ на Красную площадь, мимо новаго гостинаго двора, еще заставленнаго лѣсами. Онъ приказалъ ванкѣ ѣхать Кремлемъ, въ Никольскія ворота. На минуту онъ хотѣлъ завернуть къ себѣ, чтобы запереть деньги и документы, а къ тремъ заѣхать въ домъ Кумачевыхъ—сказать Еленѣ, что онъ исполнилъ ея порученіе.

Разсѣянно смотрѣлъ онъ по сторонамъ.

Отъ подъѣзда историческаго музея отѣхали парныя сани съ синей сѣткой. Въ саняхъ сидѣла дама.

— Лыжинъ!..—окликнула его дама.

Онъ узналъ Акридину, соскочилъ съ саней и подошелъ къ ней, немного путаясь въ своемъ длинномъ ергакѣ.

— Вы ко мнѣ, другъ?—спросила она его.

На ней была красивая шапочка съ бобромъ и новая шуба съ какимъ-то сѣрымъ заграничнымъ мѣхомъ.

— Къ вамъ—въ три.

— Милый!.. Я не попаду домой къ тремъ. Вы были у Боярцева?

— Былъ и передалъ. Онъ вамъ нанесетъ визитъ.

— Когда?—живо спросила она.

— Я сказалъ, что вы дома въ четыре.

— Спасибо!

— Какая вы нынче блистательная! Въ обывательскихъ грандѣрахъ,—указалъ онъ на сани и лошадей.

— Нина предложила для визитовъ.

— Совсѣмъ по-московски!

— Да!.. А что, другъ,—Акридина весело оглянула площадь,—вѣдь городъ—единственный?

— Единственный! — повторилъ Лыжинъ и кивнулъ ей вслѣдъ, когда пара вороныхъ тронулась по направленію къ Никольской.

XXXV.

На другой день, часу въ пятомъ, Кострицынъ выходилъ изъ кабинета Захара Лукьяновича Кумачева. Тотъ не заѣзжалъ въ амбаръ въ теченіе дня; вернулся съ тор-

жества въ пріютѣ, гдѣ онъ состоялъ попечителемъ, а теперь собирався тоже на официальный мужской обѣдъ.

Иванъ Кузьмичъ былъ рѣшительно доволенъ разговоромъ, бывшимъ у него сейчасъ съ патрономъ. Лыжинъ принималъ предложеніе Кумачева подъ условіемъ осмотрѣться въ своей должности и черезъ мѣсяць — много шесть недѣль — рѣшить: въ состояніи ли онъ будетъ исполнять ее „безъ серьезныхъ недоразумѣній“.

Кострицыну нравился этотъ „интеллигентъ“, пришедшій на распутъе, послѣ всякихъ надъ собою опытовъ. Къ начинавшейся симпатіи примѣшивалось тайное желаніе: довести Юрія Петровича до полного освобожденія отъ разныхъ „прописей“, какія онъ переписывалъ слишкомъ долго.

Еще глубже лежало и другое желаніе — вдвоемъ переливать Нину Борисовну во всемя, что не ея женское царство, хотя въ Захарѣ Лукьяновичѣ онъ признавалъ, рядомъ съ влюбленностью въ жену, настоящей характеръ и выдержку.

Швейцаръ подавалъ Кострицыну шубу, когда въ сѣни вошелъ Лыжинъ.

— Юрій Петровичъ! Очень радъ!

Кострицынъ подбѣжалъ и сталъ крѣпко жать руку.

— Очень радъ! — тише повторилъ онъ. — Вы согласны?

И онъ показалъ головой въ ту сторону, гдѣ помѣщался кабинетъ Кумачева.

— Условно, — выговорилъ Лыжинъ, не понижая голоса.

Ему не хотѣлось, ни подъ какимъ видомъ, мѣнять въ чемъ бы то ни было своей манеры держаться и говорить въ домѣ будущаго „принципала“. И это сейчасъ же понималъ Кострицынъ.

— Все равно. Вы будете довольны Захаромъ Лукьяновичемъ. Вы къ нему теперь?

— Нѣтъ, я къ Еленѣ Константиновнѣ.

— Василій! — окликнулъ швейцара Кострицынъ. — Госпожа Акридина у себя?

— У себя-съ.

— Всего хорошаго. И если вамъ меня за чѣмъ-нибудь нужно — пустите депешку. Я забѣгу!

Онъ суетливо запахнулъ въ свою короткую шубу и исчезъ за дверью.

Елена только что пріѣхала, и Лыжинъ засталъ ее въ первой комнатѣ, на кушеткѣ, очень утомленной.

Свѣтъ косвенно падалъ на нее изъ-подъ широкаго абажура лампы. Лицо осунулось; подъ глазами потемнѣло.

— Вы нездоровы? — участливо спросилъ ее Лыжинъ, подсаживаясь.

— Нѣтъ. Я плохо спала и измучена отъ разнаго ученаго вздора, отъ суесловія и пустоболтанія.

— Гдѣ? На засѣданіи?

— Гдѣ же иначе!

Она приподняла голову и рукой оправила волосы.

— Что такъ строго?

— Сколько мертвечины! — продолжала Акридина. — И какіе это ископаемые... нѣкоторые изъ моихъ коллегъ!.. Одинъ въ особенности... чистѣйшій ихтиозавръ!

Лыжинъ тихо разсмѣялся.

— И такъ меня вдругъ охватило сегодня, Юрій, — пронизало меня чувство ужасной пустоты!..

На глазахъ ея блеснули слезы.

— Вдругъ захандрили!

— Такъ сдѣлалось пусто-пусто въ груди!.. Слушаю, и кромѣ тоскливаго чередованья звуковъ — ничего не ощущаю. И говорятъ ужасно, мямлятъ и топчутся на одномъ мѣстѣ, вяло, безжизненно или со смѣшнымъ задоромъ. Толкуетъ о какой-нибудь суздальской колокольнѣ, точно онъ повѣствуетъ о красотахъ элинскаго Пареемона.

— А какъ же? — весело перебилъ Лыжинъ. — Нынче вѣдь всему своему надо кадить взапуски.

— Послѣзавтра я дѣлаю свой главный докладъ — и нѣтъ у меня ни малѣйшей охоты. Право, я была бы рада заболѣть.

— Неужели трусите?

— Вовсе нѣтъ! — Акридина сдѣлала жестъ правой рукой. — Охота пропала. Вся мертвечина представляется какимъ-то буквоѣдствомъ, какой-то работой маниака, считающаго — сколько приходится на мѣсяць минутъ и сколько въ десять лѣтъ родится телятъ, если въ стадѣ двадцать коровъ.

— Просто вы утомлены. Вамъ бы произвести маленькую диверсію, на тройкѣ, что ли...

— Куда это? Въ „Стрѣльну“? Ха-ха! Елена Константиновна Акридина! Какой скандалъ!

Она не докончила и спросила:

— Вы вѣдь вчера были у Боярцева?

— Вчера.

— Онъ еще не пожаловалъ. Вотъ хоть бы такіе у насъ были. Нужды нѣтъ, что онъ немного на лампадномъ маслѣ. И наши ихтиозавры тоже вѣдь пропахли византійщиной и суздальщиной. Въ немъ что-то есть цѣльное и новое.

— И я того же мнѣнія.

Лыжинъ улыбался глазами, взглядывая на свою пріятельницу.

— Что вы на меня такъ смотрите?

— Ничего—пока. Вотъ жизненная задача для женщины:—обратить такого новаго человѣка изъ его вѣры въ свою.

— Не берусь. И вообще, другъ Лыжинъ, мнѣ порядочно-таки пріѣлись всякія препирательства. Надо жить, а не „выгораживать только свое обличье“, какъ любилъ, кажется, выразаться покойный критикъ Аполлонъ Григорьевъ.

— Будемъ жить,—повторилъ Лыжинъ, все съ той же усмѣшкой въ глазахъ.—Я не успѣлъ вамъ сказать вчера тамъ у музея...

— О себѣ?

— Да. Я ѣхалъ отъ Захара Лукьяновича.

— Имѣніе вы окончательно продали?

— И купчая подписана. Но вы забыли... Я вамъ говорилъ насчетъ предложенія его степенства, — прибавилъ онъ, не опуская голоса.

— Да, да! Помню. Вы соглашаетесь?

— Соглашаюсь условно. Беру мѣсяць на испытаніе—и себя, и моего будущаго хозяина.

— Что жъ! И прекрасно, другъ! Пускайтесь въ настоящую жизнь. Это гораздо лучше, чѣмъ пребывать въ неблагодарномъ амплуа опростѣлаго дворянина, не знающаго, къ чему примоститься.

Она нагнулась къ нему и сбавила тонъ:

— Присмотритесь къ четѣ моихъ родственниковъ. Сдѣлайтесь здѣсь первымъ номеромъ.

— Съ какой стати?

— Это непременно нужно. Пускай они оба прыгаютъ подъ вашу дудку.

— Ну, кажется, ни тотъ, ни другая не изъ такихъ... особенно Нина Борисовна.

Акридина поглядѣла на него пристально.

— Да она вамъ нравится?

Лыжинъ промолчалъ.

— Какъ наша Ида говоритъ: *vous donne-t-elle un frisson nouveau?*

— Очень ужъ скоро... да и къ чему?

— Нравится—тѣмъ лучше. Вы предлагаете мнѣ обратиться въ свою вѣру убѣжденнаго предводителя — вотъ и вы бы производили такой же экспериментъ надъ Ниной. Придайте ей лиризма. Она чудовищная матеріалистка... А у меня нѣтъ охоты исправлять ее.

Въ портьерѣ показался лакей.

— Прикажете принять? — спросилъ онъ, подавая карточку.

— *C'est lui!*—быстро и съ блескомъ въ глазахъ кинула Лыжину Акридина.—Просите.

Она встала съ кушетки и, наклонившись къ Лыжину, шопотомъ сказала:

— Примите его. Я сейчасъ... Надо поправить волосы.

И пробѣжала въ спальню. Лыжинъ улыбнулся ей вслѣдъ. „Хандру какъ рукой сняло“, — подумалъ онъ, вставая, и прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

XXXVI.

Оживленіе Акридиной замѣтно усилилось при Боярцевѣ. Глаза ея расширились и стали блестяще, ротъ получилъ игривую складку; вся она какъ-то подтянулась и, сидя у лампы, смотрѣла совсѣмъ молодой женщиной, принимающей въ своемъ салонѣ.

Боярцевъ—въ черномъ сюртукѣ и свѣтломъ галстукѣ—въ нѣсколько церемонной позѣ сидѣлъ по другую сторону стола и положилъ на него одну руку — очень красивую, съ удлиненными пальцами, съ нѣжнымъ окрашиваніемъ кожи.

Лыжинъ сѣлъ нѣсколько поодаль, у этажерки, и такъ, что оба они были для него видны въ широкомъ пятнѣ свѣта лампы. Минутами онъ закрывалъ глаза и слушалъ ихъ голоса. По тѣмбру голосовъ они казались совершенно однихъ лѣтъ; но онъ считалъ Акридину года на три или на четыре старше Боярцева. У Елены голосъ минутами звучалъ рѣзковато, но и самая эта рѣзкость моложавила ее. Боярцевъ говорилъ высокимъ теноромъ, слабѣе звукомъ и гораздо сдержаннѣе, чѣмъ она.

— Вы читаете послѣзавтра?—спросилъ онъ ее, слегка наклонивъ голову надъ столомъ.

— Да, я вот уже говорила другу моему Лыжину, — во мнѣ нѣтъ священнаго огня.

— Почему? Я читалъ программу. Это чрезвычайно живой вопросъ: связь первобытныхъ вѣрованій съ нравственнымъ положеніемъ женщины въ семьѣ и общинѣ.

— Вы будете?—какъ бы вскользь спросила Акридина.

Лыжинъ, въ звукѣ ея вопроса, почуялъ, что для его пріятельницы не безразлично—придетъ ли онъ, или нѣтъ.

— Непремѣнно постараюсь,—отвѣтилъ Боярцевъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ.

„Постараюсь“,—мысленно повторилъ за нимъ Лыжинъ, и въ этомъ „постараюсь“ ему почудилась вся дальнѣйшая исторія борьбы, которая можетъ завязаться между Еленой и Боярцевымъ: натискъ пойдетъ отъ женщины; самозащита—отъ мужчины.

„А кто побѣдитъ?—спросилъ онъ вслѣдъ затѣмъ.— Тотъ, кто меньше потратится“.

— Очень лестно,—слышался ему вибрирующій голосъ Акридиной, — но впередъ прошу снисхожденія. Знаю, меня будетъ замораживать ближайшій антуражъ.

— Какой?—не понявъ сразу, спросилъ Боярцевъ.

— Ахъ, Боже мой! Тѣ окаменѣлые собраты по специальности, которые будутъ сидѣть за почетной загородкой, подъ каедрой.

Она засмѣялась немного напряженно, и Лыжину стало почти жутко оттого, что Елена повела разговоръ въ такомъ именно тонѣ. Боярцевъ могъ принять это за ненужное кокетство, за желаніе быть остроумной и игривой, что ему могло показаться лишнимъ въ женщинѣ, имѣющей научное имя. Вообще она волновалась, а Боярцевъ не выходилъ ни на минуту изъ своего ровнаго и теперь менѣе сдержаннаго тона.

— Вы къ нимъ относитесь критически.

— Да развѣ археологія,—выговорила она,—не превратилась въ какой-то благонамѣренный спортъ, въ родѣ велосипеда?

— Почему же—благонамѣренный?

На вопросъ Боярцева, сдѣланный повеселѣе, Лыжинъ замѣтилъ со своего мѣста:

— Елена Константиновна очень вѣрно опредѣлила эту отрасль знанія. Она, по нынѣшнему времени, самая благонамѣренная и поощряемая.

— Можетъ-быть,—отозвался Боярцевъ, опять съ серьез-

ной миной на своемъ красивомъ и ясномъ лицѣ.—Но если оно и такъ, то это только законная реакція...

— Противъ чего?—не дала ему досказать Елена, и на ея полныхъ щекахъ выступила краска.

— Противъ недавняго отрицанія, противъ рабскаго преклоненія передъ всѣмъ западнымъ, противъ равнодушія къ исторіи своего народа, его духа и его вѣковой борьбы съ природой и исконными врагами.

Тираду Боярцева, хотя она и была длинная, Лыжину не нашель книжной, заученной. Въ ней только вылился обычный складъ его мыслей и чувствъ къ родинѣ.

— Хорошо, кабы такъ!—воскликнула Акридина, и вся встрепенулась,—но всего чаще это только мундиръ или признакъ умственной анестезіи,—если выразиться помягче.

Боярцевъ тихо разсмѣялся и спросилъ, наклонивъ голову:

— Вы считаете такое опредѣленіе мягкимъ?

— Конечно! Ха-ха!

Но онъ не сталъ вторить ея смѣху, и снова Лыжину начало дѣлаться непріятно за Елену.

„Геряеть подпорки“, — подумалъ онъ, видя, до какой степени личное тревожное настроеніе можетъ отнимать у женщины тактъ. Вѣроятно, съ тѣмъ же отсутствіемъ самообладанія повелъ бы и онъ самъ разговоръ съ женщиной, съ которой начинается какая-то „игра“.

Мягкій шумъ портьеръ, въ глубинѣ комнаты, заставилъ его поднять голову.

Вошла Нина въ плюшевой, темно-огненнаго цвѣта накидкѣ съ собольей отдѣлкой. Брильянты въ ушахъ и на кольцахъ рукъ заискрились. Надъ косою высилась золотая узкая гребенка, и ея матовый блескъ придавалъ головѣ ея еще больше живописности.

Оба мужчины встали. Нина, плавно выступая крупнымъ шагомъ, остановилась по ту сторону стола и протянула руку Боярцеву.

— Мы съ вами встрѣчались,—сказала она съ легкимъ величавымъ наклономъ головы.— Очень рада, что вы — гость Елены Константиновны. Надѣюсь, будете и нашимъ.

Боярцевъ молча поклонился низкимъ поклономъ.

— Юрій Петровичъ, здравствуйте!

Когда Нина, пройдя позади кресла Боярцева, пожимала руку Лыжину, отъ прикосновенія этой свѣжей, атласистой руки съ нажимомъ колець по всему его тѣлу про-

бѣжала струйка; мгновенно онъ ощутилъ приливъ къ ушамъ и смутился—замѣтно только для него.

— Мужъ говорилъ мнѣ, — вполголоса выговорила она, благосклонно играя глазами, — что вы согласны. Я чрезвычайно рада, хотя въ его дѣла и не вхожу. Вы дома обѣдаете?—спросила она, отвернувъ тотчасъ же голову къ Еленѣ, и сѣла между мужчинами.

— Нѣтъ, милая, я отозвана на официальный обѣдъ.

— Туда, куда мой мужъ долженъ ѣхать?

— Именно.

— И вы?—спросила Нина, обращаясь къ Боярцеву.

— Нѣтъ. Я не имѣю никакихъ правъ.

— Будто бы меньше, чѣмъ мой мужъ? Вѣдь нынче всѣ—любители старины. Это въ большой модѣ.

— Елена Константиновна сейчасъ сравнила археологію со спортомъ, — замѣтилъ Лыжинъ, сдѣлавъ надъ собой усилие: онъ вдругъ забоялся, что не сумѣетъ ничего вставить въ общій разговоръ.

— Да? — весело окликнула Нина и, обращаясь больше къ Боярцеву, добавила:—Вы не находите?

— Если это и спортъ, — отвѣтилъ онъ, — то спортъ благородный.

— Во всякомъ случаѣ—патріотическій, а отечество свое надо любить, — выговорила Нина полусушутя, полунаставительно, и сейчасъ же поднялась.

— До свиданія, ma tante.

При словахъ „ma tante“, соскочившихъ съ яркихъ губъ Нины легко и, кажется, безъ всякой задней мысли, Акридина привстала и косая усмѣшка повела ея энергичный ротъ.

— До свиданія, Нина, — отвѣтила она Кумачевой тономъ подруги.

Это не ускользнуло ни отъ Лыжина, ни отъ Боярцева.

— Въ день засѣданія, когда Елена читаетъ свою работу, — Нина обратилась къ обоимъ мужчинамъ, — не хотите ли отобѣдать у насъ... съ бенефицианткой?..

— Нина!—не то конфузно, не то съ упрекомъ остановила ее Елена.

— Разумѣется, это будетъ вашъ бенефисъ... Мы можемъ рассчитывать на васъ?

Нина, протягивая руку Боярцеву, обволакивала его своимъ холодновато-ласковымъ взглядомъ.

— Благодарю васъ, — утвердительно вымолвилъ онъ.

— И вы, Юрій Петровичъ?

И опять пожатіе ея свѣжей и атласисто-твердой руки прошло змѣйкой по спинѣ Лыжина.

Онъ молча поклонился и нарочно нагнуль низко голову, чтобы избѣжать ея глазъ.

Только ей вслѣдъ поглядѣль онъ, и ея голова, съ золотой гребенкой въ античномъ комочкѣ волосъ, мелькнула и исчезла въ портьерѣ дальней двери.

Боярцевъ уже не присаживался и собрался уходить.

— Посидите! — упрашивала его Акридина, нагнувшись всѣмъ станомъ надъ столомъ. — Куда же вы спѣшите? У меня еще много времени. Обѣдъ — поздній. Сядутъ не раньше половины седьмого.

— Теперь уже шесть, — серьезно выговорилъ онъ, поглядѣвъ на часы.

— Вамъ еще надо переѣхать туалетъ, — прибавилъ и Лыжинъ.

Она съ упрекомъ поглядѣла на него.

Гость сталъ прощаться.

— Гдѣ вы сядете? Хотите поближе?

— За перегородкой... гдѣ ископаемые? — тихо усмѣхнувшись, спросилъ Боярцевъ.

— Это не хорошо — такъ ловить. Это — не по-товарищески.

Она провожала его до самыхъ дверей въ переднюю и два раза пожала ему руку.

Съ Лыжинымъ Боярцевъ раскланялся привѣтливо и, уходя, проговорилъ:

— До свиданія.

Оставшись одни, они съ минуту молчали. Акридина ходила возбужденно по комнатѣ, и ея рука безпрестанно приглаживала волосы на правомъ вискѣ — ея любимый жестъ.

— Елена Константиновна? — пріятельскимъ полушопотомъ окликнулъ ее Лыжинъ.

— Чтò, другъ?

— Дворянчикъ съ направленіемъ васъ интересуеть?

— Ну, такъ что жъ?

— И вы не боитесь пойматься?

— Я ничего не боюсь!

Вотъ какъ!

— Вы чтò же хотите сказать этимъ вопросомнымъ пунк-

томъ? Что я — стара? Гожусь ему въ тетки?.. И Нина со своимъ „ma tante“...

— Это у ней такъ сорвалось... безъ язвы.

— Почему вы знаете?

Акридина подошла къ нему и взяла его за обѣ руки.

— А вы, другъ, не боитесь?

— Чего?

— Что моя племянница, — подчеркнула она съ ироніей, — захлестнетъ васъ? Вы что-то сейчасъ притихли при ней. Такъ притихаютъ только когда женщина даетъ мужчинѣ...

— Un nouveau frisson?

— Именно. Не лгите. Признайтесь.

— Не знаю, — тихо и вдумчиво выговорилъ Лыжинъ, и стыдливо-боязное чувство вползло ему въ сердце. — Намъ такая — не ко двору.

— Вздоръ, милый! Вздоръ! Нечего въ старики записываться. Любите, коли любится, и другимъ не мѣшайте.

И оба они опять смолкли, охваченные, каждый посвоему, чѣмъ-то и жуткимъ, и отраднымъ, точно ощущеніемъ холоднаго лезвея, за которымъ ждешь острой боли.

Часть вторая.

I.

Въ томъ самомъ „Дворянскомъ гнѣздѣ“,—гдѣ Лыжинъ рѣшилъ провести всю зиму,—въ бель-этажѣ, окнами на дворъ, подъ № 13, жила, съ ноября, постоялица, которая значилась на черной доскѣ, вывѣшенной внизу, подъ фамиліей Днѣпровской.

Въ рождественскій сочельникъ, днемъ, въ сѣни этого меблированного дома вошелъ высокій, статный военный.

Бѣлая фуражка и дорогой бобровый воротникъ шинели, на шелковой подкладкѣ, красивый носъ и черные тонкіе усы,—все это сразу подѣйствовало на молоденькаго второго швейцара, въ длиннѣйшей ливреѣ, и онъ подбѣжалъ къ офицеру, дѣлая подъ козырекъ своего картуза съ галуномъ.

— Госпожа Углова?

— Такой нѣтъ-съ,—удивленно отвѣтилъ швейцаръ.

— Какъ нѣтъ! Она въ этихъ номерахъ. Я знаю.

Голосъ у офицера былъ очень пріятнаго тембра.

— Олимпиада Дмитріевна?—спросилъ онъ менѣе увѣренно.

— А! Олимпиада Дмитріевна Днѣпровская?

— Она подъ этой фамиліей здѣсь значится?

— Такъ точно. Съ самаго перваго дня.

И швейцаръ сдержанно усмѣхнулся, что-то вспомнивъ.

— По паспорту онѣ дѣйствительно госпожа Углова. А это по театру-съ.

— Дома?—перебилъ построже гвардеецъ.

— Дома. Пожалуйте. Я проведу-съ. Лѣстницей выше.

Швейцаръ, подбирая полы ливреи, побѣжалъ вверхъ. Офицеръ неторопливо шелъ за нимъ, все еще кутаясь въ богатый серебристый воротникъ своей драповой шинели.

Они повернули налево, и швейцаръ постучалъ въ двери тринадцатаго номера и, не дожидаясь отвѣта, пріотворилъ и просунулъ голову.

— Олимпиада Дмитриевна... къ вамъ можно? Господинъ одинъ желаетъ.

— Проси!—донесся до офицера знакомый ему голосъ.

— Антоша! Антошка! Гадкій! Такъ свалиться съ неба! Не прислать депеши!

Гвардеецъ еще не успѣлъ ни сбросить шинели, ни снять бѣлой фуражки.

— Липа! Отпусти!

Полная, рослая женщина, въ розоватомъ фланелевомъ пеньюарѣ, обнимала его. Она и смѣялась, и хмурила свои густыя темно-русые брови, и цѣловала его. Въ сѣрыхъ огромныхъ глазахъ ея блестѣли двѣ слезинки.

— Дай снять,—просилъ онъ,—шинель... жарко.

Онъ сбросилъ шинель на стулъ, стоявшій въ темной половинѣ первой большой комнаты: она служила гостиной. Безъ фуражки онъ былъ еще красивѣе: лобъ высокій, волнистые черные волосы, коротко остриженные, темные глаза съ полустрогой усмѣшкой, цвѣтъ лица — еще нѣжный, молодецкія плечи, очень высокій воротникъ и золотые погоны. Онъ съ утра надѣлъ вицмундиръ и былъ при шпагѣ, а не съ шашкой на перевязи.

— Садись! Садись! Вотъ сюда!

Липа шумно усадила его на диванчикъ.

— Гадкій! Ничего не писать больше двухъ недѣль, и даже депеши не пустить... И ты прямо оттуда?

— Да, изъ Даниловки.

— Въ городъ не заѣзжалъ?

— Заѣхалъ... на одинъ день.

— Ну, не буду приставать, Антошенька. Красавецъ вы мой! А я безъ тебя изнывала здѣсь... Такая вышла мерзость!

Она чуть замѣтно повела верхней губой.

— Pardon! Извините!—шутовски, по-военному, передернула она плечами. — Ваши баронскія уши оскорбляю!.. Нѣтъ, милая моя Антоша является въ самый моментъ. Я тебѣ пропою, какъ Рембо въ „Робертъ-Дьяволъ“:

О, мой спаси-и-тель,

Мой испуки-и-тедь,
Мой избави-и-тедь,
Какъ счастливъ я!

И, сдѣлавъ гримасу, она — по-театральному, въ сторону — пустила басомъ, подражая Бертраму:

Жертва моя!

Офицеръ улыбнулся и сдѣлалъ жестъ свободной рукой, какъ будто онъ хотѣлъ имъ сказать:

„Вѣчно ты съ своими дурачествами. Липа!“

Онъ вѣдь зналъ, что Липа измѣниться не можетъ, и ее надо брать и любить, какова она есть.

— Чтò же, — серьезнѣе остановилъ онъ ее, — твой дебютъ... не удался?

— Гадость какая! Я тебѣ говорила, что лучше было сразу въ Большомъ. Либо панъ, либо пропаль. Разумѣется, надо поработать надъ этимъ... А тутъ частная сцена — лавочка! И у нихъ — *сосъете*, — выговорила она нарочно совсѣмъ по-русски. — Дѣла пошли скверно.

— Скверно? — переспросилъ баронъ Гольцъ: такъ звали офицера.

— Теперь немножко получше. Поставили „Игоря“ и „Лоэнгрина“. А въ началѣ сезона было — швахъ. И у нихъ свои премьерши. Завѣдующій рѣшилъ: сейчасъ же назначить мнѣ дебютъ.

— И чтò жь?

— Ну, Антошенька мой милый, и вышель — куакъ. Горло перехватило послѣ второго акта.

— Ты выступила въ „Карменъ“?

— Да! и пріемъ былъ превосходный, за первый актъ. А потомъ, Богъ его знаетъ, чтò сдѣлалось... отъ нервно-сти... Точно мнѣ голосъ подмѣнили.

— Партія сильна. Я тебѣ говорилъ, Липа. Одно дѣло — оперетка, другое — большая опера.

— Пустиаки!

Липа махнула рукой рѣзкимъ жестомъ, выбѣжала на середину комнаты и запѣла, зычно и хрипловато, изъ того же „Роберта-Дьявола“:

Рембд сказалъ мнѣ: другъ прекрасный,
Клянусь любить тебя душой!

Глазами и бровями, и ртомъ она гримасничала.

Но баронъ не разсмѣялся. Онъ уже привыкъ къ выходкамъ Липы, и онъ ему теперь, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, стали нравиться еще меньше.

— Все это пустяки!—сказала она.

— Ты и теперь хрипишь!

— Еще бы! У меня инфлуэнца была форменная. Три дня валялась. А ваша баронская милость и не догадывалась. Ахъ, баронъ, баронъ!

Липа подѣла опять къ нему и взяла за шею своей сильной, бѣлой рукой и, длинными пальцами охвативъ правую щеку, дернула за усъ.

— Полно! Чтò за дурачество!—почти сердито откликнулся гвардеецъ и даже началъ краснѣть.

— Прощенья просимъ. Антоша, не ломайся! Я бы имѣла право разнести тебя... Истерику на себя напустить, выгнать тебя за такое гнусное поведеніе. Не важничай. Ты—баронъ Гольцъ. Важная персона! И я—дочь генерала... да еще какого... кавказскаго. А Гольцевъ-то много. Тамъ, въ Чухляндіи... гдѣ ревельская килька водится.

И она запѣла мужскимъ голосомъ, дробно и очень забавно:

Бѣжитъ баронъ пѣшкомъ

Съ мѣникомъ.

Въ Москву пришелъ, рядкомъ

Съ крыльцомъ

Въ трактиръ скромномъ поселился.

— Ну, ладно, ладно!

Онъ повелъ красивымъ ртомъ, полупокрытымъ усами, съ блескомъ отъ брильянтина.

— Ничего!.. Все это вы, Антошенька, изволите брешить. У меня голосъ есть и въ достаточномъ количествѣ для оперы, особенно на частной сценѣ... Я хочу сдѣлать опытъ и сдѣлаю.

— Школа нужна.

— Мало я драла горло на вокализахъ! Цѣлое лѣто прокоптѣла въ Парголовѣ и своему итальянцу сколько деньжищъ снесла. А консерваторія-то на что? Вѣдь я въ оперетку-то случайно попала. Мнѣ не сорокъ лѣтъ. Чему я училась—тò я помню.

Ей было даже и не тридцать, всего двадцать восемь; но она на цѣлыхъ три года оказывалась старше его и, при ея полнотѣ, смотрѣла уже тридцатилѣтней женщиной.

И это онъ зналъ; она объ этомъ рѣдко думала.

— Въ чемъ же дѣло?—сдвинувъ брови и съ неопредѣленной усмѣшкой спросилъ гвардеецъ.

— Въ томъ, душечка моя, что вамъ слѣдуетъ произвести нѣкоторое давленіе.

— Почему же мнѣ?

— А то кому же? Ты что же, испугался? Денежную взятку давать управляющему труппой или рецензентикамъ? Не бойтесь. Не разорю!.. А просто показать свою бѣлую фуражку, баронскую корону на карточкахъ, пожать руку и въ „Эрмитажъ“ или въ „Славянскомъ Базарѣ“ угостить завтракомъ. Они,—прибавила она быстрѣе и безъ дурачества въ голосъ,—не отказываютъ мнѣ въ дальнѣйшихъ дебютахъ. Но непременно въ другой роли.

— Совершенно правильно,—выговорилъ баронъ тономъ серьезнаго кавалериста, обсуждающаго выѣздку лошади.

— А я хочу опять въ „Кармень“. То былъ не дебютъ, а инцидентъ. Перехватить горло и у Патти, и у Зембрихъ можетъ... И рецензентикамъ слѣдуетъ утереть носъ и довести ихъ до сознанія, что они—сволочь!

— Ахъ, Липа!

— Pardon! Извините! — она снова сдѣлала шутовской военной жестъ плечами.—Не угодно ли полюбоваться. Я вотъ покажу тебѣ фельетонку одного такого пасквилянта... господина Спандѣева. Одна фамилія чего стоить!

Липа грузно подбѣжала къ письменному столу.

II.

Пока Липа рылась въ обоихъ ящикахъ стола, гдѣ въ беспорядкѣ валялось множество писемъ, афишъ и всякой другой мелочи, баронъ, привычнымъ движеніемъ военнаго завернувъ короткую полу вицмундира, вынулъ изъ рейтузъ серебряную папиросницу и закурилъ.

Лицо его приняло спокойное, строгое выраженіе, усвоенное еще въ корпусѣ. Такъ смотрѣлъ онъ и на ученѣ, въ манежѣ, и на маневрахъ, когда стоялъ со своимъ взводомъ, занимая „момента“; такъ и на медвѣжьей охотѣ, поджидая звѣря у опушки. И тотчасъ дѣлался старше на видъ.

Это выраженіе онъ унаслѣдовалъ отъ покойнаго отца, на него онъ и похожъ; только черные волосы передала ему мать, русская—по себѣ—княжна Тукманова, татарскаго рода. Отецъ былъ уже православный; дѣдъ лютеранинъ—изъ дворянъ Балтійскаго края, и всѣ—изъ поколѣнія въ поколѣніе—военные, кавалеристы.

Въ Москву онъ пріѣхалъ по вызову пріятели и родствен-

ника—по матери—дожить свой отпускъ и „покончить“ съ холостой жизнью.

— Antoine, il faut faire une fin, — говорилъ ему его старшій братъ, изъ лицеистовъ, предводитель въ ихъ уѣздѣ, тамъ, откуда онъ пріѣхалъ, и гдѣ, въ прошломъ году, купилъ Лицѣ Угловой цѣлый хуторъ.

Она пѣла въ губернскомъ городѣ, въ опереткѣ. Сближеніе произошло быстро, и въ первую зиму онъ былъ сильно въ нее „врѣзались“, — какъ самъ любилъ выражаться въ полку, когда чувствовалъ себя не остзейскимъ барономъ, а настоящимъ русакомъ.

Но онъ не первый обладалъ Липой. У ней оказалось прошлое—и довольно-таки сложное. До поступленія на сцену она побывала и въ „стриженныхъ“, даже привлечена была къ какому-то дѣлу, да успѣла во-время уѣхать за границу. Уже десять лѣтъ живетъ она на своей волѣ, и ее только могила исправить.

Оставшись одинъ, въ деревнѣ, онъ сталъ убѣждаться, что затягивать себя съ нею на неопредѣленное время нельзя. Она слишкомъ—личность, да еще „шалая“—тоже его слово. Когда влюбленность остывала, онъ началъ находить ее слишкомъ рѣзкой, неизящной въ своихъ шутовскихъ выходкахъ, отъ которыхъ ему не было смѣшно, бѣшеной, когда разсердится или начнетъ ревновать, и то и дѣло способной впадать въ „мерехлюдію“, — какъ онъ выражался,—и тогда нести всякую опасную и тошную для него „лухтѣ“—его корпусное слово.

Теперь она опять его окунула въ то же жуткое чувство своимъ тономъ, и свиданіе съ нею его не радовало.

Липа нашла, наконецъ,—много разъ громко выбравшись,—то, что она называла „фельетонкой“, и такъ же шумно подсѣла къ барону.

— Вотъ, душечка, не угодно ли полюбоваться?

Онъ зажмурилъ одинъ глазъ отъ дыма папиросы и взялъ изъ ея рукъ длинную и узкую вырѣзку изъ газеты.

— Да это не фельетонъ, а статья.

— Этотъ милашка Спандѣевъ каждый день пишетъ. Видишь, называется: „Слухи и толки“. И обо всемъ болтаетъ, и вреть, и обливаетъ помоями, вторгается въ закулисную и домашнюю жизнь.

Баронъ пробѣжалъ первый параграфъ и пожалъ плечами.

— Съ какой же стати ты хочешь, *coûte que coûte* — выступать въ той же „Кармень“?

— И выступлю!

Она ударила кулакомъ по столу.

— Напрасно.

— Это мое дѣло! А твое, Антоша, пустить въ ходъ золотую каску съ птицей и осчастливить всѣхъ этихъ скотовъ своимъ вниманіемъ.

— И этого пасквилянта также?

— Его не нужно. Есть и другіе. Тѣ помягче, не такъ безстыжи.

— Нельзя ли меня во все это не вмѣшивать?

— Не извольте пугаться, баронъ Антонъ Федоровичъ, не впутаемъ васъ ни въ какую исторію. А не пожелаете приласкать кого слѣдуетъ, то и сами обойдемся. Если они мнѣ не дадутъ выступить въ „Кармень“ — я подписываю ангажементъ въ Херсонъ. Ко мнѣ уже обращался агентъ.

— Въ оперетку?

— И сдѣру съ нихъ здорово—тысячу рублей въ мѣсяцъ и два бенефиса—сейчасъ по приѣздѣ и на масленицѣ.

„Тысячи рублей она не получитъ,—подумалъ онъ,—а по семисотъ въ мѣсяцъ ей платили“.

— Вотъ это—десятое дѣло. Я бы, на твоёмъ мѣстѣ, сейчасъ подписалъ ангажементъ.

— Только бы спустить меня отсюда? — спросила она, бросивъ на него острый взглядъ. — Вамъ, баронъ, безъ меня будетъ здѣсь неизмѣримо пріятнѣе. А то еще какъ-нибудь скомпрометирую, — выговорила она, подчеркнувъ въ концѣ слова букву „н“.

— Ну, пошло!

— Не извольте обижаться. — Она поцѣловала его въ щеку.—Это дѣла, и о нихъ еще успѣемъ. Ваша милость гдѣ остановилась?

— Въ „Дрезденѣ“.

— Куда въѣзжаютъ сановники? Такъ вамъ и подобаешь. Можетъ, невѣсту приѣхали высматривать?

— Невѣсты еще нѣтъ,—отвѣтилъ онъ съ чуть замѣтной зѣвотой.

Липа положила оба локтя на столъ и, опустивъ голову знакомымъ ему жестомъ, продолжала глядѣть на него вбокъ.

„Вотъ сейчасъ начнется“, — подумалъ онъ и перемѣстилъ папиросу изъ лѣваго угла рта въ правый.

— Антоша,—заговорила Липа упавшимъ сразу голосомъ,

и ея боковой взглядъ, скользнувъ по его лицу, ушелъ въ пространство,—ты вѣдь никакой вѣры не имѣешь въ меня, не признаешь во мнѣ никакого дарованьишка.

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Да, въ опереткѣ, гдѣ нужно юбочкой передергивать, пьяненькую Периколу изображать... Нужды нѣтъ, что у меня голосъ не первой свѣжести, — я это и сама знаю, — но во мнѣ лирическая артистка кроется. Мнѣ драма нужна.

— Иди въ драматическія.

— Ты меня не понимаешь. То—не уйдетъ! Когда совсѣмъ спаду съ музыкальнаго голоса—буду играть Марію Стюартъ, и Медею, и Клеопатру. А пока есть тонъ и красивый звукъ—душа моя просится выразить себя и пѣніемъ, и игрой въ одно время. Эхъ! Антоша! Ты ничего этого не понимаешь.

— Почему же?—сдержанно спросилъ онъ.

— Ты—*фэнъ-де-сьекль*, — выговорила она полудурачливо.—Равновѣсія этого самаго въ тебѣ много... Нѣмецкая кровь пополамъ съ татарско-московской. И вотъ что я тебѣ скажу, любезный другъ: ежели у меня на оперѣ выйдетъ настоящая осѣчка—прости-прощай.

— То-есть, какъ же это?

Онъ поднялъ голову и поглядѣлъ на нее вбокъ.

— Да ужъ такъ...

— Покончишь съ собой, что ли?

— Это мое дѣло. Очень ужъ, Антоша, тошно дѣлается. Еще пока на драму перейдешь, пока что—оперетка меня совсѣмъ dokonаетъ... Такъ пакостно, такъ пакостно!

— Это ты такъ говоришь... а сама очень рада.

— Вотъ какъ ты до сихъ поръ меня понимаешь! Поздравляю!

Въ голосѣ что-то у ней зарокотало.

— Послушай, — остановилъ онъ ее и положилъ свою лѣвую руку на ея плечо,—не будемъ это перебирать сегоднѣ. Ты только разстроишься и наживешь мигрень,—онъ размѣялся сквозь свои крупныя и бѣлыя зубы,—и толку никакого отсюда не выйдетъ.

Онъ вынулъ часы изъ узкой прорѣхи своихъ рейтузъ, тотчасъ подъ таліей.

— Видишь... я долженъ снѣшить.

— Куда?

— Надо сдѣлать обязательно три визита, а теперь уже четвертый...

— Обѣдаемъ гдѣ?

— Я сегодня званъ.

— Антоша! Какъ назвать такое поведеніе?

— Да, милая... Сегодня день рожденія моего пріятеля Верховцева.

— Какого такого? Ты мнѣ о немъ никогда не говорилъ.

— Чтò жъ изъ этого?

— Почему же не могъ прислать его ко мнѣ?

— Онъ женатый.

— Скажите пожалуйста. Какія нѣжности!

— Ну, прости, не догадался.

— Значить, совсѣмъ не думалъ обо мнѣ? Впрочемъ, какая мнѣ сухота! Бѣгать за тобой не стану. Ежели же-лаешь—будемъ завтра обѣдать въ „Славянскомъ Базарѣ“.

— Почему тамъ? Лучше у Тѣстова.

— А вашей милости нельзя нанести визитъ, въ самый этотъ „Дрезденъ“?

Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Или это рискованно? Да ты и въ самомъ дѣлѣ не женихъ ли?

Липа вышла изъ-за стола и прочла по-театральному:

— Прошу мнѣ дать отвѣтъ, безъ думы... Полноте смущаться!

За ней поднялся и баронъ, подошелъ къ ней и поцѣ-ловалъ ее въ лобъ.

— Завтра я заѣду, передъ обѣдомъ,—торопливо выго-ворилъ онъ, надѣвая шинель.

— Завтра, завтра... Смотри, Антоша! Завтраками кор-мить тебѣ не пристало.

И равнодушнымъ тономъ она сказала ему вслѣдъ:

— Я сыта... нò-уши сыта.

III.

Раннимъ вечеромъ у Липы часто собиралось молодое общество.

И сегодня она, послѣ своего обѣда въ семьдесятъ пять копеекъ, съ одной свѣчой на письменномъ столѣ, въ полусумеркахъ, лежала на кушеткѣ и курила.

Очень рѣдко Липа закурить папиросу. Это, каждый разъ, доказательство того, что у ней на душѣ забродило.

„Финтить Антошка!“ — думаетъ она, на разные лады, съ самага ухада барона.

Она зачуяла, что за нее онъ больше не держится. И она сама должна была сознаться: это не поразило ее, не дало жгучей боли... Къ тому шло.

Она по немъ почти не соскучилась, съ поздней осени, когда они простились. Безъ него ей было даже удобнѣе въ Москвѣ готовиться къ оперному дебюту. И „осѣчку“ легче было испытать—не на его глазахъ. Онъ, навѣрно, по своему баронско-гвардейскому самолюбію, настаивалъ бы на томъ, чтобы сейчасъ же скрыться изъ Москвы. Добиваться своего — онъ это понимаетъ только для собственной особы.

Она писала ему довольно часто; однако, не торопила его, не звала сюда. Обрадовалась она ему искренно, и ее сразу защемило—но не отъ самолюбія ли?—когда она поняла, что онъ „финтитъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ они сошлись, прошло уже около двухъ лѣтъ. Ему она за многое благодарна. Онъ въ нее влюбился быстрѣе, чѣмъ она въ него. Вскорѣ и въ ней взяло верхъ влеченіе болѣе пылкое. Его мужская красота, молодость, тонъ, особаго рода выдержка взяли свое, и когда онъ, по прошествіи полугода, купилъ ей имѣніице, небольшой хуторъ съ усадьбой, она приняла это безъ всякаго укола совѣсти. О женитьбѣ онъ не обмолвился; да и она никогда не настаивала, и свободой своей дорожила больше всего.

Да онъ и не женился бы на такой! Въ отставку онъ не выйдетъ, а въ его полку нельзя быть мужемъ опереточной пѣвицы. Лгать она не хотѣла и не могла: сошлась она съ нимъ не съ первымъ, и ему не очень-то правилось, когда она начнетъ вспоминать время, по выходѣ изъ консерваторіи, тогдашнюю любовь—и какую!—и того, кто сталъ ее перевоспитывать, увлекъ въ свое „дѣло“, самъ погибъ, и она еле уцѣлѣла.

Связь съ барономъ Гольцемъ давала Липѣ что-то похожее на опору, —не денежную—она отъ него не получала денегъ—а скорѣе нравственную. Ее ни къ кому не тянуло, и ей не стоило усилий быть ему вѣрной, и въ провинціи, и въ Москвѣ. Онъ считался красавцемъ, былъ въ ея вкусѣ, молодъ, служилъ въ „первомъ“ полку, какъ онъ самъ считалъ его, характера скорѣе ровнаго, воспитанъ, довольно деликатенъ, если сравнить его съ другими мужчинами,

особенно съ такими, которые могутъ всегда имѣть успѣхъ у женщинъ. Нынче всякій актерикъ зазнается выше всякой мѣры и, добившись своего, дѣлается тотчасъ же грубъ и нахаленъ.

Но и съ барономъ бываетъ тяжело. У него голова съ „загородками“, многого онъ не можетъ понять, боится ея „припадковъ“—такъ онъ называетъ настроеніе, когда вся ея теперешняя жизнь и то, что вокругъ нея, сразу ей „огадить“, и она готова бываетъ бросить все и бѣжать куда глаза глядятъ. Этимъ, конечно, его не привлечешь. Съ нимъ нужно быть всегда ровной, веселой и въ мѣру пускать свои дурачества.

Теперь, передумывая все это, Липа не въ первый разъ чувствовала, что она злоупотребляла своимъ полушутовскимъ обращеніемъ съ барономъ, привычкой звать его „Антошкой“ и „ваша баронская милость“, и пускать въ ходъ всѣ свои, какъ онъ выражается, „каботинскія“ прибаутки и штучки.

Если все это такъ, то какъ же ей не слушаться зова къ серьезному искусству? Оно—не что другое—ее поддержитъ. Иначе засосетъ тоска, и будешь все падать ниже и ниже.

Липа бросила окурокъ папиросы и съ закрытыми глазами лежала недвижно, сложивъ на груди руки.

Мысли, горькія и всегда въ одномъ и томъ же направленіи, одолѣютъ ее сейчасъ же, если ей не имѣть передъ собою какой-нибудь блестящей и притягивающей точки—„бляхи“—называла она. Откажись она теперь отъ оперы или, въ случаѣ полного провала, отъ драмы, что ей останется? Все та же „огадившая“ ей оперетка, кочеваніе по городамъ и ярмаркамъ, случайныя связи. А тамъ не за горами и спускъ къ роковому предѣлу женщины подъ сорокъ.

Любовь всякаго молодого мужчины, особенно такого, какъ ея баронъ—гвардейца, дѣлающаго карьеру—что такое она? Развѣ можно на нее опереться? Уйди она теперь вся въ страсть къ „Антошкѣ“, что бы у ней теперь осталось на душѣ? Вотъ пріѣхалъ бы такой „соколикъ“, и выпустилъ бы изъ нея весь духъ. И глотнула бы она раствора спичекъ или ціанъ-кали. А то и того хуже. Потянулся бы „адъ кромѣшный“ „бабьей дурости“—истерики, ревъ, дикія выходки брошенной женщины, бессонницы, бредъ, галлюцинаціи, быть-можетъ, безуміе.

Теперь у ней есть все-таки „поддержка“.

Это слово: „поддержка“ привело ее къ мысли о разныхъ другихъ поддержкахъ, которыя она допускала, и не въ видѣ однихъ подарковъ въ бенефисы, а просто такъ. Правда, она никогда не брала ничего отъ тѣхъ, кто ей не нравился. Баронъ подарилъ ей цѣлый хуторъ, и сдѣлалъ это мило, деликатно, привезъ ее туда на пикникъ и, ставъ на колѣни, подаль на подносѣ „дарственную запись“. Хуторъ этотъ доходу почти что не даетъ. Это—усадебка для житья, на какихъ-нибудь два мѣсяца. Но все-таки это имѣнище устроенное, съ фруктовымъ садомъ, съ инвентаремъ. Тысячъ двѣнадцать навѣрно стѣить, если продать, „на охотника“. Она приняла это тогда, въ самый разгаръ ихъ влюбленности другъ въ друга. Предлагала выдать ему вексель—онъ не согласился. Говорилъ онъ тогда складно и съ чувствомъ:

— Липа, это подарокъ отъ чистаго сердца. Я не деньги тебѣ предлагаю. Ну, ты меня бросишь, или я къ тебѣ охладѣю—онъ и это сказалъ,—у тебя останется память о нашей любви. Заболѣешь или утомишься—у тебя будетъ свой уголь... un pied-à-terre.

И вотъ эта минута, кажется, близка. Сама она его не бросала и даже въ помышленіи у ней не было сдѣлать ему хоть крошечную невѣрность. А въ Москвѣ случаетъ представлялось не мало.

Все-таки у ней останется подарокъ, цѣлое имѣніе, когда онъ напишетъ ей: „Милый другъ, будь счастлива, я женюсь на княжнѣ Мурзахановой“. Хорошо ли это? Опратно ли?

— Вотъ еще глупости какія!—вслухъ выговорила Липа и вскинула своими руками, которыми баронъ такъ часто восхищался.

Она не выманила у него это имѣніе. Приняла она его въ даръ уже тогда, когда они сошлись, и она полюбила его не за деньги... Не помнитъ даже—попадала ли къ ней въ руки отъ него хоть одна радужная ассигнація.

— Олимпиада Дмитриевна?—раздался въ дверяхъ—ихъ отворили очень тихо—молодой женскій голосъ.—Вы спите?

— Нѣтъ! Нѣтъ! Лёля, входите. Вы одна или съ Катей?

— Она придетъ позднѣе. И приведетъ студента... Знаете, того, что былъ распорядителемъ на вечерѣ въ пользу акушеровъ, гдѣ мы читали, въ „Докторскомъ клубѣ“.

— Очень рада!

Липа быстро встала съ кушетки и поцѣловала Лёлю Божеярину, слушательницу театральныхъ курсовъ, ея „юную подругу“, какъ она называла ее.

Лёля не успѣла еще снять съ себя кофточку съ мѣховымъ воротникомъ и бѣлую баранью шапочку, подъ шелковымъ платкомъ. Отъ нея повѣяло морозомъ.

— Холодно?—спросила Липа.

— Не очень.

Голосъ Лёли раздавался въ просторной, полусвѣщенной комнатѣ съ пріятной вибраціей, такой же почти низкой, какъ и у Липы.

Безъ шапки она явилась блондинкой. Пепельные волосы, взбитые на лбу, и маленькая кучка волосъ на маковкѣ дѣлали ея голову живописной, въ античномъ вкусѣ. Она была прекрасно сложена, виднаго роста; цвѣтная шелковая рубашка съ кушакомъ очень красила ее.

— Какая здѣсь темень!—вскричала Липа.

Ея гостья начала сама ловко заправлять лампу.

— Вы цѣлый день дома?—спросила она Липу.

--- Да, валялась... Такая гадость.

О пріѣздѣ барона она ничего ей не сказала. Да и никто изъ ея теперешняго кружка не зналъ о ея связи съ нимъ. Иногда она упоминала о немъ вскользь, какъ о пріятелѣ, котораго ждетъ сюда.

IV.

Къ восьми часамъ цѣлое общество собралось у стола, гдѣ Лёля Божеярина разливала чай, поставивъ лампу на письменный столикъ. Ея товарка по курсамъ, Катя Мухина, сидѣла тутъ же, черненькая, пухленькая, маленькаго роста, въ темномъ платьѣ. Прекрасные блестящіе волосы, пышный ротъ и ямочки на щекахъ дѣлали ее болѣе хорошенькой, чѣмъ Божеярина; но та смотрѣла значительное и болѣе обращала на себя вниманіе.

Катя привела съ собой студента Шипилина. Онъ сразу попалъ въ тонъ этого кружка. Пришло еще двое мужинъ: худой, высокій брюнетъ, съ *pinse-nez* на короткомъ носу—газетный сотрудникъ Петровичъ—и такой же молодой человекъ, и такой же худой, длинноволосый, молчаливый, съ блуждающимъ взглядомъ голубыхъ глазъ, въ люстриновой блузѣ, художникъ Лукошкинъ.

Липа уже больше мѣсяца какъ водила дружбу съ „дѣвочками“—она такъ называла обѣихъ ученицъ и ихъ то-

варокъ. Онѣ молодили ей душу, отъ нихъ вѣяло на-нее любовью къ сценѣ, мечтами о славѣ, свѣжестью задора и хорошаго усилія достигь, понять, усвоить себѣ, найти призваніе, опредѣлить свое „амплуа“. Онѣ забѣгали къ ней во всякое время разсказать про свои классы, роли, обиды, интриги, любовныя увлеченія, просили помочь, чѣмъ можетъ, какой-нибудь бѣдненькой ученицѣ. Липа уходила въ жизнь этого молодого муравейника, и это переносило ее самоё къ консерваторскимъ годамъ.

Божеярина уже готовилась къ выпуску. Ее считали самой умной и начитанной, бойкой на разговоръ съ преподавателями. Кто-то въ шутку назвалъ ее „мать-казначей“, и это прозвище осталось за ней. По фигурѣ и лицу она могла бы мечтать о „Маріи Стюартъ“, но ее влекло къ бытовой комедіи и къ старушечьимъ ролямъ.

Разговоръ пошелъ прежде всего о сценѣ. Обѣ дѣвушки, Петровичъ и студентъ Шипилинъ, разъ попавъ на тему о „Маломъ театрѣ“, вперевивку хвалили и бранили, сообщали слухи о новыхъ пьесахъ, по ниточкамъ разбирали игру. Имена любимыхъ актрисъ и актеровъ безпрестанно соскакивали у нихъ съ губъ.

Липа, слушая ихъ, понимала, какъ въ Москвѣ сцена захватываетъ всѣхъ—драма гораздо больше оперы. И ее потянетъ къ драмѣ, и она все сильнѣе вѣритъ въ нее, какъ въ прочное убѣжище, если опера „не выгоритъ“. Она училась въ Петербургѣ и тамъ не помнила ничего подобнаго. То же находилъ и литераторъ Петровичъ, южанинъ, жившій въ Москвѣ всего второй годъ. Онъ только что сейчасъ сказалъ, обращаясь къ Шипилину, съ которымъ встрѣтился сегодня въ первый разъ:

— У васъ, въ Москвѣ, три культурныхъ центра. Университетъ, Малый театръ и трактиръ „Эрмитажъ“.

Дѣвушки засмѣялись молодо и звонко.

Художникъ Лукошкинъ не вторилъ имъ; и только глаза его слегка вспыхивали.

— Вотъ, Олимпиада Дмитриевна,—заговорила Катя Мухина,—Шипилинъ у насъ въ родѣ дирижера, когда нужно кого поддержать изъ артистовъ. Такая досада, что мы съ Лелей прежде его не знали. Тогда, на представленіи „Кармечъ“...

— Клики мнѣ не нужно, хотя бы и добровольной,—остановила ее Липа.—Студенты всегда меня балуютъ, и въ провинціи.

— Да, мнѣ извѣстно, Олимпіада Дмитріевна, — обратился къ ней Шипилинъ, — что наши васъ все-таки под-держивали.

— Какъ же, какъ же! — подтвердила Божеярина. — Только тогда мало было студентовъ.

Всѣ три женщины, каждая по-своему, чуяли, что студенчество здѣсь сила — вездѣ, гдѣ публика рѣшаетъ.

— Мы, Олимпіада Дмитріевна, — сказалъ Шипилинъ, и голосъ его чуть-чуть вздрогнулъ, — были возмущены выходкой Спондѣева.

— Стоить вспоминать! — отозвалась отъ самовара Божеярина. — Это извѣстный пасквилянть. Онъ петербургскимъ ругателямъ подражаетъ. Ихъ выученикъ!

— Павелъ Кирилловичъ! — окликнула Катя Мухина Петровича. — Вѣдь вы въ той же газетѣ пишете, а?

И она плутовато усмѣхнулась.

Петровичъ поправилъ рinсе-pez и, немного смущенный, отвѣтилъ:

— Съ нимъ я не солидаренъ. Господинъ издатель очень за него держится.

— Подписку набиваетъ? — спросила Божеярина.

— Такихъ публика одобряетъ.

Петровичъ говорилъ съ мягкимъ южнымъ акцентомъ и „г“ звучало у него съ придыханіемъ.

Художникъ Лукошкинъ, низко нагнувшись къ стакану съ чаемъ, выговорилъ какъ бы про себя:

— И когда только прекратится все это сквернословіе...

Онъ громко вздохнулъ.

Шипилинъ оглянулъ всѣхъ веселымъ и вызывающимъ взглядомъ.

— До второго пришествія не прекратится! — вскричалъ онъ и тряхнулъ головой. — Пресса извѣстнаго сорта стала силой. Для улицы работаетъ, потому и уличный языкъ явился, и такія же чувства.

— Однако, позвольте!.. — остановилъ его Петровичъ, заволновавшись. — Если бъ сама публика протестовала... и не то, что улица, въ тѣсномъ смыслѣ, а молодежь... Помилуйте, куда ни придите — въ гостиницу, въ кофейную Филиппова, въ любую пивную — студенты зачитываются фельетонами господина Спондѣева. Развѣ это не правда? — спросилъ онъ, кивнувъ въ сторону Шипилина.

— Совершенно вѣрно! — горячо выговорилъ Шипилинъ. — Вы думаете — я стану защищать студентовъ? Мало

ли есть какіе! И ихъ сотни. Въ томъ-то и бѣда, что у насъ теперь тоже завелась толпа, улица. Чтò ей ни дашь—она все потребляетъ, только смѣши ее, паясничай, зубоскаль. Но кто этихъ господъ развращаль, когда они зубрили аористы? Все та же доблестная уличная пресса.

— Еще бы!— глухо воскликнулъ художникъ, и глаза его сильнѣе вспыхнули.

— Разумѣется!—вырвалось однимъ звукомъ у дѣвушекъ.

— Понятно!—подтвердила и Липа.

Ее, съ самаго начала разговора, подмывало „отдѣлать скандалистовъ“, но она щадила Петровича и сознавала въ то же время, что это „подло“.

Положимъ, онъ порядочный человѣкъ, пасквилями не занимается, и нѣтъ повода накидываться на него. Но ей надо было щадить всякаго „писульку“, работающаго въ газетахъ. Напроломъ идти нельзя, когда у тебя нѣтъ такого голоса, который сразу приводитъ въ бѣшеный восторгъ всю залу.

— Павелъ Кирилловичъ, — ласково обратилась она къ Петровичу.—Мы на васъ не нападаемъ. Вы не хозяинъ газеты.

— Да, это такъ,—полуобидчиво перебилъ Петровичъ,—но каждый въ правѣ сказать: почему такой-то пишетъ въ органѣ, гдѣ подобные господа задаютъ тонъ.

— Какъ же не задать подобнаго вопроса?—вдумчиво и мягко спросилъ художникъ, остановивъ взглядъ на литераторѣ.

— Вопросъ неизбежный,—продолжалъ, все сильнѣе волнуясь, Петровичъ.—Но если каждому изъ насъ, начинающихъ и неспособныхъ идти рука объ руку съ господами Спандѣевыми, воздерживаться отъ работы,—пресса будетъ наводнена ими окончательно.

— Разсужденіе — обоюдоострое, — откликнулся Шипилинъ.—Это еще не извѣстно, чтò въ такомъ случаѣ произойдетъ. Гораздо легче самому поддаться господствующему теченію.

За перегородкой прихожей Липа первая услышала шаги.

— Кого Богъ несетъ?—довольно громко спросила она.

Божеярина приподнялась и поглядѣла черезъ самоваръ.

— Господа!—полушопотомъ выговорила она,—Бранцевъ.

Тотчасъ же и она, и Катя Мухина, какъ-то особенно подтянулись. Мужчины замолчали. Хозяйка шумно отбдвинула свое кресло и пошла навстрѣчу гостю.

— Бранцевъ? Артистъ?—спросилъ художникъ студента.

— Да! Левъ Александровичъ. Онъ самый!

— Добро пожаловать! Вотъ это хорошо, что вспомнили меня.

Липа крѣпко пожала руку актера. Она съ нимъ познакомилась только въ этотъ прїездъ въ Москву и проходила съ нимъ роль „Кармень“—„для игры“.

Лея и Катя—обѣ были его поклонницы и прїятно заволновались, безпрестанно переглядываясь между собою.

Бранцевъ, широкій въ плечахъ, рослый мужчина, блондинъ, съ короткими волосами и крупнымъ носомъ, снисходительно улыбался, дѣлая общій поклонъ. Студента онъ зналъ и подалъ ему руку.

Липа назвала ему остальныхъ двухъ мужчинъ и ученицъ. Божеярина, бойкимъ тономъ, напомнила ему, что онъ ее видѣлъ на ученическомъ спектаклѣ и одобрилъ.

V.

Въ Бранцевѣ Липа видѣла передъ собой примѣръ того, какъ человекъ умѣлъ преодолѣть въ себѣ многое, что ему мѣшало: рѣзковатый голосъ, малую гибкость фигуры и лица, недостатокъ чувства—и въ три-четыре года занялъ самое видное положеніе въ труппѣ. Его знакомствомъ и поддержкой она очень дорожила, только не хотѣла „лебезить“ передъ нимъ и строго слѣдила за собою, не пускала своихъ шутовскихъ выходокъ, даже когда они бывали и съ-глазу-на-глазъ. Какъ мужчина, онъ на нее не дѣйствовалъ, и она жестоко издѣвалась надъ тѣми „дѣвүлями“, которыя „скѣпомъ“ изнывали по немъ и писали ему огненные признанія въ любви.

— Левъ Александровичъ, вамъ какого прикажете?—спросила Божеярина Бранцева.

— Покрѣпче, если позволите.

Актеръ сидѣлъ съ выпрямленной грудью и красивымъ поворотомъ головы. Держался онъ нѣсколько чопорно, и въ его говорѣ отчетливость произношенія соединялась съ отгѣнкомъ особой вѣжливости, которая устраняла безцеремонное обращеніе собесѣдниковъ?

— Такъ хорошо будетъ?—обратилась къ нему Божеярина.

Онъ отвѣдалъ и съ прїятной улыбкой своихъ карихъ узковатыхъ глазъ выговорилъ звонко:

— Благодарю васъ... Очень хорошо!

Оглянувъ всѣхъ, онъ отпилъ изъ стакана и спросилъ:

— У васъ, господа, была оживленная бесѣда, когда я вошелъ сюда. Я прервалъ ее — извините. Тема, кажется, весьма горячая?

— Вотъ, — пояснила Липа, — литераторъ со студентомъ схватились насчетъ пынѣшнихъ милыхъ газетчиковъ-пасквильантовъ, и студентовъ тоже задѣли.

— Я за нашихъ безусловно не стою! — вмѣшался Шипилинъ и быстро затянулся папиросой. — И я убѣжденъ — и Левъ Александровичъ согласится со мною. Если у насъ завелась „улица“ въ аудиторіяхъ, то ее создала на двѣ трети, а то и на три четверти, вотъ эта самая милая пресса, какъ Олимпиада Дмитриевна сейчасъ выразилась.

Шипилинъ уважалъ въ Бранцевѣ не одного артиста, а также и человѣка съ образованіемъ, и ему хотѣлось, при немъ, постоять за себя.

— Видите ли, — отвѣтилъ Бранцевъ, глядя въ сторону Шипилина, — я самъ былъ студентомъ и не Богъ знаетъ какъ уже давно... Положимъ, десять-двѣнадцать лѣтъ назадъ.

Катя Мухина подъ столомъ — она сидѣла рядомъ съ Божеяриной — толкнула ее колѣномъ, и обѣ стали слушать актера напряженно, не мигая.

— Если считать съ года поступленія, — поправилъ себя актеръ, — положимъ, пятнадцать лѣтъ, тогда почти еще не было этой милашки, — протянулъ онъ, — уличной прессы.

— Была! — возразилъ Петровичъ.

— Положимъ, была, но мы, когда выходили изъ гимназій, были полны, — онъ не сразу нашелъ слово отъ желанія красиво выразиться, — полны были совсѣмъ другихъ стремленій! Насъ всякая пошлость коробила.

— Помилуйте! — возразилъ опять Петровичъ и пожалъ плечами. — Да еще въ шестидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ завелось зубоскальство фельетонистовъ и рецензентовъ... Пошли личности, портреты, пасквильные стихи, издѣвательства. Только — подъ другимъ флагомъ, въ радикальномъ духѣ.

Актеръ одобрительно кивнулъ головой.

— Да, это было. Иногда переступали мѣру. Но мы видѣли въ такихъ выходкахъ нѣчто другое. Мы тогда вѣрили въ искренность чувства памфлетистовъ.

Они показали потомъ, какова была ихъ искренность... Отъ этихъ радикальныхъ пасквильантовъ, по пря-

мой линіи, идутъ и теперешніе Спондѣвы. Это вѣрно!— вставилъ отъ себя Шипилинъ.

— Я не спорю, господа. Но мы-то вѣрили въ нихъ, и тогда они смѣялись большею частью надъ тѣмъ, что и намъ было противно.

— Смѣялись и просто здѣрово-живешь,—возразилъ Петровичъ,—травили людей ни въ чемъ неповинныхъ.

— Но, господа, — актеръ, не оставляя своей сдержанной манеры, нѣсколько поднялъ тонъ, — не отрицаю я этого. Я хочу сказать только, что студенчество моего времени—второй половины семидесятыхъ годовъ—не поддавалось такъ грязенькой и пошленькой печати, какъ теперь. По крайней мѣрѣ, меня завѣряютъ въ этомъ молодые люди изъ моихъ знакомыхъ.

— Я первый заявляю это!—почти крикнулъ Шипилинъ.

— Пресса извѣстнаго сорта, — Бранцевъ презрительно усмѣхнулся, — это чистая египетская казнь: на все, къ чему она только ни прикоснется, прилипаетъ сейчасъ нѣчто,—онъ выпятилъ губы,—смрадное. Мы, артисты, чувствуемъ это сильнѣе, чѣмъ кто-либо.

Катя и Лея переглянулись, и въ ихъ глазахъ мелькнуло восклицаніе: „Вотъ умница!“

Липа невольно поддакнула Бранцеву, кивнувъ головой, и забыла въ эту минуту свою „политику“ съ Петровичемъ; послѣдній, въ концѣ концовъ, могъ обидѣться. А онъ ей нуженъ.

— Никогда еще не было, — Бранцевъ оживился и чопорность его совсѣмъ прошла,—никогда еще не было, говорю я, такого невѣжества и безпардоннаго третированія артистовъ, авторовъ, всѣхъ, кто что-нибудь творить, какъ теперь. Всякій недоучившійся гимназистъ можетъ попасть въ рецензенты, и вы должны безнаказанно глотать всю эту возмутительную болтовню, какую онъ изрыгаетъ послѣ каждаго перваго представленія.

Онъ сдѣлалъ энергичный жестъ правой рукой и, предупреждая возраженіе, повернулъ голову къ Шипилину.

— Весьма печально, что подобная пресса можетъ вліять на учащуюся молодежь; но что уровень и складъ молодыхъ идеаловъ понизился—на это позвольте мнѣ привести одинъ примѣръ, и не изъ самаго послѣдняго времени. Это было года четыре назадъ. Поставили съ полнымъ текстомъ „Донъ-Карлоса“. Не знаю, давали ли его здѣсь за цѣлые полѣвка. Признаюсь, — онъ посмотрѣлъ на сту-

дента,—я не безъ смущенія ждалъ сцены маркиза Позы съ Филиппомъ. Впервые съ русскихъ подмостковъ раздалися такія слова. Мы—я и мои товарищи—думали, что рѣчь Позы вызоветъ тутъ же взрывъ аплодисментовъ, наверху, гдѣ сидѣло до ста студентовъ. Я это навѣрное знаю... И что же?.. Ни одно слово, ни одна пламенная рѣчь не были подхвачены. Послѣ занавѣса вызывали, какъ всегда, шумно, беспорядочно, но вызывали актеровъ, ободряли ихъ, а о Фридрихѣ Шиллерѣ, авторѣ тѣхъ безсмертныхъ словъ и порывовъ, никто и не думалъ. Ни въ этомъ актѣ, ни послѣ, въ той картинѣ, когда Донъ-Карлосъ изливаетъ свою негодующую душу передъ лицомъ деспота-отца, надъ трупомъ только что гнусно убитаго Позы!.. А мы думали, что театръ рухнетъ отъ взрывовъ энтузіазма у молодежи!

Бранцевъ, горячо кончивъ тираду, повелъ плечами и смолкъ.

Дѣвушки не выдержали и захопали.

— Что жъ!—воскликнулъ студентъ.—Это возможно. Я тогда не былъ на этомъ представленіи.—Онъ усмѣхнулся.—Меня и въ Москвѣ тогда не было,—прибавилъ онъ съ удареніемъ.—Но то, что вы рассказали, не удивляетъ меня. Быть-можетъ, изъ этой сотни студентовъ, что сидѣли наверху, ни одинъ и не читалъ никогда „Донъ-Карлоса“... Нынче такихъ—сколько угодно!.. Изъ самыхъ первыхъ учениковъ!

— Значить, тутъ не одна пресса виновата,—замѣтилъ Петровичъ, мотнувъ головой.

Вышла пауза.

— Эхъ, господа!—вдругъ заговорилъ художникъ,—все это не то!

— Что не то?—спросила Липа.

Всѣ прислушались.

— Да вотъ то, что говорите хотя бы про прессу. И про студентовъ! И про искусство! Не то!—повторилъ онъ и оглянулъ всѣхъ затуманенными глазами.— Не къ тому надо стремиться... Если ты внутренняго человѣка въ себѣ воспитываешь—ничто не страшно! И все получаетъ смыслъ.

— Эхъ, батюшка! Это толстовщина!—крикнулъ Шипилинъ и переглянулся съ актеромъ.

— Изувѣрство! Погибель искусства!—подтвердилъ Бранцевъ.

— Не скажите, господа!—пустилъ грудной, высокой

нотой Петровичъ и сталъ развѣивать цѣлую теорію „нугра“, съ которымъ только и есть — въ искусствѣ ли, въ наукѣ ли—спасеніе отъ бездушія и дилетантства.

Разомъ всѣ заспорили. И Липа, охваченная налетѣвшей на нее потребностью забыть, что она „актерка“, стала на сторону Петровича и Лукошкина. Катя и Леля, съ раскраснѣвшимися щеками, тоже заспорили съ художникомъ, а потомъ и между собою.

Бранцевъ положилъ конецъ нестихавшему спору, поднявшись съ мѣста въ двѣнадцать часовъ. Послѣ его ухода остальные, утомившись, стали притихать.

Было около часа, когда Липа, провожая Лелю и Катю, сошла на нижнюю площадку, гдѣ швейцаръ уже спалъ, въ ливреѣ.

Выпустивъ барышень, онъ подошелъ къ ней, наклонился и вполголоса выговорилъ:

— Баронъ Гольцъ были.

— Когда?—встревоженно спросила она.

— Такъ, съ полчаса будетъ. Я доложилъ, что у васъ гости... Они не изволили подняться.

— Хорошо!—отвѣтила Липа и вспыхнула.

Она быстро поднялась въ коридоръ верхняго этажа. Сначала она похвалила „Антошку“ за его деликатность: онъ не хотѣлъ являться при гостяхъ такъ поздно. Но второе ея чувство кольнуло ее и заставило горько задуматься у самой двери.

„Какъ съ содержанкой поступилъ!—рѣшила она.—Рыскалъ цѣлый день по барынямъ, а потомъ—сюда. Можетъ, ужинать поѣхалъ, а часа въ три пожалуетъ“.

И она нервно щелкнула задвижкой, войдя къ себѣ.

VI.

Вороной рысакъ въ одиночныхъ саняхъ мчалъ Нину Кумачеву по Пречистенскому бульвару къ Сивцеву-Вражку.

Ея пріятельница, Напон Верховцева, просила ее сегодня обѣдать и пріѣхать пораньше, засвѣтло. Наканунѣ Верховцевъ съ барономъ Гольцемъ были на медвѣжьей охотѣ, убили нѣсколько штукъ и въ томъ числѣ одну огромную медвѣдицу. Вотъ этихъ-то мертвыхъ звѣрей и хочетъ Напон показать ей, вмѣстѣ съ товарищемъ своего мужа—барономъ. Обѣдъ будетъ запросто, вчетверомъ. Захара Лукьяновича позвали больше, кажется, изъ пріличія; но у него случился какой-то офиціальнй обѣдъ.

Дня три назадъ Нина заѣзжала къ Еленѣ Акридиной, и кстати хотѣла сдѣлать визитъ Идѣ. Елена перебралась къ Радиной въ меблированный домъ, гдѣ живетъ Лыжинъ. Сдѣлалось это подѣ тѣмъ предлогомъ, что онѣ хотѣли быть вмѣстѣ. Нина не стала удерживать своей „тетеньки“ и внутренно была рада, не изъ скупости, а потому, что „тетенька“ начала „умничать“, дѣлать ей замѣчанія и пускать въ ходъ „тоны“ въ либеральномъ направленіи. Разъ чуть не дошло и до настоящей схватки.

Племянница очень скоро замѣтила, что Елена увлекается Болорцевымъ, была съ нимъ любезна, приглашала обѣдать. Но какъ-то позволила себѣ подтрунить надъ ея „пассіей“ къ добродѣтельному предводителю и пожелать ей „побольше успѣха“. Акридина не выдержала и дала ей отпоръ—рѣзкій и быстрый. Нина обратила все въ шутку и черезъ день заговорила стороной о скоромъ пріѣздѣ въ Москву дяди, князя Иларіона Ивановича, и о желаніи помѣстить его у себя все время, пока онъ проживетъ въ Москвѣ.

Понять было не трудно, и какъ только Ида пріѣхала въ Москву на цѣлый мѣсяцъ, Елена перебралась къ ней въ гарні, гдѣ онѣ обѣ ютятся въ трехъ комнатахъ.

И тамъ же она, проходя по коридору, увидела офицера въ бѣлой фуражкѣ и шинели. Его лицо и ростъ заставили ее оглянуться. Онъ съ кѣмъ-то прощался у полурастворенной двери.

Нина успѣла замѣтить и съ кѣмъ. Молодая женщина, съ полюбуженными руками, въ свѣтломъ пеньюарѣ, красивая, смахивающая на кокетку!

Эта пара запала ей въ память, и теперь, на пути къ Верховцевымъ, она подумала:

„Не этотъ ли гвардеецъ—баронъ Гольцъ?“

А та женщина? Если ей захотѣлось бы непременно узнать кто она, можно это сдѣлать черезъ Иду Радину или Лыжина. И онѣ тамъ живетъ.

Глаза и ротъ той женщины, точно живые, всплыли передъ ней.

Конечно, это какая-нибудь содержанка или, много, актриса. Но ей показалась въ лицѣ ея особенная такая усмѣшка, какъ будто она, провожая офицера, только что сказала ему колкость. Такія выраженія бывають послѣ сценъ между мужемъ и женой или у любовниковъ.

Ухабъ заставилъ ее встрепенуться.

Было уже очень близко до дома Верховцевыхъ. Повернули на Сивцевъ-Вражекъ. Солнце играло въ стеклахъ одной стороны домовъ. Нинѣ было дѣтски-весело и безпечно на душѣ, что въ послѣднее время она рѣдко замѣчала въ себѣ. Можетъ-быть, переѣздъ отъ нея „тетеньки“ дѣйствовалъ въ такомъ именно родѣ. Тетенька для нея только „femme savante“ въ Мольеровскомъ вкусѣ: читала рефератъ, удостоилась овацій и почетныхъ приглашеній на обѣды въ „Эрмитажѣ“, приносила спичи, принимала у себя разныхъ уродовъ по археологіи—Нина вспомнила одного, съ фамиліей „Теопемптовъ“,—а сама, какъ кошка, врѣзалась въ этого предводителя „на лампадномъ маслѣ“—такъ сама Акридина назвала его разъ Нинѣ, раззадоренная тѣмъ, что онъ „не поддается“.

Жалки и потѣшны кажутся Нинѣ женскія претензіи ея „тетеньки“. Она воображаетъ себя чуть не красавицей, съ ея толстымъ носомъ, широкими, часто красными вѣками и этими безвкусными туалетами... И умѣнье одѣваться признаетъ она за собой непогрѣшимое. Всего одинъ разъ Нина и замѣтила ей что-то насчетъ отдѣлки лифа; та сейчасъ зашипѣла на нее:

— Пожалуйста, милая, безъ менторства! Всякая одѣвается, какъ умѣетъ!

А того не понимаетъ, что она, со своими старомодными платьями изъ плохого манчестера, въ которыхъ отправляется на засѣданія, похожа на нѣмку-фокусницу или пѣвицу, дающую концертъ гдѣ-нибудь въ провинціальномъ захолустѣ.

„И на здоровье!“ — выговорила Нина мысленно, и ея бѣлые зубы блеснули на солнцѣ отъ недоброй улыбки ея вкусаго рта.

Въ послѣдній визитъ Идѣ она нашла у ней, кромѣ Елены Константиновны, и Лыжина.

Онъ ихъ общій другъ. Кто знаетъ, пожалуй, подъ шумокъ, состоитъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ Идой—такъ, по старой памяти. Вѣдь эта „дѣвица“,—подумала Нина съ веселой злобностью,—конечно, только для виду „забастовала“. Не можетъ быть, чтобы такая особа „съ прошедшимъ“, у которой были, безъ числа, романы по всей Европѣ,—и вдругъ теперь обрекла себя на жизнь затворницы, тамъ у себя, въ имѣніи, и ударила въ либеральную благотворительность, въ устройство школъ и яслей.

Нина была, однако, довольна тѣмъ, что нашла у этихъ „скитницъ“ Лыжина. Онъ и тамъ велъ себя такъ, какъ въ послѣднее время и у нея. Въ немъ она видитъ желаніе держаться съ ней тона равнаго съ равной, а не служащаго у ея мужа. Что жъ! Она это допускаетъ, и Захаръ Лукьяновичъ взялъ его себѣ въ „ревизоры“ съ ея же одобренія. Въ сущности Лыжинъ будетъ принадлежать къ ея штату гораздо больше, чѣмъ къ штату ея мужа. Онъ гордъ, знаетъ себѣ цѣну; однако, менѣе красный, чѣмъ она думала. Кажется, съ Кострицынымъ онъ очень ладитъ, и тотъ на него вліяетъ. Въ Лыжинѣ она зачуяла и еще что-то. Онъ, нѣтъ-нѣтъ, да и взглянетъ на нее, и глаза вспыхнуть и потухнуть. И въ голосѣ прорываются ноты особенныя.

Пускай! Это ее не стѣсняетъ. Гораздо лучше, чтобы такой „ревизоръ“ чувствовалъ надъ собою обаяніе ея красоты, ея породы, изящества, ума, а то сейчасъ и зазнается, будетъ показывать всѣмъ, что онъ оказываетъ благодѣяніе, принявъ мѣсто у Захара Лукьяновича.

Лыжинъ не очень молодъ, но лицо у него интересное. И тонъ хорошій. Онъ болѣе баринъ, чѣмъ хотя бы ея „пріятель“, преисполненный самоуваженія Эсауловъ, съ его говоромъ въ носъ и наружностью регента пѣвчихъ, имѣвшаго съ купчихами „des bonnes fortunes“. Надо только довести Лыжина до другой манеры одѣваться, привить ему употребленіе *смокина*, каждый разъ, какъ онъ обѣдаетъ у нихъ или она позоветъ его вечеромъ. Много труда это не будетъ стоить; слушаться ее онъ скоро пріучится.

Кучеръ лихо направилъ сани, немного наизволокъ, въ широкія ворота. Передъ одноэтажнымъ особнякомъ, подъ слоємъ снѣга, покоились низкорослые кустарники цвѣтника.

Между крыльцомъ и сосѣднимъ заборомъ Нина, выскочивъ изъ саней, не замѣтила экипажа и тотчасъ же подумала, что баронъ Гольцъ могъ и отпустить своего извозчика.

Впустилъ ее мальчикъ въ ливрейномъ полуфракѣ.

— Кто у васъ? — спросила Нина тономъ близкой знакомой.

— Никого нѣтъ-съ.

— А баронъ Гольцъ?

— Не пріѣзжали еще.

Мальчикъ плутовато глядѣлъ на нее сѣрыми, красивенькими глазами.

Хозяйка встрѣтила ее на порогѣ залы и сейчасъ же увела къ себѣ въ будуаръ-кабинетъ, занимавшій уголь дома, надъ которымъ поднималась башня съ изразцовой крышей.

— Tonton сейчасъ будетъ, и вмѣстѣ съ Гольцемъ.

Мужа ея звали Платонъ Николаевичъ; но за нимъ давно удержалось прозвище „Tonton“, какъ за его женой „Nanon“; ее звали по имени и отчеству Анна Алексѣвна.

— Ravissante, cette robe! On la mangerait!—заговорила Nanon, оправляя своими быстрыми, худыми пальцами пышные бархатные рукава платья Нины.

Обѣ онѣ стояли посрединѣ комнаты и оглядывали одна другую.

Сама Nanon была въ свѣтлой фланели, и ея худошавая фигура, съ маленькой головой и нервно-возбужденнымъ лицомъ, очень шла къ отдѣлкѣ ея комнаты и вообще къ обстановкѣ ихъ дома, гдѣ все смотрѣло молодо, франтовато и изящно-небрежно, съ оттѣнкомъ свѣтской цыганщины. Оба они такъ и жили, проживая много, дѣлая долги и мало сокрушаясь этимъ.

— А мужъ?—спросила Нина.

— Онъ съ Гольцемъ поѣхалъ смотрѣть конюшни у того богача... enfin se marchand-chic, qui possède un yacht... à Nice.

„Yacht“ Nanon выговорила съ обязательнымъ горловымъ „х“, какъ принято нынче произносить это по-французски.

Слово „marchand“ соскочило у ней съ языка. Она не желала употребить его при Нинѣ, зная, что та этого не долюбливаетъ.

И тотчасъ же она ее обняла и поцѣловала въ щеку цѣлыхъ три раза.

— Ахъ! Какая ты вкусная! И свѣжая! Съ морозу... Мужчины сейчасъ будутъ. А звѣри уже лежатъ на дворѣ, мертвые.

— Comment est-il?—спросила Нина.

— Le baron?

— Oui.

— Très bien. Un beau mâle. И не глупъ. Даже, по моему, немножко себѣ на умѣ.

— А-а!—протянула Нина, и обѣ онѣ, взявшись за талию, перешли въ гостиную.

VII.

Дворъ, густо покрытый морознымъ снѣгомъ, блестяль искрами, и блѣдно-голубое небо стояло надъ нимъ мягко и низко.

Въ рядъ, подь окнами задняго фасада, лежали четыре медвѣжки туши, уже окоченѣлыя отъ мороза. Одинъ медвѣдь былъ чернѣе, короче и толще другихъ. Длинная, огромныхъ размѣровъ, бурая съ сѣдиной медвѣдица глядѣла пастью вверхъ, и ея глазъ такъ и застылъ въ выраженіи неподвижнаго испуга.

Ими любовались хозяева и гости: баронъ Гольцъ и Нина.

Баронъ былъ въ пальто, съ мерлушковымъ воротникомъ, въ накидку. Онъ улыбался сдержанно и правой рукой накручивалъ усы. Фуражка сидѣла на немъ немного назадъ, какъ онъ носить ее всегда въ полку, и это придавало ему очень молодой и небрежно-молодцоватый видъ.

Нина отвела глаза отъ туши огромной медвѣдицы къ красивому и статному офицеру, но сдѣлала это незамѣтно, въ ту минуту, когда онъ не смотрѣлъ на нее.

Изъ этихъ четверыхъ звѣрей три были убиты имъ—этимъ молодцомъ въ бѣлой фуражкѣ, — въ томъ числѣ и медвѣдица.

Только что передъ тѣмъ Верховцевъ рассказывалъ имъ, какъ Гольцъ, стоя одинъ, безъ егеря, убилъ эту медвѣдицу, тотчасъ за ея сыномъ-подросткомъ, котораго положили рядомъ съ нею, морда въ морду.

— Если бѣ осѣчка,—слышался ей голосъ Платона Николаевича,—Антоша бы—капуть. Егеръ былъ занять съ убитымъ звѣремъ.

Верховцевъ былъ немного влюбленъ въ Гольца; даже охотничья зависть молчала въ немъ. Мужъ ея пріятельницы — на нѣсколько лѣтъ старше барона — сошелся съ нимъ въ полку, куда тотъ поступилъ вольноопредѣляющимся: въ корпусъ онъ не доучился, по болѣзни. „Топ-топ“ смотрѣлъ мужчиной сильно за-тридцать. Въ Москвѣ онъ много ѣлъ, не меньше того пилъ, спалъ до полудня, и только охота да изрѣдка карты подбадривали его. Его смуглое, калмыцкое лицо казалось гораздо старше отъ бороды и широкихъ казацкихъ усовъ, которые онъ запускалъ поверхъ бороды, въ видѣ двухъ ятагановъ.

Ростомъ Гольцу по плечо и уже плѣшивый, онъ разжи- рѣлъ въ туловищѣ.

И теперь онъ смотрѣлъ на медвѣдицу и, подмигивая женѣ и Нинѣ, восхищался.

— Какова мадамъ? А? Fichtre! Этакая—если бѣ обняла Антошу... Что бы ты предпринялъ, мой другъ?

— Со мной ножъ былъ,—спокойно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень юно отвѣтилъ Гольцъ.

— И вы бы сумѣли съ ней справиться? — спросила Нина, и глаза ея строго и задорно блеснули ему въ лицо.

— Постарался бы...

— *Тэнь можэ!*—вскричалъ Верховцевъ, хлопнувъ гвардейца по спинѣ.

Эту польскую прибаутку изъ довольно неприличнаго анекдота онъ употреблялъ часто. Значенія ея ни Напон, ни Нина, къ счастью, не понимали.

„Да, онъ сумѣлъ бы“, — повторила про себя Нина и подошла близко къ пріятельницѣ. Напон, въ короткой мерлушковой кофтѣ, съ платкомъ на головѣ, поглядывала на нее возбужденно, взглядомъ молодой москвички, любящей все лихое: охоту, опасность, ужины, тройки—и все съ отбѣнкомъ юмора.

Глаза ея спрашивали Нину:

„Каковъ у насъ Антоша, даромъ что изъ нѣмецкихъ фоновъ?“

И Нинѣ стало какъ бы пріятно, что для нихъ — для мужа и жены—этотъ нѣмецко-русскій богатырь былъ все-таки „Антоша“, что они, любуясь имъ и поднося его ей на обѣдъ, не церемонились съ нимъ, не поднимали на пьедесталь.

Ее скорѣе влекло къ такому красавцу — она иначе не могла назвать его про себя,—влекло и что-то сердило въ немъ вмѣстѣ.

Не то ли, что этотъ офицеръ держался въ обществѣ женщины, *какъ она*, слишкомъ просто, безъ малѣйшаго желанія прихорашиваться, безъ особыхъ тоновъ и маленькихъ движеній, въ чемъ сказывается мужское вниманіе. Точно онъ гдѣ-нибудь съ товарищами, въ полковомъ манежѣ, или съ родными. Не грубъ, не безперемоненъ; но и ничего больше.

Въ ней уже загорѣлось желаніе заставить его „перемѣнить фронтъ“.

„Кажется, онъ — не изъ пущикъ?“ — подумала Нина,

вспомнивъ выраженіе своего мужа Захара Лукьяновича, когда тотъ хочетъ сказать про кого-нибудь, что онъ-де не особенно далекъ.

Такой овалъ лица, лобъ, прямой, немного удивленный взглядъ свѣтлыхъ глазъ и чуть скользящая по свѣжимъ губамъ усмѣшка бываютъ у недалнихъ мужчинъ: она видала.

„Это жалы!“—тотчасъ же прибавила Нина и сравнила его съ наружностью мужа.

Захаръ Лукьяновичъ, по-своему, не менѣе видный мужчина, и лицо у него, пожалуй, также красиво. Но только „по-своему“. У этого Немврода — она уже назвала такъ барона, когда они шли смотрѣть медвѣдей—складъ лица и стана обличаетъ породу. Въ немъ видѣлся потомокъ какого-нибудь меченосца ливонскаго ордена; только черты смягчала примѣсь барской мягкости, переданной русской матерью.

Сомнѣніе—умень ли онъ—продолжало сидѣть въ ней. Тѣмъ лучше: легче будетъ привести его къ тому, что она желала бы въ немъ видѣть.

— Baron,—вдругъ обратилась она въ его сторону, посмотрѣвъ на него смѣло и съ полуопущенными рѣсницами, отчего стала сразу очень красива, — *est-ce que vous comptez séjourner à Moscou?*

— Онъ поживетъ, поживетъ, — отвѣтилъ за него Верховцевъ.

— *Je me plais à Moscou*,—сказалъ Гольцъ Нинѣ, безъ торопливости, и улыбнулся ей глазами—опять такъ, какъ будто они уже съ годъ знакомы.

„Мальчишка!.. Избалованъ женщинами.. Но какими?“

Сцена прощанія въ дверяхъ, въ меблированномъ домѣ, гдѣ жили Акридина и Лыжинъ, встала передъ ней, и ей захотѣлось поиграть съ нимъ.

Полчаса назадъ, когда Гольцъ вошелъ въ гостиную съ Верховцевымъ, она сейчасъ же узнала его. Сказать объ этомъ своей пріятельницѣ не успѣла ни въ комнатахъ, ни на дворѣ; можетъ-быть, не нашла и нужнымъ.

Теперь у ней былъ козырь въ рукахъ противъ этого „Антоши“ — ей уже нравилось такъ называть его про себя.

— *Le baron a peut-être des raisons particulières pour aimer Moscou*, — сказала она, повернувшись спиной къ медвѣжьимъ тушамъ.

— Vrai? — дурачливо спросила ее Nanon, подмигнувъ ему.—А? Есть что-нибудь?

— Кто его знает? — шумно вмѣшался Верховцевъ. — Онъ скрытенъ. Во всякихъ дѣлахъ, не то что уже въ сердечныхъ... Антоша! Признавайся.

— Нѣ въ чемъ,—отвѣтилъ Гольцъ, но щеки его, хотя и розовыя отъ мороза, измѣнили цвѣтъ.

— Покраснѣлъ, покраснѣлъ! — закричала Nanon и захопала въ ладоши.

— Вовсе нѣтъ!—уже серьезно и какъ бы съ сердцемъ выговорилъ Гольцъ.

— En êtes-vous bien sûr? — тихо и съ задоромъ въ глазахъ спросила Нина.

— Ну, полноте, Нина Борисовна, не мучьте вы моего барона по первому же абцугу, — даромъ, что онъ изъ такихъ, что первый пардону не попросить... Прокофій!—крикнулъ Верховцевъ егерю, стоявшему поодаль, — можешь прибрать! Нина Борисовна, вы позволите поднести вамъ и супругу вашему окорокъ отъ моего медвѣжонка?

— Merci!.. Est-ce que c'est bon?—спросила Нина.

— Excellent! — вскричала Nanon. — А вы, голубчикъ, какое сдѣлаете подношеніе?

И она указала глазами на Нину.

— Если Нинѣ Борисовнѣ угодно будетъ принять отъ меня,—она сама выберетъ.

— Très flattée, baron, — замѣтила Нина приподнятымъ тономъ,—mais pour quoi faire?

— Какъ на что? — подхватилъ Верховцевъ. — Шкуру... подъ ноги... подъ полость. Или чучелу... въ сѣни.

— Фи!.. Это будетъ отзываться охотничьимъ клубомъ! Однако, господа, мнѣ холодно, идемте! — пригласила хозяйка и пошла первая впередъ.

— Merci! — выговорила замедленнымъ звукомъ Нина, проходя къ крыльцу рядомъ съ Гольцемъ. — Mes compliments! — сказала она на крыльцѣ, прямо глядя ему въ лицо,—votre amie a des bras splendides!

Онъ сейчасъ понялъ, о комъ она говоритъ, и ничего не сказалъ, только повелъ плечомъ.

Дворъ опустѣлъ. Четыре темныя туши лежали недвижно, дожидаясь возвращенія егеря, пошедшаго за конохами.

Небо, такое же ясное и низкое, глядѣло на нихъ.

VIII.

Двѣ извозчичьихъ пары — „голуби“, какъ ихъ зовутъ москвичи, — летѣли къ Триумфальнымъ воротамъ. Въ переднихъ саняхъ сидѣли Нина и Гольцъ. Сзади ѣхали Верховцевы. Въ такомъ же порядкѣ отправились они и послѣ обѣда пить чай въ „Яръ“.

Напон, смѣясь, повторяла, когда они одѣвались въ передней:

— Я съ Tonton! Это не дѣлается—мужъ съ женой. Но я предоставляю Нинѣ молодого человѣка! И барону—моего друга Нину. А tout seigneur—tout honneur.

Когда они неслись туда, разговоръ, хотъ и послѣ обѣда, гдѣ выпито было не мало вина, шель отрывочно.

Нина не находила „good style“—это было ея любимое выраженіе—опять задѣвать офицера насчетъ той женщины, въ номерахъ, съ роскошными руками. Но въ ея тонѣ это сквозило и за обѣдомъ, когда она къ нему съ чѣмъ-нибудь обращалась, и по дорогѣ въ „Яръ“.

Гольцъ какъ будто не понималъ этого или, скорѣе, точно это было уже „извѣстно и переизвѣстно“ и онъ не считаетъ нужнымъ ни стѣсняться, ни обѣгать этого самъ. А скажутъ—онъ отвѣтитъ что-нибудь спокойное.

Однако тамъ, на дворѣ, онъ покраснѣлъ. Стало-быть, онъ не циникъ, не любитель женщинъ, давно уже потерявшій способность измѣняться въ лицѣ.

За чаемъ въ „Яръ“—они, разумѣется, занимали комнату съ пушкинскими стихами на стѣнахъ—у нихъ не вышло никакого а parte, хотя Напонъ раза два уходила гулять съ мужемъ по залѣ. Этѣ даже не понравилось Нинѣ.

Разговоръ былъ общій, офицерскій, полковой. Верховцевъ съ Гольцемъ вспоминали разныя смѣшныя вещи, за время ихъ общей службы, вспоминали про полковыхъ дамъ, товарищей, кто когда ушелъ изъ полка, исторіи на маневрахъ. Верховцевъ сводилъ на неприличные анекдоты. Баронъ его не поддерживалъ. По тону онъ оказывался гораздо выше мужа ея подруги, и въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, есть какое-то „себѣ на умѣ“. Или это своего рода фатовство и расчетъ раззадорить „бабенку“. Ей давно извѣстно, что мужчины и свѣтскихъ женщинъ такъ называютъ между собою.

За чаемъ Верховцевъ подливалъ ей ликеру. Она не такъ крѣпка, какъ Напон. Та можетъ выпить сколько

угодно. Она же очень краснѣеть, и это ей неидетъ. Ее разбирало чувство задора противъ „Антоши“, для котораго женщины точно всѣ равны: и родовитыя княжны, какъ она, и танцовщицы, и кокетки; пожалуй, и горничныя. Не отъ испорченности это, а такая натура. Съ гороромъ... Ревельскій баронъ!

Однако она никакихъ намековъ въ ресторанѣ больше не позволяла себѣ, и даже когда Верховцевъ началъ подшучивать надъ пріятелемъ насчетъ его любовныхъ тайнъ, то оная первая завела разговоръ о другомъ и сдѣлала это съ желаніемъ показать, что она-де умѣетъ вести себя съ тактомъ и другихъ поучить.

Теперь, на морозѣ, вѣтерокъ дулъ ей прямо въ лицо, полузащищенное платкомъ. Въ головѣ ея, отъ ликеровъ, немного сильнѣе зашумѣло.

Вѣдь какъ этотъ офицеръ въ бѣлой фуражкѣ ни финти—у него есть связь, и не со вчерашняго дня. Та женщина—его возлюбленная. Можетъ-быть, просто содержанка. Это все равно: надо только знать, держится ли онъ за нее или нѣтъ. Да и наконецъ, въ какихъ бы онъ чувствахъ къ ней ни былъ, такая „барыня“ не Богъ знаетъ что за кладъ. Этого еще недостаточно, чтобы вести себя съ такими женщинами, какъ она, точно они десять лѣтъ знакомы, не дѣлать ни малѣйшей разницы между нею и первой попавшейся дѣвчонкой изъ кордебалета. Только съ той онъ бы держалъ себя повольнѣе. И то врядъ ли! Эти нынѣшніе, спокойные, если они не нахалы, ставятъ себѣ въ правило ни съ кѣмъ не „зарываться“, даже и съ-глазу-на-глазь.

Пара проскакала влѣво отъ Триумфальныхъ воротъ; извозчикъ сдѣлалъ на полномъ бѣгу крутой поворотъ, и сани подскочили къ ухабѣ.

— Тише!—крикнула Нина и не смогла сдержать нервнаго движенія.

И въ ту же минуту сильная рука легла вдоль ея талии, поверхъ ея модной шубы съ крашенымъ тибетскимъ бараномъ. По дорогѣ туда и назадъ, до воротъ, Гольцъ сидѣлъ рядомъ съ нею, не прикасаясь рукой до ея талии.

Нина перво вздрогнула, но ничего не сказала. Держать даму въ узкихъ саняхъ принято и въ ея обществѣ, между хорошими знакомыми. Ей стало вдругъ тепло и на особый ладъ покойно. Какую-то прочность ощутила она.

„Онъ силачъ,—подумала она, не оборачивая къ нему

лица.—На медвѣдя можетъ идти одинъ-на-одинъ. Оттого и не хочетъ ни передъ кѣмъ прыгать“.

— Не бойтесь!—выговорилъ Гольцъ смѣшливой нотой.

Она хотѣла сказать: „Теперь можете отнять руку“—и не сказала. Вѣдь ей, наконецъ, рѣшительно все равно—поддерживаетъ онъ ее за талію, или нѣтъ.

Руку его она продолжала чувствовать сквозь сукно и мѣхъ шубы.

Они вдругъ поглядѣли другъ на друга, и въ его глазахъ промелькнуло что-то новое, но не дерзкое, не похожее на заигрыванье женолюбиваго и увѣреннаго въ себѣ красавца.

— Вы позволите нанести вамъ визитъ?—спросилъ онъ другимъ тономъ: въ голосѣ была какъ бы шутка.

Ей не нравилось чисто московское выраженіе: „нанести визитъ“. У него это вышло просто, опять почти по-прямьски. Гольцъ вообще говорилъ хорошимъ русскимъ языкомъ. Видно было, что онъ не мало жилъ и въ деревнѣ. Французить онъ не любилъ, и его французскій жаргонъ былъ не изъ особенно бойкихъ, правильный и, по звуку, жестковатый.

— Пожалуйста! — отвѣтила Нина серьезно, даже строгато, но въ ея глазахъ онъ какъ будто что-то прочелъ.

Можетъ - быть, противъ ея воли, во взглядѣ ея промелькнулъ вопросъ:

„А дама сердца позволить?“

— Верховцевъ, — заговорилъ Гольцъ медленно и опустивъ немного голову, — выставляетъ меня какимъ-то хитрецомъ, тайнымъ...

Онъ не сразу нашелъ слово.

— Донъ-Жуаномъ, что ли, — почти смѣшливо кончилъ онъ.

— Et vous ne l'êtes pas? — спросила Нина заинтересованно, но не обернула къ нему головы, хотя ей это и хотѣлось.

— Non, je ne le suis pas, madame, — отвѣтилъ Гольцъ и опять опустилъ голову.

Прибавка слова „madame“ у другого была бы неизбѣжной свѣтской прибавкой въ первый день знакомства. У него отзывалась опять чѣмъ-то полушутливымъ, пріятельскимъ.

Это ее почти разсердило.

— Послушайте, — начала она по-французски, быстро,

довольно рѣзко. — Вы не болтаете о вашихъ побѣдахъ, чѣмъ наши мужчины такъ грѣшатъ; но въ васъ чувствуется...

Она остановилась, боясь слишкомъ рѣзкаго слова.

— Кто?—спросилъ Гольцъ, хмуро-ласково взглянувъ на нее, и отъ этого взгляда сталъ очень хорошъ.

— Un homme à femme!

— Такъ сказать, красавецъ-мужчина?

— Какъ хотите!

Онъ привелъ ее къ русскому разговору. Это ее не стѣсняло, но дѣлало гораздо менѣе блестящей.

— Вы ошибаетесь, Нина Борисовна, жестоко ошибаетесь.

Нина не выдержала и спросила:

— А дама съ открытыми руками?

— Что жъ дама?

И, не мѣняя спокойнаго, товарищескаго тона, онъ продолжалъ:

— Дама — ничего не доказываетъ. Напротивъ. Развѣ впередъ знаешь, чѣмъ встрѣча съ женщиной можетъ кончиться?.. Думаешь, ничего... и прймаешься.

— Вы и поймались?

— Всегда можно найти средство...

— Разорвать?—подсказала Нина.

— Я никого не соблазнялъ. И не давалъ обѣщаній.

Онъ это выговорилъ какъ бы самъ для себя.

— Насчетъ клятвъ—я не мастеръ. И считаю это порядочной пошлостью.

„Какое!—воскликнула про себя Нина.—Вотъ, влюбись въ такого идола! Онъ тебѣ и покажетъ... Il vous roulera comme rien du tout,“—добавила она мысль свою по-французски.

— Но допускали себя любить? — почти злобно сказала она.

— Почему же—„допускалъ“? Развѣ мужчина и женщина не равны... въ такихъ дѣлахъ?

„Въ такихъ дѣлахъ!“—повторила про себя Нина.

Ей онъ показался въ этомъ разговорѣ, несовсѣмъ умѣственнымъ съ его стороны, рѣшительно „не изъ пущихъ“. Какая-то туповатая простоватость сквозила слишкомъ явно.

И въ то же время въ немъ сидѣло что-то вовсе не глупое и смѣлое, а главное несложное, ясное, съ чѣмъ надо считаться.

Она знавала военныхъ въ такомъ родѣ, петербургскихъ. Но тѣ были болѣе дерзки, влюблены въ себя или „мальчишки“, которымъ она умѣла „давать по носу“.

— И вы разрываете, когда вамъ вздумается?—спросила Нина и засмѣялась.

— Мужчина всегда немножко виноватъ.

— Немножко?—переспросила она.

— Меньше, чѣмъ потомъ начнутъ кричать.

„Оправдывается!“ — съ отгѣнкомъ презрѣнія подумала она.

— Только этимъ смущаться нечего.

— Когда совѣсть чиста? — съ новымъ взрывомъ смѣха подсказала Нина.

— Понятное дѣло, — отвѣтилъ онъ какимъ-то кадетскимъ звукомъ.

„Онъ просто глупъ“, — рѣшила Нина и замолчала. Замолчалъ и Гольцъ.

Сани, вслѣдъ за первой парой, уже повернули къ бульвару, гдѣ стоялъ домъ Кумачевыхъ.

IX.

Въ тотъ же вечеръ, въ отдѣленіи, которое занимала Ида въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, у самовара сидѣли трое: она, Акридина и Боярцевъ.

Они говорили уже больше получаса; бесѣда все разгоралась и переходила въ споръ между Еленой и ея гостемъ.

Щеки Акридиной разгорѣлись; на лбу у нея—всегда въ горячемъ разговорѣ—чолка поднималась въ своеобразный вихоръ. Боярцевъ, отодвинувшись немного отъ стола, съ одной рукой, загнутой за спинку стула, держался, какъ всегда, прямо, и на его губахъ лежала нѣсколько сладковатая усмѣшка.

Ида глядѣла на нихъ изъ-за самовара, курила и, пока, не поддерживала споръ ни съ одной стороны. Въ серьезныхъ вещахъ, особенно съ литературнымъ отгѣнкомъ, русская рѣчь ее все еще стѣсняла. Она боялась сдѣлать ошибку: „dire un mot bête“,—говорила она.

— Помилуйте! Какой же это жоржзандизмъ? Вотъ выкопали старье!—вскричала Акридина, вся всколыхнулась на стулѣ и порывисто отпила изъ своего стакана.

— Конечно, жоржзандизмъ, — повторилъ спокойно и

твёрдо Боярцевъ. — Вы читали, напримѣръ, хотя бы „Лелію“?

Елена подумала немного и повела отрицательно головой.

— Да я вообще мало ее читала. Соціальныя вещи— да. „Ногасе“... И этотъ—какъ его... ты не знаешь, Ида? Гдѣ уврієръ—членъ рабочаго союза?..

— „Le compagnon du tour de France“, — подсказалъ такъ же спокойно Боярцевъ. — Въ этомъ госпожа Зандъ перелагала въ сказки то, что ей проповѣдывали ея друзья, въ родѣ Пьера Леру. Нѣтъ, возьмите вы ея настоящіе, женскіе романы, гдѣ личность женщины требуетъ реабилитаціи своего я — прежде всего своей плоти, своихъ вожделѣній, прикрывая ихъ порываніемъ въ высшія сферы.

— Почему же непременно плоти? — задорно повторила Елена.

— Духовныя ея стремленія еще печальнѣе. Вы почитайте эту „Лелію“. Что это такое! Господи! Что за чудовищная изломанность и грѣховное озорство женскаго естества!

— Вы начинаете, Романъ Денисовичъ, говорить библейскимъ слогомъ.

— Извините!—Боярцевъ придвинулся къ столу,—какъ умѣю.

— Но къ чему всѣ эти сравненія?

— Въ женщинахъ вашего поколѣнія...

— Оно и ваше! — подсказала Акридина и тотчасъ же рассердилась на себя за этотъ возгласъ.

— Я не спору,—возразилъ онъ такъ серьезно, что это можно было принять за тонкую иронию.

— Ну, и что жь?

— Въ нихъ видно то же самое, только съ другой окраской. Наука! Идеи! Протесты! Желаніе играть, во что бы то ни стало, роль. И никакого основанія.

— Въ чемъ же?

Щеки Елены разгорѣлись, и она нервно трясла кончикомъ ноги.

— Никакого общенія съ основами народнаго духа,—продолжалъ Боярцевъ тише звукомъ и медленнѣе, съ полужакрытыми глазами.

— Почему же вы думаете, Боярцевъ, что у меня нѣтъ общенія съ народомъ? Развѣ вы взяли привилегію на это? Народъ мы изучаемъ, какъ умѣемъ.

— Да, какъ предметъ любопытства, или сверху внизъ, въ просвѣтительно-доктринерскихъ цѣляхъ, на извѣстный ладъ. Женщина сбилась съ пути, — вернулся онъ съ видимой охотой къ своей главной темѣ, — она мечется и бьется, не знаетъ, куда ей дѣвать свою горемычную голову. На что ей опереться? Вѣры нѣтъ... Бракъ оскверненъ! Даже материнство, и то въ загонѣ или превратилось въ жалкое баловство дѣтей, въ рабство передъ ними, во имя теоріи...

— Все это прекрасно, — менѣе задорно остановила его Елена, — но — не ново. Мы это слышимъ теперь и отъ людей, которымъ вы, Романъ Денисовичъ, врядъ ли подадите руку.

— Если они говорятъ *это* такъ же искренно, какъ я въ настоящую минуту, — почему же не подать? Я никакихъ книжекъ и лагерей не боюсь, Елена Константиновна, и многое, что кажется ретрограднымъ, признаю.

— Изъ чего? Изъ упорства?

— Почему же не изъ убѣжденія? Но позвольте... Не будемъ переходить на личную почву.

— Безлично я не могу что-нибудь обсуждать и отстаивать.

— Кто говоритъ — безлично? Но *sine ira et studio*... Мнѣ жаль русскую женщину именно вашего поколѣнія — и старше. Она ни въ чемъ почвы не нашла и не могла найти. Мозгъ свой она только сожигаетъ, но ничего создать не можетъ. А вмѣсто призывовъ сердца ея владѣли инстинктъ, беспорядочная страсть, исканіе какого-то искусственного эдема, душевный морфинизмъ, наполовину съ настоящимъ. А потомъ — полная протрація, когда еще старость не пришла.

Ида, съ своего мѣста хозяйки, разливающей чай, кивнула ему головой.

— Ты согласна? — кинула ей Акридина.

— Это правда, — выговорила Ида, тихо улыбувшись имъ обоимъ.

— Правда?

— А то развѣ нѣтъ? *Monsieur a raison pour beaucoup d'entre vous*, — прибавила она и опустила голову.

Вошелъ Лыжинъ, и такъ тихо, что Акридина не сразу услышала.

Боярцевъ поклонился ему молча, и тогда только она обернулась.

— Другъ, Юрій Петровичъ!—все такъ же возбужденно обратилась она къ нему, пожимая руку. — Вы попадаете въ разгаръ нашего спора.

— О чемъ?—спросилъ Лыжинъ, подсаживаясь къ Идѣ.

— О томъ, есть ли у женщины... ну, хоть такой, какъ я, почва или нѣтъ.

— Про васъ лично я не говорилъ, — нѣсколько чопорнѣе откликнулся Боярцевъ.

— Къ чему эти оговорки, Романъ Денисовичъ? Разумѣется, вы читали сейчасъ мораль: и мнѣ, и Идѣ. Она съ вами согласилась—это ея дѣло.

— А вы отстаиваете свою позицію?—шутливо спросилъ Лыжинъ, принимая стаканъ изъ рукъ хозяйки.

— Романъ Денисовичъ развиваетъ идеи Домостроя, только прикрытаго спиритуализмомъ... въ ново-дворянскомъ вкусѣ.

Щеки Боярцева стали мѣнять окраску.

— И въ крестьянствѣ тѣ же основы,—выговорилъ онъ, и голосъ его слегка дрогнулъ.

— Да въ чемъ же собственно вопросъ?

Лыжинъ и Ида встрѣтились глазами и поняли другъ друга.

„Зачѣмъ она съ нимъ такъ задорно спорить?“ — подумали они оба разомъ, и имъ стало за нее неловко, а еще болѣе—жаль эту Елену. Оба они догадывались, что чувство къ Боярцеву захватываетъ ее не на шутку. Если бъ оно было иначе, она, съ ея прямолинейностью и упорствомъ, никогда бы не стала дорожить обществомъ такого „дворянчика на лампадномъ маслѣ“, какъ она, уже на первыхъ порахъ, называла его.

Ида по-женски боялась за свою пріятельницу. Въ Лыжинѣ къ дружескому чувству прилипло и нѣкоторое какъ бы злорадство... Вотъ она—чистѣйшій экземпляръ женскаго „принципизма“—и поймалась, все равно, что первая попавшаяся барышня безъ всякихъ идей и взглядовъ, какъ любая безпутная бабѣнка.

— По-вашему, что же русской мыслящей женщинѣ дѣлать, какъ ей жить? — съ новымъ натискомъ спросила Акридина, встала съ мѣста и начала прохаживаться между столомъ и окномъ. Щеки ея уже пылали.

— Что дѣлать? — медленно, будто смакуя, повторилъ Боярцевъ.—То, что дѣлали доблестныя женщины когда-то, когда устои жизни были одинаковы и у черносош-

наго мужика, и у владыки его, князя. Чтò дѣлала святая Ольга, чтò дѣлала царица Анастасія, чтò дѣлала Марѳа Борецкая, что дѣлала Іуліанія Вяземская?

— Это еще какая такая? — со смѣхомъ вскричала Елена.

— Вотъ видите, Елена Константиновна... Вы — ученая женщина, знаете, вѣроятно, этнографію всѣхъ краснокожихъ племенъ, а про Іуліанію Вяземскую не слышали.

— Грѣхъ небольшой! Впрочемъ, теперь вспомнила... Мы ни въ святыхъ, ни въ святоши не мѣтимъ. Женщина желаетъ живого дѣла и дѣльной мысли.

— Но не можетъ подняться надъ чужимъ толкомъ, надъ тѣмъ, чтò ей навязано, носить мундиръ и страдаетъ въ немъ, вертится, какъ бѣлка въ колесѣ.

— Что жъ! Романъ Денисовичъ правъ вотъ въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, — выговорилъ Лыжинъ и, отхлебнувъ, поставилъ свой стаканъ на столъ.

Акридина, съ своего мѣста за столомъ, окликнула его:

— Лыжинъ!

— Что угодно?

— Это вы обмолвились... или такъ, по любви къ парадоксу?

— Ни то, ни другое. Романъ Денисовичъ хочетъ сказать: будьте доблестны, только дерзайте быть настоящими женщинами, а не подпасками мужчинъ.

— Вотъ вы какъ!

Ида поглядѣла на Лыжина, и ея взглядъ говорилъ:

„Ужъ вы ее не добивайте!“

Боярцевъ всталъ и, обращаясь къ обѣимъ женщинамъ, сказалъ ласково, тономъ добраго знакомаго:

— Долженъ васъ оставить. Матушка у меня нездорова. Какъ-нибудь на-дняхъ заѣду.

— Стало, — спросилъ опять шутливо Лыжинъ, — продолженіе диспута впредь?

— Нѣтъ, довольно! — крикнула Елена и пошла провожать гостя въ коридоръ, строго поглядѣвъ на Лыжина.

Х.

Когда она вернулась, Лыжинъ присѣлъ еще ближе къ Идѣ и что-то ей только что сказалъ очень тихо.

Акридина оглянула ихъ бокомъ и, все еще съ раскраснѣвшимъ лицомъ, окликнула:

— Вы это, друзья, обо мнѣ изволите?

— Да, объ васъ, голубушка, — отвѣтилъ за обоихъ Лыжинъ.

Въ первый разъ это слово „голубушка“ показалось ей совсѣмъ неумѣстнымъ.

Положимъ, они пріатели, но все-таки...

— И что же вы, позвольте узнать, — продолжала она, когда сѣла на свое прежнее мѣсто, — обо мнѣ нащёптывали Идѣ? Въ какомъ вкусѣ?

— Сѣтовали... голубушка, сѣтовали.

— О чемъ это, смѣю спросить?

— Да вы, милая Елена Константиновна, напрасно весь вашъ порохъ такъ сразу изводите.

— Въ какомъ смыслѣ? Я не понимаю вашей остроты, Лыжинъ.

— Будто? Намъ за васъ съ Лидіей Павловной обидно... Право!.. Ужъ вы меня извините пожалуйста... Но вѣдь мы здѣсь... между собою... Три старыхъ пріателя.

— Безъ увертокъ, Лыжинъ. И пократче.

Она начала нервно щипать кончикъ сухарика и потомъ, переломивъ его, стала грызть.

— Право, обидно!.. Не такъ ли, Лидія Павловна?

Ида ничего ему не отвѣтила и наклонила голову съ неопредѣленнымъ жестомъ правой руки, красиво выступавшей изъ короткаго рукава ея полуплатья, полупеньюара.

— Почему же? — глуше, сдерживая себя, вымолвила Елена.

— Помилуйте! Видимое дѣло, вы имѣете въ Боярцевѣ человѣка совсѣмъ не вашего лагеря... Сами вы ему давали оцѣнку... быть-можетъ, слишкомъ жестокою... Онъ малый искренній, не крѣпостникъ, у него есть кое-что за душой.

— Я у васъ не прошу защиты Боярцева.

— Ого, голубушка, на какомъ вы взводѣ! Ну, ничего! Обругайте меня, если я провинюсь; но я свое все-таки скажу. Онъ вамъ не поддастся. Вы его не передѣлаете. Но если бъ вамъ особенно дорого было повліять на его убѣждения, то не такъ надо вести дѣло. Вы горячитесь какъ дѣвочка. Вы ему показываете свои карты. Вы—умница; а, ей-Богу, онъ былъ въ правѣ чувствовать свое превосходство мужчины и хранителя древне-русскихъ началъ. Когда такъ къ человѣку относишься, надо же рассчитывать хоть немного свои ходы.

— Стойте!—почти крикнула Акридина и, поднявъ голову, упорно стала глядѣть на Лыжина черезъ столъ. — Ваши намеки я имѣю право не принимать. Съ какой стати? Чтò вы ими хотите сказать? Никто, даже въ пріятельскихъ отношеніяхъ, не долженъ залѣзать другому въ душу... даже и подъ предлогомъ дружескихъ совѣтовъ и указаній. Это слишкомъ избитый пріемъ.

— Ecoute!—остановила ее Ида,—*ta te monte trop.*

— *Laisse-moi tranquille!*.. — почти со слезами воскликнула Акридина. — Я ненавижу эти вторженія. И оттого, что я женщина, сейчасъ ко всему примѣшиваются Богъ знаетъ чтò.

— Чтò же, голубушка? — немного смущенно спросилъ Лыжинъ.

— Пожалуйста, безъ увертокъ!

Лыжинъ переглянулся съ Идой: они оба понимали, что дергаетъ и мутитъ ихъ пріятельницу, *отчего* она и въ спорѣ съ Боярцевымъ, и теперь такъ себя ведетъ.

— Ну, я замолчу!

— И хорошо сдѣлаете. Къ чему тутъ прилетать дружбу, когда вы первый, не замѣчая этого, вдаетесь, съ нѣкоторыхъ поръ, во что-то совсѣмъ на васъ непохожее, на того Лыжина, котораго я привыкла любить.

— И уважать?—прибавилъ онъ.

— Да, и уважать! Иронизировать тутъ не у мѣста. Что это за поддакиваніе—въ вопросѣ о женщинѣ и ея жизненныхъ задачахъ—господину Боярцеву? — съ усиленіемъ выговорила она. — *C'est du nouveau, n'est-ce pas?* — спросила она Иду.

— Что жъ! Человѣкъ развивается, — полушутливо откликнулся Лыжинъ.

— Безъ прибаутокъ, Юрій Петровичъ. Вы лучше бы на себя оглянулись... Неужели прекрасныя очи моей племянницы, ея бюстъ и ея женскій престижъ во вкусѣ *fin de siècle*... Знаете, это можетъ далеко завести... И въ вашемъ званіи ревизора на фабрикахъ коммерсанта Кумачева—поставить васъ на сторонѣ машины противъ рабочаго...

Лыжинъ поднялся. Съ лица его сошла усмѣшка. Онъ почти смущенно сказалъ:

— Полноте... Вы волнуетесь. Я уйду.

— Какъ угодно!

— Hélène!—отозвалась Ида, тоже вставая.—Tu es impossible!

— Дайте ручку... Сложите гнѣвъ на милость.

— Не хочу, не хочу я, Лыжинъ, вашего прибауточного тона. Вы меня стали усовѣщивать, и сами налетѣли. Хорошо, если и за васъ, въ скоромъ времени, мнѣ не будетъ обидно.

— Ее ничѣмъ не смягчишь, — обратился Лыжинъ къ Идѣ, дѣлая у ней руку.—Завтра я ѣду въ уѣздъ на цѣлыхъ три дня. Вы, авось, успокоитесь.

— Желая вамъ вникать поусерднѣе въ интересы вашего принципала! — крикнула ему вдогонку Акридина и заходила опять между столомъ и окномъ.

Ида позвонила. Пришелъ официантъ и началъ прибирать со стола.

Гостиная служила имъ и столовой.

Онѣ обѣ молчали, пока человѣкъ убиралъ. Не сразу начался разговоръ и по уходѣ его.

— Hélène!—тихо, но не своимъ обычнымъ тономъ окликнула Ида.

Она уже сидѣла въ широкомъ креслѣ, около столика, куда человѣкъ поставилъ лампу по ея указанію.

— Что надо?—отвѣтила Акридина, стоя близко лицомъ къ окну.

Ея губы вздрагивали.

— Поди сюда!—продолжала по-французски Ида,—я не могу говорить на такомъ разстояніи.

Молча и медленно Елена подошла къ столику и опустилась на ближайшую кушетку.

— За что ты его обидѣла? — спросила Ида серьезно, почти сурово.

— Онъ мнѣ надоѣлъ.

— Этого мало. Онъ не виноватъ, что ты теряешь голову.

— Пожалуйста!

— Теряешь. И я скажу—мнѣ за тебя обидно... И жаль тебя! Поди! Я не могу такъ.

Ида протянула ей обѣ руки. Въ ея голосѣ задрожали чудесные звуки. Елена вдругъ очутилась у ея ногъ и упала головой ей въ колѣни.

Беззвучно, со вздрагиваніемъ плечъ и шеи, она все сильнѣе прижималась къ колѣнамъ Иды. И не сразу слышались глухія рыданія.

Рука Иды гладила ее по волосамъ, какъ маленькую. На глазахъ у ней не показывалось слезъ; но все лицо, блѣдное и точно прозрачное, обвѣяно было чѣмъ-то страдающимъ и яснымъ.

— Mon pauvre vieux! — вырвалось у ней ея любимое восклицаніе.—Mon pauvre vieux!

Она такъ-любила называть свою пріятельницу.

— Ты любишь,—продолжала она, какъ бы про себя.— Страсть пришла-таки! Пришла... И ты—раба.

— Не знаю! Ничего не знаю! — съ глухимъ плачемъ выговорила Елена и отняла отъ колѣвъ Иды заплаканное, красное въ эту минуту, почти искаженное лицо.

— Сядь туда.

— Нѣтъ, не надо.

И Елена сѣла, вмѣсто кушетки, тутъ же, у ногъ Иды и опять положила ей голову, но уже бокомъ, тоже дѣтскимъ движеніемъ. Ида нагнулась и поцѣловала ее.

— Послушай,—начала она кротко и медленно,—вѣдь ты мнѣ вѣришь. Я твой другъ не на однихъ словахъ. И я жила... не такъ, какъ ты. Меня ты можешь спросить, что такое любовь, что такое для женщины мужчина, когда полюбишь его?

— Да, да,—прошептала безпомощно Елена.

— Стало-быть...

— Говори, говори! Ради Бога!

— Ты не огорчайся. Но ему ты не нравишься. Ваши споры... вздоръ! Развѣ это важно въ любви? Одна вѣрить въ одно, другой—въ другое, и все-таки любовь ихъ покоряетъ... И ты ему простишь все, только бы онъ полюбилъ тебя.

— Это гадко!

— Глупости говоришь, Елена. Глупости! Брось его, а не можешь—брось эти споры. Наивно—раздражать любимаго человѣка, дѣлаться смѣшной, некрасивой, старой. Да, ты сегодня—я смотрѣла на тебя—постарѣла на десять лѣтъ.

— Я не могу измѣнять тому, что признаю!

— Та-та-та! Ничему ты не измѣнишь! Полюбить онъ тебя, тогда не станетъ спрашивать, чему ты вѣришь и чему нѣтъ. Бѣдная моя!—Ида нагнулась къ ней, обняла ея шею и привлекла къ своему лицу.—Еще есть время. Уѣдемъ отсюда! А лучше совсѣмъ уѣзжай. Ступай въ Пе-

тербургъ. Ступай за границу. Ты себя измучаешь. Ты всю свою жизнь изломаешь. Умоляю тебя!

Ида начала цѣловать ее въ голову, и въ этомъ порывѣ вылилась вся душа женщины; заживо схоронившей себя для всякой новой любви.

— А почему же я не имѣю права хоть на кусочекъ счастья!—вскричала Елена и быстро встала на ноги.— Почему? Если этотъ человѣкъ первый далъ мнѣ почувствовать, что я до сихъ поръ не жила какъ женщина, онъ мнѣ еще дороже!

— Хорошо! Успокойся!

Ида встала, взяла Елену за талію и повела ее къ спальнѣ.

— Успокойся, лягъ... Но только не веди ты себя съ нимъ, какъ сегодня.

— Ты права!—съ блескомъ въ глазахъ заговорила Елена у дверей своей комнаты.—Тысячу разъ права! Надо по-другому. Ты слышала, у него мать заболѣла.

— И что же?

— Я навѣщу его.

Ида ничего не отвѣтила и только печально усмѣхнулась.

„Всѣ мы обречены на жертву тому же чудовищу“,—подумала она.

XI.

Лыжинъ проснулся позднѣе обыкновеннаго.

Вчера онъ ушелъ отъ своихъ пріятельницъ довольно рано, но долженъ былъ просматривать разныя бумаги и легъ въ два. Онъ могъ заниматься. Выходка Акридиной только проскользнула по немъ.

Будь это годъ-другой раньше, обида взволновала бы его. А вчера онъ, придя къ себѣ, сказалъ вслухъ:

— Шалал!

И на этомъ успокоился. Когда онъ проснулся сегодня, то еще въ кровати ему вспомнилась вся сцена у Иды, и онъ, безъ раздраженія, пожалѣлъ Елену и ея запоздалую любовь.

Если она, увлекшись, ничего не найдетъ, кромѣ горя, пусть пеняетъ на самоё себя. Не это въ ней кажется ему если не возмутительнымъ, то старомодно-задорнымъ, а главное—ея учено-радикальный „мундиръ“. Не только „по-своему“, и вообще Боярцевъ говорилъ вещи совсѣмъ не

глупыя. Такія женщины, какъ она, мечутся, играютъ въ науку; въ сущности, имъ смертельно тошно со всей ихъ антропологіей и археологіей, и онѣ платятъ дорогой цѣною за то, что въ-время не умѣли или не хотѣли жить сердцемъ.

Съ такимъ выводомъ онъ и всталъ съ постели.

Его кабинетъ, куда онъ вышелъ пить кофе, смотрѣлъ совершенно такъ же, какъ и за два мѣсяца передъ тѣмъ, когда къ нему, въ первый разъ, явился отъ Кумачева „амбарный Сократъ“—такъ онъ сначала, не безъ язвы, звалъ Кострицына—теперь его пріятель, съ которымъ онъ, не нынче—завтра, будетъ на „ты“.

И милліонщикъ Кумачевъ, фабрикантъ „пунцоваго товара“—его „патронъ“. Вотъ уже не первая недѣля, какъ онъ его „ревизоръ“. Правда, онъ выговорилъ себѣ право, осмотрѣвшись, придти и сказать:— „Нѣтъ, я остаюсь у васъ, Захаръ Лукьяновичъ, не могу“. Но ему еще не хочется уходить. Онъ только еще приглядывается и начинаетъ находить, что мѣсто интересное, если не повторять задовъ, не плакаться безъ толку надъ долей черной трудовой массы, а узнавать на практикѣ, какъ ей именно живется и такъ ли она несчастна.

Вчерашній обличительный „разносъ“ Акридиной—истерическая выходка. Къ Кумачеву онъ поступилъ вовсе не изъ-за однихъ „прекрасныхъ глазъ“ Нины Борисовны. Теперь и Нина интересуется его гораздо больше, чѣмъ это было на первыхъ порахъ. И мужъ ея, и она сама—люди новой формации. Кострицынъ правъ, только у того на Нину взглядъ строгонекъ. Можетъ-быть, въ этомъ именно разночинецъ и выдаетъ себя. Она—личность. Самое ея замужество уже нѣчто такое, гдѣ звучитъ новый камертонъ жизни.

Елена прямо бросила ему въ лицо такъ дерзко и такъ задорно, что онъ уже на заднихъ лапахъ передъ ея роскошной племянницей.

Такъ ли это?

Онъ не слѣдилъ за собой въ послѣднія двѣ недѣли. Просто жилъ. Да ему и постыло всякое „ковыряніе“ въ себѣ, все, что говорило бы ему о прежнемъ Лыжинѣ, съ его вѣчными опытами надъ собственной особой.

Вспомнилъ онъ, принимаясь за первую чашку кофе, недавній эпизодъ своихъ поисковъ „правды“, когда онъ, цѣлые полгода, жилъ на юго-востокѣ Россіи, въ общинѣ

интеллигентовъ, стряхнувшихъ съ себя всякую барскую и культурно-развратную нечисть, продѣлывалъ свое „возрожденіе“.

Тогда онъ уже черезъ недѣлю сталъ, каждый день, щупать себѣ „душевный пульсъ“, не способенъ ли онъ грѣховно вожделѣть къ одной изъ своихъ „сестеръ“ по духу, молодой бабенкѣ, приставшей къ общинѣ Богъ знаетъ зачѣмъ, полной всякихъ совсѣмъ не евангельскихъ позывовъ. Работала она и въ полѣ, и вокругъ дома, спѣро и ловко, и то на первыхъ только порахъ, но, работая, показывала такія „вкусныя“ руки и плечи, и такъ играла огромными глазами, можетъ и не желая того, что двое изъ „братьевъ“ попали въ ея сѣти. Ну, и онъ себя исповѣдывалъ: не вызываетъ ли она и въ немъ любовныхъ помысловъ?

Все это теперь представлялось ему чѣмъ-то курьезно-нелѣпнымъ. Они вѣдь тамъ доходили до еженедѣльной громкой исповѣди. Мало ли до чего еще не доходили.. А кончилось: для всѣхъ — печальнымъ разладомъ, для него — полнымъ душевнымъ банкротствомъ. „Община“ была послѣдней каплей яда въ его жизненной чашѣ.

Нѣтъ, онъ не слѣдилъ за собой, да и не желаетъ. Нина — яркое пятно на картинѣ, что мечется передъ нимъ въ домѣ Кумачевыхъ. И развивать онъ ее не собирался, приводить къ другимъ взглядамъ, даже вліять черезъ нее на Захара Лукьяновича. Она хочетъ во всемъ занимать положеніе „особы“, не входящей въ дѣла своего мужа. И прекрасно! Это не мѣшаетъ ей играть роль нумера перваго. Съ нимъ, лично, она ведетъ себя умно, не важничаетъ, выказываетъ даже видимое желаніе сдѣлать его членомъ кружка *своихъ* близкихъ знакомыхъ.

Кострицынъ помогаетъ ему проще и смѣлѣе смотрѣть на то человѣчество, съ какимъ ему теперь надо водиться. И за это онъ ему очень благодаренъ. До сихъ поръ, правда, этотъ умный и даровитый парень немножко кокетничаетъ, не показываетъ ему прямо своихъ картъ. Откуда, собственно, идутъ его взгляды, въ какихъ книжкахъ онъ ихъ вычиталъ, у какого нѣмца позаимствовалъ? Складъ его мыслей не похожъ ни на что, около чего грѣлся или охладѣвалъ самъ Лыжинъ.

Нужды нѣтъ. Его съ такимъ именно человѣкомъ не напрасно свела судьба.

Кончая кофе, Лыжинъ съ удовольствіемъ сообразилъ,

что Кострицынъ, по дорогѣ въ „городъ“, вѣроятно завернетъ къ нему, попозднѣе. Отправляясь въ свой первый, серьезный объѣздъ, онъ весьма радъ будетъ кой-о-чемъ спросить Кострицына.

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ, стукнувъ въ дверь, лакей.

Лыжинъ подумалъ сейчасъ же о Кострицынѣ и спросилъ:

— Ко мнѣ кто-нибудь?

Безъ доклада онъ давно уже не приказывалъ принимать.

— Такъ точно.

— Кто же?

— Господинъ Воденягинъ.

— А онъ развѣ все здѣсь еще живетъ?

— Такъ точно.

— Просите.

Выговорилъ это Лыжинъ безъ гримасы, но визиту Воденягина онъ не былъ особенно радъ и не устыдился своего чувства.

— Мое почтеніе!—раздался отъ порога неприятный для него голосъ Воденягина.

И вся его фигура, все въ той же, точно обязательной блузѣ, показалась ему обрюзгой, болѣе ожирѣлой, чѣмъ была два мѣсяца назадъ.

Онъ почти забылъ о его существованіи.

— Здравствуйте!—встрѣтилъ онъ его свѣтскимъ звукомъ, просто и сухо. — Не прикажете чашку кофе?

— Я не охотникъ. А чайничалъ я довольно дома. Вотъ покурить—разрѣшите.

Немного посапывая, Воденягинъ грузно разсѣлся у стола и закурилъ.

— Вы все у насъ?

— Какъ же. Совсѣмъ собрался выѣзжать, да компанія здѣсь нашлась. Хорошій народъ тутъ... у одной артистки. Вы ее не знаете? Днѣпровская она, по театру.

— Нѣтъ, не имѣю понятія.

— Какъ же... Дебютировала здѣсь. Петровичъ бываетъ... Хорошій паренекъ... фельетонистъ.

— Не имѣю удовольствія,—почти перебилъ Лыжинъ.

Въ глазахъ Воденягина онъ, съ первыхъ его словъ, схватилъ такое выраженіе:

„Вотъ, молю, ты теперь къ буржуямъ въ услуженіе пошелъ“.

А за этимъ сидѣло, вѣроятно, желаніе сейчасъ же, черезъ него, чего-нибудь добиться, за кого-нибудь просить.

— Вы, я слышалъ, служите у богача Кумачева?—спросилъ Воденягинъ, качнувъ опущенной головой, съ неуловимымъ выраженіемъ лица.

— Пока еще присматриваюсь только, — возразилъ Лыжинъ.

— А-а!—протянулъ Воденягинъ. — Сказывали мнѣ, вы какъ бы инспекторъ будете. Что жъ! Съ его стороны это ловко! Значить, онъ какъ бы хочетъ сказать: я-де самъ предупреждаю казенный надзоръ. Не глупъ! И если только это не для отвода—можно тутъ не мало хорошаго уладить.

— Будемъ стараться, — шутливо и не совсѣмъ своимъ тономъ выговорилъ Лыжинъ.—Но я дѣлаю это безъ всякихъ особенныхъ замысловъ.

Слово „замысловъ“ онъ подчеркнулъ.

— Зачѣмъ непременно замыслы? Просто—не допускать свинства и хозяйскаго грабежа.

Губы Воденягина повела усмѣшка, отъ которой Лыжину стало не по себѣ. Спорить онъ не хотѣлъ; уклонился бы и отъ всякаго принципиаго обмѣна идей.

Къ чему все это?

И весь этотъ Воденягинъ пахнулъ на него чѣмъ-то затхлымъ, такимъ старьемъ жалкихъ словъ и общихъ мѣстъ! Ему трудно сдѣлалось самому оживить разговоръ. Пауза вышла даже довольно томительная.

— Вы, можетъ, торопитесь?—спросилъ Воденягинъ.

— Нѣтъ, я къ вашимъ услугамъ.

— Юрій Петровичъ! Зачѣмъ такъ официально? Вѣдь мы съ вами не чиновники... а-съ? Ваше нутро я не имѣю ни намѣренія, ни права зондировать. Но позвольте вѣрить, что въ извѣстныхъ вопросахъ мы одного... толка... что ли?

Лыжинъ отвѣтилъ двойственной улыбкой.

„Такъ и есть, — подумалъ онъ, —будетъ о комъ-нибудь просить—въ своемъ направленіи“.

— Конечно,—продолжалъ Воденягинъ скорѣе и отвелъ голову, — вы можете и уклониться... Дѣло — пустяковое. Но я къ вамъ подумалъ обратиться не спроста... не съ бухта-барахта. Вы теперь въ такомъ именно обществѣ вращаетесь. Первый: вашъ—какъ бы это назвать—принципалъ, что ли...

Слово „принципаль“ Воденягинъ выговорилъ скосивъ ротъ, и Лыжинъ про себя сказалъ:

„Зачѣмъ же ты извишь, коли пришелъ просить?..“

XII.

Дверь широко растворилась. Кострицынъ, въ мѣховомъ пальто и калошахъ, съ краснымъ отъ мороза лицомъ, стоялъ на порогѣ.

— Иванъ Кузьмичъ, входите! — крикнулъ ему весело Лыжинъ.

Этотъ приходъ, раньше, чѣмъ онъ ожидалъ, очень его обрадовалъ.

— Я на минуточку. На перепутьѣ озябъ. Ъздилъ, батенька, на Пятницкую.

— Я васъ ждалъ. Раздѣвайтесь скорѣе. Выпьете чашку кофе?

— Не откажусь.

Воденягинъ какъ-то бокомъ поглядѣлъ на Кострицына, и только когда тотъ повернулся отъ вѣшалки, снявъ пальто, глуховато выговорилъ:

— Мое почтеніе... Мы встрѣчались.

— Какъ же!—звонко откликнулся Кострицынъ, на ходу подавая ему руку.

Онъ сейчасъ же сообразилъ, что видитъ Воденягина не спроста; пріятельства Лыжинъ съ нимъ не водилъ.

— Я, можетъ-быть, помѣшалъ?—спросилъ онъ, присаживаясь къ круглому столу, у котораго Лыжинъ обыкновенно пилъ кофе.

— Что жъ! Секретнаго тутъ ничего нѣтъ, — заговорилъ Воденягинъ, поводя жирными плечами. — Даже и кстати.

И, взглянувъ пристально на Кострицына, онъ спросилъ:

— Вы, вѣдь, если не ошибаюсь, тоже служите у Кумачева?

— Какъ же.

Кострицынъ поглядѣлъ выразительно на своего новаго пріятеля.

— Господинъ Воденягинъ съ чѣмъ-то хотѣлъ обратиться ко мнѣ какъ разъ въ ту минуту, когда вы вошли.

— Дѣло, господа, вотъ въ чемъ!—Воденягинъ усиленно перевелъ дыханіе и всталъ.—Вы, быть-можетъ, помните,—повернулся онъ къ Лыжину,—какъ-то мы съ вами поздно

встрѣтились на площадкѣ и отъ меня уходилъ молодой малый... черноватый.

— Помню,—подумавъ, выговорилъ Лыжинъ.

— Фамилія его Хозькинъ. Онъ парень чрезвычайно даровитый... Стихотворецъ... Пишетъ подъ псевдонимомъ.

— Въ какомъ родѣ? Въ гражданско-элегическомъ? — спросилъ Кострицынъ, и глазки его заискрились.

— Во всякомъ,—сухо отвѣтилъ Воденягинъ.—Разумѣется, не о вечерней зарѣ и не тоску по милой поеть, а въ болѣе здоровомъ направленіи.

— Понимаю,—добавилъ Кострицынъ, принимаясь за чашку.

— И что же онъ?—спросилъ Лыжинъ.

— Вы припомните, пожалуй, и то, что онъ еврей?

— А-а! — протянулъ Кострицынъ и сжалъ на особенный ладъ губы.

— Я, кажется, успѣлъ вамъ сообщить — онъ ни университетскаго диплома, ни аттестата зрѣлости не имѣетъ... Жить ему здѣсь нельзя.

— Разумѣется! — вырвалось у Кострицына.

— Одно время онъ значился въ услуженіи у своего единовѣрца. Но штуку эту пронюхали, и въ его служительскую профессію не вѣрятъ.

— Фортель слишкомъ извѣстный.

Слова эти Кострицынъ сказалъ въ сторону Лыжина и довольно тихо; но Воденягинъ ихъ услыхалъ.

— Не особенно,—возразилъ онъ съ характернымъ пожиманіемъ плечъ, — не особенно... Случай такой, въ литературныхъ, по крайней мѣрѣ, кружкахъ, едва ли не первый... И сестра у него есть.

— Тоже писательница? — спросилъ Лыжинъ безъ особеннаго ударенія въ голосѣ.

— Она учиться сюда пріѣхала. Тоже нельзя. Не знаетъ, какъ ей и быть. Просто хотъ пріобрѣтай особаго рода билетъ.

— Какой это? — почти съ безпокойствомъ спросилъ Кострицынъ.

— Прежде его какъ-то особенно называли. Теперь онъ, кажется, обыкновенный. Такъ его же родственница въ Петербургѣ принуждена уже была такъ сдѣлать, чтобы ее оставили въ покоѣ.

— Это анекдотъ! — вскричалъ Кострицынъ и заходилъ по комнатѣ.

— Извините, не анекдотъ, а фактъ.

Воденягинъ посмотрѣлъ на него въ упоръ и выговорилъ эти слова медленно, упирая на каждое слово.

— Вольному воля!

— Вы полагаете?—такъ же въ упоръ спросилъ Воденягинъ, и лицо его сразу пошло пятнами, но онъ себя сдержалъ и, тряхнувъ головой, повернулся къ Лыжину.

— Юрій Петровичъ, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ человѣку съ извѣстнымъ прошедшимъ.

Лыжинъ нервно потянулся и остановилъ его движеніемъ руки.

— Прошедшее... зачѣмъ же перебирать? — отозвался онъ.—Человѣкъ развивается. Мало ли во что вѣришь и что признаешь даже и не будучи молоденькимъ.

Глаза Воденягина съ упорнымъ выраженіемъ вопроса уставились на него. Лыжинъ чувствовалъ тяжесть этого взгляда, но не смутился. Въ немъ поднялось желаніе дать по носу этому неисправимому обломку того корабля, на которомъ и онъ когда-то собирался плыть.

— Словомъ, — поправилъ онъ себя и выпрямился, не покидая своего мѣста на диванѣ.

— Словомъ, — повторилъ за нимъ Воденягинъ, — вы теперь не считаете себя солидарнымъ съ тѣми, кого когда-то уважали и за кѣмъ...

— Позвольте-съ! — вступился Кострицынъ и близко подошелъ къ Воденягину. — Мое дѣло тутъ сторона. Но это немножко похоже на экзаменъ по части того, что якобинцы называли „сертификатъ цивизма“.

— Не знаю-съ, — уже жестче и суровѣе заговорилъ Воденягинъ. — Ежели вы, — онъ сдѣлалъ опять громкую передышку, — ежели вы настроены на особый ладъ въ этомъ вопросѣ, то я полагаю, что Юрій Петровичъ откликнется на мою просьбу.

И, обернувшись къ Лыжину, онъ продолжалъ мягче, съ блуждающей усмѣшкой:

— Что вамъ стѣдить... заинтересовать господина Кумачева? У него большія связи здѣсь... въ городѣ. Мы не просимъ, чтобы онъ взялъ злосчастнаго поэта въ свои приказчики, онъ и по закону не имѣетъ на это права, а замолвилъ бы за него словечко кому слѣдуетъ.

— Захаръ Лукьяновичъ на это не пойдетъ! — вскричалъ Кострицынъ съ удареніемъ на словѣ „это“.

— Вы увѣрены? — откликнулся Воденягинъ искренней нотой.

— Насколько я его знаю!.. Ни за что не пойдетъ. Это было бы нарушеніе порядковъ, которымъ онъ сочувствуетъ.

— Сочувствуетъ? — переспросилъ Воденягинъ и опять уперся взглядомъ на Лыжина.

— Конечно, — отвѣчалъ за Лыжина Кострицынъ. — И у него это не блажь, не модный лозунгъ, а убѣжденіе. Онъ человекъ „программы“. Если онъ когда-нибудь будетъ баллотироваться по городскимъ выборамъ, то онъ, конечно, явится передъ избирателями съ такой именно программой.

Лыжина начало разбирать нѣчто въ родѣ смущенія. Въ глазахъ Воденягина онъ могъ прочесть:

„И такого *хозяина* ты себѣ выбралъ по доброй волѣ?“

— Наконецъ, — заговорилъ снова Воденягинъ и отвелъ отъ него взглядъ, — кажется, вы близко знакомы съ госпожей Акридиной?

— И что же?

— Она, конечно, будетъ готова посодѣйствовать съ своей стороны. Вѣдь она, кажется, и стоитъ въ домѣ Кумачевыхъ, приходится родственницей женѣ его?

— Елена Константиновна живетъ здѣсь уже съ недѣлю, — отвѣтилъ сухо вато Лыжинъ.

Ему захотѣлось сейчасъ же отвѣтить отказомъ и выводить этого „экзаменатора“.

— Все равно... Намъ извѣстно, что она вхожа въ разные барскіе дома... Къ старухѣ Козлишевой, на примѣръ... А тамъ бываютъ разные народы — знаете, какъ здѣсь говорятъ, „сильные въ губерніи“. Первый — генералъ Кишкѣтовъ. Запасный генералъ... Но мы знаемъ, — прибавилъ Воденягинъ совсѣмъ особымъ звукомъ, — что этотъ генералъ — особа съ самыми специальными ресурсами. Авось, вашей пріятельницѣ и удастся настроить его... Такъ вотъ въ чемъ дѣло.

Сдѣлавъ передышку, Воденягинъ всталъ въ позѣ человека, готоваго сейчасъ же удалиться, какъ только получить отвѣтъ.

— Весьма сожалѣю, — заговорилъ Лыжинъ, разставляя какъ бы нарочно слова, — я не могу быть посредникомъ въ этомъ ходатайствѣ ни передъ госпожей Акридиной, ни передъ господиномъ Кумачевымъ.

— Почему же, смѣю спросить?

— Съ Акридиной у насъ вышло нѣчто, не позволяющее мнѣ обращаться къ ней съ просьбой. А къ Захару Лукьяновичу я не хотѣлъ бы обращаться, даже будь онъ совершенно такихъ же убѣжденій, какъ вы. Я вступаю съ нимъ въ дѣловыя отношенія и не хочу до поры до времени о чемъ-либо просить его.

— Не очень ли ужъ выгораживаете вы, Юрій Петровичъ, свою неприкосновенность?

— Можетъ-быть! Но это—не капризъ съ моей стороны. Вы сейчасъ слышали, — Лыжинъ указалъ рукой на Кострицына,—вотъ довѣренное лицо Захара Лукьяновича, и онъ прямо объявляетъ, что тотъ ни за что не вмѣшается въ такое дѣло.

— Ни за что!—подтвердилъ Кострицынъ.

— Съ какой же стати я буду нарываться на полнѣйшее фiasco?

— Логично! Прошу извинить, — сказалъ Воденягинъ, переходя взглядомъ отъ одного къ другому. — И то сказать! Москва хоть кого передѣляетъ. Помните, господа, въ одной знаменитой параллели говорится про Питеръ, что, молъ, тамъ есть мѣстечко, гдѣ передѣлываются не только образы мыслей, но и образы мыслителей? Въ Москвѣ образы мыслителей дѣлаются, пожалуй, благообразнѣе, упитаннѣе; зато мысли подлежатъ еще скорѣйшему превращенію. Хе-хе!.. Добраго здоровья!

Грузно повернувшись, Воденягинъ выдвинулся изъ полуотворенной двери, и его широкая спина, когда онъ исчезъ, еще нѣсколько секундъ виднѣлась мысленно Лыжину.

XIII.

— Bravo, Юрій Петровичъ! bravo!

Кострицынъ захопалъ въ ладоши и даже подскочилъ.

— Чтò такое?

Лыжину сдѣлалось опять неловко—еще сильнѣе, чѣмъ было при Воденягинѣ.

— Такъ и надо! Давно пора! — продолжалъ съ тѣмъ же возбужденіемъ Кострицынъ, отбѣгая къ двери, гдѣ онъ всталъ спиной и схватился одной рукой за ручку.— Подѣломъ. И прекрасно!

— То-есть, чтò же собственно прекрасно?

— Какъ чтò? Точно вы не разумѣете, добрѣйшій!..

Хвалю васъ, сто кратъ хвалю, что вы не пошли на подстрекательства этого шестидесятника. И еще было бы лучше, если бы вы, Юрій Петровичъ, безъ всякой дипломатіи, не указывая на ваши отношенія къ Кумачеву или Акридиной, прямо отрѣзали: „не желаю, дескать, выручать іудейскаго стихотворца,—имѣй я и полную возможность“.

— Ну, это слишкомъ!

Лыжинъ поглядѣлъ на Кострицына съ вопросительной усмѣшкой въ глазахъ, почти сконфуженно.

Лицо Кострицына, сначала задорно-веселое, перемѣнилось выраженіе. Глаза стали сразу больше, лобъ наморщился. Онъ, все еще стоя спиной у двери, высвободилъ руку и съ широкимъ жестомъ крикнулъ:

— Такъ ихъ и надо!

— Почему же? — уже серьезнѣе и смѣлѣе выговорилъ Лыжинъ.

Онъ могъ не очень плакаться о судьбѣ какого-то тамъ „еврейчика“-стихотворца и его сестры, но до такого градуса онъ еще не дошелъ. Ему вспомнился первый обѣдъ у Кумачева и раскаты голоса петербургскаго чиновника, отзывавшіеся какимъ-то каннибальствомъ, когда тотъ смаковалъ вареніе единоплеменниковъ этого самаго стихотворца „въ собственномъ соку“.

Неужели и онъ такъ скоро очутился въ такихъ же чувствахъ?

— Такъ далеко я не иду,—выговорилъ онъ мягко, но съ довольно рѣшительнымъ жестомъ.

— Полноте! — Кострицынъ подошелъ къ столу и, разставивъ ноги, подперъ себѣ руками бока. — Въ васъ говоритъ устарѣлый предрасудокъ. Вы не хотите, добрѣйшій Юрій Петровичъ, вникнуть въ то, что съ собою принесла эта раса въ европейскую культуру, въ весь нашъ душевный строй.

— Я знаю что.

— Только формально знаете. Но суть-то, суть-то какая?

Кострицынъ совсѣмъ преобразился: его короткая, приземистая фигура казалась крупнѣе и лицо стало тоньше; голову держалъ онъ высоко и правую руку вытянулъ, нервно вздрагивая пальцами.

Такимъ Лыжинъ видѣлъ его впервые.

— Вы мнѣ скажите, суть-то какая? Откуда въ чело-вѣчество проникла ядовитая струя ненависти, злобы, за-

висти, расхищенія, какъ не отъ нихъ — отъ этихъ посетителей идеи униженныхъ и оскорбленныхъ, нищихъ и убогихъ, прокаженныхъ и противныхъ, забытыхъ и придавленныхъ?..

— Ну, такъ что же? — спросилъ Лыжинъ, все еще не схватывая того, куда клонить Кострицынъ.

— Вамъ этого мало? Они, ихъ пророки и учителя, поколебали вѣковѣчное и здоровое понятіе о добрѣ и злѣ: По ихъ ученію вышло, что все, что испоконъ вѣку было хорошо, другими словами: сильно, блестяще, богато, даровито, великодушно, храбро, — все это начало считаться зломъ, порокомъ, окаянствомъ, кромѣшнымъ мракомъ, за которымъ ожидается скрежетъ зубовой.

— Это дѣло вѣрованій!

— Юрій Петровичъ! Батюшка! Да неужели вы меня не понимаете! Что мнѣ за дѣло до религіозной вражды, до того, какого Бога кто почитаетъ. Что мнѣ за дѣло и до того, что они разводятъ по городамъ кассы ссудъ или занимаются еще болѣе темными гешефтами! Не они — такъ другіе. И наши русачки на руку охулки не положить. Вся разница будетъ только въ томъ, что мы опять все дороже станемъ покупать у своихъ. Не это для меня важно, не это я не могу имъ простить и никогда не прощу, а то, что ихъ мораль, сотканная изъ мести и безсильной злобы, ославила зломъ и порокомъ все, чѣмъ человѣкъ поднялся надъ звѣремъ.

— Какой же выводъ? — перебилъ Лыжинъ.

— Какой выводъ? А вотъ какой: я радуюсь тому, что вспыхнулъ, наконецъ, повсемѣстный бунтъ противъ этой нищенски-больничной морали. Помните, — еще стремительнѣе заговорилъ Кострицынъ, подсаживаясь на диванъ, — помните обѣдъ у Кумачевыхъ... когда тотъ петербургскій чинушъ...

— Прекрасно помню! — остановилъ Лыжинъ.

— Вы думаете, онъ мнѣ пріятенъ какъ личность! Не хуже я никого разумѣю — какалъ такимъ чинушамъ цѣна! Но онъ — безсознательное орудіе новаго духа.

— Иванъ Кузьмичъ! Какого же новаго! Помилосердствуйте!

— Древняго, если хотите, но обновленнаго. Того, что создало могучее, красивое человѣчество, Элладу, Римъ, эпоху Возрожденія, богоподобныхъ богатырей, миѳическихъ героевъ, завоевателей, творцовъ, которые не охали

и не лили слезы, а знали одно — развивать свое я, держать и посягать, показывать всё, изъ-за чего стоить на свѣтѣ жить, а не разводите стада ноющихъ „неврастениковъ“, для которыхъ земля—юдоль плача, готовыхъ извести все, что только высоко носить голову, что сильно и безстрашно, и живетъ, прежде всего...

— Для себя?—добавилъ Лыжинъ.

— А то какъ же? Не для себя, а для торжества зиждительнаго начала—вотъ для чего-съ! Этого мало, что человеконенавистникъ, распѣвавшій на рѣкахъ вавилонскихъ, овладѣлъ всё, миромъ. Языческій Римъ — у его ногъ; Римъ христіанскій — у его ногъ! Всѣ арійцы, всѣ потомки безстрашныхъ племенъ пляшутъ по его дудкѣ, проповѣдуя разрушеніе всего, повторяютъ его ученіе, одухотворенные его злобой и его пенасытной враждой ко всему радостному, здоровому, могучему и торжествующему. Такіе господа, какъ вотъ этотъ самый господинъ Воденягинъ,—нужды нѣтъ, что они свободные мыслители,—вотъ уже тридцать лѣтъ твердятъ все одно и то же: „покайтесь, падите ницъ передъ отребьемъ человѣчества, будьте грязны, нищи, ненавидьте красоту и силу, т. е. высшую ступень человѣческихъ свойствъ и даровъ природы, и добивайтесь того, чтобы всё было одинаково скверно!“

— Я съ этими господами уже не солидаренъ, — выговорилъ Лыжинъ.

Онъ сидѣлъ точно прихлопнутый потокомъ рѣчей Кострицына.

„Вотъ что,—думалъ онъ,—вонъ онъ куда идетъ“.

И будь онъ менѣе захваченъ горячими и грозными доводами Кострицына, онъ бы спросилъ его:

„А откуда, милый мой, вы это вычитали?“

Можетъ-быть, и вычиталъ откуда-нибудь, но все это звучало не краснобайствомъ, не выходкой умника, пожелавшаго поразить пріятеля новизной парадокса.

Кострицынъ еще ближе присѣлъ къ нему и дотронулся рукой до его плеча.

— Послушайте, дружище, — заговорилъ онъ тише и задушевнѣе, — вы думаете, я это—съ бухта-барахта?.. Не мало ночей ушло у меня на бесполезныя, на иной взглядъ, умствованія. И я глубоко убѣжденъ въ томъ, что извращеніе понятій добра и зла идетъ отъ нихъ, не отъ тѣхъ, что маклачатъ въ Зарядьѣ, а отъ тѣхъ, что удалялись

въ пустыни и побивали камнями всякаго, кто былъ представитель могущества, красоты, здоровья...

— И хищничества!—добавилъ Лыжинъ.

— Юрій Петровичъ! Батюшка! Въ васъ еще прежній человѣкъ сидитъ—изъ того времени, когда вы изнывали по сказочной царь-дѣвицѣ, которую зовутъ „меньшая братія“. Полюбуйтесь, во что превращается добренькій, умненькій, тихенькій современный человѣчекъ. Отъ него смердитъ! На него тошно глядѣть! Лучше ужъ было, по моему, держаться древне-эллинскаго рабства, какъ твердыни культурной жизни, чѣмъ выродиться въ слюня, воспитавшаго въ себѣ только одну огромную анестезію духа и плоти.

— Но поэтъ Хѣзькинъ-то тутъ при чемъ?

— Я сознательно радуюсь тому бессознательному бунту противъ духа, враждебнаго тому, что я ставлю выше всего въ исторіи человѣчества. Пускай господа въ родѣ петербургскаго чинуши дѣлаютъ свое дѣло! Ихъ резоны возмутительны для васъ, и для меня—не очень красивы; но пускай ихъ! Въ концѣ-то концовъ и здѣсь, и тамъ, и у насъ, и по всему Западу, подниметь голову начало жизни, а не мертвечины. Народится поколѣніе, которое крикнетъ: „жить хотимъ, а не посыпать главу пепломъ, хотимъ посягать и наслаждаться, а не хныкать и не отдавать все, что сами создали, завоевали и украсили, на съѣденіе грязной, дикой и злобной толпѣ! Никогда!“ И такое поколѣніе уже снова нарождается, другъ Юрій Петровичъ!.. Оно и тридцать лѣтъ назадъ уже народилось. Только его не поняли и совсѣмъ исказили его символъ вѣры.

— Будто бы?—удивленно остановилъ его Лыжинъ.

— А то какъ же? Базаровскія-то слова развѣ не помните насчетъ мужика? Мужичокъ будетъ блаженствовать, а изъ меня „лопухъ“ вырастетъ? А? Что же это такое, какъ не протестъ, который во мнѣ заклокоталъ сегодня такъ неудержимо въ вашемъ присутствіи? И тургеневскій лѣкарь—умнѣйшее лицо нашей литературы. Только его уморилъ авторъ, зная, что ему бы все равно не жить. Ха-ха!

Кострицынъ поднялся, вышелъ на средину комнаты и шуточно проговорилъ:

— *Dixi et animam levavi!* А теперь—поѣдемъ завтракать и еще покалякаемъ. Вы вѣдь отправляетесь въ объѣздъ.

XIV.

Входя въ переднюю дома Кумачевыхъ, послѣ завтрака въ трактирѣ съ Кострицынымъ, Лыжинъ спросилъ, откушали ли господа.

— Откушали,—доложилъ ему швейцаръ и прибавилъ:— Дяденька барыни прѣѣхали, князь Иларіонъ Ивановичъ, и теперь сидятъ въ кабинетѣ. Пожалуйста.

— Здѣсь будетъ жить?

— Какъ же. Они ужъ ночевали. Въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ Елена Константиновна стояли,—прибавилъ швейцаръ менѣе почтительнымъ тономъ.

Акридину прислуга не долюбивала.

Лыжинъ приказалъ офиціанту, стоявшему у дверей половины Захара Лукьяновича, доложить о себѣ.

Въ кабинетѣ онъ нашелъ всѣхъ троихъ. Дѣтей только что увела англичанка. Ихъ въ первый разъ показывали дѣдушкѣ.

Войдя, Лыжинъ заглядѣлся на старика.

Онъ стоялъ, въ эту минуту, по самой срединѣ обширной и высокой комнаты. Нина сидѣла на углу турецкаго дивана, поджавъ одну ногу. Мужъ ея курилъ въ своемъ дубовомъ креслѣ, передъ письменнымъ столомъ.

На дворѣ стоялъ ясный день и полоса свѣта упала на фигуру князя съ его живописной сѣдой головой и богатырскими плечами. Короткій свѣтло-сѣрый пиджакъ—онъ былъ одѣтъ по-городскому—дѣлалъ его еще выше ростомъ.

— Здравствуйте!—первый привѣтствовалъ онъ Лыжина.

— Вы меня узнали, князь?—спросилъ тотъ, подавая ему руку.

— Еще бы! Помилуйте! Я вѣдь еще не впалъ въ „рамолисментъ“. Ха-ха!

Смѣхъ, басовой и немного хриплый, разлился по кабинету, и широкая улыбка осталась въ глазахъ; на морщинистыхъ нижнихъ вѣкахъ дрожали капельки пота.

— Вы—у Захара Лукьяновича, я слышалъ.. и порадовался.

Кумачевъ, приподнявшись надъ столомъ, подаль руку Лыжину. Нина сдѣлала ему пріятельскій жестъ рукой, безъ пожатія.

— Вы, можетъ-быть, съ важнымъ дѣломъ?—продолжалъ князь, ходя поперекъ комнаты грузнымъ шагомъ,

и вскинулъ головой въ сторону Кумачева. — Такъ мы съ Ниной удалимся.

— Особенныхъ дѣлъ нѣтъ. Я ѣду сегодня и пришелъ сообщить объ этомъ Захару Лукьяновичу.

Въ первые дни, когда Лыжинъ говорилъ Кумачеву, при постороннихъ, что-нибудь дѣловое, онъ слѣдилъ за собою, какъ бы у него не вышло тона подчиненнаго. Но теперь онъ уже зналъ, что бояться ему нечего. И вообще въ домѣ и передъ „принципаломъ“ онъ поставилъ себя независимо, и въ его тонѣ всегда чувствовался баринъ, а не приказчикъ „его степенства“.

— Нѣтъ, ничего, князь!—вмѣшался Кумачевъ.—О чемъ надо было переговорить съ Юріемъ Петровичемъ—мы уже переговорили... Этотъ объѣздъ будетъ, пожалуй, рѣшительный.

— Въ какомъ смыслѣ?—спросилъ князь.

— Да вѣдь Юрій Петровичъ еще вглядывается... Ежели что ему покажется не такъ, онъ выговорилъ себѣ право и удалиться.

— Вотъ какъ! Что жъ! Хвалю! Хвалю! Сколько я понимаю: онѣ (князь о третьемъ лицѣ употреблялъ мѣстоименіе женскаго рода, третьяго лица) ставятъ себя добровольно въ положеніе живого организма между... какъ бы это выразиться?.. Да! Между молотомъ и наковальней.

— Какъ же это, князь?—окликнулъ Кумачевъ.—Молотъ—это кто же?

— Молотъ?.. Вы, другъ мой! Вы—капиталь... Сила! Безпощадная и слѣпая.

— Почему же слѣпая?

— А когда она зрячая, то она отдана стремленію къ призрачному бытію.

— Не понимаю!

— Призрачно, мой милый, то, что не одухотворено высшей идеей, что служить только ограниченному явленію—будь то мощна капиталиста, или чувственная похоть развратника.

— Однако, позвольте...

— Доказывать это—длинная исторія, милый мой... Словомъ, молотъ—это мощна, а наковальня—трудъ, спина и руки рабочаго, и его мозгъ въ придачу. Вещь пассивная, повидимому; но отъ ея сопротивленія все зависитъ.

— Какъ же это?—сдержанно волнуясь, спросилъ Кумачевъ.

— А то какъ же? Если бѣ вмѣсто желѣза или стали наковальня была изъ глины—какую же бы ось на ней можно наварить?.. А? Ха-ха!

Смѣхъ князя заразилъ всѣхъ. И Кумачевъ засмѣялся, к раньше его Нина.

Ея взглядъ перехватилъ Лыжинъ, присѣвшій ближе къ дивану. Ея лицо, особенно какъ-то блестящее въ это утро, точно говорило:

„Нужды нѣтъ, что онъ Богъ знаетъ какія вещи говорить и называетъ мужа „мой милый“, какъ я говорю дворецкому. Онъ—князь Иларіонъ Ивановичъ! *Мой* дядя! И его присутствіе въ домѣ даетъ всему оттѣнокъ, котораго Захаръ Лукьяновичъ не придастъ.“

Лыжинъ не сразу отвелъ отъ нея глаза. Она была одѣта не такъ, какъ обыкновенно одѣвалась къ завтраку: въ свѣтломъ суконномъ платьѣ, съ бархатными короткими рукавами, открытыя, отъ локтя, руки въ браслетахъ; въ ухахъ горѣли два камня.

— Такъ слышите, Юрій Петровичъ, — окликнулъ его Кумачевъ, — въ какой передѣлкѣ вамъ придется быть, если согласиться съ княземъ?

— Князь употребилъ сравненіе... И оно, кажется, подходит къ дѣлу.

Лыжинъ не договорилъ. Болѣе чувство, чѣмъ мысль, кольнуло его, въ видѣ вопроса:

„Развѣ ты уйдешь по доброй волѣ?“

Взгляни на него Нина — онъ бы смутился, пожалуй сталь бы краснѣть.

— Дядя!.. Вы зачѣмъ же запугиваете Юрія Петровича?.. Прежде всего, онъ противъ своихъ убѣжденій не пойдетъ.

Эти слова были сказаны съ красивымъ движеніемъ головы и произвели въ Лыжинѣ ощущеніе пріятной щекотки.

— Я не спору! И всячески сочувствую такой примиряющей роли. Но можно ли примирить эту антиномію? Добрыхъ желаній недостаточно.

— Князь!—остановилъ его Кумачевъ.—Если такъ разсуждать, такъ надо сейчасъ же промысловое дѣло обновить—на всемъ свѣтѣ...

— Дядя!—заговорила Нина, вставая,—Юрій Петровичъ не можетъ вести пренія. Ему надо на вокзалъ. Вы когда ѣдете, съ какимъ поѣздомъ?—спросила она Лыжина.

— Съ почтовымъ.

— Вотъ видите... А мнѣ еще надо васъ спросить...—

она не договорила и, обратясь къ князю, продолжала:— Мы оставимъ ихъ на минуту. Пройдемте въ дѣтскую— я вамъ еще не показала, какъ они живутъ. Вы мнѣ слѣдуете ваши замѣчанія. Я приму ихъ съ благодарностью.

Она какъ бы замѣтила мужу, что съ дядей вступать въ споръ не слѣдуетъ. Надо его выслушивать, что бы онъ ни проповѣдывалъ. Онъ—Жеребьевъ-Зарайскій!

Проходя мимо Лыжина, она сказала ему:

— Вы найдете меня въ моемъ кабинетѣ. Чаю дать вамъ?

— Не откажусь.

Ея тонъ сегодня особенно ласкалъ его. Какъ будто подъ этимъ былъ расчетъ. Совершенно даромъ врядъ ли Нина Борисовна будетъ что-нибудь дѣлать.

Но онъ тотчасъ же отбросилъ эту мысль. Такъ узко и зло смотрѣть на женщину потому только, что она имѣетъ репутацію себялюбивой личности, которую очень не трудно раскусить! Съ какой стати, по первымъ впечатлѣнїямъ, сейчасъ строить выводъ и считать его непогрѣшимымъ? Кострицынъ ему не указъ. Да и онъ начинаетъ говорить о ней въ другомъ духѣ.

И опять, противъ воли, онъ заглядѣлся на линіи ея шеи и бѣлаго затылка съ круто завернутымъ пучкомъ волосъ и высокой черепаховой гребенкой.

Рука князя опустилась къ нему на плечо—онъ шелъ за племянницей къ выходной двери.

— *La suite au prochain numéro...* Буду имѣть удовольствіе побесѣдовать съ вами на свободѣ... А тотъ вашъ прїятель... Захаръ Лукьяновичъ!—обернулся онъ въ полъ-оборота къ Кумачеву,—какъ, мой милый, фамилія вашего ученаго бухгалтера?

— Вы про Ивана Кузьмича?—Кострицынъ... Онъ не бухгалтеръ, а завѣдуетъ цѣлымъ отдѣленіемъ конторы.

— А-а!.. Очень радъ... Вѣдь онъ, — князь повернулъ голову къ Лыжину, — кажется, имѣетъ высшую ученую степень?

— Сбирается держать, — сказалъ Кумачевъ, — который уже годъ.

— Отчего же все только собирается? Ваша цифирь не позволяетъ?

— Время есть. Онъ только до обѣда занятъ. Знаете, по-московски, съ прохладцей. Надъ нами не каплетъ.

— Какого же онъ толка? — спросилъ князь Лыжина и повелъ своими густыми бровями.—Позитивнаго?

— Не могу вамъ сказать, князь.

— Какъ же это такъ? Пріятель, и не знаете, какого онъ міровоззрѣнія.

— Міровоззрѣнія—положительнаго, — отозвался Кумачевъ.

— То-есть, какъ же это: житейски или философски?

— Житейски. Въ философію я не вдаюсь.

— Мнѣ сдается, что мы съ господиномъ Кострицынымъ еще будемъ имѣть турниръ.

— На это онъ мастеръ! Хлѣбомъ не корми.

Кумачевъ тихо разсмѣялся.

— Однако... Нина ждетъ. Если она желаетъ отъ меня педагогическихъ совѣтовъ... я—увы!—не Песталоцци. До свиданія! Спасибо, что нашли мое сравненіе молота и наковальни не глупымъ.

Князь крѣпко пожалъ руку Лыжина и оставилъ его въ кабинетѣ съ Кумачевымъ...

XV.

— Какъ вы его находите?

Нина сидѣла подъ своимъ балдахиномъ полулежа, глѣбоко подавшись назадъ, на подушки.

Вопросъ она предложила объ Эсауловѣ.

Лыжину онъ не нравился. Съ того обѣда, когда онъ въ первый разъ увидалъ его, онъ встрѣчалъ его и у Елены Акридиной.

— Какъ нахожу?—переспросилъ онъ и отхлебнулъ изъ чашки.—Недостаточно его знаю, Нина Борисовна.

— Это уклончиво и на васъ не похоже. Онъ не въ нашемъ вкусѣ, скажите?

— Эсауловъ—вашъ пріятель. Вы его давно знаете и успѣли оцѣнить.

— Да полноте, Юрій Петровичъ. Вы видите, я съ вами говорю откровенно. Разумѣется, онъ не въ нашемъ вкусѣ. Въ немъ есть сухость. Онъ избалованъ своей репутаціей и потомъ, — она замылась, — думаетъ, что ни одна женщнна не устоитъ, если онъ приласкаетъ ее. Кажется, вашъ другъ и моя тетенька Елена Константиновна не очень съ нимъ ладить.

— У нихъ разговоры особенные.

— Ученые? Ахъ, Юрій Петровичъ!— Нина всѣмъ корпусомъ пододвинулась къ нему, взяла подушку и подло-

жила ее себѣ подъ грудь. — Скажите, съ вами можно о моей тетенькѣ говорить... совсѣмъ просто?

— Отчего же нѣтъ? Правда, мы съ ней давно считаемся пріятелями.

— Только считаетесь? А въ сущности?

— Во многомъ я уже не тотъ, что былъ прежде, Нина Борисовна, да и она стала въ послѣднее время...

— Тоже другая? Ха-ха! Какъ будто вы не знаете, отчего?

Глаза Нины игриво и злобно заблестѣли.

Лыжинъ усмѣхнулся и промолчалъ.

— Умираетъ?.. А?

Онъ понялъ намекъ, но ему не хотѣлось подтрунивать надъ Еленой.

— Если оно такъ, надо пожелать ей успѣха.

— Полноте,— Нина заговорила почти шопотомъ, — это безуміе. Она ему годится чуть не въ тетки.

— Онъ врядъ ли на много моложе ея.

— Развѣ это не все равно? Вѣдь ей подъ-сорокъ. А впрочемъ,—она сдѣлала жестъ головой, — любовь можетъ переродить... Придать ей больше кротости... и скромности,—добавила она дурачливо.

Въ первый разъ она говорила съ нимъ въ такомъ тонѣ о своей „тетенькѣ“. Это и было ему немного неловко, и приближало его къ ней. И раньше онъ догадывался: Нина не очень была восхищена тѣмъ, что Акридина гостить у нея.

— И двѣ подруги теперь взаимно изливаются? А?

Она опять злобно повела глазами и еще ближе пододвинулась.

Ея обнаженная съ локтя рука блестѣла своими браслетами и бѣлизной. Что-то было въ этой рукѣ нестерпимо красивое и тревожащее. Смотрѣть на нее прямо ему стало жутко. И онъ тутъ только понялъ, что Нина позвала его къ себѣ пить чай, чтобы о чемъ-то его выспросить.

Но о чемъ же? О любви Елены къ Боярцеву? Такъ она сама знаетъ объ этомъ. Ида, кажется, ее совсѣмъ не интересуетъ. И не настолько она банальна, чтобы вызывать его на сплетническій разговоръ объ этихъ двухъ женщинахъ. Она менѣе мелочна и злобна, чѣмъ, можетъ-быть, опредѣляетъ ее Кострицынъ. Къ Еленѣ она относится недружелюбно. Но, вѣроятно, та ей просто надоѣла своимъ тономъ, замашками, умничаньемъ.

— Ну, хорошо, — заговорила Нина, такъ же тихо, но съ опущенными рѣсницами. — Вы — вѣрный пріятель, и въ васъ я это очень цѣню, Юрій Петровичъ.. Вы живете тамъ, въ garпi, уже давно?

— Съ пріѣзда въ Москву.

— И знакомы и съ другими дамами, кромѣ Иды и Елены?

Тутъ только она подняла рѣсницы и остановила на немъ взглядъ.

— Кажется... ни съ кѣмъ больше.

— Припомните. А какая это красивая брюнетка стоитъ въ бель-этажѣ, въ одномъ коридорѣ съ Идой? Я ее мелькомъ видѣла. Вы не знаете?

Это было сказано отрывисто, совсѣмъ простымъ, пріятельскимъ звукомъ.

Лыжинъ сначала подумалъ.

— Не встрѣчалъ.

— Ахъ! Какой вы скрытный!.. Это не хорошо, Юрій Петровичъ.

— Да увѣряю васъ, не встрѣчалъ.

И что-то припомнивъ, онъ сказалъ:

— Можетъ-быть, это та... артистка, актриса, кажется.

Онъ уже вспомнилъ, что Воденягинъ говорилъ ему сегодня про какую-то Днѣпровскую, у которой собирается компанія, какой-то „хорошій народъ“, — хорошій на его вкусъ.

— Слышалъ сегодня, — продолжалъ онъ съ улыбкой въ глазахъ, — про госпожу Днѣпровскую. Это можетъ оказаться она. У нея, говорятъ, собирается цѣлый кружокъ.

— Мужчинъ? — слишкомъ порывисто, не выдержавъ тона, спросила Нина.

— Вѣроятно. Но утверждать не могу. А васъ это развѣ интересуетъ, Нина Борисовна?

— Да, я хотѣла бы знать; отчего бы вамъ съ ней не познакомиться?

И она ему подмигнула. Это его неприятно кольнуло — за нее. Съ какой стати предлагаетъ она ему такое именно знакомство?

Смутное чувство мужской обиды защемило его. Стало-быть, онъ для нея совсѣмъ не существуетъ, какъ мужчина, еще не старый, котораго никто уродомъ не считалъ. И она, какъ пріятель, совершенно по-мужски, указываетъ ему на красивую бабенку, предполагая, что та

доступна, и говорить ему: „Что жъ вы, батенька, пло-
шаете—познакомьтесь и добейтесь своего“.

Опять у него начала выступать въ щекахъ краска, но
Нина могла и не замѣтить этого: въ комнатѣ, съ тяже-
лыми портъерами, стоялъ полусвѣтъ.

— Самъ я не имѣю желанія. Да и некогда... Развѣ
вамъ это было бы... нужно?

Онъ набрался смѣлости и посмотрѣлъ на нее довольно
прямо.

Нина откинулась немного на подушку и, вытянувъ ноги,
повела плечами.

— *C'est pour rire!*—выговорила она.

— И только?—спросилъ Лыжинъ, и тотчасъ же у него
внутри точно похолодѣло: онъ испугался смѣлости своего
вопроса.

— Вамъ надо сначала бросить вашу сдержанность...
Юрій Петровичъ. Я хотѣла бы видѣть васъ среди своихъ
друзей. Тогда у насъ пойдетъ на ладъ... Вы не хотите
простить женщинѣ простое любопытство. А еще такой
умный!

„Ты хитришь, — быстро подумалъ онъ, — тутъ что-то
другое“.

Изъ-за спины его, у дверей въ гостиную, раздался до-
кладъ лакея:

— Баронъ Гольцъ.

Въ одинъ мигъ Нина перемѣнила позу, еще глубже
сѣла на диванъ, такъ что ея ноги приходились на краю
его, и поправила волосы привычнымъ и красивымъ же-
стомъ, въ то время, какъ говорила лакею:

— Приси!

Лыжина она спросила тише:

— Вы его знаете?

— Въ первый разъ слышу.

— Кажется, вы его уже видѣли у Заки?

— У кого? — переспросилъ Лыжинъ, забывъ, кого она
такъ зоветъ.

— У мужа!

— Нѣтъ. А кто это?

— Вы увидите.

— Да мнѣ ужъ и пора.

— Посидите! Такъ нельзя! Вы убѣжите, точно затѣмъ,
чтобы меня оставить...

Она не договорила. Въ сосѣдной гостиной, смягченный ковромъ, раздался звукъ шпоръ.

И въ эту минуту ихъ взгляды столкнулись. Ему показалось, что щеки ея порозовѣли. Тотчасъ же подумалъ онъ, что между тѣмъ, кто носить шпоры, зазвучавшія въ гостиной, и женщиной, про которую она спрашивала, есть связь.

— Bonjour, vaion! — небрежно, совѣмъ другимъ звукомъ, выговорила Нина и такъ же небрежно кивнула головой вбокъ.

Лыжинъ долженъ былъ встать: около дивана помѣщался только низенькій стулъ, гдѣ онъ сидѣлъ. Офицеръ, выше его ростомъ, на ходу сдѣлалъ общій поклонъ и потомъ приблизился къ дивану, чтобы взять руку хозяйки. Это можно было сдѣлать только сильно нагнувшись.

— Monsieur Лыжинъ, — баронъ Гольцъ, — представила она ихъ.

Лыжинъ нигдѣ не видалъ этого гвардейца, но у него вдругъ явилось соображеніе, и онъ, когда подавалъ ему руку, спросилъ его:

— Васъ, баронъ, я, кажется, уже видѣлъ на-дняхъ?

Онъ выдумывалъ, и эта выдумка ему зачѣмъ-то была нужна. И не глядя на Нину, онъ почувалъ, что она насторожила уши.

— Гдѣ же? — спросилъ Гольцъ совершенно просто.

— Въ garpi, гдѣ я живу.

Онъ назвалъ улицу.

— Весьма возможно, — отвѣтилъ Гольцъ.

И тутъ только Лыжинъ взглянулъ на Нину: въ глазахъ у нея что-то промелькнуло.

„Такъ и есть!“ — рѣшилъ онъ, и этотъ выводъ его обжегъ. Останься онъ еще — а надо было торопиться — ему будетъ тяжело присутствовать въ качествѣ третьяго лица.

— Куда же вы торопитесь?

Нина поглядѣла на него такъ, что онъ почувствовалъ себя ея „сообщникомъ“. И улыбка была въ ея глазахъ, и желаніе дать ему понять, что она не проста спрашивала про красивую брюнетку.

— Опоздаю на поѣздъ, Нина Борисовна, — выговорилъ Лыжинъ.

Онъ не отвѣтилъ ей такимъ же взглядомъ.

— Возвращайтесь скорѣе!

Она, по-английски, пожала ему руку. Офицеръ еще разъ поклонился, опустивъ одну голову на грудь.

„Такъ вотъ это кто!“—выговорилъ онъ мысленно, спускаясь въ сѣни. Ростъ, профиль, цвѣтъ лица, волосы барона еще мелькали передъ нимъ. И его защемила могучая молодость этого гвардейца.

XVI.

Лакей подаль чашку чаю барону Гольцу и удалился.

Нина и позднѣе, съ четырехъ, не разливала сама, кромѣ средъ, когда у ней бывали большіе „five o'clock“, которые Захаръ Лукьяновичъ называлъ просто „кѣлки“,— не по незнанію англійскаго: онъ владѣлъ имъ свободно и зналъ гораздо больше про Англию и англичанъ, чѣмъ его жена.

Гольцъ сидѣлъ на томъ же низкомъ стульчикѣ, какъ и Лыжинъ, четверть часа раньше, вытянувъ свои длинныя ноги.

— Изъ какихъ же онъ собственно?—спросилъ баронъ.

Они говорили о Лыжинѣ.

— Я не знаю, какой на немъ чинъ. Онъ былъ помѣщикъ и продалъ имѣніе мужу. А потомъ принялъ отъ него мѣсто... какъ бы сказать?—ревизора.

— Надъ чѣмъ?

Лицо Гольца сейчасъ перемѣнило выраженіе. Оно сначала тихо улыбалось, и тонъ былъ полусутоливый, все съ той же спокойной безцеремонностью, который подзадоривалъ Нину, безъ всякаго желанія показать хоть намекъ на то, что онъ способенъ оцѣнить ее какъ женщину и хозяйку салона. Но какъ только рѣчь зашла о Лыжинѣ и его теперешней службѣ у Захара Лукьяновича, тонъ сейчасъ же перемѣнился у него. И это ее кольнуло, но она продолжала говорить о Лыжинѣ сочувственно и серьезно, какъ бы съ намѣреніемъ.

И вопросъ Гольца: „надъ чѣмъ“ звучалъ совершенно серьезно.

— Онъ будетъ наблюдать, какъ содержатся рабочіе.

— А-а! Вотъ что! Да онъ самъ-то какихъ взглядовъ? Красный?

На красивой переносицѣ барона легла складка.

— Не думаю... Прежде, можетъ-быть, за нимъ это во-дилось. Но теперь... Il en est revenu!

— Все-таки же... такихъ господъ не совсѣмъ-то без-

опасно пускать... Я знаю это по опыту. Вотъ въ имѣньѣ нашемъ... Мы съ братомъ тоже выписали одного... изъ академіи, ученаго агронома. А онъ, вмѣсто того, чтобы фосфоритомъ заниматься, сталъ мутить батраковъ на фермѣ и насчетъ платы, и насчетъ часовъ работы. Эти господа теперь притворяются, хитрятъ. Они опаснѣе, чѣмъ были прежде, когда прямо выдавали себя, одѣвались Богъ знаетъ какъ и сразу грубили... Умнѣе стали.

То, что онъ говорилъ и какъ это у него выходило, должно бы ей нравиться. И онъ, и ея „Закки“ такихъ же взглядовъ. Не его направленіе задѣвало ее, а его манера говорить съ нею, точно будто передъ нимъ сидитъ самъ Захаръ Лукьяновичъ, да и передъ нимъ онъ будетъ имѣть болѣе свѣтски-почтительный тонъ.

— Это дѣло Закки. Я въ его хозяйство не вхожу.

Она на него взглянула при этихъ словахъ, точно желая ему дать понять, что они оба—люди „*du menu bord*“ и имъ нечего спорить. У нихъ долженъ быть *свой* разговоръ.

Но этого онъ не хотѣлъ понять.

— А вы его... и къ своей особѣ приставили?

— *Dans quel sens?*—совсѣмъ строго спросила Нина.

— *Comme confident...* Да нѣтъ,—поправился онъ и полунасмѣшливо поглядѣлъ на нее,—вамъ наперсникъ не нуженъ. Вамъ нечего рассказывать. Знаете... Вотъ какъ въ трагедіи?.. Я Сару Бернаръ видѣлъ въ „Федрѣ“.

— Какой примѣръ!

Она рѣшительно сердилась на этого полунѣмецкаго *bellâtre*.

— Я только такъ... Вѣдь это все равно. Вамъ не то что уже въ любви къ тому... какъ его зовутъ по пьесѣ... къ пасынку, что ли... ха-ха! а вообще не въ чемъ каяться.

— Какъ же вы можете знать?

Нина приняла другую позу на краю дивана.

— Это сейчасъ видно.

Гольцъ добродушно засмѣялся и повелъ рукой, въ которой держалъ папиросу: курить она ему разрѣшила.

— *Que c'est bête!*

Это восклицаніе вышло у нея почти грубо.

— *Pardon, madame, ce n'est que franc et flatteur pour vous.* Вашъ супругъ можетъ спать спокойно.

— Супругъ мой тутъ ни при чемъ.

Слово „супругъ“, хотя Гольцъ выговорилъ его просто,

показалось ей новой дерзостью. Этотъ „баронъ“ хочетъ показать, что мужъ ея—купчиха, и какъ бы жалѣетъ ее за „*mésaillance*“.

— Да онъ и не изъ такихъ,—продолжалъ, не мѣняя тона, Гольць.

— Не изъ какихъ это?

Еще одно слово—и она способна была дать на него окрикъ.

— А вотъ изъ нынѣшнихъ... *Des maris complaisants*. Нѣтъ, онъ не такой. Это тоже сейчасъ видно.

Ей смертельно захотѣлось сказать ему:

„Вы, стало-быть, ухаживаете только за женами тѣхъ, кто вамъ не страшень?“

— Вы наблюдательны,—сказала она съ недобримъ смѣхомъ.

— Это чувствуется.

— Да... Закки, прежде всего, человѣкъ съ характеромъ и ни передъ кѣмъ не сниметъ шапки первый. *Les titres ne lui en imposent pas*,—не выдержала она и даже поглядѣла на него. — Мой дядя, князь Иларіонъ, гостить у насъ.

— Князь?—вопросительно перебилъ ее Гольць, и опять лицо его стало серьезно.

— Князь Зарайскій... Братъ моего отца.

— Кое-что, кажется, слышалъ про него. Онъ большой чудакъ?

— Почему же чудакъ?

— Какъ же... Роздалъ все крестьянамъ и живетъ въ шалашѣ... Онъ, значить, толстолицъ?

— И не думаетъ. Онъ еще тридцать лѣтъ до эмансипаціи отпустилъ крестьянъ на волю.

— Они ему, конечно, и показали, какую онъ глупость сдѣлалъ.

Опять она должна была бы согласиться съ нимъ. Развѣ она про себя не считала князя Иларіона полусумасшедшимъ, и если не подсмѣивалась надъ нимъ, то потому только, что онъ -- ея дядя, князь Зарайскій, и имъ она желаетъ держать мужа въ еще бѣльшемъ уваженіи къ тому, кѣмъ она была, когда выходила за него.

— Это до меня не касается,—сухо выговорила она и, рѣзко мѣняя разговоръ, спросила:—Вы будете у старухи Козлишевой?

Она знала черезъ Nanon, что онъ званъ.

— Явлюсь,—отвѣтилъ онъ, почему-то наклонивъ голову въ видѣ поклона.—Полученный рауть будетъ...

— Да, ея дочь—довольно противная педантка.

— Ей бы замужъ... Оттого она и въ ученость ударилась.

— Ce sera très disparate... И мою тетку Акридину будутъ фэтировать. Вы ея не знаете?

— Не имѣю удовольствія.

— Un bas bleu.

— Кажется, и дѣвочки будутъ... свѣженькія.

— Дѣвочки?—переспросила Нина и сжала губы.

— Pardon! Мы такъ дѣвицъ зовемъ.

— Гдѣ? Въ манежѣ?

— Вездѣ. Онѣ не обижаются.

Она только повела плечами и подумала: „Да онъ просто—дурачокъ! Хороша и я!“

— Ну, да. Внушки старухи. Незбѣжныя Модъ и Мэдждъ.

— Англизированные... Ростомъ онѣ вышли!

„И какъ этотъ баронъ мѣтко выражается по-русски: ростомъ вышли!“—подумала Нина.

— Des nullités! — выговорила она уже прямо презрительно.

— Eh, madame, toutes les femmes sont bonnes!

И баронъ махнулъ рукой уже совсѣмъ безцеремонно.

Онъ даже не спросилъ, собирается ли она на этотъ рауть, а ей, вопреки его глупому поведенію, хотѣлось туда сильнѣе, чѣмъ вчера и третьяго дня.

Онъ поставилъ чашку на восточный столикъ, окурокъ папиросы бросилъ въ пепельницу и потянулся. Ей показалось даже, что онъ сдержалъ зѣвоту.

Нина чуть не спросила:

„Вы, кажется, зѣваете? Съ нихъ, съ этихъ „конюховъ“ въ цвѣтныхъ фуражкахъ, теперь все станется“.

И она горько упрекнула про себя первую свою подругу Напон: въ обществѣ *такихъ* женщинъ всѣ эти мужчины невыносимо балуются и привыкають чувствовать себя вездѣ, какъ въ трактирѣ съ арфистками — хуже, потому что за тѣми они, хоть и пошло, но ухаживають.

Красивый офицеръ сидѣлъ передъ ней, подобравъ ноги въ безукоризненную позу, и надѣвалъ замшевую перчатку на правую руку.

Перчаткой своей онъ занимался съ особенной серьезностью и какъ бы забылъ о существованіи Нины. Это

продолжалось не болѣе полминуты, но впечатлѣніе Нина получила именно такое.

Послѣ того онъ всталъ, слегка отряхнулся, благодушно улыбаясь, протянулъ ей руку и опять поклонился, опустивъ голову на грудь, своимъ форменнымъ поклономъ кавалериста и гвардейца.

— Bonjour, — медленно сказалъ онъ и, повернувшись съ особой, важной тяжеловатостью, пошелъ къ двери.

— Bonjour, — небрежно отвѣтила она ему вслѣдъ.

Ей не удалось кончить разговоръ чѣмъ-нибудь такимъ, что его совсѣмъ бы „приплюснуло“.

Около самой двери, но уже въ гостиной, звукъ шпоръ стихъ и раздался голосъ Захара Лукьяновича. Она не слышала фразъ, которыми они обмѣнялись. Вставать ей не хотѣлось. Она, какъ въ разговорѣ съ Лыжинымъ, почти легла вглубь дивана и подперла себѣ грудь шелковой подушкой, расшитой золотомъ.

— Нина! Ты здѣсь? — окликнулъ ее мужъ.

— Здѣсь... А что?

Захаръ Лукьяновичъ подсѣлъ къ ней на диванъ. Онъ улыбался и, переждавъ съ полминуты, тихо сказалъ:

— Красивый „калегвардъ“, — и онъ протянулъ это жаргонное слово, вычитанное у Щедрина, — а кажется не изъ пушихъ. Какъ ты скажешь?

— И очень.

— То-то... Однако, производитъ давленіе?

— Какое? — со смѣхомъ спросила Нина.

— Мужскимъ естествомъ?

— Не знаю.

Она взглянула на Захара Лукьяновича, и весь его видъ былъ такой, что слова барона выступили у ней въ головѣ: „да, Закки не изъ нынѣшнихъ мужей“.

„Тѣмъ лучше!“ — почти вслухъ выговорила она.

— А все-таки, Нина, я его позвалъ обѣдать въ субботу. Знаешь, такой офицеръ — въ родѣ какъ каріатида или ваза на столѣ.

„Вотъ какъ!“

Она возмущалась за себя, и сейчасъ же весь „изумительный“ туалетъ, какой она надѣнетъ къ Козлищевой, представился ей. И глаза ея блеснули. Въ нихъ было написано: „посмотримъ“.

Мужъ нѣжно поцѣловалъ ее руку.

XVII.

Извозчицья карета, съ пѣвучимъ свистомъ промерзлыхъ колесъ, тащилась въ гору отъ бульвара на Остоженку. Морозъ былъ градусовъ въ двадцать пять.

Укутанныя въ шали, сидѣли въ каретѣ Ида и Акридина. Старуха Козлишева настояла на томъ, чтобы на ея первый раутъ, по приѣздѣ ея дочери Смоквиной изъ-за границы, Ида явилась непременно. Отъ нея трудно было отвергнуться, когда она чего-нибудь захочетъ. По крайней мѣрѣ пять записокъ получила отъ нея Ида — одна другой курьезнѣе по стилю.

Пришлось уступить ей. Ида больше всего боялась всякой „исторіи“ изъ-за нея. „Выѣзжать“ она не хотѣла, кромѣ театра и музыкальныхъ вечеровъ въ собраніи. У нея и платья не было въ гардеробѣ подходящаго къ такому рауту.

Но старуха въ послѣдней своей запискѣ, дѣлая ошибки на обоихъ языкахъ, писала ей:

„Вечеръ мы съ дочерью даемъ какъ бы въ честь вашего друга, Елены Константиновны, и вамъ, бездѣнная моя, нельзя отказаться. Vous appartenez aussi à l'intelligence“.

Она перевела такъ слово „интеллигенція“ и еще два раза его повторила. Обѣ онѣ не мало смѣялись, и Елена послѣ того стала звать Иду изъ одной комнаты въ другую:— „Chère intelligence, écoute donc!“

Имъ обѣимъ предстояло и еще удовольствіе — дочь Козлишевой, вдова Смоквина. Она не попала на съѣздъ, гдѣ Елену такъ принимали, но хотѣла себя „вознаградить“, какъ она выразилась, дѣлая визитъ Акридиной. Этотъ визитъ длился цѣлый часъ, и обѣ онѣ отъ него настрадались. Смоквина считала себя передовой и начитанной женщиной и ставила себѣ въ немалую заслугу то, что у себя въ имѣніи раскопала два кургана и въ одномъ изъ нихъ нашла запястье.

Она называла его „фѣбулой“ по-древнему, и это слово произносила она съ мягкимъ „л“ — фѣбуля — и нараспѣвъ. Не менѣе десяти разъ употребила она его въ теченіе своего визита.

Когда она, наконецъ, уѣхала, то Елена вскинула руками и закричала, забѣгавъ по гостиной:

— Ида! Я отказываюсь отъ археологіи! Это ужасно! Это ужасно! Такая мадамъ!

И между собою онѣ ее прозвали „фйбүля“.

Ида поѣхала и потому еще, что боялась за свою подругу. Она знала, что Боярцевъ будетъ у старухи. Елена, скрывая это, дѣлала большія приготовленія къ вечеру, заказала себѣ новый туалетъ. Ей надо было загладить, во что бы то ни стало, впечатлѣніе послѣдняго спора съ Боярцевымъ. За собою ей необходимо слѣдить, сдерживать себя... Нельзя ее предоставить самой себѣ. Добрымъ „товарищемъ“ Ида всегда была; а теперь, когда у нея нѣтъ никакой личной жизни чувства, въ дружбѣ она стала еще строже къ себѣ и еще добрѣе съ своими пріятелями—и женщинами, и мужчинами.

Какъ Елена ни скрывала свои хлопоты о платьѣ, но Ида и тутъ должна была помочь ей. Благодаря ея совѣтамъ, у ней сегодня очень милый туалетъ, изъ чернаго фая съ бархатомъ и съ большой кружевной бертой, молодить ее и вообще чрезвычайно идетъ.

И себѣ Ида заказала въ магазинѣ „A la ville de Lyon“ темный туалетъ, который ее старилъ: она это знала и почти нарочно выбрала себѣ цвѣтъ матеріи и покрой, чтобы Елена, ея ровесница, смотрѣла моложе ея.

Та поняла это и, безъ словъ, поблагодарила, поцѣловала ее горячо въ лобъ, когда онѣ обѣ, выйдя каждая изъ своей спальни, сошлись въ гостиной.

Дорòгой они молчали: и та, и другая боялись простуды—Елена больше Иды. Лакея они не нанимали. Карета была валкая и раскатывалась то и дѣло съ одной стороны улицы на другую.

Съ такимъ же визгомъ колесъ вѣхали онѣ въ ворота длиннаго дворянскаго особняка, ярко освѣщеннаго по всему фасу.

Въ передней, гдѣ пахло смѣсью керосина и курительнаго порошка, еще не сидѣло ни одного чужого лакея.

— Мы первыя,—сказала Акридина вполголоса, охорашиваясь передъ зеркаломъ.

— Я тебѣ говорила, — отвѣтила ей Ида тономъ старшей сестры.

Торопилась Елена, и она не хотѣла ей противорѣчить.

Когда обѣ онѣ входили въ первую комнату, залу, пустую и очень свѣтлую, съ бѣлой старинной мебелью, всякій бы нашелъ Елену гораздо моложе Иды. Та, на-

рочно, одѣлась и причесалась „подъ цвѣтъ своихъ волось“, какъ она пошутила, садясь въ карету. Прежняя Ида только и выдавала себя какими-то необычайными духами и парижскими перчатками безъ пуговиць. На ея худощавыхъ рукахъ онѣ дѣлали множество складокъ.

Елена, въ своемъ новомъ туалетѣ, заказанномъ во французскомъ магазинѣ, и съ прической, которая молодила ее, въ новомъ корсетѣ, какъ-то вся подтянулась, и лицо, слегка напудренное, смотрѣло свѣжѣе; вѣки не были красны.

У старухи, по-заграничному, лакей, стоя въ портьерѣ гостиной, выкрикивалъ фамилии.

— А-а!.. Мои подруги! — раздался зычный голосъ Катерины Яковлевны.

Но ея самой еще не было видно.

Она сидѣла сбоку на диванѣ, заставленномъ низкими шелковыми ширмами. Гостиная, хотъ и освѣщенная люстрой, смотрѣла хмуро съ ея темной триповой мебелью и закоптѣлыми картинами.

Козлишева сдѣлала имъ ручкой издали и, не стѣсняясь, продолжала свою сцену съ дочерью.

Смоквина была еще молодая женщина. Небольшого роста, она начала уже толстѣть; атласное сиреневое платье сидѣло на ней въ обтяжку, съ полуоткрытыми рукавами и большимъ вырѣзомъ на груди.

На всеѣ ея бѣломъ и жирномъ лицѣ точно лежалъ слой лака—такъ оно блестѣло.

— Душечка мама,—угovarивала она мать, смягчая до приторности звукъ голоса, — я тебѣ говорю, что тебѣ нельзи здѣсь сидѣть—изъ того окна дуетъ, и ты на самомъ сквозномъ вѣтрѣ. Опять всю ночь будешь кашлять.

— Вотъ... милая моя сосѣдка, — Козлишева притянула къ себѣ Иду и поцѣловала ее въ лобъ, — и вы, дорогая моя Елена Константиновна,—моя дочь изволить муштровать меня.

— Привѣтствую,—торжественно заговорила Смоквина, подавая руку Еленѣ,—въ лицѣ вашемъ...

— Пстой! Дай мнѣ кончить!—почти крикнула мать.— Ты еще успѣешь душить ихъ своими фразами. Я вамъ говорю, mesdames, она меня своими приставањями въ гробъ вгонить! — старуха не разставалась съ кляукой и стукнула ею о коверъ. — Живу я въ деревнѣ, чуть на лыжахъ не кожу—и по вѣтру, по морозу, и на гумно, и

въ лѣсъ... Какъ только Варвара Сергѣевна пожалуетъ изъ теплыхъ странъ—пойдетъ муштровать матери.

— Какъ тебѣ угодно! — промолвила Смоквина, сѣла вбокъ и сложила губы бутоньомъ.

— Да! Мнѣ угодно, чтобы ты меня не мучила.

— Mesdames, prenez place! — пригласила вдова и сдѣлала живописный жестъ рукой.

— Онѣ и безъ тебя сядутъ. Вотъ сюда, поближе! — скомандовала имъ Козлишева.— Не бойтесь, отъ сквозного вѣтра не схватите воспаления. Нѣтъ! — воскликнула она и обернула къ нимъ свое мужеподобное лицо, въ эту минуту раздраженное не на шутку. — Вы себѣ, дорогія мои подруги, не можете представить, какъ дочь моя способна уходить человѣка только одной своей любовью!

— Матап, я думаю, нашимъ прелестнымъ...

— Помолчи, сударыня! Сама виновата! У меня слишкомъ накупѣло. Ты мужа своего тоже свела въ гробъ любовью!

— Матап!

— Ничего, матушка. Да, сладостью своей и приставаньями. Изъ здороваго мужчины сдѣлать ипохондрика! Такъ ты его пугала, точно на жизнь его покушались всѣ, такъ задергивала! Ну, и кончилось тѣмъ, что отъ чистѣйшаго вздора сошелъ въ могилу.

Старуха, начавъ шутливо, перешла въ обычный тонъ разноса.

Елена и Ида сидѣли тихо и старались не глядѣть ни другъ на друга, ни на хозяйку съ дочерью.

Но имъ обѣимъ было скорѣе приятно присутствовать при разносѣ этой слащавой и льстиво-торжественной „бабы“, какъ ее называла Акридина.

Смоквина старалась кротко улыбаться; ее выдавали два круга, выступившіе на щекахъ. Но мать ея не боялась и, по-свѣдому тщеславная, умѣла ее разоблачать и съ глазу-на-глазъ, и при постороннихъ.

— То же будетъ и съ дочерью. Варвара Сергѣевна изволить воспитывать принцессу крови, да еще не простую, а вотъ что въ сказкахъ, подъ стекляннѣмъ колпакомъ. Все по часамъ... Дѣвочки хочется шалить, бѣгать, посмотрѣть на гостей! Помилуйте! Высочайшій регламентъ, и нието не смѣй до нея дотронуться. Никто не смѣй сказать ей „ты“. Боже избави! Она какъ царь-дѣ-

вица! За золотой рѣшѣткой! И всѣ должны пасть ницѣ и цѣловать ея ножки!

— Я молчу.

Смоквина поведла плечами и посмотрѣла на Иду и Елену съ выраженіемъ жертвы своей дочерней добродѣтели.

— И выйдетъ недотрога-царевна! Безъ крови! Кукла на пружинахъ!

Громкій голосъ лакея прервалъ потокъ рѣчей старухи.

XVIII.

Протянулся цѣлый часъ. Гости разбрелись по тремъ комнатамъ.

Было, въ общемъ, томительно. Еленой овладѣла Смоквина и представляла ее всѣмъ незнакомымъ съ нею, называя непременно: „наша знаменитая соотечественница“ или: „наша звѣзда“. Около нея она усадила въ особый уголь двоихъ ея „собратовъ“, порядочно надоѣвшихъ ей и на съѣздѣ, специалистовъ. Одного звали Теопемптовъ, другого — Разказовъ. Первый давно пріѣлся ей своимъ стариковскимъ чудачествомъ, съ разговоръ на „онъ“ и семинарскими шуточками; второй раздражалъ хлѣсткой убѣжденностью „русакъ“ и задорными выходками противъ всего, что не отзывается „чистотой суздальскаго стиля“ и красотами древне-русскихъ колокольныхъ „шатровъ“.

Посидѣлъ около нея и Эсауловъ, погримасничалъ, раза два зѣвнулъ и откочевалъ отъ нея, какъ только явилась Нина Кумачева, вся въ брильянтахъ.

Въ своемъ ученомъ углу Елена томилась. Иду она видѣла далеко отъ себя, въ разговорѣ съ двумя пожилыми мужчинами. Она знала, что высокій — губернаторъ изъ провинціи; другой — маленькаго роста — генералъ въ запасѣ. Смоквина представляла ей обоихъ, но ихъ фамиліи тотчасъ же вылетѣли у ней изъ головы.

Безпрестанно глядѣла она въ сторону двери, въ залу. Боярцева все не было. О чемъ-то оба специалиста заспорили и обращались къ ней. Она имъ отвѣчала невпопадъ или совсѣмъ не отвѣчала.

И такъ она стала себѣ смѣшна, особенно послѣ фразъ Смоквиной, которая ее „продюизировала“, точно какого рѣдкаго звѣря! Вспомнилось ей, изъ дѣтскихъ годовъ, дурачество ея дяди, когда тотъ представлялъ нѣмца, выхваляющаго звѣрей въ клѣткахъ на ярмаркѣ:

„Это есть большой африканскій левъ, три годъ старъ, ошень молёдой“.

Исчезнуть бы отсюда невидимкой и очутиться въ комнаткѣ у него, въ мезонинѣ, куда она до сихъ поръ не проникла. Она была-таки—узнать о здоровьѣ его матери. Боярцевъ принялъ ее внизу, благодарилъ, но казался стѣсненнымъ и наверхъ къ себѣ не попросилъ.

Можетъ-быть, онъ посмотрѣлъ на ея визитъ какъ на простую уловку. Это ее грызло.

И вдругъ ей не удастся сегодня имѣть съ нимъ разговоръ, какого она жаждетъ. Эта Смоквина будетъ опять водить къ ней разный народъ на поклонъ, точно прикладываться къ мѣстному образу.

Никогда еще извѣстность не тяготила ее какъ сегодня. Да и никто тутъ ею, въ сущности, не интересуется, даже и два тошныхъ спеціалиста, что мѣшаютъ ей вырваться изъ того угла, куда ее зачихала Смоквина. Хоть бы Ида подошла и взяла ее. Но та на нее не смотритъ.

Недоброе чувство заняло у ней въ груди. Ида хоть и неэффектно одѣлась, но была интересна, и сѣдѣющіе волосы не мѣшали ей казаться молодой женщиной. Теперь только она вполнѣ поняла: Ида нарочно сдѣлала такъ, чтобы не смотрѣть моложе и интереснѣе ея. Такое великодушіе нисколько ее не трогало; напротивъ, обижало.

Ида замѣтила уже, что Еленѣ совсѣмъ не весело съ своими „собратами“. Ей хотѣлось, чтобы Боярцевъ поскорѣ явился. Можетъ-быть, старуха устроить въ залѣ танцы—молодыхъ дѣвицъ она уже замѣтила нѣсколько—и тогда Елена можетъ улучшить минуту и сѣсть съ нимъ въ угловой комнатѣ, если только хозяйки, въ особенности эта ужасная Смоквина, оставятъ ее въ покоѣ.

Изъ двухъ ея кавалеровъ одинъ ей былъ очень не пріятенъ. Онъ остался съ ней сидѣть; другой, пріѣзжій губернаторъ, отошелъ къ Нинѣ Кумачевой. Этого дѣлающаго служебную карьеру барина она нигдѣ до того не встрѣчала, и его тонъ она нашла довольно банальнымъ.

Но того, кто остался съ нею, генерала Кишкетова, она знавала за границей и встрѣтиться съ нимъ никакъ не желала.

Кишкетовъ—худой, небольшого роста, бритый, съ длинными, по-модному растрепанными усами — держался немногу сутуловато, ловко носилъ очень узкій фракъ и не

вынималъ изъ лѣваго глаза монокль. Трудно было признать въ немъ генерала въ запасѣ. Говорилъ онъ отрывисто, увѣренно, исключительно по-французски. Издали онъ смотрѣлъ еще молодымъ мужчиной. Ему шелъ уже седьмой десятокъ. Онъ красился; по желтоватому лицу ползли тонкія морщины. Зубы были также вставные.

Ида видала его въ Парижѣ, гдѣ онъ бываетъ часто, въ ту полосу ея жизни, когда она была наканунѣ второго крушенія. Онъ зналъ ея француза... зналъ, кажется, и про ихъ отношенія.

У него достало такта, чтобы не начать ее спрашивать о ихъ общемъ парижскомъ знакомомъ, но тотчасъ же, какъ они остались одни, онъ, злобно усмѣхнувшись, заговорилъ съ ней на особенный ладъ, какъ говорятъ съ женщинами „безъ устарѣлыхъ предразсудковъ“ изъ одного съ нимъ общества виверовъ, и его узкіе глаза, съ металлическимъ блескомъ, досказывали ей все остальное.

— Зачѣмъ вы здѣсь, въ Москвѣ?— спросилъ онъ, пожавъ плечами.—Почему не тамъ? Изъ экономіи?

Всѣ эти вопросы онъ дѣлалъ быстро, своимъ сухимъ, пронизывающимъ голосомъ.

Идѣ не хотѣлось отвѣтить ему любимымъ словомъ:

— J'ai enragé!

Ей онъ былъ теперь непріятенъ до-нельзя и сразу напомнилъ ей тотъ Парижъ, откуда она пріѣхала „старухой“, съ холодящей пустотой и равнодушіемъ. А тогда она выносила подобныхъ молодящихся развратниковъ. Они ей не были омерзительны, хотя про Кишкетова она слышала не мало возмутительнаго.

Пересиливъ свое внезапное отвращеніе, Ида сказала ему съ прежними интонаціями:

— Вы теряете время. Идите вонъ туда. Посмотрите, какъ хороша Нина.

— Кто? А!.. Кумачева? Чудесныя плечи. Но она еще глупа. Охраняетъ свою добродѣтель. Злитъ, вѣроятно, на то, что стала купчихой.

— Все равно,—перебила его уже безцеремоннѣе Ида,— идите къ ней.

Въ дверяхъ показался Боярцевъ и увидалъ ее первый. Но его перехватила-было Смоквина и что то ему отчитывала слащаво и громко. Онъ направился въ сторону Иды.

— Вы съ нимъ знакомы?— спросилъ ее Кишкетовъ съ гримасой.—Онъ пропахъ добродѣтелью.

И когда Боярцевъ подходилъ къ Идѣ, генералъ поднялся и сказалъ:

— Уступаю ему мѣсто. Вижу, что мнѣ съ вами не везетъ.

Это было сказано въ томъ же дерзко-фамиллярномъ тонѣ, какого онъ держался со всѣми женщинами, кромѣ нѣкоторыхъ, очень высокопоставленныхъ.

Сухо-вѣжливо раскланялся онъ съ Боярцевымъ и отошелъ къ Нинѣ.

— Защитите меня!—сказала Ида, протягивая руку Боярцеву.

Она замѣтила, что онъ блѣденъ и разстроены.

— Отъ кого?—равнодушно улыбнувшись, спросилъ онъ и сѣлъ.

— Отъ обѣихъ хозяекъ... Не садитесь около меня. А то одна изъ нихъ увидитъ васъ.

— Я уже говорилъ и съ матерью, и съ дочерью.

— Все равно. Дочь начнетъ намъ объяснять, кто мы такіе.

Боярцевъ тихо размѣялся.

— Воображаю, какъ Еленѣ Константиновнѣ уже пришлось натерпѣться.

„Онъ первый о ней вспомнилъ“,—подумала Ида, точно мать или старшая сестра.

— Вы видите, гдѣ она?

— Нѣтъ. Я вѣдь полуслѣпой.

— Вонъ тамъ, въ углу, съ двумя учеными господами.

— Бѣдная!

— Подите ее выручить. Не занимайте меня. Я забьюсь въ уголь. Мнѣ такъ будетъ лучше. Только скажите,—она остановилась, — вы что-то разстроены... Да? Или я ошибаюсь?

— Меня беспокоитъ здоровье матушки, — сказалъ онъ по-русски.—Я не хотѣлъ ѣхать.

„Значитъ, онъ обѣщалъ Еленѣ“,—подумала Ида.

— Матушка настояла,—продолжалъ Боярцевъ.

— Но опасности нѣтъ?

— Не знаю, какъ вамъ сказать. Жаръ не спадаетъ... Большая слабость.

Боярцевъ провелъ рукой по лбу и опустилъ голову.

— Подите къ Еленѣ, поспорьте съ ней. Она нынче очень добрая, и споръ будетъ пріятный.

И тотчасъ она замѣтила про себя:

„Вѣдь я точно толкаю его къ ней. Зачѣмъ?“

Изъ этой любви не выйдетъ для Елены ничего, кромѣ горя, — такъ она рѣшила. И все-таки она жалѣла свою подругу. Она сама столько потратилась на любовь, и ей какъ бы стыдно стало лишать Елену того же наркотическаго снадобья.

Ида успокоилась только тогда, когда Боярцевъ очутился на другой сторонѣ гостиной. Она забилась совсѣмъ въ уголь, за трельяжъ, и перестала бояться нападеній Смоквиной. Такъ ей странно, почти смѣшно было смотрѣть на весь этотъ нескладный и скучный вечеръ, гдѣ собрался, неизвѣстно для чего, разный народъ. Въ карты не играли, не собирались еще и танцевать; говорили, по группамъ, какъ будто въ ожиданіи чего-то. Можетъ-быть, старуха угостить музыкой... Но на это не похоже.

Молодежь, нѣсколько дѣвиць—двѣ были рослыя, въ свѣжихъ туалетахъ, — два офицера, студентъ, два-три штатскихъ болтали оживленнѣе другихъ, разсѣвшись въ угловой. Нина Кумачева окружена была мужчинами: кромѣ Эсаулова, губернатора и Кишкетова, подсѣлъ къ ней старикъ съ сѣдой бородой. Ида и его когда-то и гдѣ-то встрѣчала на водахъ.

Главный пунктъ гостиной занимали обѣ хозяйки; съ ними двѣ старухи и еще сухая, некрасивая барыня среднихъ лѣтъ, кажется, жена губернатора, въ наколкѣ и съ неизбѣжнымъ черепаховымъ лорнетомъ. Тамъ же ширилась спина ея сосѣда Кличъ-Обношина. Сбоку, въ искривленной позѣ, развалился Ковригинъ, котораго Смоквина уже представляла ей и громко, точно на какомъ торжествѣ, провозгласила:

— Monsieur est l'allié des premières familles de notre pays!

Ида сидѣла неподвижно. Ей хотѣлось задремать.

Все это было для нея такъ чуждо и ненужно.

Но громкій басъ изобрѣтателя „кавалерійскихъ обителей“ не давалъ ей забыть.

— Кто сказалъ, — крикнулъ онъ на всю гостиную, — что ихъ родъ происходитъ отъ Камбйиллы? У меня спросите. Прозваніе сложилось отъ словъ: „шаръ“ и „метать“. Отсюда — „Шаромѣти“.

— Позвольте! — прервалъ его высокій мужской фальцетъ.

— Oh, mon Dieu! — шопотомъ вздохнула Ида и опять закрыла глаза.

XIX.

Нина сидѣла окруженная мужчинами: тутъ были генераль Кишкетовъ, губернаторъ Баевъ и графъ Дулинъ, изъ отставныхъ посольскихъ, съ длинной сѣдой бородой и восковымъ лицомъ.

Всѣ трое оглядывали ея плечи, шею, ея туалетъ и брильянты, и даже въ поблеклыхъ глазахъ графа вспыхивали огоньки. Всего ближе примостился къ ней губернаторъ и велъ разговоръ въ игривомъ тонѣ. Генераль вставлялъ свои тирады болѣе испорченнаго волокиты.

— Вы—царица! Мы—ваши рабы!—повторялъ губернаторъ.—Что прикажете, то и сдѣлаемъ... Птичьего молока достанемъ. Только вы насъ не слушаете. Не правда ли, генераль?

Кишкетовъ поправилъ монокль и кивнулъ утвердительно головой.

— *Madame est ailleurs!*

И онъ подмигнулъ свободнымъ глазомъ.

Графъ Дулинъ сжалъ многозначительно губы.

— Вотъ это я хвалю,—продолжалъ губернаторъ, упираясь взглядомъ въ бюстъ Нины, —хвалю, что наши хорошенькія барыньки оставляютъ мужей у себя.

— *Comme un objet parfaitement inutile!*—добавилъ генераль.

— Вашъ другъ, Nanon Верховцева, такая милая барыня, но точно пришита къ мужу... Ея нѣтъ здѣсь?

— Нѣтъ,—небрежно отвѣтила Нина.

— Навѣрно, у ея Платоши животикъ заболѣлъ, обкушался, а одна она не поѣхала.

Всѣ трое мужчинъ разсмѣялись.

Генераль поглядѣлъ въ тотъ уголь, откуда виденъ былъ профиль Иды.

— *Dites donc!*—и онъ кивнулъ головой Нинѣ, — *c'est une amie à vous... mademoiselle Radine?*

Онъ протянулъ слово „*mademoiselle*“ и наморщилъ бровь, подъ которой торчалъ его монокль.

— *Mon amie?*—переспросила Нина.—*Non pas!*

— Она нынче, кажется, въ добрыя дѣла ударилась?

Губернаторъ переглянулся съ генераломъ.

— *Une pêcheresse sur le retour,*—началъ генераль.

— *Messieurs!*—перебила Нина и перевела своими роскошными плечами.—*Vous devenez infectes de méchanceté!*

— Hein? Infectes?—повторилъ генералъ и злобно-весело воззрился въ нее.

Она готова была бы оборвать любого изъ нихъ еще болѣе рѣзкимъ словомъ. Ихъ ухаживаніе отзывалось для нея чѣмъ-то слишкомъ безцеремоннымъ. И только сегодня ей становилось ясно, что въ этомъ обществѣ, откуда она родомъ, какъ княжна Зарайская, къ ней относятся не такъ, какъ бы она желала. У себя она этого не замѣчала, а въ двухъ-трехъ стародворянскихъ гостиныхъ, куда она являлась съ визитомъ, не хотѣла замѣтить.

Сегодня это сквозило и въ фамиллярной ласкѣ старухи Козлишевой, и въ льстивыхъ банальностяхъ ея дочери, и въ особенности въ жаргонѣ вотъ этихъ трехъ „сатировъ“, какъ она мысленно прозвала ихъ. Она уже не Зарайская, а купчиха Кумачева. Сейчасъ этотъ заѣзжій губернаторъ назвалъ ее „хорошенькая барынька“. И этотъ злой развратникъ Кишкетовъ говоритъ съ ней, точно она актриса, или того похуже. Потому, должно-быть, баронъ Гольцъ и не поддается ей. Даже ея пріятель Эсауловъ, снисходительно улыбаясь, перекинулся съ нею нѣсколькими ироническими фразами, присѣлъ къ „интересной“ дамѣ, и у нихъ идетъ оживленный разговоръ; обрывки его достигаютъ до нея и раздражаютъ.

Эту „интересную“ даму, Лили Бахтурину, она знавала въ дѣвицахъ и считала всегда ужасной „roseuse“ и „краснобайкой“, всегда съ какимъ-нибудь новымъ увлеченіемъ: то спиритизмомъ, то гипнотизмомъ, то еще чѣмъ-нибудь. И теперь она тоже носится съ какой-то новой религіей, вывезенной изъ Индіи.

Ея звонкая рѣчь, то по-французски, то по-англійски, съ вставкою русскихъ фразъ, сыплется какъ горохъ. Болѣе сухой и глухой голосъ Эсаулова, съ его короткимъ смѣхомъ, идетъ вперемежку.

Въ сущности, Нинѣ нѣтъ никакого дѣла до того, о чемъ они говорятъ; но ее задѣваютъ почтительные фасоны Эсаулова съ Лили Бахтуриной. Не одну „интересную“ женщину онъ въ ней отличаетъ, а жену родовитаго, настоящаго барина, съ большимъ родствомъ, сдѣлавшую „un beau mariage“, послѣ того, какъ она выѣзжала не меньше десяти лѣтъ на послѣднія крохи.

— Je le sens! — долетаетъ до нея голосъ Лили. — Mon âme a déjà habité un autre corps.

Эсауловъ что-то возразилъ. Лили не унималась и пе-

решла на англійскій языкъ, засыпала какими-то мудреными словами.

И Эсауловъ обрадовался, ему бы только показать свое языкознаніе, пустился въ англійскій разговоръ, щеголяя произношеніемъ. Лили не сдавалась, перебивала его и трещала нестерпимо. Ежесекундно выпаливала она: „I say“, точно она играетъ въ крокетъ или кричитъ съ одного конца „Lawntennis'a“ на другой.

Все это Нина находила „отвратительной“ претензіей и готова была послать сказать своему „другу“, чтобы онъ закрылъ клапанъ и пересталъ форсить англійскимъ акцентомъ.

Наконецъ-то въ дверяхъ залы встала высокая фигура съ худыми ногами, и каска блеснула въ рукахъ Гольца. Имъ овладѣла Смоквина.

Нина выпрямилась и вся себя подтянула. Она боялась, какъ бы внезапная краснота не выдала ее. Подъ корсетомъ она почувствовала ускоренное біеніе, и ладони, подъ перчатками, стали вдругъ влажны.

— Это кто? — спросилъ въ носъ и нараспѣвъ графъ Дулинь.

— Не знаю, — небрежно отозвался губернаторъ.

— Баронъ Гольцъ, — назвалъ Кишкетовъ.

Смоквица повела его черезъ всю гостиную въ угловую, гдѣ скучились „дѣвчонки“ — Нина иначе не называла дѣвицъ, съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ. И Гольцъ шагаетъ, точно аршинъ проглотилъ, и не смотритъ совсѣмъ въ ея сторону.

Ей до боли захотѣлось сказать одному изъ троихъ „сатировъ“: „Подведите ко мнѣ барона Гольца“.

Но зеленый глазъ генерала, смотрѣвшій изъ-за монокля, удержалъ ее.

Вотъ Смоквина съ барономъ посрединѣ гостиной, въ трехъ шагахъ. Онъ наклонился — Смоквина что-то ему сказала — увидаль ее, остановился и отдалъ ей военный поклонъ. При этомъ онъ усмѣхнулся, и эта усмѣшка кольнула Нину.

Точно онъ хотѣлъ своей миной сказать:

„Сиди, голубушка, со старѣемъ. Я передъ тобой прыгать не намѣренъ“.

Она поклонилась ему горделиво, легкимъ движеніемъ головы.

— А! Генераль!—воскликнулъ губернаторъ.—Каковъ у нашей красавицы поклонъ? Царица!

— Молчите, пожалуйста, Баевъ!—вырвалось у Нины.

Она готова была ударить его вѣеромъ по лицу, такъ его тонъ сдѣлался для нея невыносимъ.

А глаза ея, противъ воли, потянули за длинной и стройной фигурой офицера, въ короткомъ вицмундирѣ, съ золотой каской въ рукѣ. Смоквина вела его къ дѣвицамъ.

Оставаться на мѣстѣ Нинѣ было тяжело. Она встала и, не извиняясь передъ своими кавалерами, замѣтила имъ на ходу:

— Съ вами скучно, господа. Вы слишкомъ сладки.

Она быстро пересѣкла гостиную и подошла къ Идѣ, а та сидѣла все въ той же позѣ, съ полузакрытыми глазами.

Нина окликнула ее:

— Vous dormez?

— Presque,—отвѣтила Ида невозмутимо.

— Quelle soirée assomante! Marchons!

Ей надо было съ кѣмъ-нибудь пройти по гостиной, чтобы незамѣтно проникнуть въ угловую.

— Et ma chère tante?—спросила она.

— La voici,—указала Ида.

Акридина сидѣла съ Боярцевымъ въ сторонѣ и что то, въ эту минуту, горячо говорила ему, сдерживая звукъ голоса.

„Даже тетенька обрабатываетъ свой предметъ“,—съ задорнымъ юморомъ подумала Нина, медленно двигаясь подъ руку съ Идой.

Въ другое время она ни за что бы не пошла съ ней подъ руку, какъ пріятельница. Но ей точно нужно было это прикрытіе.

Угловая, освѣщенная фонарикомъ и двумя лампами на штативахъ, занята была, сбоку у дверей, группой дѣвицъ въ свѣтлыхъ платьяхъ. Гольцъ сѣлъ между ними.

Однимъ взглядомъ окинула Нина эту группу: узнала двухъ сестеръ, внучекъ старухи, извѣстныхъ подъ прозвищемъ *Модъ* и *Мэджъ*. Модъ была ниже ростомъ, блондинка, съ вздернутымъ носикомъ и англійской повадкой, со стрѣлой въ круто задранномъ пучкѣ волосъ. Мэджъ—темнорусая, съ плоскимъ бюстомъ, очень высокая. Обѣ, взапуски болтая, безпрестанно двигались на стульяхъ и

дѣлали много широкихъ жестовъ. Ихъ красивенькія лица то-и-дѣло мѣняли выраженіе.

И еще двухъ барышень Нина могла назвать по фамиліямъ, но никогда съ ними не разговаривала. Одна была графиня Тырхова; другая, кажется, Сомова.

Всѣ четыре дѣвицы считались съ придапымъ. Старшей изъ внучекъ старухи тетка, старая дѣва, оставляла, кромѣ того, свое имѣніе.

„Офицеръ прицѣнивается“,—выговорила про себя Нина и беззвучно разсмѣялась.

И быстро перешла она къ тому времени, когда сама была въ дѣвицахъ. Не прожили состоянія ея отецъ, какую бы партію представляла она изъ себя для всякаго гвардейца!

Внутри у ней закипало отъ обиды и желанія сейчасъ же проучить этого профессиональнаго красавца, „professional beau“, перевела она почему-то по-англійски, а въ головѣ вертѣлась все одна и та же мысль: баронесса Гольцъ, рожденная княжна Зарайская, чувствовала бы себя иначе. Она бы и не знала о существованіи міра разночинцевъ, гдѣ такія ужасныя фамиліи, какъ Кумачевъ, играютъ роль.

XX.

У дверей въ угловую Нина сѣла съ Идой, и у ней даже вырвалось слово: Escoutons!

Кружокъ дѣвицъ, съ барономъ посрединѣ, оживленно болтала. Мэджъ очень бойко, въ лицахъ, рассказывала, какъ она, съ своими кузенами, ѣздила „въ отъѣзжее поле“. Охотничьи слова такъ и сыпались у ней.

— Будто живого волка брали?—спросилъ ее Гольцъ и поглядѣлъ на нее взглядомъ опытнаго офицера, передъ которымъ корнетъ хвастаетъ въ манежѣ.

— Матерого, понятно, не брала!

„Матерого,—повторила про себя Нина,—вотъ онѣ какія!“—и, наклонившись къ Идѣ, она полугромко сказала:

— Elles sont infectes, ces demoiselles chasseresses!

Гольцъ продолжалъ сидѣть къ ней спиной и, кажется, не догадывался даже, что она тутъ, въ двухъ шагахъ, около двери.

Ида взглядывала на нее сбоку, и чувство жалости опять закралось въ нее, хотя она и не считала Нину способной на такое увлеченіе, гдѣ нѣтъ ничего для тщеславія. Кто

знаеть, и она можетъ пойматься все на томъ же вѣчномъ женскомъ недугѣ—на притягательной силѣ мужчины.

Болтовня дѣвицъ все возрастала. Теперь уже разговоръ перешель на живопись, на мастерскія, на натурщиковъ и натурщицъ.

Модъ училась живописи въ Итали и ходила въ натурный классъ. Она рассказывала про забавные случаи въ мастерской.

— Какъ же,—перебилъ ее баронъ и пододвинулся къ ней.—И мужчины у васъ были?

— Еще бы!

— То-есть, какъ же это... въ натурѣ? Какъ есть?

Всѣ дѣвицы фыркнули.

— Еще бы!

— Мое почтеніе!

Онъ даже мотнулъ головой и щелкнулъ языкомъ.

— *Is ont la culotte!..* — добавила Модъ дѣловымъ тономъ.

— То-то!—наставительно выговорилъ Гольцъ.

Нина жадно прислушивалась.

— *Hein? Comment trouvez-vous ces vierges-là?* — спросила довольно громко Нина.

Ида только усмѣхнулась.

— *Les torses d'hommes n'ont plus de secrets pour elles!*

И она сквозь зубы разсмѣялась.

Потомъ пошли разныя словечки жаргона, и хохотъ дѣвицъ возрасталъ.

Говорили про какую-то даму, можетъ-быть, про нее, про ея туалеты, волосы, бюстъ, и кто-то изъ дѣвицъ крикнулъ:

— Фа, фа! Труу!

Гольцъ разсмѣялся и спросилъ:

— Откуда у васъ это?

— Отъ брата!—отвѣтила дѣвица.

Модъ и Маджъ еще разъ съ особымъ выраженіемъ вскрикнули:

— Фа, фа! Труу!

Нина переглянулась съ Идой и выговорила:

— *Sont-elles assez ignobles!*

Но она желала бы очутиться въ кружкѣ ихъ, овладѣть разговоромъ, смѣяться и болтать, употреблять слова этого офицерско-дѣвичьяго языка.

О чемъ-то заспорили, и вдругъ Модь, или сестра ея Маджъ, пустила стремительно:

— И—никакихъ!

Она хотѣла этимъ непонятнымъ, бессмысленнымъ словечкомъ отличиться передъ Гольцемъ.

Онъ захопалъ въ ладоши, и всѣ были въ восхищеніи. Они отлично понимали, чтò это значить.

„Господи!—воскликнула про себя Нина, — что же это такое?“

„И—никакихъ!“ — повторяла она, беззвучно переводя губами и стараясь запомнить таинственный терминъ.

Въ кружкѣ дѣвицъ перешли къ оцѣнкѣ какого-то сумскаго драгуна или заѣзжаго гусара.

Модь, особенно сильная по части офицерскаго жаргона, выговорила, сдѣлавъ забавную мину ртомъ:

— Выправка есть; но у него *энь ума*.

— И это знаете? Ха-ха!

Гольцъ былъ въ восхищеніи. Теперь четыре дѣвицы совсѣмъ окружили его и изъ-за ихъ причесокъ и плечъ видна была только его коротко остриженная аккуратная голова нѣмецкаго склада.

Нина старалась понять, чтò значить „*энь—ума*“... Вѣроятно, студентъ или юнкеръ изъ алгебры вынесъ этотъ „энь“, и вмѣсто „онъ—глуповать“ начали говорить: „у него—энь ума“.

И красивый „бѣлофуражникъ“, котораго она не смогла сразу объѣздить,—совершенно въ своей стихіи, болтая съ дѣвчонками, искусившимися во всемъ, чтò только можетъ сдѣлать ихъ тонъ приятнымъ для жениховъ.

Ей стало дѣлаться больно за себя. Смѣшно сидить она тутъ, точно всѣми забыта. Никогда она еще не вела себя такъ въ обществѣ. У нея не доставало даже духа завести нарочно разговоръ съ Идой и притвориться, что ей особенно приятно съ ней разговаривать.

Изъ кружка дѣвицъ смѣхъ раскатами врывается въ уши Нины.

Разсказывала теперь третья дѣвица, графиня Тырхова, небольшого роста, пухлая брюнетка, съ высокой грудью молодой женщины и дѣтскими глазами. Она въ Петербургѣ побывала на поварскихъ курсахъ и взяла дипломъ.

— И школилъ васъ поваръ порядкомъ? — донесся до Нины вопросъ Гольца.

— Какъ еще! Пришлось разъ дѣлать глазурь для пи-

рожнаго. Сахаръ кипитъ въ кастрюль... Поваръ кричитъ намъ: „ну-ка, барышни, суньте большой палець; коли глазурь сейчасъ обсохнетъ корочкой—тогда ладно!“ А сахаръ-то горячій, какъ кипятокъ!

— Молодецъ!—одобрилъ Гольць.

Остальные дѣвцы прыснули.

— „Суньте!—кричить.—Здѣсь дѣло надо дѣлать, а не кочевряжиться!“

— Кочевряжиться!—подхватили остальные.

— И сунули?—спросилъ серьезно Гольць.

— И стали опускать... Только я говорю: „надо бы хоть руки-то вымыть“... А онъ ужасная свинуха, и рукъ никогда не мыль. Онъ обидѣлся, но пошелъ—вымыль. Только потомъ отомстилъ мнѣ. Мы готовили по очереди. Я ждала и сидѣла. Поваръ подходитъ: „что вы сидите, прохлаждаетесь“... „Не моя очередь“... „Нечего, нечего! Этакія здоровыя руки нагуляли“. Взялъ да и ущипнулъ меня около локтя. „Извольте морковь чистить“.

— И ты пошла?—спросила Модъ.

— Пошла.

— А то какъ же?—одобрилъ Гольць.— А мы чѣмъ хуже васъ? Я былъ—рядовой. И вахмистръ Чупренко, какъ подохнетъ, бывало, кричитъ мнѣ на всю казарму: „Ты хоть тамъ и баронъ, а изволь-ка на конюшню отправляться—лошадей чистить!“... И сколько васъ было?—основательно освѣдомился Гольць.

— Семнадцать въ нашемъ выпускѣ. Мы снялись группой, въ курткахъ и беретахъ. Были всякія... одна княжна. И нѣмецкая баронесса была,—курсистки, изъ института, всякія. Три простыхъ... Тѣ намъ сейчасъ сказали: „мы хотимъ въ кухарки“. Очень милыя, мы ихъ любили.

— Навѣрно, толковѣе васъ?

— Одна—да, Даша. И хорошенькая! Очень способная! А другія двѣ—изъ чухонокъ. Тѣ были плохи!

— Будто вы умѣете все готовить?

— Все, что было въ программѣ. И экзаменъ сдавали по нумерамъ. У насъ не вызывали: Тырхова, а номеръ третій—телятина подъ бешемелью!

Тутъ взрывъ хохота дошелъ до припадка. Когда онъ улегся, графиня Тырхова докончила свой рассказъ.

— Экзаменовали насъ всего строже изъ мясовѣдѣнія.

— Какъ? Какъ?—подхватили Модъ и Мэдждъ.

— Мясовѣдѣнія. Такъ называлось въ нашихъ лекціяхъ. Я получила только четверку.

Нина переглянулась съ Идой не въ первый разъ. Онѣ, каждая по-своему, думали объ одномъ и томъ же: какъ нынѣшнія дѣвицы лѣзутъ изъ кожи, чему-чему не учатся, даже и въ томъ обществѣ, гдѣ не въ почетъ курсы и ученость, ведущая къ нигилизму. Братъ самой волка, рисовать съ голыхъ мужчинъ, проходить выучку кухарки— и все это затѣмъ, чтобы было больше шансовъ изловить кого-нибудь.

„Бѣдняжки! — говорила про себя Ида. — Хорошо, если вы найдете въ такихъ талантахъ утѣшеніе, когда узнаете, что такое страсть и мужчина заставитъ васъ сдѣлаться его рабой!“

Другое чувство саднило въ груди Нины. И она была, когда-то, дѣвица съ талантами: знала языки, рисовала по фарфору, пѣла. Но эти дѣвчонки—новѣе ея. Онѣ скачутъ за волкомъ, онѣ не боятся голыхъ натурщиковъ, онѣ умѣютъ готовить по-ученому и сдаютъ экзамены изъ „мясовѣдѣнія“, онѣ точно изъ одного класса и одной казармы съ своими женихами—штатскими и военными. Съ ними теперешней молодежи веселѣе и удобнѣе.

Четвертая дѣвица казалась „ничевушкой“, и Нина мягче поглядѣла на нее.

— Вы знаете,—обратилась Модъ къ Гольцу, не называя его „баронъ“, — Маня у насъ играла въ прошломъ году по-гречески.

И она положила руку на плечо „ничевушки“.

Та, бѣлокурая и не рѣчистая, умѣющая только смѣяться, кивнула головой.

— Быть не можетъ!—изумился Гольцъ.

— Понятно, она—фишерка!.. Въ чемъ ты играла, Маня? Какъ, бишь, заглавіе?

— По-русски—„Умоляющія“.

— Понимаете,—пояснила Модъ,—троянки послѣ взятія Трои. Какъ эта главная?

— Гекуба,—скромно проговорила „ничевушка“.

„Ну да, ну да!—вскипѣла Нина. — Онѣ и по-гречески знаютъ“.

Она чуть-чуть не расхохоталась.

Оставаться тутъ дольше было невыносимо и нелѣпо.

Шумно подошла къ угловой дочь хозяйки и объявила, что въ залѣ будутъ танцы. Она поручила Гольцу дири-

жировать, отчего онъ хотѣлъ было отговориться. Увидавъ Нину, Смоквина всплеснула руками.

— Вы, красавица, стали невидимкой. Я васъ ищу, ищу... Баронъ, дайте руку нашей звѣздѣ!

Гольцъ тутъ только подошелъ къ Нинѣ и самымъ протымъ тономъ сказалъ:

— Здравствуйте! Я васъ и не видалъ совсѣмъ.

И повель ее черезъ гостиную.

— Вы были въ восхищеніи отъ этихъ дѣвчонокъ?—спросила она.

— Смѣшныя!

— И говорятъ вашимъ жаргономъ. Чтò такое значить, скажите мнѣ Бога ради: „И—никакихъ“?

Онъ, не смущаясь, сталъ ей объяснять значеніе этого возгласа кавалерійской команды, лѣнливо ведя ее въ залу.

Ида поднялась вслѣдъ за ними, довольная тѣмъ, что ушла отъ приставаній Смоквиной.

На нее налетѣла Акридина, сидѣвшая все время съ Боярцевымъ, въ томъ же углу, блѣдная, съ измѣнившимся лицомъ.

— Милая! Мы ѣдемъ! За нимъ прислали изъ дому. Матери хуже. Я настояла, чтобы онъ позволилъ мнѣ помочь ему и провести ночь у больной.

— Онъ согласился?—спросила Ида.

— Да! Я такъ счастлива.

Елена схватила ея руку и сильно пожала.

— Онъ уѣхалъ?

— Я предложила ему ѣхать съ нами. Но онъ полетѣлъ. Мы за нимъ. Идемъ... Только чтобы старуха насъ не остановила. Ты меня завезешь. Идемъ, идемъ!

Она стремительно взяла ее подъ руку и потащила.

XXI.

Было не больше половины перваго, когда карета, на восьми рессорахъ, подвезла Нину къ дому.

Она уѣхала послѣ вальса и одной кадрили.

Оставаться дольше на этомъ тошномъ вечерѣ она не могла.

Гольцъ протанцовалъ съ ней кругъ вальса и потомъ пошелъ добросовѣстно „поднимать“ всѣхъ этихъ невозможныхъ дѣвчонокъ, берушихъ волка за уши, сующихъ палецъ въ горячую сахарную глазурь, играющихъ по-гречески какихъ-то тамъ троянокъ и пишущихъ съ итальян-

скихъ натурщиковъ, у которыхъ одна только „culotte“. Она приготовила къ кадрили нѣсколько самыхъ язвительныхъ фразъ,—это было бы еще глупѣе!—но на кадрили Гольцъ пригласилъ старшую внучку старухи. Какъ же иначе могъ поступить такой аккуратный полунѣмецъ?

Единственное, что она получила отъ него, это подробное объясненіе нелѣпаго возгласа:

„И—никакихъ!“

Дѣвицы и ихъ кавалеры употребляютъ его тогда, когда надо сказать:

„Нечего тутъ разговаривать, это такъ, или это прервходно“.

Пошло это съ ученій, когда взводу или эскадрону офицеръ кричить:

— „Смирно, и никакихъ движеній!“

Вотъ и она должна бы себя приказать, какъ взводу гусаръ или конногвардейцевъ:

— *И—никакихъ!*

Она надѣлала на этомъ вечерѣ слишкомъ много всякихъ „движеній“. Ужъ лучше бы она скромненько попросила объясненія и другого нелѣпаго возгласа:

„*Фа, фа! Труу!*“

Должно-быть, безъ такихъ казарменно-охотничьихъ словечекъ она не заставитъ Гольца поддаться.

Никогда не презирала она себя такъ, какъ теперь, возвращаясь отъ Козлишевой. И тотъ уколъ, который она испытала своему дворянскому чувству тамъ, на вечерѣ, только еще сильнѣе засаднилъ, когда она уѣзжала оттуда. Никто и не обратилъ вниманія на ея ранній уходъ изъ залы. Даже сладкая вдова Смоквина какъ бы забыла о ея существованіи.

— Захаръ Лукьяновичъ вернулся? — спросила Нина швейцара, пока выѣздной снималъ съ ея плечъ шубу съ цвѣтнымъ тибетскимъ мѣхомъ.

— Никакъ нѣтъ!

— А князь?

— Князь только что пріѣхали.

— Онъ у себя?

— У себя-съ.

Ей захотѣлось зайти къ дядѣ—потребность въ чемъ-то излиться, о чемъ-то поговорить со свѣжимъ человѣкомъ—именно вотъ съ такимъ чудакомъ, который стоитъ внѣ всего того, во что живетъ она.

Къ дѣтямъ она не пошла; даже не подумала въ эту минуту о нихъ.

И всѣ эти палаты „дворянящагося купчишки“ дохнули на нее чѣмъ-то раздражающимъ и унижительнымъ. Точно будто она отдала всю себя въ рабство милліонамъ фабриканта „пунцоваго товара“.

Осторожно вошла она въ первую комнату того самаго отдѣленія, гдѣ жила передъ тѣмъ ея „тетенька“. Она замѣтила, какъ, послѣ ея „a parte“ съ Боярцевымъ, они исчезли. Можетъ-быть, поѣхали ужинать этотъ святоша и эта ученая радикалка? И теперь, съ бокалами шампанскаго, цѣлуются.. въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Первая комната стояла темной. Изъ спальни виднѣлся свѣтъ.

— Mon oncle!—окликнула Нина.—Васъ можно видѣть?

— Можно, можно, душа моя. Сейчас...

— Да вы собираетесь ложиться?

— Нѣтъ!.. Я раньше пѣтуховъ не ложусь.

Въ дверяхъ показался, со свѣчей въ рукѣ, князь, еще одѣтый; только верхнія пуговики жилета были разстегнуты.

Нина сѣла, и ея бѣлыя руки, безъ перчатокъ, опустились по обѣимъ сторонамъ кресла. Въ полутемнотѣ комнаты брильянты играли веселымъ блескомъ въ ея волосахъ, на шеѣ и у кистей рукъ.

Князь поставилъ свѣчу на столъ и шутливо, барскими интонаціями его времени, спросилъ:

— Faut-il allumer les flambeaux?

— Нѣтъ, дядя, зачѣмъ? И такъ хорошо.

— Была на вечерѣ?

— Убѣжала... отъ Козлишевой. Такъ несносно! Очень рада отвести душу съ вами.

— Мужъ твой тоже въ гостяхъ?

— Да, — отвѣтила она нѣхотя. — Знаете, у меня отъ разнаго вздору, отъ болтовни женщинъ и дѣвчонокъ въ голову вступило... Хотъ немножко отдохнуть въ вашемъ обществѣ.

Старикъ поглядѣлъ на нее своимъ боковымъ проницательнымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей. Племянница что-то не была съ нимъ до сихъ поръ такъ мила!

Онъ присѣлъ на диванѣ и положилъ на круглый столъ обѣ свои могучія руки.

— И вы выѣзжали?—спросила Нина, повернувъ къ нему лицо, съ возбужденнымъ взглядомъ и замѣтной блѣдностью.

— Да, у одного стараго знакомца. Отставной профессоръ Цыбашевъ. Ты не слыхала?

— Нѣтъ, не слыхала, дядя.

— Тряхнули стариной. Но онъ лѣтъ на десять слишкомъ моложе меня. Съ нимъ мы еще можемъ кое-въ-чемъ спѣться. А то я совсѣмъ какъ въ дремучемъ лѣсу среди господъ интеллигентовъ. Такъ вѣдь нынче ихъ зовутъ? Варварское слово!

Домой князь вернулся не очень веселый. Въ Москву онъ прѣхалъ съ завѣтной мечтой — найти издателя для своей „книги“ и переводовъ „подлинныхъ“ сочиненій „учителя“. Но нигдѣ онъ не находилъ отклика. Настоящихъ единомышленниковъ и совсѣмъ не было. Совѣстно даже и заикнуться объ этомъ передъ иными господами. Да и денегъ сколько нужно! А у него своихъ нѣтъ. Ну, еще переводы онъ завѣщаетъ Публичной Библиотекѣ; но увидать свою „книгу“ изданной, держать корректуры, сказать свое слово печатно, уходя въ могилу, какъ бы это было превосходно!

Чего ближе бы подѣйствовать на мужа племянницы черезъ нее? Но на это онъ первый не пошелъ бы, хотя Захаръ Лукьяновичъ съ нимъ очень почтителенъ и раза два самъ заводилъ рѣчь о его „трудахъ“ и оказался даже свѣдушимъ въ основахъ діалектики, помнилъ, по студенческимъ лекціямъ, многое, о чемъ теперь всѣ разомъ забываютъ, какъ только сдадутъ кандидатскій экзамень.

Отчего же бы не навести племянницу, именно въ эту минуту, на разговоръ о своей книгѣ?

Онъ колебался. Стыдливое чувство заиграло въ его богатырской груди.

— Дядя,—начала Нина и сдѣлала широкій жестъ правой рукой,—несчастный мы народъ.

— Кто, душа моя?

— Да мы, женщины.

— Почему?

— По всему.

— Напрасно,—оттянулъ своимъ жирнымъ басомъ князь Иларіонъ.—Если только женщина не нарушаетъ сама „амплитуды“ своего существа.

Чего?—переспросила Нина.

Pardon, mon enfant! У меня, знаешь, свой языкъ. Я говорю амплитуды; другими словами—цѣлокупности

своего проявленія въ духѣ... Что такое женщина, что она собою обозначаетъ?

Князь грузно всталъ и заходилъ по ковру.

— Ничтожество! Блажь! Вотъ что обозначаетъ!.. Une créature misérable dans tous les sens!..

Слова выходили изъ властнаго и сочнаго рта Нины съ злобнымъ усилиемъ.

Она клеймила, въ лицѣ своемъ, женщину, оттого, что все ея существо въ ту минуту безповоротно болѣло отъ сознанія, что она уже не племянница вотъ этого Рюриковича, князя Жеребьева-Зарайскаго, а разночинка, жена фабриканта „пунцоваго“ товара, которая должна быть благодарна за то, что ее принимаютъ въ старо-дворянскомъ обществѣ за-милліоны ея мужа. Нужды нѣтъ, что этотъ старикъ чудаковатъ, считается полоумнымъ, почти нищій, по доброй волѣ. Но куда онъ ни приди, въ какую угодно гостиную, онъ—„князь Иларіонъ“; свою породу онъ такъ презрѣнно не продавалъ, какъ продала она.

И ея „Закки“—совсѣмъ чужой для нея человекъ, хоть и отецъ ея дѣтей. Онъ просто „Захаръ Лукьяновичъ“, „ваше степенство“...

— Нѣтъ! Не говори этого!—вскричалъ князь и остановился посрединѣ комнаты.—Женщина преобразуетъ собою двѣ идеи: красоту и свободу. Этого и держись! Богъ одѣлилъ тебя благообразіемъ. Это—великій даръ, источникъ радости для всего сущаго, тотъ свѣточъ, безъ котораго мужчина никогда бы не позналъ божественной истины въ формѣ прекраснаго. И свобода женщины также безусловна. Она—царица!

— Царица!..—повторила Нина и нервно расхохоталась.

— Да, царица. Ея „амплитуды“, ея области воздѣйствія никто не можетъ ограничить. Только бы она сама не гналась за воображаемымъ равенствомъ, не уродовала бы себя, взваливая на свои плечи мужскую, изменную, разсудочную работу. Но въ тебѣ, дитя мое, я ничего подобнаго не вижу. Ты царишь въ домѣ, радуешь сердце твоего мужа, въ духѣ свободы и красоты, исконныхъ атрибутовъ женщины.

— Ce n'est pas du tout gai, mon oncle!—рѣзко перебила его Нина и выпрямилась въ креслѣ. — Je ne suis qu'une déclassée! Voilà.

— Déclassée! Pourquoi?

— Ахъ, Боже мой!—вскрикнула она нервно и безце-

ремонно. — Вы не хотите понять. Я польстилась на миллионы его степенства Захара Лукьяновича Кумачева, и теперь я — жена купчихи, лѣзущаго въ дворяне.

— *Ei donc, mon enfant!* Къ чему такое низменное, жалкое...

— Ахъ, оставьте!

Нина опустила голову въ полюбуженныя руки и сразу зарыдала. Слезы застлапали на ея затканное серебромъ платьѣ, и плечи поводило отъ порывистыхъ подергиваній.

— Полно, полно!

Князь растерялся и заходилъ около нея, не зная, что ему дѣлать.

— Ну, полно же, Нина! Встряхни себя. Это нервы... Душныя залы! Глупые разговоры!

Сдерживая рыданія, Нина старалась найти платокъ, запрятанный сзади тугой юбки, и дрожащими губами выговорила съ трудомъ:

— Разговоры!.. Ха-ха! Разговоры! Чудесные! У господъ гвардейцевъ! Фа, фа! Тпру! И никакихъ! Никакихъ!

Слово „никакихъ“ перешло опять въ рыданія, прерываемыя смѣхомъ.

— Я позову твою камеристку. Встряхни себя.

Князь вышелъ изъ комнаты возбужденнымъ шагомъ молодого человѣка. Его племянница прикладывала платокъ ко рту, силясь преодолѣть приступъ истерики.

Припадокъ былъ въ ея жизни счетомъ — первый. Еще этого не доставало: превратиться въ истеричку. Изъ-за чего? Изъ-за того ли, что она „купчиха“, или изъ-за того, что какой-то „бѣлофуражникъ“ не желаетъ признать ее достойной быть его любовницей?

XXII.

У Кудзлишевой танцы шли тихо.

Баронъ Гольцъ взялъ на себя, не безъ оговорокъ, быть распорядителемъ, но котильонъ не клеился. Онъ сократилъ его насколько возможно.

Ужинали во второмъ часу, очень скудно. Онъ сидѣлъ между Модъ и Мэдждъ, и ему было бы весело, если бъ не предстояло, прямо съ вечера, ѣхать къ Липѣ.

Когда онъ, у себя въ отелѣ, уже совсѣмъ одѣтый поправлялъ шпагу, ему подали депешу отъ Липы.

„Умоляю пріѣхать сегодня, въ какомъ бы то ни было часу“.

Эта депеша не общала ему ничего добраго. Опять ка-кая-нибудь исторія.

Она была съ отвѣтомъ. Онъ написалъ:

„Буду послѣ вечера у Козлишевой; поздно“.

Въ исходѣ третьяго часа подѣхаль онъ къ „Дворянскому гнѣзду“. Ему было неприятно будить своимъ звонкомъ швейцара, врваться поздно ночью, какъ непорядочный человѣкъ, выставять напоказъ свою связь съ „актеркой“.

Но онъ общалъ пріѣхать — и надо исполнить свое слово.

Очень долго звонилъ онъ. Заспанный дневальный, съ пиджакомъ въ накидку, отворилъ наружную дверь.

Ему сдѣлалось просто стыдно проходить мимо этого „хама“.

На цыпочкахъ, чтобы его шпоры не звенѣли по коридору, прокрался онъ къ двери и тихонько постучалъ.

Липа сама отворила, со свѣчей въ рукѣ.

Видно было, что она такъ и не ложилась и не перемѣняла платья, надѣтаго передъ обѣдомъ.

Молча повѣсилъ Гольцъ свою шинель и аккуратно снялъ балоши.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ, садясь на диванъ.

Онъ ее не поцѣловаль и даже не пожалъ ей руки.

Глаза ея были заплаканы, щеки блѣдны, прическа не въ порядкѣ; крылья ноздрей вздрагивали.

Не присаживаясь къ нему, Липа сдѣлала нѣсколько короткихъ шаговъ поперекъ комнаты и глухо вскрикнула:

— Ты долженъ, наконецъ, вступить за меня!

— Что такое? — медленно и немного въ носъ спросилъ Гольцъ.

— Если меня всякій презрѣнный пасквилянтъ можетъ такъ безнаказанно позорить, то я покончу съ собою! Слышите! Вотъ полюбуйте, баронъ, извольте прочесть!

Липа схватила съ письменнаго столика давно уже скомканный листокъ газеты и бросила его на круглый столъ передъ диваномъ, гдѣ сѣлъ Гольцъ.

Онъ, не беря листка въ руку, только поглядѣлъ на нее вкось.

— Опять... газетчики... Стоило вызывать меня въ такой часъ!

— По-вашему, не стоило? Извольте, извольте прочесть сами... Я требую.

Дрожащими пальцами развернула она скомканный листокъ и сунула ему въ руки.

Ея горячее дыханіе коснулось его волосъ. Онъ только повелъ плечами.

— Тутъ и вамъ наложили столько же, сколько и госпожѣ Днѣпровской. Вся Москва узнала! Можете быть благонадежны.

Какъ ему все это надоѣло! И зачѣмъ только бабѣ „лѣзеть“ къ нему? Нѣтъ у нихъ ни въ чемъ мѣры, ни чувства чести, не могутъ онѣ въ-время понять, когда надо оставить человѣка въ покоѣ, ничего не знаютъ, кромѣ своего задора и тщеславія.

Почти съ отвращеніемъ наклонилъ онъ голову и началъ пробѣгать столбецъ, обведенный краснымъ карандашомъ.

Понять было не трудно. Театральная фамилія Липы обозначена прописной буквой Л.; Гольцъ прямо названъ „барономъ“ и „кавалеристомъ“. И хроникеръ-юмористъ, все тотъ же, который уже задѣвалъ Липу, передавалъ слухъ, что баронъ, пріѣхавшій жениться на миллионщицѣ, въ видѣ отступного своей содержанкѣ, „отвалилъ кушъ“ дирекціи театра, гдѣ она уже жестоко „провалилась“ на первомъ дебютѣ, и ей даютъ теперь выступить въ той роли, которой она добивалась первоначально.

Замѣтка эта кончалась воззваніемъ къ публикѣ, которая не дастъ себя „провести“, и возмущеннымъ возгласомъ: „пора покончить со всей этой закулисной грязью, вносимой въ искусство жрицами, принадлежащими больше къ явной торговлѣ своими прелестями“.

Протянулась цѣлая минута послѣ того, какъ Гольцъ, прочтя столбецъ, отстранилъ отъ себя газетный листокъ безгласнымъ движеніемъ руки.

— Этого мало?—спросила Липа, строго, безъ слезъ въ голосъ, и, стоя по другую сторону стола, она глядѣла на Гольца въ упоръ.

— Чтò же тутъ новаго?.. Это опять то же свинство!— отвѣтилъ онъ и рукой полѣзъ въ рейтузы за папиросницей.

Такой его жестъ точно бросилъ искру въ то, чтò у ней тлѣло въ груди. Она схватила его за обшлагъ, начала трясти и, дрожа всѣмъ тѣломъ, заговорила:

— Да вы развѣ не понимаете, господинъ баронъ, что я тутъ приравнена къ проституткѣ? А вы являетесь милашкой-женихомъ, торгующимъ собою, который бросаетъ

мнѣ передъ свадьбой отступного въ видѣ подкупа дирекціи? Вы этого не понимаете, значить?

— Понимаю! Но плюю.

— Плюешь, когда самъ оплеванъ!

— Прошу безъ этихъ рѣзкостей!.. Я запрещаю вамъ говорить со мною въ такомъ тонѣ.

Въ голосѣ его слышались ноты, ей еще неизвѣстныя; онъ разсердился и сталъ кусать губы.

Липа сѣла къ нему, но не касалась его ни плечомъ, ни рукой.

— Что же это?—глухо и почти растерянно выговорила она.—Выходить, стало-быть, что я для васъ дѣйствительно то, о чемъ этотъ мерзавецъ Спондѣевъ докладываетъ публикѣ. Вы оставите безъ послѣдствій такое оскорбленіе женщинѣ, которую вы не имѣете права уважать меньше, чѣмъ себя? Вѣдь и вы не праведникъ! И у васъ было прошедшее съ женщинами. Развѣ я продавала себя? Развѣ и васъ подсылала со взяткой къ директору?

— Вы желали вмѣшать меня въ ваши интриги. Дебютировать, во что бы то ни стало, когда у васъ нѣтъ настоящаго таланта... Дѣйствовать черезъ меня!

— Вы лжете!—глухо перебила Липа.—Если вамъ не хотѣлось сдѣлать для меня то, что сдѣлалъ бы первый попавшійся добрый знакомый, и не надо! Но вѣдь тутъ позорящая, гнусная клевета. Господи!.. Да всякій мальчишка — кадетъ, юнкеръ — полетѣлъ бы въ редакцію и обрубилъ бы уши этому нахалу, избилъ бы его до полусмерти... только чтобы угодить какой-нибудь дѣвчонкѣ, которая мизинца моего не стѣдитъ! А тутъ вѣдь и васъ топчутъ въ грязь!

— Я это игнорирую.

— Ха-ха! Игнорирую! Чего лучше! А васъ ударятъ въ публичномъ мѣстѣ?

— Это другое дѣло.

— Газета тоже публичное мѣсто. Вся Москва знаетъ теперь кто этотъ баронъ.

— Для общества, гдѣ я бываю, такіе листки не существуютъ.

— Какъ бы не такъ! И я—ваше общество. И ко мнѣ вы обязаны относиться, если въ васъ есть хоть капля порядочности, какъ относитесь къ вашимъ дамамъ и дѣвицамъ. Слышите?

— Я уже сказалъ вамъ, что такого тона не выношу, и уйду сейчасъ.

— Ступайте!.. Съ трусомъ я не хочу марать себя.

— А-а!

Онъ схватилъ ее за руку и такъ сжалъ, что она заматалась на мѣстѣ.

Не выпуская ея руки и процѣживая слова сквозь зубы, онъ проговорилъ тихо, почти шопотомъ:

— Довольно! Вы сами себя до всего довели. И я не намѣренъ ни драться изъ-за васъ, ни бить этого газетчика. Не вамъ судить—трусъ я или нѣтъ. У меня были дуэли на десять шаговъ, и у меня рука не дрогнула, прошу васъ вѣрить этому. Прошу васъ также оставить меня въ покоѣ совсѣмъ! Я передъ вами, послѣ такихъ выходовъ, ни въ чемъ не обязанъ. Ни въ чемъ! Будь на вашемъ мѣстѣ мужчина, онъ не вышелъ бы отсюда живой. Женщинъ не вызываютъ. Порядочный человѣкъ и не бьетъ ихъ. Довольно.

Онъ отпихнулъ отъ себя ея руку, быстро всталъ и прошелъ къ двери. Липа кинулась было за нимъ. У нея позеленѣло въ глазахъ... Она способна была подбѣжать къ нему и, не помня себя, ударить его, начать душить. Обида, шедшая отъ человѣка, съ которымъ она жила, какъ честная женщина, полюбившая его искренно, затмевала собою все то, что презрѣнный газетчикъ-пасквилянтъ кинулъ ей въ лицо на весь городъ.

Ноги у ней подкосились. Она безпомощно доплелась до постели и опустилась на нее.

— Подлый, подлый!..—беззвучно шептали ея запекшіяся губы.

И все тѣло трепетало. Въ головѣ мутилось. Не было силы даже подняться, ноги отбило и руки болтались какъ плети.

— Заявляю вамъ,—долетѣли до нея слова Гольца отъ входной двери, — мы другъ друга больше не знаемъ. И вы это вполне заслужили.

Дверь захлопнулась, издавъ знакомый ей мягкій звукъ. По коридору прогудѣли мужскіе шаги съ чуть слышнымъ призвякиваньемъ шпоръ; потомъ все замерло. Только на ея бюро бронзовые часы тикали часто и бойко.

Липа двинула руками, заложила ихъ за голову и потянулась. Встать и пройтись по комнатѣ она не смогла, упала на кровать и долго лежала, не раздѣваясь.

Слезъ не было. Въ груди не жгло. Въ глазахъ уже не пестрѣли цвѣтные круги. Въ головѣ вдругъ все прояснилось и она мысленно проговорила:

„Стало, изъ-за такихъ, какъ я, не только не дерутся на дуэли, но и не бьютъ палкой пасквильантовъ?“

Фактъ былъ на-лицо. Баронъ не трусь. Онъ, дѣйствительно, имѣлъ дуэли. На медвѣдя ходилъ онъ, у себя въ имѣнїи, съ простой рогатиной. И здѣсь, еще недавно, убилъ нѣсколько штукъ, въ одинъ разъ.

Онъ не трусь. Но онъ не пожелалъ, изъ-за нея, рукъ марать. Онъ, а не она. Изъ-за чего же, въ самомъ дѣлѣ, будетъ онъ впутываться въ грязную исторїю, когда все это, и она первая, ниже его, какъ что-то нечистоплотное, пакостное?

„Ты, послѣ того, кто же? Липа Углова?“—продолжала она допрашивать самоё себя.

„Содержанка! Хуже того! За любовницъ, которыя умѣютъ ихъ держать въ рукахъ, мужчины дерутся до-смерти, по малой мѣрѣ — бьютъ оскорбителя палкой. А за тебя не желаютъ!“

Изъ схватки съ барономъ, изъ всего потока рѣчей и возгласовъ, передъ ея умственнымъ взглядомъ выяснились ея собственныя слова:

„Я покончу съ собой!“

Что же это было? Пошлая выходка? Попугать хотѣла? И не удалось. Ей „прописали“ отставку, бросили ее, какъ вещь, отъ которой нѣтъ ни улады, ни покоя, и она осталась валяться на кровати.

Жить послѣ того — гнусность! Дѣвчонки-гимназистки, изъ-за двойки въ алгебрѣ, покушаются на свою жизнь, а она, наглотавшись позору, будетъ опять обнажать себя въ какой-нибудь „Прекрасной Еленѣ“?!

Глаза ея стали рыскать кругомъ, точно ища того, что можетъ ей помочь покончить съ собою.

Револьверъ-бульдогъ дома есть, но онъ безъ патроновъ.

— Все равно,—вслухъ выговорила она,—не нынче—завтра.

И закрыла глаза, тихо переводя дыханіе.

XXIII.

— Иванъ Кузьмичъ здѣсь?

Лыжинъ остановилъ артельщика въ передней городской

конторы Захара Лукьяновича, помѣщавшейся, рядомъ съ „амбаромъ“, въ одномъ зданіи

— Пожалуйте. Здѣсь они.

Во второй, просторной комнатѣ, увѣшанной видами кумачевскихъ мануфактуръ, у широкаго тройнаго окна, Иванъ Кузьмичъ работаль, сяди на табуретѣ передъ высокою конторкой.

— А!.. Друже! Какъ я радъ! Почеломкаемсл!

Они обнялись и три раза поцѣловались.

— Да какъ же вы расцвѣли! На морозѣ-то! Кладите шапку... Вашъ классическій ергакъ оставили тамъ, въ передней?

— Представьте, — весело заговорилъ Лыжинъ, съ утра очень старательно одѣтый, — я теперь гарцую въ хоровой шубѣ.

— Какъ же это! Вѣдь вы для меня— „человѣкъ въ ергакѣ“... Ха-ха-ха!

— Былъ, голубчикъ, былъ! Это очень мѣткое прозвище для того, прежняго Лыжина: *человѣкъ въ ергакѣ*! Сбрую эту буду употреблять только въ кибиткѣ, а въ городѣ превращаюсь въ такого человѣка, котораго стѣдуетъ встрѣчать... какъ бишь это эллинское привѣтствіе, Иванъ Кузьмичъ?

— *Хайрэ, полита!*.

— Именно.

— Вы когда же изъ объѣзда?

— Сегодня только отъѣвился, чѣмъ свѣтъ, — отвѣчалъ Лыжинъ.

— Ну, и что нашли въ этихъ палестинахъ?

Кострицынъ подбѣжалъ къ стѣнѣ, противъ того дивана, гдѣ они сѣли, и провелъ рукой вдоль длинной панорамы одной изъ мануфактуръ.

— Да что!—воскликнулъ Лыжинъ.—Я нашель, милѣйшій мой, что, право, господамъ нытикамъ, ругающимъ всячески презрѣнныхъ буржуевъ, придется прикусить язычки. Сдѣлано для рабочаго если не все, то почти все; что только можно. Начать съ того, что лавки и пекарни— просто одинъ восторгъ. Вѣдь вы знаете, какъ у насъ господа народники и милостивцы меньшей братіи скрежещуть зубами противъ этихъ видовъ эксплуатаціи. На другихъ фабрикахъ, можетъ, и происходитъ эксплуатація, но у Захара Лукьяновича всѣ цѣны такія, что ниже ихъ ставить — значитъ, на свой счетъ кормить народъ. Все по

оптовымъ цѣнамъ: соль, мука, масло коровье и постное, табакъ, сахаръ, чай.

— И прочая бакалѣя,—подхватилъ; взвизгнувъ, Кострицынъ.—Вотъ видите, друзе!

— А устройство пекарень просто привело меня въ восхищеніе. Особенно тамъ, на той, дальней мануфактурѣ.

Лыжинъ отодвинулся немного и сталъ, разводя длинными кистями рукъ, помогать своему разсказу.

— Во-первыхъ, самое помѣщеніе. Въ нѣкоторомъ родѣ храмъ: высота потолка, размѣръ оконъ, свѣту масса и воздухъ прекрасный. Когда войдешь—такой вкусный запахъ хорошо пропеченнаго хлѣба... Просто слюнки потекутъ.

— Будто?—какъ бы усомнился Кострицынъ.

— Честной человекъ! Печи — заглядѣнье, съ мѣдными заслонками. Чистота образцовая. Все это дѣлается въ строгомъ порядкѣ, безъ всякой лишней возни и пачкотни. Я просто заглядѣлся на самый процессъ печенія, и чернаго, и бѣлаго хлѣба, и саекъ, и баранокъ, и калачиковъ. Папушникъ, вѣсовой, чудесный хлѣбъ, съ румяной коркой, легкой, бѣлый. Коровки чернаго пропечены превосходно. Я отрѣзывалъ отъ нѣсколькихъ короваевъ.

— И цѣны?

— Цѣны на копейку, на полторы дешевле здѣшной рыночной цѣны; черный хлѣбъ, разные сорта бѣлаго, даже на двѣ и на двѣ съ деньгой ниже базарной, а разница въ качествахъ—еще больше. Баранки такъ даже роскошны. Я такихъ давно не ѣдалъ. Купилъ себѣ цѣлую вязанку и привезъ сюда.

— Будто заплатили за нихъ?

— А то какъ же!

Оба засмѣялись, и Кострицынъ, слегка хлопнувъ пріятеля по ляжкѣ, выговорилъ, плутовато усмѣхаясь своими глазками:

— Вотъ видите... Изученіе-то дѣйствительности отрезвляетъ и бодритъ. А побывалъ бы тамъ какой-нибудь господинъ Воденягинъ, онъ сталъ бы кричать, что хлѣбъ наполовину съ отрубями и лебедой.

— По-моему, папушникъ слишкомъ даже роскошенъ. И если его покупаютъ всѣ почти рабочіе—я справлялся по заборнымъ книжкамъ—значитъ, у нихъ есть на это достатокъ. Да меньшинство ихъ, мастера въ красивой, и тѣ, что стоятъ при набивныхъ машинахъ, все народъ

хорошо одѣтый, грамотны, похожи скорѣе на заграничныхъ рабочихъ.

— Кажется, слишкомъ уже смахиваютъ на „увріеровъ“, — вставилъ Кострицынъ.

— Ну, это я не скажу, насколько я теперь къ нимъ присмотрѣлся.

— И помѣщеніемъ ихъ довольны?

— Семейные живутъ тѣсно. Нельзя сказать, чтобы совсѣмъ скверно, но могло бы быть лучше. Больше, разумѣется, отъ собственной неопрятности. Ребятишки, пеленки, кадушки съ капустой.

— Всѣ атрибуты плодущаго великорусскаго племени. Хе-хе!

— Для холостыхъ на обѣихъ мануфактурахъ устроены общія спальни. Въ два этажа, койки на желѣзныхъ столбахъ. Вокругъ стѣнъ столы со шкапчиками, гдѣ у нихъ ѣда. Конечно, постели первобытныя, и ихъ къ чистотѣ не сразу приучишь. Тюфяки даются даромъ, подушки свои. Воздуху достаточно и протоплено хорошо.

— А по части здоровья и духовной пищи?

— Больница, на главной фабрикѣ, въ отличномъ состояніи. Докторъ, холостякъ, душевный малый, мягкій, любимъ всѣми; и фельдшерица — милая дѣвушка, безъ непріятныхъ замашекъ. Вездѣ, и въ больницѣ, и въ ясляхъ, и въ родильномъ покоѣ — чистота такая, что лучше и желать нечего... Два вечера провелъ я въ клубѣ для рабочихъ.

— Это была идея матушки Захара Лукьяновича. Онъ сначала упирался.

— До сихъ поръ, по показаніямъ управляющаго, ничего подозрительнаго не замѣчается.

— Раиса Гордѣевна до сихъ поръ все мечтаетъ о театрѣ, по воскресеньямъ.

— Что жъ! Это не плохая идея! Грамотнаго народа, въ молодежи, уже огромное большинство. Школа, размѣрами, съ добрую гимназію, съ параллельнымъ классомъ. До трехсотъ человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

— Какъ же показался вамъ составъ учительницъ? Захаръ Лукьяновичъ поочистилъ ихъ въ прошломъ году.

— Прежнихъ замашекъ незамѣтно. Учатъ толково. И одѣты франтовато, у одной даже стрѣла въ шиньонѣ.

— Вотъ оно куда пошло!

— И двѣ прехорошенькія! На разговоръ очень бойкія...

Даже и не подумаешь, что онъ обѣ изъ поповень. Одна завѣдуетъ библіотекой. И разборъ книгъ большой! Разумѣется, романы,—любятъ, однако, и путешествія. Первый у нихъ сочинитель какъ бы вы думали, кто?

— Господинъ Шпильгагенъ! Знаю! И главный кѣрой— Лео, какъ они произносятъ! И это знаю.

— Да, да. Одинъ мнѣ даже сказалъ вечеромъ, въ клубѣ: „кабы теперъ у насъ объявился такой баринъ!“

— Мало шаталось среди рабочаго люда доморощенныхъ Лео!—вырвалось у Кострицына.

— Но все это—добродушно. Озлобленныхъ лицъ, грубыхъ отвѣтовъ, разгула съ отгѣнкомъ протеста я что-то не замѣтилъ.

— Словомъ, вы вернулись къ тѣмъ выводамъ, что вамъ не надо кривить совѣстью, оставаясь у Захара Лукьяновича!

— Не знаю, что дальше будетъ.

— Да полноте, дружище! Порадуйте и его, и меня. Скажите,—Кострицынъ присѣлъ къ нему ближе и взялъ за руку,—развѣ вы не чувствуете теперъ въ себѣ душевную норму, съ тѣхъ поръ, какъ стали брать жизнь, какъ она есть? А? Скажите, дорогой Юрій Петровичъ?

Глаза Кострицына ласково и вопросительно заблестѣли и свободной рукой онъ прикоснулся къ плечу пріятеля.

Лыжинъ опустилъ слегка голову и полузакрывъ глаза. Ротъ его тихо улыбался.

— Нормы больше—это такъ! И я вамъ, голубчикъ, обязанъ моимъ, такъ сказать, перерожденіемъ. Дорогой, туда и назадъ, и съ одной фабрики на другую, я много думалъ о вашемъ пониманіи жизни. Знаете, теперъ я и взрывъ вашего гнѣва противъ нѣкотораго племени, помните, по поводу поэтака, котораго гонять изъ Москвы, больше понимаю. Сами вы сочинили свою философію или почерпнули ее у какого ни на есть глубокаго нѣмца...

— Узнаете, узнаете! Дайте срокъ!—взвизгнулъ Кострицынъ.

— Только я прозрѣваю... И народъ, и предприниматели, весь этотъ Китай-городъ, ряды, амбары, банки и склады, даже гешефтмахерство, проявляетъ жизнь, и чтобы ее улучшить, надо считаться съ ней умѣло и почтительно, а не уничтожать, не подрывать, не умничать, не ставить поверхъ всего свое книжное резонерство.

Кострицынъ захопалъ въ ладоши и вскочилъ.

— Позвольте васъ поцѣловать, Юрій Петровичъ! Эхъ! Кабы мы были въ трактирномъ заведеніи, я бы потребо-валъ шипучаго вина русской флоры и попросилъ бы васъ удостоить меня, убогаго, выпить со мною брудершафтъ. Нѣтъ! Не хочу нѣмецкаго термина! У насъ есть прекрас-ное слово—побратимство!

Лыжинъ всталъ.

— Пойдемте въ „Славянскій“. Тамъ и выпьемъ на *ты*. Я душевно радъ. Брудершафтомъ я никогда не злоупотре-блялъ.

— Ой ли? А для меня, значить, можно сдѣлать исклю-ченіе? Лестно, дружище! И вдругъ, не пройдетъ года, и вы мнѣ бросите въ лицо: „ты, амбарный Сократъ, на-поилъ оцтомъ гнилого ученія душу человѣка въ ергахъ. Будь ты проклятъ!“

— Чтò вы, голубчикъ! Какъ страшно... Въ мои года пора перестать гоняться за огненными языками...

— Болотныхъ хлябей!—подсказалъ Кострицынъ.

И оба разомъ захохотали.

XXIV.

Возбужденные разговоромъ за завтракомъ, возвраща-лись пріатели, выпившіе на „ты“, изъ „Славянскаго Ба-зара“.

Они должны были завернуть на минуту въ „Дворян-ское гнѣздо“. Лыжинъ забылъ дома двѣ вѣдомости, кото-рыя нужно было показать Захару Лукьяновичу, вернув-шись къ нему въ амбаръ.

Второй швейцаръ, „подпасокъ“, какъ его звали въ но-мерахъ, отворилъ имъ дверь. Онъ былъ безъ картуза и съ перепуганнымъ лицомъ.

На первую площадку выбѣжала незнакомая Лыжину блондинка—это была Лёля Божеярина—и окликнула, свѣ-сившись съ периль:

— Пришли изъ аптеки?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ швейцаръ.

— Ахъ, Господи! Какъ конается!.. Это ужасно!

И убѣжала.

Шубы свои они сняли внизу.

— Чтò у насъ такое?—потихе спросилъ Лыжинъ, на-клоняясь къ швейцару.

— Неладно у насъ, Юрій Петровичъ.

— Да чтò именно?

Онъ сейчасъ подумаль объ Идѣ, которую не видалъ еще по прїѣздѣ.

— У госпожи Днѣпровской. Пѣвица въ первомъ этажѣ живетъ.

— Ты ее развѣ не знаешь? — спросилъ Кострицынъ вполголоса.

— Нѣтъ,—протянулъ Лыжинъ.

— Въ одномъ домѣ живете... Она недавно здѣсь дебутировала... И мелкая пресса ее травить. Меня къ ней все тащить студентъ одинъ, Шипилинъ, мой прїятель.

— Заболѣла, что ли, опасно? — обратился опять Лыжинъ къ швейцарику.

— Глотнули никакъ чего,—на ухо доложилъ ему тотъ и сдѣлалъ жестъ головой.

— Вотъ какъ! Докторъ былъ?

— Былъ... Уѣхаль съ полчаса назадъ. И сидѣлка тамъ.

— А кто эта барышня? Справлялась насчетъ аптеки?

— Онѣ изъ школы... въ актрисы готовятся. Фамилия ихъ Божеярина. Къ госпожѣ Днѣпровской ходять часто. Прїатели переглянулись. И оба смолкли.

Молча поднялись они въ отдѣленіе Лыжина.

— Исторія эта, кажется, довольно сложная, — заговорилъ Кострицынъ, закуривая папиросу, пока Лыжинъ началъ искать нужную ему бумагу въ письменномъ столѣ.

— Ты развѣ слышалъ?

— Не только слышалъ, но кое-что и читалъ. Тутъ, въ мелкой прессѣ, съ успѣхомъ подвизается нѣкій Спандѣевъ, кажется, родомъ изъ дворянъ „Господи помилуй“, побывавшій въ университетѣ. Онъ — достойный эпигонъ петербургскихъ борзописцевъ, сплетничаетъ и инсинуируетъ на славу. И вотъ эту самую госпожу Днѣпровскую — по слухамъ, весьма красивую особу, съ прошедшимъ—онъ пропекаетъ каждую недѣлю. На-дняхъ явилась его замѣтка, въ рубрикѣ слуховъ, о нѣкоторомъ баронѣ, состоявшемъ въ ея покровителяхъ... Тутъ дѣло осложняется... Баронъ этотъ—не кто иной, какъ баронъ Гольцъ, новый знакомый Антонины Борисовны.

Кострицынъ остановился и, подмигнувъ на особый ладъ, прибавилъ:

— Сдается мнѣ, что супруга принципала заинтересована этимъ Немвродомъ-медвѣжатникомъ.

Лыжинъ отошелъ отъ стола.

— Да, я его видѣлъ у нея! — воскликнулъ онъ, заку-
ривая о папиросу Кострицына.

— Вотъ и выходитъ комбинація! Любовный мотивъ
перемѣшался съ обидой артистки. Да и офицеру-то на-
несенъ тѣмъ же строчилою немалый аффронтъ. Можетъ,
и дуэль выйдетъ.

Лыжинъ немного встревожился. Всего больше ему стало
непріятно за Кумачеву, какъ бы ее не впутали въ ка-
кую-нибудь грязную исторію. Къ этому заѣзжому гвар-
дейцу онъ ничего враждебнаго не подмѣтилъ въ себѣ.

Нина напрашивалась на его дружбу. Играть роль на-
персника около женщины, въ которую влюбленъ, было
бы жалкой ролью; но онъ въ нее не влюбленъ. За все
время своего объѣзда онъ ни разу о ней не мечталъ, къ
ней его не тянуло. Только она его теперь больше инте-
ресуетъ — такъ, попросту, со стороны, какъ довольно
махровый экземпляръ дворянской породы, поставленный
въ курьезную среду, и онъ способенъ относиться къ ней
мягче и терпимѣ, чѣмъ философъ Кострицынъ. Весьма
вѣроятно, что она будетъ помогать упроченію его службы
у Кумачева—и только.

— Вотъ оно чтò!—вдумчиво выговорилъ онъ.—Но мы-
то, голубчикъ, тутъ не при чемъ... Жаль эту актрису.
Должно-быть, очень невкусно ей пришлось.

— Я не противъ спонтаннаго акта воли. Брутъ про-
игралъ битву при Филиппахъ и бросился грудью на мечъ.
Даже Неронъ, покончивъ съ собою, показалъ этимъ хо-
рошую античную традицію. Спартанцы въ прописяхъ
учили: „лучше сейчасъ умереть, чѣмъ постыдно жить“. Но у насъ, въ послѣдніе годы, и особливо среди моло-
дежи обоего пола, развелась слякоть какая-то... пакостное
самолюбьишко, трусость, кисляйство! А господа психіатры
и терапевты ихъ по головкѣ гладятъ и нанизываютъ
ученыя слова: абудія, анестезія, невропатія, гиперестезія.
Абудія! Ну, да. Отсутствие энергіи, слякоть. Ничего нѣтъ
примиряющаго въ этомъ греческомъ терминѣ. Слово въ
слово: *безволие*—и больше ничего!

Дверь отворилась, и это прервало рѣчь Кострицына.

Горничная Иды, Евгенія, остансвилась въ дверяхъ.

— Я къ вамъ, баринъ, отъ Лидіи Павловны.

Въ рукѣ она держала записку.

Лыжинъ прочелъ:

„De grâce! Descendez au premier, chez la dame qui est en danger de mort. Vous m’y trouverez“.

— Ида Павловна внизу?.. У той барыни?

— Такъ точно. Онѣ просили поскорѣе.

— Сейчасъ!

Лыжинъ подошелъ къ Кострицыну и положилъ ему руку на плечо.

— Ты ужъ одинъ поѣзжай въ амбаръ. Извинись за меня передъ Захаромъ Лукьяновичемъ. Я постараюсь понасть къ нему сегодня до обѣда... захватить его еще въ городѣ.

— Твоя пріятельница, значить, знакома была съ этой барыней? — спросилъ Кострицынъ вполголоса.

— Не знаю... Тутъ что-то неладно.

— Женское естество... Древніе-то вѣрили, что боги сами указали женщинѣ — знать свой горшокъ и свою прялку. А мы ихъ такъ распустили, что прядемъ-то мы, вмѣсто нихъ; только пряжа эта—постыдное женолюбіе и рабство передъ женской прелестью. Ступай! Ступай!

Они спустились вмѣстѣ.

Внизу, на площадкѣ второго этажа, Кострицынъ сказаль Лыжину шопотомъ:

— Захара Лукьяновича въ амбарѣ теперь не захватить.

— Извинись за меня. Если опоздаю, буду у него передъ самымъ обѣдомъ.

— Вотъ она Москва!—пустилъ Кострицынъ.—Чревата всѣмъ!

Лыжинъ постучалъ въ двери отдѣленія, указаннаго ему швейцаромъ.

Никто не откликнулся. Онъ пріотворилъ дверь и вошелъ въ первую комнату.

Къ нему выбѣжала Лёля Божеярина.

— Вы къ Лидіи Павловнѣ? — быстро спросила она. Глаза ея были заплаканы, но взглядъ рѣшительный и строгій.—Она сейчасъ выйдетъ. Сядьте, пожалуйста.

Дѣвушка скрылась, затворивъ плотно дверь въ спальню. Оттуда раздавались глухіе стоны, и женскій голосъ—это и былъ голосъ Иды — что-то говорилъ просительно. Запахъ лѣкарствъ проникъ уже въ гостиную.

Ида вышла къ нему желтая въ лицѣ, съ впалыми глазами. Она всю ночь не спала и не раздѣвалась.

— Mon ami!

Она порывисто взяла его за руку и отвела въ дальній уголъ.

— La pauvre fille est en danger de mort.

Лыжинъ началъ было ее спрашивать, какъ она сюда попала, но Ида не дала ему докончить.

— Послѣ расскажу, — продолжала она по-французски же. — Теперь вотъ что... У васъ есть знакомый докторъ... когда-то извѣстный. Онъ теперь живетъ здѣсь. Вы мнѣ говорили... Я не помню, какъ его фамилія.

— Докторъ! А! пріятель Цыбашева, Гурьяновъ... Но я его мало знаю.

— Все равно. Поѣзжайте къ нему, привезите... Ея докторъ плохой! Онъ далъ ей сразу не то противоядіе.

— Стало...

Лыжинъ не договорилъ и выразительно повелъ глазами.

— Да! Да!.. Только молчите, Бога ради! Мы боимся, какъ бы не проникло въ прессу.

И лицо Иды въ эту минуту приняло такой озабоченный видъ, точно она родная мать несчастной, покусившейся на свою жизнь.

— Добрая вы моя! — вырвалось у него, и онъ поцѣловалъ ея руку. — Какъ вы лучше меня!

У нея не было никакой своей жизни, а душа все-таки трепетала. Она точно обрадовалась, что можно ей теперь спасти новую жертву страсти. Она не сомнѣвалась, что тутъ — любовная драма.

— Поѣзжайте! — торопила его Ида, толкая тихонько рукой къ выходной двери.

— Да я не знаю даже, гдѣ живетъ этотъ Гурьяновъ. Надо еще въ адресный столъ.

— Будьте здѣсь какъ можно скорѣе! — мягко приказывала она. И, одумавшись, она прибавила: — Видите, другъ мой... Я могла бы послать къ Нинѣ Кумачевой. У нея, навѣрно, хорошій годовой докторъ. Но я это сдѣлаю, если вы долго не пріѣдете.

Лыжинъ вспомнилъ лицо и фигуру доцента Шахматова, котораго не видалъ у Кумачевыхъ послѣ перваго своего обѣда.

— Дѣлайте такъ, какъ лучше будетъ. Я не стану терять времени.

Онъ попытался къ двери и, взявшись за ручку, шопотомъ спросилъ:

— А Елена?

— Елена!

Ида сдѣлала жестъ рукой.

— Больна? — съ безпокойствомъ спросилъ Лыжинъ. — Ужъ она не собирается ли продѣлать то же самое?

— Елена поселилась у Боярцева.

— Что вы? Неужели?

Глаза Лыжина изумленно раскрылись.

— Vous n'y êtes pas!

Оба вышли въ коридоръ. Ида въ нѣсколькихъ словахъ рассказала ему, что Елена ухаживаетъ за матерью Боярцева и съ того вечера, когда она полетѣла туда отъ старухи Козлишевой, не выходитъ изъ комнаты больной, все еще очень опасной.

— Ловко! Кончится, пожалуй, законнымъ бракомъ! — весело выговорилъ Лыжинъ.

— Не знаю, — протянула Ида по-русски, — хотя и желаю ей хоть немножко счастья.

Лыжинъ еще разъ поцѣловалъ ея руку и сбѣжалъ въ переднюю, гдѣ, вмѣсто его классическаго ергака, ждала шубка на хорьковомъ мѣху.

XXV.

Войдя, черезъ часъ, въ ту же комнату, Лыжинъ нашелъ въ ней цѣлое общество.

Кромѣ Иды, сидѣли тутъ обѣ пріятельницы Липы — Лёля Божеярина и ея товарка Мухина, писатель Петровичъ и Воденягинъ.

Всѣ говорили шопотомъ.

Больная заснула, и въ ея спальнѣ осталась только сидѣлка.

— Ну, что? Привезли?

На него разомъ налетѣли всѣ три женщины.

— Сейчасъ будетъ. Я его искалъ и ѣздилъ въ два мѣста.

— Ахъ, Боже мой! — вырвалось у Иды. — А я уже написала Нинѣ... Думала, вы не найдете.

Она говорила теперь по-русски, и Лыжину было странно видѣть ее въ этой обстановкѣ. Но всѣ, и женщины, и мужчины, составляли точно одну семью. Даже Воденягинъ, одѣтый прилично, смотрѣлъ менѣе хмуро и глазами улыбнулся Лыжину, подавая ему руку.

Ни съ дѣвцами, ни съ Петровичемъ его не познакомили, да это и не нужно было.

Божеярина сказала ему первая:

— Вотъ вы какой милый!

Мухина прибавила:

— Поцѣловать стобить!

Всѣ тихо разсмѣялись и, продолжая говорить шопотомъ, сѣли кучкой вокругъ стола.

Особымъ тепломъ молодости повѣяло на Лыжина. И онъ видѣлъ, что Ида совсѣмъ ожила съ этой молодежью.

Приходъ Лыжина прервалъ рассказъ Воденягина. Тотъ отпраплялся отъ себя, не будучи знакомъ ни съ кѣмъ изъ мелкой прессы, отыскивать Спандѣва и потребовать отъ него, чтобы онъ, въ ближайшемъ номерѣ, назвалъ вздоромъ и выдумкой все, что онъ напечаталъ въ послѣдній разъ про Олимпиаду Дмитриевну.

Петровичъ, блѣдный, пощипывая свою бородку, заговорилъ спѣшно, обиженнымъ голосомъ:

— Но развѣ на выходки господина Спандѣва кто-нибудь обращаетъ вниманіе?

— Вы видите, что обращаютъ.

Воденягинъ показалъ жестомъ головы на дверь.

— Тутъ другіе есть мотивы,—возразилъ такъ же обиженно Петровичъ.— Мы друзья Олимпиады Дмитриевны, мы можемъ это сказать.

— Положимъ, и другіе!—отрѣзала Лёля.— А главное, мужчины и ихъ подлость.

— Еще бы!—подтвердила Мухина, и ея пышная фигура вся затрепетала.

Ида не знала еще, какая именно любовная подкладка была во всемъ этомъ, но Лёля уже проговорила ей, что тутъ замѣшалась „каска съ птицей“, какъ она назвала Гольца. Она проговорила даже, что написала ему негодующее письмо, и нѣсколько разъ въ теченіе утра повторяла:

— Хорошъ! Хоть бы носъ показалъ! Хорошъ!

— Вотъ видите!—обрадованно подхватилъ Петровичъ.—Мы всѣ честные работники журнализма...

— Полноте!—перебилъ его Воденягинъ.— Ужь лучше бы вы, батенька, примолчали.

— Но почему же?—еще обиженнѣе остановилъ его Петровичъ.

— А потому, что вы, честные, не должны бы терпѣть такихъ товарищей. Протестъ нуженъ. Коллективный протестъ!

— Коллективный? Развѣ теперь это мыслимо?

— Вы видите.

— Но если бѣ меня здѣсь не просили молчать, я бы первый сказалъ въ моемъ фелъетонѣ...

— Плевать онъ хочетъ на всякія обличенія! — заговорилъ сердитѣе Воденягинъ и, обратившись къ Лыжину, продолжалъ:— Вотъ экземпляръ-то, я вамъ скажу! Чистый продуктъ доблестнаго десятилѣтія. Выходить ко мнѣ, видомъ точно изъ Солодовникова пассажа приказчикъ въ галантерейномъ магазинѣ, капульчикъ на лбу и съ перстенькомъ на мизинцѣ. И хоть бы чуточку смутился. Такого нахальства я отродясь не видалъ. „Вы, говорить, братъ, или мужъ, или интимный другъ госпожи Днѣпровской? Желаете просить удовлетворенія?“ Грѣшный человѣкъ! Я чуть его не скомкалъ подъ себя. Вотъ, молъ, чего я желаю! И когда я ему свое требованіе предъявилъ, онъ ослабилъ и говорить, благородно удалившись за конторку: „Интимдировать себя я никому не позволю... Эта госпожа по имени названа не была. Вѣренъ слухъ или нѣтъ—не мое дѣло. Я хроникеръ, и это мое право—сообщать все пикантное публикѣ“. — Даже и завѣдомую ложь? спрашиваю. И безъ разбора грязно клеветать на женщину?—Знаете, у меня въ вискахъ застучало. А онъ только ухмыляется.—„Должно-быть, говорить, была тутъ доля правды, коли героиня накушалась какого-то снадобья, а герой до сихъ поръ что-то не защищалъ своей чести и ко мнѣ не являлся“.

— Стало, онъ все знаетъ?—почти крикнула Божеярина.

— Ему не знать! Этакіе хуже сыщиковъ! Со всѣми околоточными въ дружбѣ.

— Господа,—остановила ихъ Ида,—пожалуйста, умоляю васъ, monsieur,—она затруднилась въ фамиліи.

— Воденягинъ.

— Monsieur Воденягинъ... бросьте этого господина. C'est un misérable! И вы также,—она протянула руку Петровичу,—ничего не печатайте.

— Разумѣется, ничего!—сдерживая голосъ, воскликнула Лёля. — Вся гадость идетъ отъ этихъ газетчиковъ. Пойдутъ теперь плести... Еще больше грязи нанесутъ!

— Погодите,—перебилъ ее Воденягинъ,—уходя, я къ нему подошелъ и говорю: если вы хоть какую-нибудь сплетню или слухъ пустите еще о госпожѣ Днѣпровской,

то я вамъ, извините, ребра переломая, потому что съ такими, какъ вы, не дерутся. Попомните это.

— И онъ ничего?—стремительно спросилъ Петровичъ.

— Сдѣлъ! Только засмѣялся въ сардоническомъ вкусѣ!

— Все равно сподличаетъ! Еще злѣе мстить будетъ,— съ презрительной миной сказала Вожеярина.

Въ спальнѣ кто-то заговорилъ.

Всѣ разомъ смолкли.

Лыжинъ, сидя въ сторонѣ, прослушалъ всю горячую бесѣду. И ему сдѣлалось какъ бы совѣстно, что онъ не чувствуетъ такого же настроенія. Положимъ, онъ въ первый разъ слышалъ о существованіи какой-то госпожи Днѣпровской. Но развѣ Ида знала ее еще сutki назадъ? Да врядъ ли и Воденягинъ—ее пріятель... Эти дѣвочки, навѣрно, забыли про свои курсы и будутъ проводить дни и ночи около больной.

А кто эта „жертва“? Опереточная актриса, вѣроятно, весьма легкихъ нравовъ, содержанка гвардейца. Если докопаться до самой сути, то все это окажется довольно неопытнымъ... Но эти дѣвицы не смущаются ничѣмъ, онѣ преданы всей душой своей пріятельницѣ. Ида точно такъ же внѣ всякихъ такихъ чопорныхъ соображеній. Какое ей дѣло, безупречна или нѣтъ эта госпожа Днѣпровская? Она видитъ въ ней женскую страдающую душу. Бѣда этой женщины все изъ того же источника, которымъ и она сама отравлена навѣки.

Всѣ они разомъ слетѣлись сюда: человѣкъ „съ ореоломъ“, мелкій литераторъ, двѣ ученицы и никого изъ нихъ не знавшая Ида. И во всѣхъ этихъ обитателяхъ меблированныхъ комнатъ трепещетъ какой-то общій огонекъ, они понимаютъ другъ друга, они составляютъ одинъ станъ.

Дверь отворилась изъ коридора.

Вошелъ осторожно студентъ Шипилинъ, прямо въ пальто и въ большихъ сапогахъ.

Онъ заговорилъ, возбужденно и быстро пожимая руку Вожеяриной:

— Неужели правда? Бѣдная Олимпіада Дмитріевна! Этотъ мерзавецъ Спондѣвъ!.. Мы, мой другъ Владиміръ Мечъ и еще нѣсколько однокурсниковъ, хотимъ отправиться въ редакцію этой пакостной газетчечки и потребовать...

— Не надо, не надо!

И Вожеярина замахала рукой.

Ида привстала съ мѣста и сказала:

— Пожалуйста... Не дѣлайте ничего. Mademoiselle Углова будетъ тронута вашимъ участіемъ. Но теперь не надо никакой исторіи. Она очень слаба.

Шипилинъ упавшимъ голосомъ спросилъ:

— Есть, значить, опасность?

Изъ дверей спальни показалась голова сидѣлки.

— Барышня!

Божеярина бросилась туда.

Всѣ опять смолкли.

Студентъ пожималъ руки Воденягина и Петровича.

Лёля вышла тотчасъ же изъ спальни.

— Жажда у ней сильная! И пульсъ ужасно слабъ.— Глаза ея покраснѣли, безъ слезъ, и грудь вздрагивала.— А изъ аптеки все еще не несутъ.

Она выбѣжала въ коридоръ.

— Я пойду къ ней,—сказала, поблѣднѣвъ, Ида, и легкими, беззвучными шагами пошла къ спальнѣ; Мухина— за нею слѣдомъ.

Остались четверо мужчинъ.

— Да что же съ ней?—спросилъ Лыжинъ Воденягина.

Студентъ насторожилъ уши и подбѣлъ къ нимъ.

— Симптомы обыкновенные.

— Чѣмъ же собственно она?—не договорилъ Лыжинъ.

— Должно-быть, препаратомъ опія.

— Захватили вѣ-ремя?—участливо спросилъ Шипилинъ.

— Кажется.

Влетѣла Лёля.

— Докторъ!.. Вашъ!..—сказала она Лыжину.

Онъ всталъ и пошелъ навстрѣчу Гурьянову, котораго онъ не захватилъ ни дома, ни у знакомыхъ, и оставилъ адресъ его женѣ, упробивъ ее тотчасъ же прислать мужа къ больной; въ запискѣ онъ говорилъ о крайней опасности.

Гурьяновъ, съ обычной тихой усмѣшкой, входилъ въ коридоръ, протирая платкомъ замерзлыя стекла своего *pince-nez*.

— Извините... Я позволилъ себѣ обезпокоить васъ... Но такой случай!..

— Ничего!—махнувъ рукой, остановилъ его Гурьяновъ.

Лыжинъ шепнулъ ему на ухо, въ чемъ дѣло.

— Вотъ оно чтѣ!—добродушно промолвилъ Гурьяновъ, на цыпочкахъ вступая въ первую комнату.

— Здравствуйте, господа!

Всѣ ему молча поклонились.

Леля успѣла еще разъ побывать въ спальнѣ. Мухина держалась у двери и, въ смущеніи, присѣла доктору, какъ присѣдаютъ въ классѣ танцевъ.

Гурьянова переняла Ида на порогѣ спальни и сказала, шопотомъ, по-французски:

— Она очень слаба... Я боюсь новаго припадка.

Докторъ только кивнулъ головой и ничего не сказалъ, входя въ спальню. Дверь за нимъ затворилась—и Мухина припала къ замочной скважинѣ. Всѣ четверо мужчинъ сидѣли въ тѣхъ же выжидательныхъ позахъ... Первый задвигался студентъ.

Онъ быстро пожалъ руку Воденягину и Петровичу и сказалъ:

— Я забѣгу въ университетъ... Ежели пароль такой, чтобы не давать никакого хода исторіи, я такъ и распряжусь.

И, бросивъ взглядъ на дверь спальни, онъ скрылся.

XXVI.

Лыжину было давно пора въ амбаръ Кумачева, но его удерживала въ квартирѣ Днѣпровской общая тревога сочувствія и неизвѣстности — удастся ли спасти молодую женщину, которую онъ даже ни разу не встрѣчалъ въ коридорѣ „Дворянскаго гнѣзда“.

Черезъ десять минутъ послѣ доктора Гурьянова пріѣхалъ посланный Ниной Кумачевой ея консультантъ Шахматовъ. Онъ приходился племянникомъ Гурьянову; но встрѣча ихъ была неожиданная. Лыжинъ не слыхалъ, какъ они заговорили у постели больной. Но ему хотѣлось бы присутствовать при консультаціи этихъ рѣзкихъ образчиковъ двухъ поколѣній. Онъ вспомнилъ, какъ отзывался про своего „племянника“ Гурьяновъ у Цыбашева.

Воденягинъ и Петровичъ удалились. Лыжинъ сидѣлъ одинъ въ гостиной. Всѣ женщины были въ спальнѣ вмѣстѣ съ докторами. Черезъ пять минутъ доктора вышли въ гостиную.

Шахматовъ уже раскланивался съ Лыжинымъ, проходя къ больной.

Онъ держался чопорно, какъ профессоръ, и видимо былъ не особенно доволенъ тѣмъ, что его, извѣстнаго

спеціаліста, потревожили точно першаго попавшагося полицейскаго врача—прописывать банальныя противоядія.

Лицо Гурьянова сложилось въ озабоченную мину. Его племянникъ только двойственно улыбался и поправлялъ золотыя очки.

Они вышли совѣщаться.

— Я вамъ, господа, мѣшаю?—спросилъ Лыжинъ.

— Нѣтъ, что же,—отозвался первый Гурьяновъ.—Вѣдь вы здѣсь—свой человѣкъ.

Лыжинъ хотѣлъ-было возразить на это—и промолчалъ.

— Я могу и удалиться.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ подошелъ поближе къ Гурьянову и, отведя его въ сторону, спросилъ:

— Не встанетъ?

— Богъ милостивъ, если ничѣмъ не осложнится... По положеніе серьезное.

Его племянникъ разсѣлся въ креслѣ, въ позѣ человѣка, которому предстоитъ скучная процедура, не отвѣчающая его ученому достоинству.

Гурьяновъ подсѣлъ къ нему, и консультація пошла вполголоса, по-русски, со вставкой латинскихъ терминовъ, однако, такъ, что Лыжинъ могъ бы, если бъ хотѣлъ прислушиваться, все схватить.

Но его удержало совѣстливое чувство.

Мудренаго діагноза не надо было ставить. Признаки ясны, и оставалось только установить болѣе энергичный способъ лѣченія. Отъ лѣченія Шахматовъ отказался, сказавъ, что за нимъ послали „по недоразумѣнію“. Говорилъ онъ пренебрежительно, процѣживая слова. Никакой симпатіи къ больной онъ не выказывалъ: напротивъ, брезгливо и жестко озирался, точно онъ попалъ въ какое-то непристойное мѣсто.

Совсѣмъ иначе велъ себя его дядя. Онъ, все тѣмъ же нутрянымъ и скромно-убѣжденнымъ тономъ, набросилъ планъ лѣченія и кончилъ такимъ восклицаніемъ:

— Сильно еще мучится, бѣдняжка! И такая славная барынька!

Шахматовъ пожалъ плечами и выговорилъ:

— Тутъ цѣлая исторія... Не отъ того, такъ отъ другого! Отойдетъ! Тѣла много!

И онъ всталъ, оправилъ свой вицмундиръ и глазами какъ бы освѣдомился, кто ему вручить лиловую ассигнацію за этотъ визитъ.

Изъ спальни никто не показывался.

Онъ спросилъ Гурьянова:

— Кто же здѣсь собственно хозяинъ?

И поглядѣлъ въ сторону Лыжина.

— Не я!—отвѣтилъ тотъ сдержанно и сухо.

Какъ онъ ни зараженъ уже афоризмами своего друга Кострицына—его симпатіи были на сторонѣ старика, человѣка шестидесятихъ годовъ, съ характерной складкой того времени. А его племянника хотѣлось взять за плечи и вышвырнуть, вмѣстѣ съ его научностью и аккуратностью. Конечно, кромѣ лиловой ассигнаціи и отстаиванія своего ранга въ городской практикѣ, у него не можетъ ничего быть за душой.

— Мнѣ пора,—отрѣзалъ деревянно и отчетливо Шахматовъ, и щелкнулъ доской своихъ часовъ.

И еще разъ пустилъ особенный боковой взглядъ, какъ бы желая сказать:

„Значить, здѣсь отпускаютъ консультантовъ съ пустыми руками?“

Лыжинъ хотѣлъ бы вынуть красненькую, нарочно красненькую, не больше—и подать ему, но вспомнилъ, что сейчасъ отвѣтилъ на вопросъ Шахматова.

Ему даже физически стало лучше, когда тотъ скрылся. Онъ подошелъ къ Гурьянову и не утерпѣлъ—спросилъ:

— Это тотъ племянникъ, о которомъ вы говорили у Цыбашева, помните?

И оба они переглянулись, какъ люди, хорошо понимающіе другъ друга.

— Да-съ!.. Человѣкъ текущаго десятилѣтія, — выговорилъ Гурьяновъ.— Не намъ чета!—добавилъ онъ, усмѣхнувшись глазами.

Ида и Лёля вышли изъ спальни и сейчасъ же окружили Гурьянова.

— Eh bien?—упавшимъ голосомъ спросила Ида.

— Встанетъ?—подсказала Лёля.

— Встанетъ, встанетъ. Теперь вотъ что — только не волнуйтесь. Кто у васъ здѣсь главный распорядитель?

— Я, я!—назвалась Лёля.

Онъ отвелъ ихъ обѣихъ въ уголъ и обстоятельно все объяснилъ, прописалъ три рецепта и еще разъ растолковалъ, какъ и что дѣлать.

Тутъ только Лёля сказала:

— А какъ же съ лѣкарствомъ, которое первый докторъ прописалъ?

— Вы, сударыни,—мягко сдѣлалъ онъ имъ выговоръ,— должны бы его предупредить. Ну, да онъ меня знаетъ немножко... А ежели обидится—что дѣлать!

— Вы заѣдете, вы заѣдете?—просительно стала спрашивать Лёля.

— Заѣду.

Обѣ пошли провожать его въ коридоръ, и когда вернулись, Божеярина сдѣлала, въ дверяхъ, ручкой.

— Вотъ прелесть—докторъ! Лидія Павловна, а?

— Да, очень милый.

— Не то что тотъ важнюшка! Точно женихъ изъ „Дикарки“. И онъ тоже не человѣкъ, а птица!.. Наша Олимпиада Дмитріевна спасена! Я вѣрю!

И что-то вспомнивъ, она опять выбѣжала въ коридоръ.

Въ первый разъ Лыжинъ остался наединѣ съ Идой.

— Вы, голубушка, я думаю, измочалились?—заботливо спросилъ онъ и посадилъ ее на диванъ.

— Нѣтъ, ничего.

Глаза у ней совсѣмъ поблекли. Она не спала съ той минуты, какъ за ней прибѣжала Лёля Божеярина, вся въ слезахъ, и умоляла принять участіе въ Днѣпровской.

И только что онъ хотѣлъ ее разспросить, какъ она попала сюда и знаетъ ли настоящую причину попытки на самоубійство актрисы, опять показалась въ дверяхъ Лёля, и уже не одна. Изъ-за нея выставялась длинная фигура барона Гольца.

Оба встали и переглянулись.

Теперь Лыжинъ пачалъ яснѣе понимать, въ чемъ дѣло. Красиваго гвардейца онъ сейчасъ узналъ. Вѣроятно, офицеръ очутился между двухъ женщинъ—актрисой и блистательной Антониной Борисовной.

Ида нервно замигала. Она тоже узнала Гольца. Его фигура осталась у нея въ памяти, вмѣстѣ со всѣмъ, что она на вечерѣ у Козлишевой замѣтила въ Нинѣ, когда та, взявъ ее подъ руку, повела къ угловой и сѣла слушать разговоръ офицера съ „дѣвчонками“.

— Пожалуйте!—строго поведя бровями, сказала Лёля и, обратясь къ Идѣ, выговорила:—Баронъ Гольцъ, знакомый Олимпиады Дмитріевны.

Гольцъ остановился въ нерѣшительной позѣ, согнувъ немного свою прямую и сухую спину.

Онъ тоже узналъ Лыжина и безстрастно проговорилъ:
— Имѣлъ удовольствіе...

Ида сейчасъ же вышла изъ замѣшательства и тихо спросила:

— Вы желаете ее видѣть?

И такъ при этомъ на него поглядѣла, что нельзя уже было играть роль и притворяться простымъ знакомымъ.

— Я не знаю... можно ли? — гораздо пониже тономъ вымолвилъ онъ и поглядѣлъ вбокъ на Лёлю.

Она „кипѣла“ на него негодованіемъ, но тайно была убѣждена, что Липа будетъ обрадована, и это ускорить ея „спасеніе“.

— Сейчасъ... я скажу.

Лёля пріотворила дверь въ спальню и на цыпочкахъ подошла къ кровати.

Дверь оставила она полуотворенной.

Всѣ трое стояли, въ неловкихъ позахъ, посрединѣ комнаты.

Гольцу было сильно не по себѣ. Уже третій день, какъ онъ не зналъ, чего ему держаться—газетная сплетня проникла всюду. Къ нему еще не приставали съ вопросами; положеніе становилось, однако, „поганымъ“. Его пріятель Верховцевъ, первый, безцеремонно началъ его науськивать на газетчика; но онъ уперся на томъ, что съ такимъ народомъ не стрѣляются, а бить его онъ не станетъ, какъ перваго попавшагося „хама“.

Письмо Лёли совсѣмъ его ошеломило въ первую минуту.

Онъ не испугался за жизнь Липы, но ему стало совѣстно. Во всякомъ случаѣ, если не вполнѣ, то наполовину онъ былъ причиной ея покушенія на самоубійство.

Въ настоящую минуту онъ готовъ былъ сдѣлать все, чтобы спасти ее; только, опять-таки, не хотѣлъ возобновлять съ ней отношеній. Съ такими „шалыми“ нельзя больше связываться.

Лёля, стоя у изголовья кровати, довольно громко спросила:

— Олимпиада Дмитриевна... Дорогая... вы только не волнуйтесь... не говорите... Лежите молча... Можно войти на минутку барону Гольцу?

Никому изъ стоявшихъ въ гостиной не видно было кровати.

Слабо, но явственно послышался голосъ Липы.

— Зачѣмъ явился этотъ господинъ?—спросила она, медленно выговаривая слова.—Ему здѣсь нечего дѣлать.

Дверь, точно нарочно, не прикрывали изнутри.

Лыжинъ, чувствуя большую неловкость, отвернулъ голову. Ида стояла, не двигая ни однимъ мускуломъ своего утомленнаго лица, съ впалыми глазами.

Баронъ сдѣлалъ движеніе къ двери и, точно онъ ничего не слышалъ, спросилъ вполголоса въ дверь:

— Нельзя?

— Это вы?—строго и сильнѣе звукомъ спросила Липа.

— Я.

— Вамъ здѣсь нечего дѣлать, баронъ... Только... пожалуйста, не думайте, что я... изъ-за васъ...

Она не закончила.

— Вы этого не стѣдите!—почти крикнула она и застыла.

Дверь изнутри стремительно заперли.

Ида съ Лыжинымъ уже сидѣли на диванѣ.

Гольцъ пожалъ плечами и, старательно выговаривая, сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— У ней, должно-быть, бредъ. Извините.

И, не ускоряя шага, выдвинулся изъ комнаты.

Ида и Лыжинъ молча поглядѣли другъ на друга.

„Celui-ci est très fort,—подумала по-французски Ида.— Il va rouler beaucoup de femmes!“

„Изъ молодыхъ, да ранній!“ — рѣшилъ по-русски Лыжинъ.

XXVII.

Ночное хмурое небо сѣяло снѣгъ частыми хлопьями и смягчало шумъ санной ѣзды.

На Тверской, противъ пекарни Филиппова, яркая пелена бѣлаго свѣта съ красной точкой большого электрическаго шара, какъ въ волшебномъ фонарѣ, пропускала по всему фону движущіяся фигуры пѣшеходовъ по тротуарамъ и санныхъ ѣздоковъ.

По самой срединѣ улицы лошадь дежурнаго жандарма стояла, изогнувшись и выпятивъ переднія и заднія ноги, неподвижно, въ напряженной посадкѣ. Молодой, безусый парень сидѣлъ, уперевъ правую руку въ бокъ, въ наушникахъ и фуражкѣ.

— Каріатида!—на всю улицу раздался басъ изъ саней, проѣзжавшихъ вверхъ по улицѣ.

Князь Иларіонъ пустилъ этотъ возгласъ, указавъ рукой на жандарма.

Рядомъ съ нимъ, уйдя головой въ ергаекъ, сидѣлъ Лыжинъ.

— И зачѣмъ, скажите на милость?

— Для порядка, — отвѣтилъ ему въ тонъ Лыжинъ.

— Или въ видѣ символа?

И князь захохоталъ своимъ зычнымъ, раскатистымъ смѣхомъ.

Они ѣхали на Садовую, въ квартиру одного изъ товарищей Шипилина, на студенческую вечеринку, куда князя и Лыжина пригласилъ Кострицынъ.

Тамъ они должны были его застать. Адресъ онъ далъ самый подробный: доѣхать до перекрестка у Тверской-Ямской, повернуть направо и третій домъ направо, пройти мимо палисадника и внизу, изъ сѣней, первая дверь.

— Стой! — крикнулъ Лыжинъ. — Должно-быть, тутъ! Князь, позвольте мнѣ сначала расчистить путь.

— Ничего, душа моя... Я не боюсь сугробовъ.

Снѣгу нанесло цѣлый холмъ и пришлось ступать черезъ него къ двери, тоже занесенной.

Широко шагали они, и тотъ, и другой въ глубокихъ калошахъ, и ихъ шаги слегка хрустѣли по узкой тропкѣ, гдѣ виднѣлись слѣды мужскихъ ступней.

Улица стояла безмолвной, съ тусклымъ мерцаніемъ фонарей, занесенныхъ снѣгомъ до самаго верха стеколъ.

— Впору хоть на лыжахъ! — пошутилъ князь, высвобождая одну ногу.

— Вамъ, я думаю, не мало приводилось, если вы охотникъ?

— Нѣтъ, я давно бросилъ этотъ видъ хищничества! Старцу не полагается истязать живыхъ существъ!

Добрались они, наконецъ, и до сѣней, совершенно темныхъ. Лыжинъ нащупалъ звонокъ и дернулъ за него.

Имъ сейчасъ же отперли, и кухарка впустила ихъ въ довольно просторную прихожую, съ низкимъ потолкомъ, хорошо освѣщенную стѣнной лампой.

Первый выбѣжалъ къ нимъ въ прихожую Шипилинъ. Онъ и здѣсь былъ какъ бы распорядителемъ. Форменный сюртукъ замѣнилъ онъ тужуркой.

Лыжина онъ видѣлъ у Липы и поздоровался съ нимъ, какъ со знакомымъ.

— Позвольте помочь вамъ, князь, а то она будетъ долго копатьсѣ.

Онъ отстранилъ кухарку и стащилъ съ плечъ князя его тулупъ, крытый синимъ сукномъ, на бараньемъ мѣху.

— Иванъ Кузьмичъ здѣсь, — сообщилъ онъ вполголоса. — Пожалуйте. Онъ сейчасъ только что началъ намъ нѣкоторую притчу.

— Какую притчу? — спросилъ Лыжинъ.

— Философскую... И, должно-быть, очень забористую.

Кострицынъ показался въ дверяхъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ квартиры — бѣлокуримъ студентомъ съ усиками, въ чистенькомъ вицмундирѣ.

— Много обязали, князь, моихъ молодыхъ друзей, — сказала Кострицынъ. — Вотъ и хозяинъ. А это Шипилинъ, мой старый пріятель. Пожалуйте!

Студентикъ застѣнчиво улыбался, подавая руки гостямъ.

Ихъ ввели въ первую комнату, гдѣ посрединѣ комнаты стоялъ самоваръ. Общество разсѣлось гдѣ попало; двое-трое ходили въ углахъ. Лампа хорошо освѣщала только средину комнаты.

— Мы прервали что-то? — спросилъ князь.

— Нѣтъ. Это еще не къ спѣху, — отозвался Кострицынъ.

— Однако, вы начали какую-то притчу. Пожалуйста... Очень любопытно! Прошу.

Князь пригласилъ его рукой и тотчасъ же отошелъ къ печкѣ и опустился на стулъ.

Лыжинъ присѣлъ у дверей.

— Живетъ мудрецъ, — тихо, тономъ сказочника, началъ Кострицынъ. — Живетъ, разумѣется, въ пещерѣ, куда удалился, уязвленный низостью и безуміемъ себѣ подобныхъ существъ. Вамъ не надо имени этого мудреца?

— Нѣтъ, — отозвался кто-то.

— Представьте его себѣ въ видѣ пустытника Антонія... И онъ пройдетъ сейчасъ черезъ искушенія... Живетъ онъ и вѣрить, что рано или поздно его пустыню огласитъ призывъ того, кого онъ назвалъ на своемъ жаргонѣ: *Сверхъ-человѣкъ*...

— Сверхъ-человѣкъ? — переспросилъ Шипилинъ.

— Да, существо, поднявшееся надъ всѣми нами, — быть-можетъ, такіа живутъ на планетѣ Марсѣ... Я склоненъ думать, что они возможны. Живетъ пустынный годъ, десять лѣтъ, сто лѣтъ, и вѣрить, что на развалинахъ те-

перешняго человѣчества вырастетъ иная раса, и прототипъ ея, *Сверхъ-человѣкъ*, явится къ нему и огласитъ пустыню своимъ призывнымъ кликомъ.

— Продолжайте, продолжайте! — прошепталъ Лыжинъ, чувствуя, какъ въ дѣтствѣ, когда ему сказывали сказки, что мурашки пробѣгаютъ по затылку.

— Продолжайте... Вдругъ слышитъ онъ отчаянный крикъ... Нѣтъ сомнѣнія... это Сверхъ-человѣкъ. Мудрецъ умильно и радостно ждетъ его въ свою пещеру, но вмѣсто него явились къ нему цѣлыхъ *девять* выдающихся людей, все изъ того же жалкаго и безумнаго человѣчества. Приходятъ они къ нему, одинъ за другимъ, и каждый — слышите, каждый — умоляетъ его о состраданіи за себя самого и за весь родъ людской.

— Девять человѣкъ? — окликнулъ Шипилинъ.

— Девять, — повторилъ Кострицынъ тономъ убѣжденнаго старца, рассказывающаго наивнымъ слушателямъ какое-нибудь дивное видѣніе. — Первымъ пришелъ *Возвѣститель великаго утомленія*, пессимистъ, тотъ нѣмецъ, — прибавилъ онъ, повсрнувъ голову къ князю и другимъ тономъ, — тотъ самый нѣмецъ, кто влилъ ядъ сомнѣнія и отчаянности въ столько душъ.

Онъ перевелъ дыханіе.

— Возвѣститель утомленія, великой протраціи, если выразиться по-докторски, объявившій ему о безысходномъ отчаяніи. За нимъ слѣдомъ явились два *Властителя*, люди доблестной породы, по крови и духу, и при нихъ осель.

— Осель? Зачѣмъ же осель? — удивился князь.

— Вы увидите зачѣмъ, дайте срокъ. За ними — человѣчекъ, невзрачный и замухрышный, крайне болтливый, весь голый, и къ тѣлу его, во всѣхъ мѣстахъ, присосались пиявки, а онъ ихъ не срываетъ — пусть ихъ пьютъ кровь изъ его жилъ, онъ же тѣмъ временемъ будетъ наблюдать этихъ животныхъ и ихъ аппетиты. Вы узнаете, кто онъ?

— Кто? — спросилъ Лыжинъ.

— Нашъ братъ — *человѣкъ науки*... За нимъ пришелъ *Старый Колдунъ*. Онъ сталъ декламировать стихи, нараспѣвъ, въ вагнеровскомъ духѣ, и призывать къ чувственной похоти, подъ предлогомъ воздержанія отъ всего мірскаго. Вслѣдъ за нимъ — *Первосвященникъ*; но онъ называлъ себя не такъ, а *Безработицей*. Божество умерло, и

бѣдному Первосвященнику некого благословлять. Божество умерло, его убилъ *Скверный Человѣчишка*; не тотъ, лядащій; что отдаетъ нявкамъ свое тѣло, а другой — типъ отрицанія и упорной крамолы.

— Гдѣ же остальные?—спросилъ кто-то.

— Погодите! Пустынникъ самъ пошелъ искать остальных и набрелъ на молодого человѣка, прекраснаго собою, посреди стада, съ небесной кротостью во всемъ существѣ. Это *Горній Проводникъ*. Люди перестали его слушать. Ему остались неосмысленныя животныя, и онъ говоритъ: „Тѣ, кто на нихъ похожи, тѣ только и будутъ на небесахъ“.

— Остается еще одинъ,—сказалъ Шипилинъ.

— Послѣдній изъ девяти—это онъ самъ, тотъ нѣмецъ, что сочинилъ эту притчу, нѣмецъ глубоко несчастный. Притча была его лебединой пѣснью. Онъ написалъ ее накануне безумія.

— Да и эта парабола обличаетъ уже безуміе, — возразилъ князь.

— Почему? — живо отозвался Кострицынъ. — Въ ней символически изображены всѣ немощи и упованія тепершняго культурнаго человѣчества... Но позвольте кончить... Пустынникъ понялъ, что ни одинъ изъ этихъ высшихъ представителей рода людскаго не заслуживаетъ состраданія. Все, что онъ можетъ для нихъ сдѣлать, это—пригласить ихъ поужинать въ свою пещеру и предложить имъ ночлегъ. И тутъ они себя показали: когда хорошенько выпили и закусили, то стали хохотать, пѣть шансонетки и рассказывать скабрѣзныя исторіи, и только что отъ нихъ отвернется Пустынникъ, они сейчасъ же всѣ бухъ передъ осломъ, котораго привели два Властителя, и преклоняются передъ нимъ, какъ передъ идоломъ.

— Ха-ха!—вырвался смѣхъ у одного изъ студентовъ.

— Развѣ это не мѣтко и не ядовито, и не глубоко-безнадежно? Но нашъ несчастный нѣмецъ пошелъ дальше и успѣлъ набросить нѣсколько главъ новой посмертной книги подъ заглавіемъ: „Обезцѣненіе всѣхъ цѣнностей“, т. е. доказательство, что вся жизнь, вся вселенная—пуфъ и не стоитъ мѣднаго пятака, что *ничего нѣтъ*. Дальше нигилизмъ уже не пошелъ въ концѣ девятнадцатаго вѣка. Эти главы — *посмертныя* главы нашего нѣмца, ибо онъ умеръ душой: онъ теперь—умалишенный.

По всему тѣлу Лыжина пробѣжала струя внутренней дрожи.

Кострицынъ точно почувялъ это и продолжалъ тише:

— Жутко вамъ, господа? Не правда ли? Тутъ мозгъ человѣка, маленькій органъ, доразвившійся до извѣстной, хоть и изумительно тонкой стадіи, возмнилъ нѣчто дерзновенное: рѣшать безповоротно общую *нѣтовщину*, въ родѣ нашихъ изувѣровъ-раскольниковъ, когда они жгли сами себя на кострахъ и вопили: „Нѣсть на свѣтѣ правды, нѣсть!“ — „Лестъ одна на свѣтѣ, лестъ!“

— Таковы выводы страждущей души дѣтей нашего вѣка, — началъ было князь.

— Погодите... Какого еще вамъ отрицателя и проповѣдника всеобщаго отчаянія, какъ нашъ злополучный нѣмецъ, но вѣдь и въ его притчѣ конецъ совсѣмъ не такой. Кого ждетъ его мудрецъ, который называется у него курьезнымъ восточнымъ именемъ, кого? Вы не забыли?

— Того, какъ вы его назвали?.. — подсказалъ Шипилинъ.

— Сверхъ-человѣка.

— По-каковски это, Иванъ Кузьмичъ?

— По-нѣмецки *Ueber-Mensch*. Какъ же перевести? Сверхъ-человѣкъ. И пустынный, отказавъ въ состраданіи и даже сочувствіи девяти образцовымъ людямъ, сталъ все такъ же страстно ждать *новаго чловѣка*. И до сихъ поръ ждетъ его... Чтò онъ принесетъ съ собою? — Истину... Правда, нашъ нѣмецъ, послѣ своей притчи, досказалъ нѣчто горькое и про это явленіе новаго чловѣка, воплощающаго истину. Она промолвила ему одно слово: „Несчастный“. Нужды нѣтъ, она все-таки явилась, и не ея дѣло кормить насъ райскими яблоками.

Кострицынъ смолкъ.

Всѣ съ минуту молчали.

— Притча, признаюсь! — первый отозвался Шипилинъ и, присаживаясь къ самовару, сказалъ: — Нашимъ гостямъ, съ вьюги, чаю хочется?.. Я сейчасъ налью.

Кострицынъ сидѣлъ въ той же позѣ досужаго сказочника, уперевъ ладони рукъ въ колѣни и поглядывая на всѣхъ своими искристыми, узкими глазками.

Слушая его притчу, Лыжинъ никого еще изъ студентовъ не разглядѣлъ въ отдѣльности, кромѣ Шипилина и хозяина квартиры.

Тутъ было чловѣкъ до двѣнадцати, почти всѣ въ форменныхъ сюртукахъ или въ короткихъ сѣрыхъ пальто.

Двѣ наружности привлекли его раньше остальныхъ, сначала: уже на возрастѣ студентъ, въ „тужуркѣ“, съ густой русой бородой и румянымъ, довольно строгимъ лицомъ.

Это былъ первый другъ Шипилина—Владиміръ Мечъ. Онъ курилъ и стоялъ у печки, и когда слушалъ Кострицына, то часто поднималъ брови, наклоняя своеобразнымъ жестомъ свою большую и красивую голову.

Другой не смотрѣлъ студентомъ; скорѣе—поступающимъ въ университетъ семинаристомъ, въ штатскомъ сюртукѣ, нараспашку, бородатый, кудрявый, съ крестьянскимъ лицомъ. Онъ постоянно двигался въ своемъ углу, подходилъ къ самовару, подливалъ себѣ чаю и встряхивалъ волосами.

— Какое же, позвольте освѣдомиться, толкованіе слѣдуетъ дать этой притчѣ? — громко, волжскимъ говоромъ на „онъ“, спросилъ онъ, разводя руками.

Онъ всталъ противъ Кострицына, по ту сторону круглаго чайнаго стола.

— Это—символическое изображеніе того, какъ мыслящій человѣкъ конца вѣка извѣрился въ людишекъ; какъ онъ, сохраняя свой идеаль, отрицаетъ всѣ виды того дряблага морализма, до котораго доработались руководители человѣчества.

Кострицынъ остановился и хлебнулъ изъ стакана.

Начало его рѣчи показалось Лыжину недостаточно яснымъ.

— Позвольте!—голосъ князя загремѣлъ, какъ труба.— Во-первыхъ, имя этого нѣмца?

— *Nomina sunt odiosa*, князь!—отвѣтилъ, вставая, Кострицынъ.— Будемъ обсуждать идеи, а не имена.

XXVIII.

— Будемъ!..—согласился князь и присѣлъ къ столу.

Глаза многихъ студентовъ заиграли. Кострицынъ обѣщаль имъ добыть „чистокровнаго гегельянца“, въ нѣкоторомъ родѣ ископаемаго „плезиозавра“ діалектики. Схватка можетъ выйти перворазрядная—та „пря“, безъ которой Иванъ Кузьмичъ не могъ провести недѣли.

Князь зналъ его очень мало и, кромѣ того утра, когда Кострицынъ съ Лыжинымъ навѣстилъ его въ деревнѣ, не имѣлъ еще съ нимъ никакого разговора, гдѣ бы „ампли-

туда“ его идей и пріемовъ діалектики развернулась передъ нимъ.

Но онъ зачуялъ уже по этой притчѣ, взятой у какого-то полубезумнаго нѣмца, нѣчто, уничтожающее его „этику“ и „феноменологію“ духа... Кострицынъ видимо сочувствовалъ этому отрицателю, ненавистнику человѣка, подрывающему, повидимому, самыя основы морали, которыя для него были утверждены не на легендарныхъ актахъ, а на предпосылкахъ основныхъ положеній его безсмертнаго учителя.

Отъ присутствія цѣлаго кружка молодежи у князя заиграло въ груди. Ему хотѣлось присмотрѣться къ студентамъ, „войти въ общеніе“ со складомъ ихъ идей, того, что они считаютъ теперь абсолютами мышленія. Многого онъ не ждалъ. Ему давно уже сдавалось, что нѣтъ у нынѣшнихъ молодыхъ людей никакого философскаго завѣта; что съ непочтительнымъ отношеніемъ къ идеализму и діалектикѣ, которое водворили ограниченныя „научники“, до сихъ поръ ему ненавистныя и обокравшія, по его мнѣнію, Гегеля, разлилось полное безпринципіе, грубый скептицизмъ, то, что зубоскалы прозвали сами „неуважай-корытствомъ“.

Но, кажется, въ самыя послѣдніе года всплываютъ признаки чего-то иного. Діалектика опять пробивается въ новыхъ почитателяхъ великаго кенигсбергскаго профессора, предтечи его учителя.

Тѣмъ его, навѣрно, затрепещетъ тамъ, въ области духовъ, отъ скитской „нѣтовщицы“, которой уже угостилъ ихъ этотъ Кострицынъ. Но надо сейчасъ же припереть его къ стѣнѣ и потребовать у него „вѣрительныхъ грамотъ“. Кто же онъ самъ? Держится ли какихъ-либо общихъ безусловныхъ началъ, которыя одни лишь и способны утвердить лучезарное тріединство: *истины, добра и красоты?*

Почти тѣ же вопросы захватили и Лыжина.

Давно ему не случалось попадать на такой турниръ. Отъ студенчества онъ тоже отсталъ. Идеи и упованія учащейся молодежи какъ-то ушли отъ него, заслонились въ послѣдніе годы личными исканіями. Но и онъ, какъ и князь Иларіонъ, считалъ поколѣнія недавнихъ лѣтъ захваченными въ массѣ духомъ житейскаго позитивизма. По теперешнему его настроенію ему пріятно было бы видѣть въ мыслящихъ „юнцахъ“ ббльшую смѣлость, жела-

ніе добираться до всего своимъ умомъ, меньше того стаднаго увлеченія „последними словами“ науки или полудувѣрскимъ идеаломъ „зипуна“.

Но еще сильнѣе заинтересованъ былъ онъ: чѣмъ же выкажетъ себя его новый другъ, Кострицынъ, на какихъ „устояхъ“ основалъ онъ свое пониманіе жизни? Лыжинъ уже предвидѣлъ, что схватка произойдетъ въ области того, что такое *добро*, *долгъ*, понятіе *вины* и нравственнаго *совершенства*.

Въ „амбарномъ Сократѣ“ прельщало его освобожденіе отъ всякихъ кличекъ и лозунговъ, при внутренней порядочности, которую Лыжинъ чувствовалъ въ немъ даже когда онъ поддерживаетъ „изъ принципа“ охранительныя замашки своего хозяина или раздражается противъ племени, принесшаго, по его теоріи, въ свѣтлый античный міръ свою злобу, месть и безумное самоубійство „избраннаго“ народа.

Изъ студентовъ трое въ особенности оживились: Шипилинъ, его другъ Мечъ и тотъ, видомъ семинаристъ, что говорилъ на „онъ“ и одѣтъ былъ въ штатское.

Тотъ даже подошелъ къ стулу, гдѣ сидѣлъ Кострицынъ, и уперся обѣими руками на спинку.

Студентъ Мечъ, не проронившій ни слова, прислонился къ изразцовой печкѣ и курилъ. Его глубокіе и блестящіе глаза уставились на библейской головѣ князя съ гораздо бѣльшей симпатіей, чѣмъ у остальныхъ молодыхъ людей. Шипилинъ зналъ впередъ, что Иванъ Кузьмичъ побьетъ „плезиозавра“ діалектики. Онъ метафизику не уважалъ и считалъ Кострицына „здоровымъ скептикомъ“, хотя и не зналъ въ подробностяхъ—въ чемъ „суть“ его пониманія жизни и ея задачъ.

Для него „пря“ обѣщала быть болѣе занимательной, чѣмъ цѣнной для своего собственнаго „нутра“, въ смыслѣ символа вѣры.

— Позвольте васъ спросить, — началъ, откашлявшись, князь, — если вамъ не угодно назвать автора вашей „притчи“, на какой почвѣ возможенъ между нами обмѣнъ положеній—считаете ли вы себя съ нимъ солидарнымъ и въ чемъ состоятъ первоосновы его, въ данномъ случаѣ, этического жизнеразумѣнія?

Последняя фраза заставила нѣкоторыхъ студентовъ переглянуться со сдержанной усмѣшкой.

— Автора притчи, — хлестко, безъ заинки, отвѣчалъ

Кострицынъ,—мы оставимъ въ покоѣ. Но я лично солидаренъ, какъ онъ, съ тѣми, кто не желаетъ повторять „буки-азъ—ба“, старыхъ прибаутокъ, взятыхъ изъ мистическихъ преданій и метафизическихъ абсолютовъ, и идутъ въ самый корень идеи добра, долга и нравственного совершенства, съ тѣми, кто отрицаетъ обязательность и даже реальную допустимость пресловутаго *категорическаго императива*.

Глазки Кострицына заискрились и круглыя щеки блестяли отъ румянца.

Въ комнатѣ сдѣлалось очень тепло.

— Вотъ оно куда!—вмѣсто князя, только тряхнувшего головой, пустилъ искренней и звонкой ногой кудрявый волжанинъ.—Значить, это—*tabula rasa*, въ замѣну всякой морали?—спросилъ онъ весело, но сильно, искреннимъ и молодымъ звукомъ.

— Дезидеріевъ!—авторитетно остановилъ его Шипилинъ.—Слова тебѣ никто не давалъ. Закрой фонтанъ!

Два-три человѣка фыркнули.

— Извините, — отозвался князь, оглядываясь на семинариста, — я очень радъ, что господинъ студентъ поставилъ вопросъ такъ опредѣленно!.. — И, повернувъ голову къ Кострицыну, онъ продолжалъ:—Слѣдственно, вы являетесь защитникомъ какой-то, какъ вы сами изволили выразиться, „нѣтовщины“?

— *Comparaizon n'est pas raison!*—возразилъ, усмѣхаясь, Кострицынъ, и Лыжинъ въ первый разъ услышалъ, что у него хорошее произношеніе.—Я употребилъ эту метафору только приблизительно. Но я ставлю сначала такія предпосылки...

Онъ отхлебнулъ изъ стакана и, сложивъ на груди руки, точно читая по-печатному, въ видѣ отдѣльныхъ тирадъ началъ ставить свои предпосылки:

— Прежде всего, зло, наравнѣ съ такъ-называемымъ благомъ, въ высшей степени полезно для развитія чловѣка,—я говорю чловѣка, отдѣльнаго „я“, въ которомъ вся суть и смыслъ жизни, а не общества—терминъ, годящійся только для передовицъ нашихъ газетъ.

— Ловко!—крикнулъ Шипилинъ.

— И дальше-съ?—совсѣмъ уже барской, чопорной интонаціей, выговорилъ князь.

— Поэтому, обязательный альтруизмъ, передъ которымъ всѣ пляшутъ, и притомъ лживо и лицемѣрно, есть мо-

гила личности, устраненіе ея, обезличеніе, во имя какой-то муштры, гдѣ погибають лучшія дарованія человѣка.

— Далѣе-съ?—напряженно сдерживаясь, подталкивалъ князь.

— Чтò сидить въ обществѣ, въ этомъ вышколенномъ человѣческомъ стадѣ? Не злобность, не яркій порокъ, не разрушительные инстинкты, а страхъ, гнусный страхъ, какъ бы могучая индивидуальность не захватила его врасплохъ.

— Это вѣрно, — про себя, чуть слышно, выговорилъ Мечъ и отошелъ въ уголь, за печку.

— И вотъ этотъ-то страхъ—главный источникъ ходячей, патентованной морали. Ничто больше, — по крайней мѣрѣ, для массы и для тѣхъ мандариновъ, которые муштрують ее по своему образцу. Страхъ поддерживаетъ понятіе вины и грѣха—этихъ ядовитыхъ снадобій, отравляющихъ жизнь на землѣ. А вина и грѣхъ—происхожденія самого простого, матеріальнаго: вышли изъ оцѣнки убытка, изъ требованія денежной пени. Противъ этого, если здѣсь есть господа-юристы, трудно спорить.

— Я—кандидатъ правъ, — отозвался Лыжинъ, — но самый плохой!

— Потому и менѣе зараженъ, — весело замѣтилъ ему Кострицынъ.

— Вы изволили кончить?—спросилъ князь.

— Ха-ха! Далеко нѣтъ. Стадная безопасность—вотъ вашъ пресловутый императивъ. И всѣ, кто думаетъ, какъ я, многогрѣшный, желаютъ одного: чтобы насталъ для человѣка день, когда онъ ничего не будетъ бояться.

— Вотъ благодать-то будетъ! — не выдержалъ Шипилинъ.

— Въ пустыню надо тогда бѣжать!—прибавилъ кудрявый Дезидеріевъ и оглянулъ товарищей въ обѣ стороны.

— Не надо никакой пустыни!—возбужденно подхватилъ Кострицынъ, видимо увлеченный ходомъ своихъ мыслей.— Вся ходячая мораль, первобытная и философская, отзывается стадомъ, торжествомъ посредственности. Шаблонъ и форменный аршинъ—вотъ ея мѣрила.

— Извините, — перебилъ князь, какъ бы въ скобкахъ, — это—общее мѣсто всякихъ сѣтованій.

— Никакъ нѣтъ, князь! — порѣзче возразилъ Кострицынъ.— Всѣ такія сѣтованія идутъ изъ того стараго, гнилого источника... изъ разныхъ абсолютовъ, прикрываю-

щихъ страхъ и ненависть людского стада къ личности, къ ея „самости“, если вамъ угодно, терминъ, когда-то бывший у насъ въ ходу.

— Историческій культъ великихъ людей противорѣчитъ этому, — отозвался Лыжинъ.

Мысль напросилась ему тутъ же.

— Все вѣтъ, другъ Юрій Петровичъ, — ласково отвѣтилъ ему Кострицынъ. — Великихъ людей стадное чело-вѣчество выносило, когда они бросали ему подачку, пу-скали ему пыль въ глаза; но мандарины и представители мудрости, въ данный моментъ, всегда были имъ враж-дебны, строили ковы и радовались ихъ паденію... И вотъ, — заговорилъ онъ стремительно, — я ставлю катего-рической вопросъ: гдѣ, вокругъ насъ, чело-вѣкъ, и какъ типъ, и какъ отдѣльная личность, который бы служилъ оправданіемъ такъ-называемаго культурнаго чело-вѣчества? Гдѣ? Дрессировка превратила его въ карлика! Смягченіе нравовъ, дисциплина, гуманность — все это слюняйство, вырожденіе, похожее на то, какъ изъ злобнаго волкодава мы дѣлаемъ комнатную собаку, лизоблуда, и восхищаемся дѣломъ рукъ своихъ! И до тѣхъ поръ всѣ наши про-писи не будутъ стоить и мѣднаго гроша, пока мы не убѣдимся, что личность, ея расцвѣтъ, ея мощь и смѣ-лость, даже дерзость — конецъ и цѣль всего сущаго. Те-перь же, въ наше безвременье, когда души обезсилены и мозги развращены трусостью и идиотскимъ повторе-ніемъ задовъ, каждый изъ насъ имѣетъ право создавать себѣ свой кодексъ, мы сами себѣ владыки, мы сами произ-водимъ опыты заново и творимъ жизнь безъ прописей и пугалъ!..

XXIX.

Князь Иларіонъ началъ ерошить свою гриву и нѣ-сколько разъ порывался возражать.

Но Кострицынъ разошелся и его трудно было оста-новить.

— Вы всѣ, господа, — обратился онъ къ молодежи, — воспитаны на томъ, что за бѣдненькихъ и забитенькихъ надо полагать свои животы.

— А то какъ же? — спросилъ Дезидеріевъ, разводя своими широкими ладонями.

И Лыжинъ поглядѣлъ съ недоумѣніемъ на пріятеля.

„Ужъ не очень ли Иванъ Кузьмичъ пустилъ густо?“— подумалъ онъ.

— Вся фальшь ходячей морали та, что она возится съ болью, страданіемъ и ихъ антиподами—удовольствіемъ и наслажденіемъ. Такая основа—самая тлетворная!

У кого-то вырвалось восклицаніе.

— Я вамъ сейчасъ покажу это. Удовольствіе и страданіе—только признаки, показатели. Сами по себѣ они—ничто. Боль нехороша—только когда она бессмысленна. Но когда надо перейти черезъ страданіе, чтобы дать ходъ своей личности, подняться на высшую ступень развитія, тогда страданіе въ расчетъ неидетъ. Отъ васъ же требуютъ — постоянно копать въ самыхъ жалкихъ немощахъ человѣка. Въ каждомъ изъ насъ, господа, сидитъ одновременно тварь и творецъ. Тварь ноетъ и плачетъ, клянчитъ и выставляетъ напоказъ болячки, прося милостыни... И вмѣсто того, чтобы идти къ освобожденію себя самихъ отъ твари, мы только съ нею и носимся, на нее и полагаемъ душу! И добро бы еще на могучую тварь, полную хищныхъ, здоровыхъ позывовъ, а то на самую дрянную, разслабленную гуманной культурой. А разъ цѣль нашего бытія на землѣ не можетъ быть ничто иное, какъ возвышеніе—въ каждомъ изъ насъ—творца надъ тварью, ибо человѣкъ самъ себѣ цѣль и ни у кого и ни у чего не обязанъ просить позволенія думать и чувствовать такъ, а не иначе, то изъ этого прямо вытекаетъ, что самое великое дѣло—въ молодыхъ лѣтахъ дать заказъ характеру стать самимъ собою и въ самомъ себѣ найти смыслъ и удовлетвореніе. Единой же спасительной морали нѣтъ и быть не можетъ! Если ты, по натурѣ, злобенъ, то честнѣе быть злобнымъ, чѣмъ фальшиво или по доброй волѣ стучать лбомъ передъ прописями, годными только для уроковъ чистописанія. И когда личность освободитъ себя отъ какихъ бы то ни было цѣпей, тогда только творческая основа и возьметъ въ ней верхъ надъ тварью. Этого нельзя достигнуть, не преодолѣвъ самого себя.

— Позвольте! — громовымъ голосомъ пустилъ князь и всталъ во весь ростъ.—Вся эта доктрина—не чтѣ иное, какъ перифразъ древняго стоицизма.

— Ни мало!—неудержимо продолжалъ Кострицынъ, и тоже поднялся. — Маркъ-Аврелій былъ изувѣръ обязательной терпимости. Онъ всѣхъ оправдывалъ и ставилъ

себѣ въ священный долгъ исполнять тысячу нелѣпыхъ обязанностей, вмѣсто того, чтобы творчески развивать свою душу, хоть и носился съ своимъ философскимъ превосходствомъ. Вы меня совсѣмъ не поняли! Стоики—вотъ это были защитники раскольничьей нѣтовщины. Для нихъ не было ничего новаго ни въ природѣ, ни въ исторіи; они повторяли, какъ фанатики-еодосѣвцы, что все тлѣно и прахъ и не стѣить личныхъ усилій. Развѣ я тѣ развивалъ, господа? — спросилъ Кострицынъ; обернувшись къ дивану, на которомъ сидѣло нѣсколько студентовъ.— Только тѣ эпохи и двигали впередъ человѣка, когда личность жила во всю, кусалась, дралась, производила насилія, не знала никакого другого закона, кромѣ своего творческаго „я“.

— Этакъ, однако, и до Ивана Грознаго дойдешь!— возразилъ кто-то изъ студентовъ.

— До чего бы ни дойти—только бы жизнь была ключомъ и только бы сдать въ архивъ прописную мораль и ея родного брата: признаніе равенства человѣческихъ личностей.

— Ого!..—пустилъ Деидеріевъ.—И равенство отвергаете?

— Отвергаю,—настойчиво отвѣтилъ Кострицынъ.—Его нѣтъ въ природѣ, нѣтъ ни въ чемъ, что развивается. Въ избранникахъ человѣчества только и находимъ мы оправданіе его жизни на землѣ. А гдѣ избранники—тамъ и различіе, обособленіе, каста, если вамъ угодно. Безъ іерархіи немислимо ничто живое. И торжество гнилого принципа—всеобщаго уравниенія—будетъ концомъ всякой справедливости, смѣшеніемъ въ одной безобразной кучѣ глупыхъ и умныхъ, калѣкъ и бойцовъ, геніевъ и жалкой бездарности, красоты и уродства. Поэтому-то и безуміе—дѣлать генія орудіемъ массы и ставить высшей цѣлью усилій избранниковъ: пошлое благополучіе стада, которое само не въ силахъ даже, безъ указки, пережовывать свою жвачку!

Кострицынъ перевелъ духъ, отошелъ къ печкѣ и вскричалъ:

— *Dixi et animam lævavi!*

Студенты, сидѣвшіе на диванѣ, задвигались и вполголоса заговорили. Шипилинъ подошелъ къ Кострицыну и спросилъ:

— Теперь за княземъ слово, Иванъ Кузьмичъ?

— Съ удовольствіемъ уступаю... Вѣроятно, и изъ васъ найдутся оппоненты.

— Еще бы!—отозвался Дезидеріевъ.—Только надо обратиться съ мозгомъ. А то вы, какъ обухомъ, ошеломили насъ.

Всѣ почти разсмѣялись. Лыжинъ внимательно смотрѣлъ на студентовъ. Ему многія мысли пріятеля были по-сердцу въ теперешнемъ его настроеніи.. И въ немъ, однако, зашевелился протестъ, когда Кострицынъ сталъ рвать въ клочки всѣ „прописи“. Но въ послѣднихъ словахъ онъ опять услышалъ нѣчто такое же, какъ и въ остротѣ заграничнаго шестидесятника насчетъ тѣхъ, кто стучаетъ лбомъ передъ сермягой.

Князь не сѣдился. Онъ закинулъ голову назадъ и послѣ небольшой паузы началъ тихо и вдумчиво:

— Во всемъ, что вы говорили на тему этики, я не вижу никакихъ основныхъ, ни абсолютныхъ, ни даже эмпирическихъ началъ. На чемъ все это держится? На какой-то ограниченной антропологіи? Вы возстаете противъ человѣческой твари, а ее-то и сажаете въ красный уголокъ избы.

Кострицынъ отрицательно мотнулъ головой, но отъ возраженія воздержался.

Не разбивая положеній своего противника по пунктамъ, князь сейчасъ же, точно какимъ полетомъ воздушнаго шара, очутился на высотахъ своего мышленія.

Говорилъ онъ сначала сдержанно и хриповато, потомъ голосъ его получалъ все бѣдшій размахъ, и слова полились рѣкой, съ характерными переливами и возвышеніями голоса.

Студенты слушали его съ особымъ чувствомъ. Онъ для нихъ былъ „плезіозавръ“ и не могъ говорить иначе, какъ старомоднымъ языкомъ школы. Убѣжденность его была красива и располагала ихъ къ себѣ, но головы большинства не разгорались. Скорѣе въ груди, нѣтъ-нѣтъ, да пріятно ѣкнетъ отъ сочетанія фразъ, отъ полета великодушнѣйшей мысли, согрѣтой вѣрой въ безусловную истину основныхъ положеній.

Вотъ эту-то безусловность никто изъ нихъ и не могъ признавать безъ возраженій. И тѣ, кто слушалъ лекціи, гдѣ „система“, любезная сердцу старика, разбиралась какъ моментъ въ исторіи мышленія, давно сланный въ архивъ, такъ и тѣ, кто мало зналъ по этой части, но не

могъ и не хотѣлъ поступаться выводами науки и привыкъ употреблять слово „метафизика“ въ насмѣшливомъ тонѣ.

Трудно было и Лыжину, болѣе спокойному и постарше ихъ почти на два десятка лѣтъ, прослѣдить логическое сдѣленіе идей и положеній въ рѣчи князя. Онъ отвѣчалъ не Кострицыну, а цѣлому стану противниковъ системы его безсмертнаго учителя. Долгіе годы онъ не имѣлъ случая пустить „во всю“ самую дорогія для него истины, обратившіяся для него въ изреченія, высѣченныя въ мраморѣ.

Даже Кострицынъ, улыбаясь въ усы, слушалъ его съ нѣкоторымъ художественнымъ удовольствіемъ и давно рѣшилъ, что возражать онъ ему не будетъ. Его дѣло сдѣлано. Онъ пустилъ „брандера“ въ умы всей этой молодежи, и если кто-нибудь изъ нихъ будетъ задѣтъ его походомъ противъ морали вырождающагося человѣчества—больше ему ничего не нужно.

— Да, господа!—побѣдоносно провозгласилъ князь, широко взмахнувъ обѣими руками.—Мы не утратили нашего завѣта, хотя бы настъ, во всей Европѣ, осталось полдюжины. Нашъ основной догматъ тотъ, что *идея* — начало всѣхъ вещей, и она была показана такой, какова она есть, въ своемъ вѣчномъ, абсолютномъ бытіи, нашимъ геніальнымъ учителемъ,—голосъ его дрогнулъ на этомъ словѣ.—Слѣдственно — говорю я — исторія человѣчества и всего міра—науки, искусства, всего, — каково бы ни было ихъ развитіе—эволюція, по-модному, и всѣ многообразныя формы ихъ—не могутъ быть и двигаться внѣ этой идеи!

Онъ сдѣлалъ два шага къ Кострицыну и уперъ въ воздухъ оба кулака:

— Свобода и расцвѣтъ личности, говорите вы, государь мой, какъ единственная самодовлѣющая цѣль нашего бытія?.. Но коль скоро идея — главный источникъ этого бытія, а совмѣстно съ тѣмъ и правды и добра,—она тѣмъ самымъ—источникъ свободы. И чѣмъ выше поднимется человѣкъ въ сферу идей, тѣмъ онъ свободнѣе!

Лыжинъ сидѣлъ, закрывъ глаза, и ему показалось, что онъ опять въ избѣ князя Иларіона, когда они пріѣхали къ нему съ Кострицынымъ.

Тотъ же голосъ, точно труба, тѣ же истины и тѣ же, кажется, выраженія, или очень близкія.

„Старина повторяется и не можетъ не повторяться“,—

подумаль онъ, и ему захотѣлось, чтобы князь пустиль что-нибудь болѣе сильное и неожиданное.

— Вы хотите обойтись безъ высшаго вдохновенія всего сущаго, га-га! — загоготаль онъ, точно травиль краснаго звѣря по первой порошокъ. — Но что такое Богъ? Не тотъ личный, котораго мы нечестиво надѣляемъ своими свойствами, а тотъ, недостигаемый и вездѣсущій? Онъ есть мысль мысли.

— Вотъ такъ формула! — вставиль Кострицынъ.

— Не я ее сочиниль, государь мой! Аристотель такъ выразился. За это я отвѣчаю, хотя и не могу сказать — гдѣ именно. Идея идеи! — повториль онъ. — Небытію противопоставлено бытіе, путемъ становленія. Великій тройственный ходъ всего сущаго! И когда духъ вашъ, господа, проникнется этой истиной — вы застрахованы отъ шатаній мысли. Вы достигните амплитуды вашей человѣческой личности!..

На этомъ словѣ, дорогомъ Кострицыну, князь смолкъ и опустился въ кресло.

XXX.

Въ дешевомъ ресторанѣ, въ началѣ Пушкинскаго бульвара, засидѣлись пятеро студентовъ, послѣ вечеринки, гдѣ происходило состязаніе Кострицына съ княземъ.

Тутъ были Шипилинъ, Мечъ, Дезидеріевъ и еще двое изъ тѣхъ, что занимали мѣста на диванѣ во время и послѣ схватки, и въ преніяхъ участія не принимали.

Князь удалился раньше всѣхъ, сказавъ на прощанье:

— Друзья мои! На шаткомъ грунтѣ строите вы весь нынѣшній храмъ истины. Она не познается путемъ возмущенія нашего ограниченнаго „я“.

Кострицынъ больше не сталъ ему возражать и уѣхаль вмѣстѣ съ Лыжинымъ. Они отправились ужинать въ „Эрмитажъ“.

Послѣдній возгласъ князя, произнесенный теплыми нотами, остался у всѣхъ въ памяти. Когда трое „стариковъ“ — такъ студенты называли, про себя, даже Лыжина съ Кострицынымъ — уѣхали, хозяинъ квартиры послалъ за пивомъ, и они еще съ добрый часъ просидѣли. Оживленнаго спора что-то не вышло. Разговоромъ, какъ почти всегда, овладѣль Шипилинъ. Онъ хотѣлъ выяснитъ остальнымъ: можно ли то, что Иванъ Кузьмичъ говорилъ о прописной и ходячей морали, согласить съ научнымъ прин-

ципомъ, и показать, что можно. Но самъ ли Кострицынъ все это надумаль, или вычиталь цѣликомъ у того нѣмца, который сочинилъ притчу, рассказанную имъ въ началѣ вечера, до появленія князя съ Лыжинымъ.

Это его немного стѣсняло. Ему бы хотѣлось знать это навѣрно. Останься съ нимъ Иванъ Кузьмичъ по уходѣ князя—онъ бы допросилъ его. Его натурѣ, пытливой головѣ и смѣлому характеру правилась эта постановка идеала и смысла жизни, исключительно въ расцвѣтѣ своего „я“, безъ преклоненія передъ тѣмъ, что принято признавать добромъ и высшимъ долгомъ.

Въ такомъ духѣ началась бесѣда и въ ресторафтѣ, куда всѣ пятеро—имъ почти было по дорогѣ—зашли „на огонекъ“, хотя оставалось немного времени до закрытія.

Ихъ пустили, но буфетчикъ предупредилъ, что въ два часа будутъ тушить лампы. Они ушли въ дальнюю комнату, съ окнами на дворъ, и спросили себѣ закусить и три бутылки пива.

За ѣдой бесѣда перешла сейчасъ же въ горячій споръ.

— Нѣтъ, братъ! — встряхивая своей косматой головой, заговорилъ Деидеріевъ, тыча вилкой въ воздухъ,—онъ сидѣлъ противъ Шипилина,—ты напрасно увлекаешься такимъ презорствомъ личности.

— Какъ? — смѣшливо переспросилъ одинъ изъ двухъ остальныхъ студентовъ.

— Презрѣство! — повторилъ Деидеріевъ и отправилъ въ ротъ кусокъ ветчины. — Хорошее слово. Вѣдь мы знаемъ такую проповѣдь, въ другомъ только одѣяніи. Это — этической анархизмъ. Какъ Иванъ Кузьмичъ самъ обмолвился — раскольничья нѣтовщина.

— Вздоръ! — обрѣзалъ его Шипилинъ. — Вздоръ говоришь, Елисей! — Деидеріева звали Елисеемъ. — Напротивъ, это — самое положительное ученіе. Личность утверждается имъ побѣдоносно. Она не уходитъ въ какую-нибудь нирвану, не томится по всеобщемъ уничтоженіи, нѣтъ, а гордо поднимаетъ голову и заявляетъ, что въ ней, и только въ ней, весь смыслъ и цѣль жизни.

Шипилинъ необыкновенно быстро схватывалъ то, что онъ слышалъ, хотя бы въ первый разъ, и проникался этимъ, точно онъ самъ — творецъ известной системы или ученія.

— Знаю, братъ, — остановилъ его не сдававшійся семинаристъ, — ты на діалектику мастакъ, и сейчасъ все это

себѣ приурочишь—въ отличномъ видѣ, но ты вникни хорошенько въ самую суть такой проповѣди. Къ чему она поведетъ?

— Именно!—отозвался Мечъ и значительно поглядѣлъ на Шипилина.

Онъ и въ квартирѣ студента Туманскаго нѣсколькими короткими замѣчаніями далъ понять, что Кострицынъ его далеко не убѣдилъ.

Спорить съ нимъ Шипилину не хотѣлось. Онъ очень уважалъ его характеръ, но считалъ слишкомъ „прямолинейнымъ“.

— Положимъ, — продолжалъ Деидеріевъ, все сильнѣе напирая на „онъ“, — положимъ, тотъ старый сіятельный гегельянецъ уже обросъ мхомъ. Рѣчь у него отшибаетъ тридцатыми годами; но развѣ, братцы, въ его убѣжденности нѣтъ чего-то достолюбезнаго? Имѣемъ ли мы резонъ смотрѣть съ кандачка на гегельянство, коли мы знаемъ, что изъ его рядовъ вышли такія головы, передъ которыми ты первый шапку ломишь?

— Еще бы!—подтвердилъ Мечъ,—Фейербахъ...

— Знаю!—крикнулъ Шипилинъ.—И Лассаль, и Марксъ, и Прудонъ, и наши всѣ столбы россійскаго свободомыслія. Да вѣдь не о томъ идетъ рѣчь, господа, поймите вы это. Князь — типъ уже ископаемый, очень курьезный и даже достолюбезный. Я про него кое-что знаю. Душа у него—превосходная, и онъ давнымъ-давно на дѣлѣ показалъ, что любитъ меньшую братію и надѣлилъ ее своимъ достаткомъ по-царски. Но не въ томъ дѣло! Князь сегодня изображалъ собою хоръ старцевъ, поющихъ нѣчто архаическое, въ родѣ вѣры древнихъ въ рокъ, въ греческое „ананкѣ“. Иванъ Кузьмичъ преподнесъ намъ его въ видѣ гегельянской антиноміи. Но суть-то въ самой моральной ереси, которая васъ, кажется, болѣе коробитъ, чѣмъ бы слѣдовало, если вы хотите давать смѣлый ходъ мысли!

— Коробитъ! Это точно! — подхватилъ Деидеріевъ. — Всякій звѣрь, гасильникъ, извергъ естества, такъ сказать, будетъ, по-своему, правъ... Первый—Неронъ!

— Онъ былъ психопать!—возразилъ Шипилинъ.

— Ты мнѣ этого доподлинно не докажешь. По-своему, въ его гнустостяхъ была логика, именно логика личности, которая ничего, кромѣ себя, не знаетъ. У него былъ идеаль, — идеаль великаго артиста и тонкаго сладострастника. Пускай пылаетъ Римъ — для меня это нарочитое

зрѣлище, и я буду стоять на балконѣ и пѣть гимнъ пожару, ибо я поэтъ и артистъ и выше своего эстетическаго я ничего признавать не хочу. Онъ вѣрилъ въ себя какъ въ великаго артиста, иначе бы, бросаясь на мечъ, не крикнулъ: „qualis artifex pereo!“

— Дезидеріевъ! Этотъ примѣръ хорошъ для второклассниковъ.

— Выбери лучше. Ихъ не мало! Ты только раскуси такой возгласъ великаго изверга, и въ минуту смерти... У него совѣсть чиста. Онъ оплакиваетъ въ себѣ тенора, или тамъ баритона, что ли... шутъ его знаетъ, какой у него былъ голосъ!

Шипилинъ хотѣлъ-было пустить, какъ ракету, уже готовое возраженіе, но Мечъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, взялъ его за руку.

— Погоди, Николай,—выговорилъ онъ вдумчиво и строго,—Дезидеріевъ сто разъ правъ. Ты только оглянись и всмотрись въ то, что теперь дѣлается. Полюбуйся на развалъ всякихъ инстинктовъ.

— Въ нихъ, въ этихъ инстинктахъ, сидитъ тварь—по толкованію Ивана Кузьмича, а не творческій духъ.

— Это вилами на водахъ писано,—отозвался такъ же упорно Дезидеріевъ.—Кто будетъ судьей, какія во мнѣ поползновенія заиграютъ, въ данный моментъ—животные или духовныя? Поймите, братцы, что Кострицынъ выпалилъ: „Лучше, молъ, быть честно злобнымъ, чѣмъ стукать лбомъ передъ тѣмъ, что приказано признавать идеаломъ!“

— Разумѣется!

— Ты это серьезно?—остановилъ Мечъ Шипилина.

— Архи-серьезно!

— Скользкій путь!—все такъ же вдумчиво выговорилъ Мечъ.

Въ комнату вошелъ лакей и вполголоса сказалъ:

— Извините, господа. Заведеніе закрывать надо.

— Да вѣдь отсюда не видно на улицу!—возразилъ Шипилинъ.

— Нынче строгости большія. Никакъ невозможно. Прикажете подать счетъ?

Надо было расхѣдиться. Они просидѣли бы до пѣтуховъ. Теперь только споръ попадалъ на жгучую почву, и Шипилинъ собирался доказать и имъ, и себѣ, что „нѣтовщина“ Ивана Кузьмича есть, напротивъ, жизненное уче-

ніе, за которое стоитъ вся исторія человѣчества, и наука оправдываетъ его своимъ безстрашнымъ разумѣніемъ всемирной борьбы за развитіе.

Комнаты ресторана, выходившія на бульваръ, стояли полуосвѣщенныя. Прислуга гасила лампы. Послѣдній полуночникъ, какой-то старичокъ въ военной фуражкѣ, надѣвалъ свою шинель. Кутящихъ компаній не было и никого не привелось выводить.

Студенты кучкой вышли на бульваръ и тамъ же простились.

— Продолженіе впредь, коллега? — крикнулъ Дезидеріевъ Шипилину.

— Когда угодно!

Трое повернули къ памятнику, а Шипилинъ съ Мечемъ отправились по Бронной. Они не жили вмѣстѣ; но сегодня Шипилинъ хотѣлъ переночевать у пріятели—далеко было тащиться домой; на извозчика у него не осталось ни одной копейки.

На тротуары нанесло цѣлые сугробы, и они шагали по рыхлому снѣгу, съ трудомъ высвобождая калоши. Шли они медленно. На одномъ поворотѣ Мечъ остано­вился и взялъ Шипилина за рукавъ пальто.

— Нѣтъ, Николай,—сказалъ онъ ему тономъ старшаго, хотя и былъ его помоложе,—нельзя вдаваться въ такое... въ такое...

Онъ искалъ слова. Говорилъ онъ туго и съ какимъ-то неувимымъ акцентомъ. Происхожденіемъ онъ былъ сынъ русскаго и польки и уроженецъ юго-западныхъ губерній.

— Чего же бояться?—тише и скромнѣе спросилъ Шипилинъ.

— Помилуй! Такая теперь расовая вражда! И каждый патріотъ можетъ тебѣ объявить: я свое великорусское „я“ долженъ развивать всякими средствами. А потому бей, гни въ бараній рогъ, уничтожай въ другихъ расахъ все, что тебѣ противно.

— Развѣ я съ ними солидаренъ, Володя?

— Можно и до солидарности дойти съ такой теоріей.

Они опять двинулись.

— Мнѣ дорогá въ этомъ свобода личности. Самоопредѣленіе.

— Смотри!—задушевымъ звукомъ протянулъ Мечъ.— Не то что ужъ въ лагерѣ хищниковъ... и у насъ въ ауди-

торіяхъ забралась постыдная расовая злоба. Надо это, братъ, хоть немножко на себѣ испытать.

Шипилинъ не возражалъ и, нагнувъ голову, замедлилъ шагъ. Они поднимались вверхъ по переулку, гуськомъ.

Все уже спало. На колокольнѣ Страстного монастыря мягко пробило половину третьяго.

XXXI.

— Душка моя! Надо его поддержать. Ты сумѣешь... Право, онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Напон говорила это, прощаясь съ Ниной. Она наклонилась надъ нею, стоя у дивана, и держала ее за обѣ руки.

— Alors... la petite?..

Жестомъ головы Нина дополнила эту фразу.

— Пойми!.. У нихъ все уже было кончено. И вовсе тутъ не отъ любви... Развѣ такія мамзели способны на любовь? А просто она провалилась на сценѣ, и ее газеты скандально разбрали.

— Ты куда же такъ торопишься? — спросила Нина, приподнимаясь.

— Въ тысячу мѣстъ! Прощай!

Звонко поцѣловались онѣ, и Нина пошла ее проводить до первой гостиной.

Она сегодня съ утра чувствуетъ себя вяло, съ легкой головной болью и не можетъ согрѣться.

— Къ намъ ты завтра, это рѣшено? И если не будетъ больше пятнадцати градусовъ, мы опять поѣдемъ на голубяхъ? А?..

— Не знаю,—оттянула Нина.

— Пожалуйста... милая!

И, подумавъ, Напон спросила вполголоса:

— Твой мужъ не будетъ въ претензиі... если ты его съ собой обѣдать не возьмешь? Онъ вѣдь не ревнивъ?

— Не замѣчала до сихъ поръ,—какимъ-то особеннымъ тономъ выговорила Нина и потянула на себя короткую плюшевую накидку съ мѣховой опушкой.

Обидѣться за своего мужа она не расположена была. Но ей съ вечера у Козлишевой даже въ тонѣ ея пріятельницы слышались безцеремонныя ноты. Если бъ та не пріѣхала говорить о Гольцѣ и не просила ее „поддержать его“, она бы дала ей это почувствовать.

— У Закки, кажется, есть какое-то засѣданіе... тотчасъ послѣ обѣда, и ему было бы тяжело.

— Вотъ и прекрасно... Ты сегодня до обѣда дома?

— Я не выѣду.

— Стало, мой Антоша застанетъ тебя?

— Est-ce arrangé?—спросила построже Нина.

— Онъ, навѣрно, сидитъ у Tonton. Я его пошлю.

— Съ какой стати?

Больше Нина ничего не прибавила.

— Такъ будешь?—порывисто сказала Верховцева и еще разъ поцѣловала ее.

— Хорошо, если не расхвораюсь.

— Какой вздоръ! А теперь ступай... Тамъ свѣжѣе.

Верховцева легкимъ шагомъ пошла къ лѣстницѣ. Нина замедленной походкой вернулась въ свой кабинетъ.

Ей въ самомъ дѣлѣ что-то нездоровилось. По спинѣ пробѣгали струйки дрожи. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ ея нервы развинчены, съ той ночи, когда она у князя Иларіона разревѣлась. И послѣ того всю ночь не спала. На другой день ей было стыдно за себя. Старикъ хотѣлъ было опять прочесть ей цѣлую лекцію на тему о „красотѣ“ и „свободѣ“ женщины; но она не допустила. Мужъ спросилъ ее вчера: отчего она „не похожа сама на себя“. Но приставать онъ не сталъ: она его по этой части достаточно воспитала, да онъ и самъ ведетъ себя всегда съ тактомъ и не позволяетъ себѣ никакихъ ненужныхъ выспрашиваній.

У себя въ домѣ ей впервые сдѣлалось прѣсно. Въ тягость и приемы. Вчера она отдала даже приказаніе никого не принимать. И визиты ее тяготили. Идти гулять—страшный холодъ.

Свѣту было достаточно въ ея кабинетѣ: морозное солнце играло на краскахъ шолковаго панно, зарисованнаго ею. Но взяться за кисть не тинуло.

Съ книжкой въ рукахъ, валялась она подъ своимъ балдахиномъ. И англійскій романъ какой-то „miss“ раздражалъ ее своей слащавой нравоучительностью.

Ничего-то не понимаютъ эти дѣвѣ въ страсти. У нихъ и мужчины-то точно пряники, обмазанные сахаромъ. Разбираютъ по ниточкѣ душевныя побужденія влюбленныхъ паръ, и такъ-то это безвкусно, наивно или фальшиво!

Вернувшись къ себѣ, Нина опять взяла томикъ Таухницова изданія и стала пробѣгать страницу, гдѣ героиня,

по пунктамъ, разбираетъ, имѣетъ ли она право полюбить какого-то молодого студента теологіи, который нравится ей подругѣ.

— *Quelle cruche!*

Она бросила книжку на диванъ.

И третьяго дня, и вчера, и особенно сегодня она испытываетъ небывалое еще одиночество. Во всемъ этомъ домѣ съ однимъ княземъ Иларіономъ она еще чувствуетъ какую-то связь. Лучше сказать, могла бы чувствовать... Но онъ слишкомъ чуждаковатъ, говоритъ Богъ знаетъ какимъ языкомъ, витаетъ въ „эмпиреяхъ“, не въ состояніи понять того, что въ ней бродить.

Да она и сама больше не станетъ съ нимъ откровенничать. Такой чужакъ способенъ завести объ этомъ какой-нибудь неловкій разговоръ при мужѣ.

Она не желаетъ, прежде всего, чтобы у Захара Лукьяновича былъ хоть малѣйшій поводъ вторгаться въ ея душу.

Вотъ это-то нежеланіе и показало ей, такъ отчетливо только теперь, до какой степени формальна ихъ супружеская жизнь. Она знаетъ, къ чему стремится онъ, какое желаетъ со временемъ занять положеніе. Въ этомъ она его тайно руководила до сихъ поръ. Но сама-то она, развѣ она способна жить только честолюбіемъ Захара Лукьяновича? Для нея необходимо было вытянуть его въ особы четвертаго класса съ придворнымъ званіемъ. Ну, добьются они этого взаимными усиліями.

Все-таки онъ—купчишка, выскочка, а она—вышедшая за разночинца княжна, взятая за красоту и таланты. Не меньше десяти лѣтъ нужно убить на то, что мужъ изъ ея общества имѣлъ бы сразу. И губернаторшей она будетъ себя чувствовать такъ же одиноко.

У нея нѣтъ личной жизни—вотъ что въ эти дни выяснилось ей и начинаетъ засасывать! Ничего подобнаго она еще не подмѣчала въ себѣ.

О баронѣ Гольцѣ она не хотѣла думать,—рѣшила, что онъ „un ralefrenier bête“, самага дурного тона, избалованный интригами „Богъ знаетъ съ кѣмъ“.

Ея мужъ первый, три дня назадъ, сообщилъ ей про газетную сплетню объ опереточной акрисѣ и заѣзжемъ гвардейцѣ-баронѣ. И на попытку Липы на самоубійство былъ намекъ въ одной газетѣ.

Это ее странно взволновало. Гольцъ какъ бы выросъ

въ ея глазахъ, хотя она, на словахъ, способна была бы говорить о немъ какъ о пошлякѣ, о бездушномъ, грязномъ развратникѣ.

Визитъ Верховцевой показался ей чѣмъ-то подстроенымъ. Гольцъ хочеть, стало-быть, выставить себя въ другомъ свѣтѣ? Напон увѣряла ее, что его поведеніе во всей этой исторіи—самое порядочное.

Она хотѣла-было крикнуть:

— Да мнѣ-то какое дѣло!

Теперь она возбужденно перебираетъ въ головѣ: въ чемъ же тутъ настоящее дѣло? Она чувствуетъ, въ то же время, что ей пріятно сознавать свое нравственное превосходство надъ нимъ. У ней на совѣсти и въ репутации нѣтъ ничего похожего на такую, во всякомъ случаѣ, скандальную исторію.

Какъ бы газеты ни сплетничали и ни выдумывали всякіе пасквили, но вѣдь она и безъ газетъ знаетъ, что у него была связь. Эффектная брюнетка въ томъ гарнѣ, гдѣ живетъ ея тетка,—его возлюбленная.

Самый этотъ фактъ не колетъ ее въ сердце.

„Значить, я къ нему равнодушна?“—спрашиваетъ она себя.

Но она не можетъ отвѣтить: „да, значить!“

Ей вѣрится, что онъ дѣйствительно покончилъ съ той, и, быть-можетъ, покончилъ разомъ, послѣ обѣда у Верховцевыхъ и катанья въ паркѣ.

Развѣ его небрежно-пріятельскій тонъ съ нею не могъ быть маской, желаніемъ перехитрить? Такія натуры — полунѣмецкія, полурусскія—по доброй волѣ не сдѣдуются, а сначала продѣлають разные опыты съ собой и съ любимой женщиной.

Она улыбнулась и, сидя на диванѣ, раскинула широко руки поверхъ подушекъ и сладко потянулась.

Потомъ взглянула на свой туалетъ. Плюшевая накидка, но цвѣту, шла къ ней; но пенъюаръ ей надоѣлъ.

Надо надѣть другой, только что сшитый à la ville de Lyon... въ видѣ мѣшка или кружевной рубашки. Въ томъ у ней удивительны линіи тѣла.

Нина позвонила своей камеристкѣ и отдала ей приказъ сейчасъ же достать новый пенъюаръ.

Какъ она себя ни настраивала на равнодушный пріемъ гостя, но въ ней зажглось сладкое охотницкое чувство.

Передъ ней всплыла картина медвѣжьихъ тушь на искристомъ снѣгу, на дворѣ Верховцевыхъ.

Такъ же взвинтить себя долженъ былъ и баронъ, когда, стоя на опушкѣ лѣса, ждалъ появленія страшной медвѣдицы.

Если ей, блистательной Нинѣ, отказывать себѣ въ такомъ „спортѣ“, то какой же женщиной, въ московскомъ обществѣ, онъ больше присталь? Неужели послѣ шести лѣтъ такой безупречной жизни съ Захаромъ Лукьяновичемъ Кумачевымъ не имѣть... „la plus petite toquade“?— добавила она французскимъ терминомъ.

Она не испугается, если это будетъ и настоящая „toquade“—природа надѣлила ее хорошей головой.

Чего другого, но головы она не потеряетъ до самозабвенія. Закружится голова... быть-можетъ... Это было бы для нея неизвѣданное ощущеніе. На горныхъ обрывахъ въ Швейцаріи у ней голова никогда не кружилась.

Камеристка доложила, что платье готово. Нина уже другой походкой перешла въ свою уборную и начала туалетъ, точно она ѣдетъ на балъ, съ тѣхъ „dessous“ изъ батиста и кружевъ, которыми она вообще отличалась отъ всѣхъ женщинъ ея круга. Все было надѣто подъ цвѣтъ пенюра.

Причесала ее камеристка заново, не такъ, какъ она была причесана съ утра.

Передъ трюмо Нина, оставшись одна, долго стояла, оглядывая себя и прямо, и вбокъ.

Кружевной фартукъ придавалъ ей странный видъ дѣвочки огромнаго роста. Но этотъ покрой имѣлъ въ себѣ что-то неожиданное и располагающее.

Лакей постучалъ въ дверь изъ кабинета. Въ первый разъ она не разслыхала — что-то въ головѣ ея роилось. Глаза ея стали болѣе темными и по щекамъ разлился тонкій румянецъ.

Стукъ раздался во второй разъ. Она откликнулась, зная, что ей доложить, и вышла въ кабинетъ.

— Прикажете принять—баронъ Гольцъ? Барина нѣтъ— они приказали вамъ доложить.

— Проси! — приказала она суховатымъ звукомъ, медленно подходя къ дивану, гдѣ и легла съ ногами, прислонившись къ подушкамъ спиной.

XXXII.

— Здравствуйте, баронъ,— встрѣтила она его по-русски. Его французскій языкъ ей не нравился.

Гольцъ подошелъ твердымъ военнымъ шагомъ и щелкнулъ шпорами.

Не протягивая руки первый, онъ сдѣлалъ низкій поклонъ головой.

„То-то, — сказала Нина про себя, — такъ-то лучше будетъ“.

И подала ему правую руку, только наполовину прикрывая кружевнымъ рукавомъ пеньюара.

— Садитесь. Расскажите, какъ вы поживаете?

Она взяла, по-русски, его тонъ—небрежный, немножко безцеремонный.

Какъ онъ ни выдерживалъ характеръ всю послѣднюю недѣлю, но исторія съ Липой дѣлала то, что ему стало рѣшительно неловко бывать въ свѣтѣ. Напои сказала ему третьяго дня:

— Да что же вы это, Антоша, глазъ не кажете къ Нинѣ? Развѣ такъ можно?

Онъ ей первой сталъ говорить о своемъ „неказистомъ“ положеніи. Ни на какой дальнѣйшій скандалъ онъ не пойдетъ. Газетчика ни бить, ни вызывать не будетъ, не станеть и у Липы просить прощенія послѣ того, какъ она такъ дерзко, при постороннихъ, выпроводила его.

Будь тамъ мужчины — они бы поняли, какъ надо, эту выходку полубезумной женщины, рѣшившейся на самоубійство отъ своего дьявольскаго самолюбія. Мотива ревности и любви онъ не допускалъ. Охлажденіе произошло взаимное.

Но тамъ были на бѣду — „бабы“. Онѣ всѣ на одинъ ладъ въ любовномъ дѣлѣ: сначала „лѣзутъ“, потомъ производятъ „гадости“. Отъ нихъ пойдутъ опять по городу самыя презрѣнныя сiletни. Для нихъ онъ прежде всего бездушный развратникъ, человѣкъ безъ стыда и совѣсти, получившій достойное возмездіе отъ любимой женщины: его прогнали съ позоромъ.

И все имъ надо прощать! Потому что онѣ „шалыя“.

Такъ чувствовалъ онъ до вчерашняго дня. Но его мысль повернула, неожиданно и для него самого, въ сторону Нины. Почему онъ такъ сухо и небрежно повелъ себя съ этой красивой и воспитанной барыней?..

Развѣ она „лѣзла“ къ нему? Въ чемъ же это сказалося? Неужели онъ такой пошлый фатъ? Навѣрно, будь Кумачева его пріятельница, — просто пріятельница, безъ обязательнаго ухаживанья, — она бы давнымъ-давно помогла ему раздѣлаться съ Липой безъ всякой скандальной исторіи.

У Нины открытый домъ. Она навѣрно умнѣе и терпимѣе другихъ „бабъ“. Кто ихъ знаетъ! Можетъ-быть, иная такую при всѣхъ скорчитъ физиономію, когда прѣдешь къ ней съ визитомъ, что впору будетъ провалиться на мѣстѣ.

Только сѣвъ на низкомъ стульчикѣ, Гольцъ оглядѣлъ Нину боковымъ взглядомъ. Ея туалетъ привелъ его сначала въ нѣкоторое недоумѣніе. Казалось, точно она въ кружевномъ мѣшкѣ.

„Что же это?—спросилъ онъ себя.—Развѣ нынче такъ носятъ?“

Но если она надѣла,—значить, это модно и совершенно прилично.

Легкій румянецъ даже пробрался на его щеки, поблѣднѣвшія въ послѣдніе дни.

На нее можно было заглядѣться въ этомъ „мѣшкѣ“, съ полуоткрытой шеей и руками и съ блѣдно-голубоватыми чулками, которые, вмѣстѣ съ туфлями, выглядывали изъ-подъ борта пеньюара, скроеннаго довольно высоко.

Лицо ея смотрѣло разсѣяннo, но не надменно.

Такой женщиной онъ обязанъ, передъ самимъ собою обязанъ, показать всю свою порядочность. Она пойметъ!

— Вы ѣздили опять на охоту, баронъ?—низкой музыкальной нотой протянула Нина и кистью руки стала играть бахромою одной изъ японскихъ подушекъ.

Глаза она полузакрыла рѣсницами и лицо ея выходило отъ этого гораздо добрѣе и привлекательнѣе.

— Нѣтъ, я не двигался изъ Москвы.

„Вѣдь она же все знаетъ! — подумалъ онъ тотчасъ же послѣ своихъ словъ.—Такъ я не хочу!“

— Нина Борисовна, — продолжалъ онъ и опустил голову, не глядя на нее, — вы со мной не хитрите. Вамъ извѣстна, разумѣется, вся эта глупая исторія.

Тутъ только онъ поднялъ на нее глаза.

Взглядъ его былъ открытый и пріятельскій, немножко смущенный. Она его не ожидала.

— Ахъ, Боже мой!

Нина повела въ воздухѣ рукой и подалась къ столику бюстомъ. Изъ-подъ кружевной пелены линіи ея гибкаго стана волнисто колебались.

Баронъ не сразу отвелъ отъ нея взглядъ.

— Однако,—серьезнѣе возразилъ онъ,—никто не знаетъ настоящей правды. Вотъ у насъ съ вами общіе друзья... Напон и Tonton... Но и онѣ, изъ деликатности, стѣсняются.

— Помилуйте, баронъ, зачѣмъ же?

— Не зовите меня такъ!

Онъ пододвинулъ стульчикъ къ дивану и сѣлъ въ позу, располагающую къ простому, искреннему разговору.

— Почему?—веселѣе вскричала Нина и показала свои бѣлые зубы.

— Это мнѣ напоминаетъ моветонныя выходки особы... изъ-за которой весь сыръ-боръ загорѣлся.

Какъ всѣ почти полунѣмцы, Гольцъ любилъ народныя поговорки.

— Помните,—заговорила Нина все еще съ опущенными рѣсницами,—когда мы возвращались изъ парка, я васъ спросила объ одной брюнеткѣ, оттуда, изъ гарнї, гдѣ живетъ моя тетка Акридина?

— Да, да! — совсѣмъ простымъ звукомъ отозвался Гольцъ.—Знаете, я всегда держался такого правила насчетъ женщинъ. Молчокъ!

— А теперь развѣ не держитесь?

— Конечно... и теперь... И вѣрьте мнѣ, — понизилъ онъ голосъ,—я не заикнулся бы ни о чемъ, если бъ не желаніе...

Онъ смущенно не договорилъ.

— Если бъ не желаніе,—досказала она за него,—показать себя мнѣ въ другомъ свѣтѣ.

Тутъ только она подняла на него глаза и прошлась по немъ медленнымъ взглядомъ.

Онъ похудѣлъ; усы казались длиннѣе, красиво разрыхленные къ концамъ; въ глазахъ было больше выраженія, и чистота профиля выдѣлялась сегодня еще явственнѣе. Его тонъ подкупалъ ее. Вѣдь онъ, въ сущности, принесъ повинную. Зачѣмъ же продолжать быть съ нимъ сухой?

„Пускай попрыгаетъ!“—злбно вскричала она про себя, и ей захотѣлось выместить на немъ все то, что она испы-

тала—цѣлую недѣлю, всего же больше вечеръ у Козлишевой и свой „ревъ“ у князя Иларіона.

— Вы такая умница, — слышался ей голосъ Гольца, совѣмъ точно другой, отъ котораго по ней проходили сладкія мурашки, — вы все поймете... Я не святой... Въ провинціи такія встрѣчи ведутъ скорѣе къ связи, — онъ сталъ говорить спокойнѣе. — Никакихъ клятвъ не было ни съ той, ни съ другой стороны. Здѣсь я, по прїѣздѣ, далъ понять, что не желаю, ни подъ какимъ видомъ, вмѣшиваться въ разныя дразги по театру. Больше ничего и не было... Остальное — дѣло господъ пасквилянтовъ.

— Но ее, кажется, очень оскорбили? — тихо спросила Ница.

„Повертись, мой милый!“ — добавила она про себя.

— Дѣйствительно... Замѣтка была мерзкая. Но скажите, ради Бога, Нина Борисовна!.. Зачѣмъ я пойду въ редакцію бить фельетониста? Я бить никого безнаказанно не желаю. И вызвать его я отказался наотрѣзъ... Даже и послѣ того, какъ онъ позволилъ себѣ назвать меня барономъ.

Губы Гольца сложились въ улыбку искренняго презрѣнія. Онъ всѣмъ своимъ существомъ показывалъ, что баронъ Гольцъ не можетъ вызывать какого-то презрѣннаго газетчика.

Нина это почувствовала, и его натура стала выясняться передъ нею, какъ нѣчто цѣльное и сильное и въ вопросахъ поведенія. Не одной смѣлостью на медвѣжьей охотѣ бралъ этотъ породистый гвардеецъ. Онъ не можетъ быть трусомъ и не изъ боязни не послалъ онъ зова пасквилянту.

Не захотѣлъ онъ и унижать себя побоями, дракой, гдѣ бы то ни было, въ редакціи или въ публичномъ мѣстѣ. Онъ слишкомъ высоко себя ставитъ.

Ей сдѣлалось не то что жаль его — жалостью она бы его обидѣла, а какъ бы совѣстно: она способна была, еще сегодня утромъ, считать его пошлякомъ, тогда какъ это настоящій „мужчина“. Онъ шелъ на тяжелое испытаніе, способенъ былъ лучше перенести афронть грязной сплетни, чѣмъ поступить не по своимъ правиламъ.

Ея „Закки“ тоже, по-своему, характеръ; но какая же разнища: тотъ, попади онъ въ точно такую исторію, навѣрно повелъ бы себя... какъ...

„Какъ амбиціозный купчишка!“—вдругъ вырвалось у ней мысленно, и она себя не поправила.

— Вы были правы,—выговорила она и протянула ему руку.

Гольцъ взялъ ее и почтительно приложился къ ней губами.

— Но, стало, вы ее не любите?—спросила Нина, оставляя свою руку въ его рукѣ.

— Какая же любовь!

Онъ слегка повелъ плечами.

Руку она высвободила.

— Неужели, — спросилъ онъ, вздрагивая, — каждая встрѣча обязываетъ мужчину къ любви? Насъ часто обвиняютъ въ предательствѣ... Кричатъ, что мы циники, обманщики. Но чѣмъ же, иной разъ, виноватъ человѣкъ?..

На губахъ у него была его обычная фраза:

„Если бабы лѣзутъ“.

— Конечно, — одобрила его Нина. — Наивно считать однѣхъ женщинъ жертвами! Il y a parmi nous des coquines.

— Я не скажу этого... про ту барыню. Нѣтъ... Она психопатка... Бывшая нигилистка.

— Такая способна подстроить вамъ какую-нибудь новую гадость.

— Я не боюсь.

— Ея покушение, быть-можетъ, комедія?—живо спросила Нина, и ея щеки быстро зарумянились.

— Не думаю...

— Вы у ней были? Послѣ ея... *escapade*?

Вопросъ этотъ былъ бы безтактенъ, но онъ зазвучалъ у ней молодой, искренней нотой.

— Былъ.

Онъ разсказалъ бы ей и какъ Липа приняла его.

— Она этого не стоить! Вы, право, слишкомъ добры!

Гольцъ наклонилъ голову, въ видѣ поклона, и опять рука Нины протянулась къ нему.

Другой бы, пожавъ, сталъ цѣловать ее. Но его удерживало, такъ ей казалось, стыдливое чувство, высшая порядочность.

Въ ней точно что вспынуло въ груди, пришлось огнемъ по плечамъ и отдалось даже въ пальцахъ. Она и хотѣла бы отвести отъ него глаза, но продолжала смотрѣть долго,

съ томленіемъ, ей до того неизвѣстнымъ. Въ глазахъ точно блестяли слезинки. Въ груди сперлось дыханіе.

— Вы—славный!—съ дрожью въ голосѣ проронила она и, какъ въ туманѣ, приблизила свое лицо, а свободной рукой обняла его за шею и поцѣловала въ лобъ.

Черезъ секунду ея алыя, трепетныя губы уже искали его губъ и замерли въ поцѣлуѣ...

XXXIII.

Въ сумерки Ида, все еще захваченная своими заботами о Липѣ Угловой—той было уже гораздо лучше,—наскоро одѣлась и поѣхала, въ извозчичьихъ саняхъ, отыскивать Елену.

Около недѣли Акридина не возвращалась домой.

Всякая другая, на ея мѣстѣ, могла бы найти, что это выходитъ за предѣлы всякаго приличія для молодой еще женщины, съ общественнымъ положеніемъ Акридиной, если бъ она не знала, по короткимъ запискамъ Елены, какъ та живетъ у Боярцевыхъ.

Вчера, посылая за своими вещами, Елена писала ей:

„Мать Романа Денисовича очень опасна. Я провожу около нея всѣ ночи. Завтра ожидается переломъ болѣзни. Онъ страдаетъ, но духомъ бодръ. Это необычная натура по кроткому мужеству. Ахъ, Ида, я была бы счастлива, если бъ не его горе... Но оно-то и сблизило насъ.

„Такъ хочется тебя обнять, милая! Но когда попаду къ тебѣ? Развѣ ты завернешь на минутку?“

Записка дышала почти радостью, несмотря на то, что въ ней стояло объ опасности для Боярцева лишиться матери.

И она, когда-то, знала точно такой же бессознательный эгоизмъ любви. Тогда все, вплоть до крушенія міра, было благословенно, лишь бы оно вело къ сближенію съ нимъ.

Изъ двухъ женщинъ, Елену считала она теперь счастливѣе Липы Угловой. Та пошла на самоубійство не изъ-за отвергнутой любви, а изъ другого оскорбляющаго чувства.

Ѣхала она къ Еленѣ и не боялась никакого внезапнаго огорченія, что бы ни случилось у Боярцева. Умри мать его—все равно они сошлись бы и еще болѣе сойдутся. Его сиротство, ея порывъ спасти для него мать—сдѣлають то, что не могли дать ихъ споры о принципахъ.

Тихонько позвонила Ида на крыльцѣ дома, показавшаяся и ей чрезвычайно похожимъ на характеръ самого Боярцева.

Ей отворилъ челоуѣкъ съ очень грустнымъ лицомъ и посмотрѣлъ на нее строго.

— Вамъ кого угодно?

— Елену Константиновну Акридину можно видѣть?

— Объ васъ какъ доложить? Онѣ тамъ, у барыни. Принимать никого не приказано.

Ида дала свою карточку.

Челоуѣкъ ушелъ. Она сняла шубу—въ передней было очень натоплено—и своимъ беззвучнымъ шагомъ проникла въ залу.

Тишина стояла полная. Кромѣ боя часовъ—ни единого звука.

Въ полуотворенную дверку, выходящую въ коридоръ, доносился запахъ лѣкарствъ изъ спальни, помѣщавшейся въ концѣ.

Опаснымъ больнымъ дышала эта замершая городская усадьба.

Идѣ пришлось ждать нѣсколько минутъ. Сначала въ дверь показалось старое лицо и тотчасъ же исчезло; но она успѣла замѣтить его: это была нянька Ульяна.

Раздались и шаги Елены. Она выбѣжала къ ней совсѣмъ непричесанная, съ шелковой косыночкой, надѣтой на головѣ, и въ суконной кофточкѣ. Лицо было совсѣмъ землистаго цвѣта.

— Ты спала? — спросила ее Ида, уводя въ дальній уголь.—Прости...

— Немножко прилегла... Милая! Ида!

Елена обняла ее крѣпко-крѣпко и припала головой къ ея плечу.

— Ты счастлива?—шопотомъ спросила Ида.

— Не знаю... Но онъ такъ страдаетъ.

— Старуха опасна?

— Очень! Вчера провела она ужасную ночь. И онъ не ложился. Сегодня утромъ былъ консилиумъ. Даже мнѣ никто не сказалъ правды. Она постоянно бредитъ. Температура поднялась до сорока и двухъ десятыхъ.

Ида покачала головой.

— Но надежда есть... Мнѣ она не кажется при смерти... Разумѣется,—продолжала Акридина, впадая въ свой болѣе задорный тонъ,—медицинскія свѣтила бросили ни-

чего незначашее слово: „кризисъ“! Оно еще болѣе смутило его. Я его упросила проѣхаться... Послала его самого въ аптеку за одной вещью. Надо аппаратъ достать. Насилу согласился.

— На что ты похожа!—остановила ее Ида и привлекла къ себѣ.—Ты сама заболѣешь!

— Это ничего! Развѣ теперь можно заботиться о себѣ, о своей наружности? Онъ выше всего этого!—почти восторженно воскликнула Елена.

— Иди, иди спать! Я на минуту! Только взглянуть на тебя... У насъ тамъ много новаго; но объ этомъ послѣ... Пришли мнѣ депешу, какъ пройдетъ кризисъ.

Елена еще разъ крѣпко обняла ее и не удерживала. Она еле стояла на ногахъ и, какъ только проводила Иду, разбитой походкой пробралась по коридорчику въ свою комнату, съ окномъ на дворъ.

Это была когда-то дѣтская. Теперь въ нее поставили кровать и умывальный столъ. Два шкапа дѣлали ее еще тѣснѣе. Сюда она забѣгала поспать часъ, много два, не раздѣваясь, умыться, переменить бѣлье.

Елена, какъ была, кинулась на кровать и закрыла глаза. Но тотчасъ же ее замозжило желаніе узнать, какъ чувствуетъ себя Татьяна Егоровна. На цыпочкахъ проскользнула она до крайней двери и, задерживая дыханіе, приотворила дверь.

Няня Ульяна сидѣла по-сю сторону ширмъ, раздѣлявшихъ спальню на двѣ неравныя половины.

Она вязала чулокъ. Елена сочла это добрымъ знакомъ.

— Нянюшка!—кликнула она ее чуть слышно.

Ульяна поднялась и вышла къ ней въ коридоръ.

— Какъ Татьяна Егоровна?

— Забылись. Сначала все что-то говорили... Нараспѣвъ такъ и не по-русски, а потомъ, вотъ какъ вы тамъ въ залѣ сидѣли, я по дыханію догадалась, что почиваютъ.

— И безъ бреда?

— Безъ бреда.

— Это отлично!

У ней такъ стало на душѣ свѣтло и молодо, что она, въ первый разъ, обняла Ульяну и поцѣловала ее въ лобъ.

— Я пойду, сосну.

— Измаялись вы, какъ же не соснуть!

Ульяна, въ первые дни, поглядывала на нее довольно сурово, зачужавъ въ ней „барышню“, имѣющую виды на

ея питомца, Романа Денисовича. Усердіе Елены проняло ее, и она, почему-то, убѣдила себя въ томъ, что эта „барышня“ приходится господамъ ея дальней родственницей. Елену она продолжала считать не замужней, а дѣвницей, „подлѣточкомъ“.

Вернувшись въ свою комнату, Елена, съ спокойной совѣстью, разрѣшила себѣ часа два сна.

Глаза сами собой сомкнулись, и она, по своей еще дѣвичьей привычкѣ, свернулась на правый бокъ и тотчасъ же просунула руку подъ верхнюю подушку.

Но сонъ не сразу захватилъ ее. Отъ большой усталости возбужденіе не сразу успокоилось, и голова, послѣ свиданія съ Идой, заиграла ярко и стремительно.

Вѣра въ свой характеръ, въ волю, не знавшую до сихъ поръ преградъ, охватила ее. Вѣдь вотъ она въ *его* домѣ! Не случись опасной болѣзни Татьяны Егоровны, она воспользовалась бы чѣмъ-нибудь другимъ.

И ей кажется, что она у себя дома. Эта дѣтская комната точно давнымъ-давно ея спальня. Весь его домъ сталъ ея домомъ, и она не уйдетъ изъ него одинокой, съ разбитымъ сердцемъ, съ обидой женщины, которую *не хотятъ* полюбить.

Они уже какъ родные, какъ братъ и сестра. И когда же тутъ спорить и воевать изъ-за идей и мнѣній у постели умирающей матери? Онъ смирился, тронуть до слезъ ея беззавѣтной преданностью. Если онъ не изливается, то этому мѣшаетъ его сдержанная, цѣломудренная натура. Да и къ чему тутъ изліянія? Такъ, безъ фразъ и возгласовъ, чувство его крѣпнетъ не по днямъ, а по часамъ.

Она весь день передъ нимъ, Богъ знаетъ какъ одѣтая, плохо причесанная, съ испытаньемъ отъ бессонницы лицомъ. И не думаетъ объ этомъ,—знаетъ, что внѣшность для него не существуетъ. А душа его уже задѣта. Въ голосѣ, въ малѣйшемъ словѣ, обращенномъ къ ней, звучитъ ласка, признательность, если не преклоненіе передъ нею.

И какъ ей кажется нелѣпъ ея недавній задоръ! Съ какой стати препираться, выставлать напоказъ свой радикализмъ? Развѣ нѣтъ примѣровъ пылкой любви между мужьями и женами двухъ враждебныхъ религій? Они не дѣлаются ренегатами и любятъ другъ друга до гробовой плиты.

Елена прислушивалась къ безмолвію дома. Изъ спальни

ни одного шороха. Значить, Татьяна Егоровна почиваетъ безъ бреда.

„Кризисъ!“—мысленно выговорила она, и что-то зловѣщее послышалось ей въ этомъ докторскомъ словѣ.

Стало, сегодня, когда докторъ прїѣдетъ послѣ обѣда, будетъ рѣшено—жить Татьянѣ Егоровнѣ или нѣтъ.

Онъ лишится матери? Но она тутъ, при немъ. Его горе еще неудержимѣе толкнетъ ихъ другъ къ другу.

На этомъ Елена заснула крѣпко, и безъ малѣйшихъ сновидѣній, какъ трупъ, лежала на узкой постели, все еще свернувшись на-бокъ.

Совсѣмъ темно было въ комнаткѣ, когда она, не сознавая ясно, гдѣ она и который часъ, раскрыла глаза и начала смотрѣть въ темноту.

За дверью слышались заглушенные ковромъ шаги. Кто-то говорилъ, голосъ былъ скорѣе мужской.

Она сейчасъ же поднялась, точно ее обрызнули свѣжей водой, и слово „кризисъ“ заиграло въ ея головѣ зловѣще и ярко, какъ огнекрасная точка на черномъ фонѣ.

Въ коридоръ свѣтъ проникалъ съ двухъ концовъ—изъ спальни и изъ залы.

Разговоръ вполголоса слышался въ залѣ.

Почти бѣгомъ очутилась тамъ Елена.

Старичокъ-докторъ, давнишній врачъ дома, что-то говорилъ Роману Денисовичу, держа его за руку.

Они двигались мелкимъ шагомъ къ двери въ переднюю.

У ней достало духу подойти къ нимъ и прямо спросить:

— Что, докторъ, какъ?

— Слава Богу!—отвѣтилъ тотъ, подавая ей руку, — встанетъ Татьяна Егоровна.

— Встанетъ?—подтвердилъ Боярцевъ, и глаза его, съ дѣтскимъ выраженіемъ радости, стали вдругъ влажны.

— Непремѣнно!

Возгласъ доктора остался у ней въ ушахъ. И она такъ обрадовалась, что тутъ же опустилась на стулъ подъ часами.

— Елена Константиновна!

Окликъ Боярцева заставилъ ее встать.

— Голубушка! Вы ее спасли, больше науки!

Онъ взялъ ее за обѣ руки. Елена вся дрожала и, не высвобождая рукъ, глядѣла на него глазами, совсѣмъ растерянными отъ радости.

— Вы!—повторилъ онъ и поцѣловалъ ея правую руку. Всѣ свои силы должна была она собрать, чтобы не упасть ему на грудь.

XXXIV.

Въ кабинетѣ Романа Денисовича лампа горѣла на письменномъ столѣ. Только что пробило семь.

Онъ что-то писалъ, низко наклонившись надъ листомъ бумаги.

На лицѣ его, похудѣвшемъ за послѣдніе дни, уже не было напряженія страха и горечи. Мать его третій день внѣ опасности, только еще страшно слаба. Онъ упросилъ Елену Константиновну вернуться домой и отдохнуть... Съ трудомъ она согласилась; но и теперь навѣщаетъ ихъ по два раза на дню.

Слабымъ голосомъ мать его благодарила Акридину и даже заплакала.

Сегодня утромъ, когда сынъ вошелъ къ Татьянѣ Егоровнѣ, она взяла его за руку и тихо спросила:

— Она нравится тебѣ?..—И прибавила еле слышно:— Неужели она невѣрующая?

Боярцевъ ничего не отвѣтилъ. Вопросъ кольнулъ его. Не дальше, какъ вчера, когда служили въ залѣ благодарственный молебень, Елена Константиновна вошла въ залу и простояла до конца службы.

Но Боярцевъ хорошо замѣтилъ, что она не крестится. Только лицо у ней было съ выраженіемъ теплой радости.

Развѣ она можетъ превратиться, въ нѣсколько дней, изъ „свободной мыслительницы“ въ женщину, исполненную религіознаго завѣта, незапятнаннаго никакимъ лжеученіемъ?

Конечно нѣтъ! Но въ сердцѣ женщины всегда теплится вѣра, чѣмъ бы она ни была приодѣта, каковъ бы ни былъ налетъ тлетворной игры въ невѣріе. Всѣ задатки любящей и великодушной природы въ ней на-лицо. И какъ будто нельзя сочетать вѣру съ знаніемъ, которое не боится откровенія? Имена великихъ ученыхъ, оставшихся до гроба благочестивыми, напрашиваются сами на уста.

Такъ думалъ онъ, оставшись одинъ, передъ отходомъ ко сну. Съ такими же мыслями проснулся и теперь.

Подползи къ нему подозрѣніе: да полно, не изъ чувственнаго ли влеченія къ мужчинѣ она выказываетъ лю-

бящую душу христіанки, хотя и не принадлежит еще къ церкви!—онъ бы отогналъ его.

Слишкомъ явную симпатію къ нему этой женщины онъ не могъ не распознавать и уже платилъ ей теплой дружбой.

Съ тѣхъ поръ, какъ у кровати умирающей матери они сливаются въ одномъ чувствѣ — какъ-то дико было бы имъ спорить: ей — нападать на его „лампадное масло“; ему — уличать ее въ желаніи играть тщеславную роль, въ измѣнѣ духу своей земли, ея вѣрѣ и народной исторіи.

Вотъ и теперь, онъ пишетъ въ Петербургъ своему пріятелю и во многомъ учителю—Угличеву, даровитому защитнику его взглядовъ и упованій, и развиваетъ ему, въ письмѣ, идею высокой обязанности каждаго сѣять истину путемъ любовнаго единенія — на почвѣ высшей человѣчности.

Щеки его разгорались, по мѣрѣ того, какъ онъ усердно, движеніемъ руки, подходилъ къ концу письма.

Письмо было дописано и запечатано.

Боярцевъ прислушался. По деревянной лѣстницѣ кто-то поднимался — медленно и тяжело. Старыя половицы поскрипывали.

„Неужели мама?“—почти испуганно подумалъ онъ.

Этого быть не можетъ. Татьяна Егоровна еще слишкомъ слаба, чтобы встать и подняться наверхъ.

Да и шаги—мужскіе, со скрипомъ сапогъ.

Онъ всталъ и подошелъ къ двери. На площадкѣ было темно.

— Кто это?—тихо спросилъ онъ.

— Не ждали?—отвѣтилъ ему глухой, сиповатый голосъ, который онъ не сразу узналъ.

— Иль не узнали?

— Ахъ, Боже мой! Это вы, Дементій Саввичъ. Милости прошу! Позвольте вамъ посвѣтить.

Поспѣшно взялъ онъ со стола лампу и освѣтилъ площадку.

Держась крѣпко за перила, поднимался мужчина, такого же большого роста, какъ Боярцевъ, сѣдой. Испитое, бурое лицо и беспорядочная борода дѣлали его наружность суровой и жуткой по впечатлѣнію на всякаго свѣжаго человѣка. Морщинистый лобъ утолщался надъ густыми щетинистыми бровями. Небрежно одѣтый въ сѣрую пару, онъ носилъ на шеѣ шелковый шейный платокъ поверхъ галстука.

Боярцевъ не ждалъ этого визита. Онъ слышалъ, что Козьминъ съ начала зимы болѣеть, и ему стало немного совѣстно, что онъ, до болѣзни матери, не удосужился навѣстить его.

Ихъ познакомилъ въ прошломъ году Угличевъ — тотъ самый пріятель и единомышленникъ, къ которому онъ сейчасъ писалъ.

Козьминъ, съ неизлѣчимой болѣзнью печени, доживаетъ въ Москвѣ, послѣ долгихъ странствій по Востоку, славянскимъ странамъ и русскимъ окраинамъ, и страстной защиты въ печати своихъ „устоевъ“.

— Благодарю!.. Свѣту довольно! Задохнулся совѣмъ!

Наверху онъ съ трудомъ отдышался.

— Не ждали?—повторилъ Козьминъ, и его возбужденный крутой взглядъ прошелся по всей фигурѣ Боярцева.

— Присядьте, присядьте, Дементій Саввичъ... Я къ вамъ собирался, да болѣзнь матушки...

— Слышалъ.

Въ кабинетѣ Козьминъ сейчасъ же опустился на мягкій диванъ и болѣзненно поморщился, взявшись за бокъ.

— Опасна была? Приобщали святыхъ тайнъ?—спросилъ онъ тономъ суроваго монаха.

— Думали на-дняхъ. До кризиса была больше въ бреду.

— Это ничего. Развѣ наше сознание что-нибудь значитъ? Послѣ того и младенцевъ не слѣдуетъ допускать до принятія Святыхъ Тайнъ!

Боярцевъ ничего не возразилъ. Козьмина онъ считалъ глубоко вѣрующимъ; но не могъ слѣдовать за нимъ до крайнихъ выводовъ изъ его „первооснов“.

— А я, какъ разъ, кончилъ письмо къ Угличеву,— сказалъ онъ ласково, подсаживаясь къ нему на диванъ,— и говорилъ о васъ. Вы вѣдь сильно хворали?

— Да и теперь движусь лишь по инерціи. Что жъ? Человѣку и не полагается, за предѣлами извѣстнаго возраста, услаждаться вождельннымъ здравіемъ. Избадуешься. Всякій страхъ потеряешь. Расплывешься въ поганое лжеблагодушіе...

Козьминъ рѣзко повернулъ голову къ столу и кивнулъ ей на письмо, лежавшее подъ лампой.

— Такъ вы состоите въ постоянной перепискѣ съ милѣйшимъ Василиемъ Ивановичемъ?

— Какъ же... Я его очень люблю! И вы, кажется, Дементій Саввичъ, всегда хорошо къ нему относились?

— Пока его не раскусилъ.

— Мнѣ кажется, понять его не трудно.

— Не въ трудности тутъ дѣло,—сердито перебилъ его Козьминъ и положилъ одну ногу подъ себя, сидя въ неловкой, перекошенной позѣ.—Личину онъ, безъ сомнѣнія, носитъ, хотя, быть-можетъ, и самъ не разумѣетъ того. Я думалъ прежде, что онъ на пути къ твердому и явному пониманію того, какъ надо вести и народъ, и интеллигенцію въ духѣ премудрости, которая дается однимъ страхомъ Божиимъ, а онъ теперь знается съ монастырями и фарисеями, кокетничаетъ со всѣмъ, что только въ модѣ—тутъ и социализмъ, и радикализмъ, и критицизмъ, и обиженный нигилизмъ.

— Что вы?—почти испуганно выговорилъ Боярцевъ.

— А вы сами не видите этого?

— Нѣтъ, не вижу, Дементій Саввичъ.

Боярцевъ всталъ и отошелъ къ двери. Спорить онъ не желалъ... Человѣкъ этотъ — больной, озлобленный. Его вѣра дышитъ жестокостью аскета, схимника, не выдающаго въ человѣкѣ ничего, кромѣ скверны.

Онъ съ того началъ. Но въ послѣдніе три-четыре года все безповоротнѣе вдавался въ мрачное инквизиторское византийство.

Чуткое ухо Боярцева слышало по лѣстницѣ легкіе шаги Елены Константиновны.

Это его немного смутило. Ему не хотѣлось бы знакомить ихъ. Навѣрно Козьминъ знаетъ имя Акридиной и можетъ сейчасъ на нее накинуться.

— Виноватъ, Дементій Саввичъ, я сію минуту.

Боярцевъ вышелъ на площадку и въ полутемнотѣ окликнулъ:

— Елена Константиновна, вы ко мнѣ?

— Да,—весело отвѣтила она.—Я сейчасъ отъ Татьяны Егоровны. Ей гораздо лучше... Только она проситъ чаю... А я боюсь, какъ бы это не лишило ее сна.

— Разумѣется... благоразумнѣе не давать.

— У васъ гость? Дѣловой визитъ?—спросила она полутвердительно.

Солгать Боярцевъ не хотѣлъ и вмѣсто отвѣта спросилъ ее, стоя у перилъ:

— А вы еще побудете у насъ?

— Побуду... Къ десяти меня ждуть дома. Но я могу и опоздать.

Елена стояла на одной изъ нижнихъ ступеней, и ей въ полутемнотѣ видна была голова Боярцева, и его добрые глаза свѣтились.

Сдерживая себя, она послала ему поклонъ и шопотомъ прибавила:

— Ида въ правѣ ревновать меня къ вамъ. Но она добра какъ ангель.

„Падшій“, — хотѣлъ досказать Боярцевъ и устыдился такой злой остроты.

— Идите, идите!—заговорила Елена, точно прикованная къ своему мѣсту.

— Что-нибудь съ матушкой вашей? — все такъ же сурово спросилъ Боярцева Козьминъ.

— Нѣтъ, слава Богу, ей хорошо.

— Сидѣлка, что ли? Поди—изъ нынѣшнихъ? Крестъ на перевязи, а въ сердцѣ дьяволь и повиваніе хребтомъ. Этакую прислали мнѣ тоже. Я въ ужасъ пришелъ. Только личина благодушія, а вся преисполнена фанаберіи и коварныхъ подвоховъ.

— Какихъ же, Дементій Саввичъ?—съ улыбкой спросилъ Боярцевъ, опять подсаживаясь къ нему на диванъ.

— Холостякъ... Нельзя ли угодливостью довести до паложенія на него брачныхъ узъ!

Онъ злобно разсмѣялся.

— Что жъ! Дѣло житейское, Дементій Саввичъ.

— Гнусность великая! Даю я ей читать вслухъ псалтырь—не умѣетъ порядочно выговаривать по-славянски... безграмотно плетется... А разнымъ наукамъ обучена, по которымъ выходитъ, что человѣкъ—червякъ, только не въ смыслѣ ползущаго червя передъ грознымъ Небеснымъ Судьей, а по Дарвину!.. Гоните ее!

— Да это была наша добрая знакомая... дама изъ общества.

Фамилію Елены Боярцевъ умышленно не сказалъ.

— Всѣ онъ рады болты болтать и суесловить, когда въ болѣзни одна должна быть забота—достойно принять свой вѣнецъ и духъ свой предать въ ужасъ,—протянулъ онъ,—отъ предстоящей достойной кары.

Онъ весь выпрямился, и его вдавленные глаза затеплились огнемъ мрачной смертбоязни.

Боярцеву дѣлалось не по себѣ. Но возражать онъ не хотѣлъ, да и что бы онъ возразилъ противъ проповѣди

этого человѣка, которую онъ обязанъ былъ, въ силу своихъ вѣрованій, считать допустимой?

XXXV.

Елена посидѣла у Татьяны Егоровны, но ее тянуло наверхъ.

— Вы видѣли Романа?—спросила та, открывая глаза.

— Только поздоровалась снизу. У него гость. Какой-то дѣловой визитъ.

— Изъ-за меня онъ совсѣмъ запустилъ свои дѣла... Пора ему въ уѣздъ.

Татьяна Егоровна подняла углы бровей, и лицо сейчасъ же приняло грустное выраженіе.

— Вы еще слабы,—остановила ее Елена,—вамъ говорить еще нельзя.

Она протянула ей руку и пожала.

Обѣ долго глядѣли одна на другую.

— Вы меня спасли,—повторила Татьяна Егоровна,— послѣ Господа Бога... Такъ ли?

— Гдѣ ужъ мнѣ... и послѣ Него! — шутливо отвѣтила Акридина.

Онѣ долго помолчали.

— Послать Ульяну узнать, можетъ-быть, гость уѣхалъ.

Елена ясно видѣла, что Татьяна Егоровна желаетъ ея сближенія съ сыномъ и дѣлаетъ это гораздо открытѣе, чѣмъ бы можно было ждать отъ ея характера.

— Со мной вамъ скучно, добрая моя, — слабѣющимъ голосомъ выговорила Боярцева.

— Пожалѣйте себя! — остановила ее опять Елена и поднялась съ своего кресла. — Я сама узнаю. Сегодня я общала быть дома къ десяти часамъ, но я могу и опоздать.

Боярцева ласково кивнула ей головой.

Наверхъ Елену еще сильнѣе тянуло, и она быстро-быстро прошла коридоромъ и залой.

На лѣстницѣ ее остановилъ, точно прокололъ, сверху гнѣвный возгласъ гостя:

— Вѣра въ такъ-называемый прогрессъ есть чистая ересь и хула на Создателя!

„Что это такое?“

И она подумала тутъ же, что у Боярцева сидитъ какой-нибудь старецъ, суровый фанатическій монахъ, быть-можетъ, его исповѣдникъ.

Это немного успокоило ее.

Почему же ему не имѣть постояннаго исповѣдника, разъ онъ вѣрующій? Вѣдь она, по своей научной специальности, водится же съ лицами изъ духовенства. Нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, готовы были бы провозгласить такую же истину, только съ нею они стѣсняются, да и разговоры съ ними вертятся вокругъ древностей.

Смѣлѣе поднялась она и постучала въ дверь.

Откликнулся Боярцевъ и подошелъ отворить.

— Романъ Денисовичъ,—заговорила она своей обычной манерой, — состояніемъ Татьяны Егоровны я очень довольна, но она все порывается говорить со мною, и я отъ нея убѣжала.

— И прекрасно сдѣлали. Вотъ позвольте познакомить васъ... Дементій Саввичъ Козьминъ. Его имя вамъ извѣстно.

— Очень приятно! — выговорила, какъ можно мягче, Елена.

Она вспомнила, что представляетъ собою этотъ Козьминъ въ ненавистномъ ей направленіи. Но и отъ него она не ожидала возгласа, остановившаго ее на лѣстницѣ.

— Я не мѣшаю, у васъ дѣловой разговоръ?—спросила она, присаживаясь немного въ сторонѣ.

— Никакихъ у насъ дѣлъ нѣтъ,—ослабивъ свой нервный ротъ, возразилъ Козьминъ, — если не считать дѣломъ искорененіе похотей природы человѣческой, которая хочетъ всякими способами облыжно уйти отъ кары и грознаго суда.

Боярцевъ какъ бы избѣгалъ глядѣть на Акридину и сидѣлъ на диванѣ вполоборота. Она замѣтила, что онъ не назвалъ ее Козьмину, но приняла это за расцѣпность и тотчасъ же обрадовалась.

Такой изувѣръ, услыхавъ ея фамилію, способенъ былъ нарочно пустить тираду, которую она не въ силахъ была бы пропустить, не возмутившись.

— Прогрессъ! Торжество науки!—продолжалъ, не стѣняясь приходомъ Елены, Козьминъ и весь вздрагивалъ отъ накипѣвшаго въ немъ глубокаго протеста.—Вотъ нашъ милѣйшій Василій Ивановичъ...

— Это мой другъ, Угличевъ, — пояснилъ Еленѣ Боярцевъ.

— А-а!

— Онъ тоже вдается въ это безумное и еретическое

двоевѣріе. Развѣ превращеніе однѣхъ формъ въ другія есть безконечное развитіе, въ смыслѣ блага, духовнаго совершенства? Господа дарвинисты, самые умные, давно установили, что правъ тотъ, кто душитъ и колетъ другихъ! Вотъ вамъ и прогрессъ! Мы съ вами сочувствуемъ долѣ нашихъ братьевъ славянъ... И Василій Ивановичъ... Было время, когда я за всю славянскую братію душу свою готовъ былъ заложить, и одна только кличка „братъ славянинъ“ заставляла меня считать ихъ всѣхъ совершенствомъ, а теперь нѣтъ! Все, что пропало западнымъ ѣрничествомъ,—онъ даже не поглядѣлъ на даму,—то уже прѣгнило: всѣ эти культурные сербы, болгары, хорваты, лужичане, венды. О чешкахъ,—презрительно выговорилъ онъ,— и говорить нечего! И имъ не очиститься... Они ушли изъ Византіи, отъ того уклада жизни, которому теперь учиться можно только въ одномъ мѣстѣ во всей вселенной!

— Гдѣ же?—спокойно и тихо спросилъ Боярцевъ.

— На Аѳонѣ, любезнѣйшій Романъ Денисовичъ, на Аѳонѣ. И нигдѣ больше. Какъ я тамъ пожилъ, вся эта маниловщина съ меня слетѣла... Ничего хорошаго для западнаго славянства не предвижу. Ничего! — повторилъ онъ и поморщился, точно что его кольнуло внутри.

Боярцевъ не возражалъ.

„Онъ нарочно“,—подумала Акридина.

То, что этотъ ненавистникъ прогресса сейчасъ выпалилъ, не могло ее серьезно задѣть. Его дѣло считать западныхъ славянъ жертвою гнилого запада. Это было для нея избитое мѣсто любого славянофила; только Козьминъ былъ послѣдовательнѣе, и это ей даже нравилось.

Спорить съ такимъ и Боярцеву было непріятно.

Но онъ все-таки слишкомъ почтительно выслушивалъ его. Вѣдь Козьминъ не сумасшедшій. Онъ говоритъ сильно и увѣренно, фраза литературная и складъ мыслей вполне опредѣленный. Если онъ пришелъ сюда, значитъ онъ считаетъ хозяина дома способнымъ, хоть отчасти, быть его единомышленникомъ.

Такой выводъ сталъ ее тревожить. Она сдерживалась, сколько возможно, но не могла отдѣлаться отъ чувства обиды за себя и любимаго человѣка. Будь онъ ея стана, развѣ бы она могла найти человѣка такого склада у него, и въ качествѣ знакомаго, который приходитъ безъ зова, запросто, въ ранній вечерній часъ?

— Всемогущество науки! — крикнулъ Козьминъ, точно кто-нибудь поднесъ пламя къ его кожѣ. — Соглашеніе съ выводами знанія! Но знаніе-то и показываетъ, какъ культура ведетъ къ полнѣйшему разгулу похоти и разнужданнаго себялюбія. Пресловутая наука ничего и никого не спасетъ, ни въ кого не вложитъ единого спасительнаго начала—страха передъ Вѣчнымъ Судьей! Я тоже вѣрвалъ въ точное знаніе, и кончилъ, какъ видите, тѣмъ, что извѣрился во все, что ухищреніе великой вавилонской блудницы, имя которой—Торжество науки! Эта ересь, и никакая другая, надѣлила насъ всяческимъ юродствомъ, развела всяческую эмансипацію духа и тѣла, дѣтей и слугъ, мужиковъ и баръ, а главное дѣвчонокъ и бабенокъ, мнящихъ себя носительницами передовыхъ идей! Ихъ и на Аeonъ нельзя пустить. Тамъ этой нечисти не полагается.

Онъ даже сплюнулъ.

Въ щеки Елены разомъ вступило. Она приподнялась и, взглянувъ грустно на Боярцева, послѣшно сказала:

— Я вернусь къ Татьянѣ Егоровнѣ... проститься.

— Вы совсѣмъ?—спросилъ Боярцевъ, тоже послѣшно.

— Да, совсѣмъ, до завтра!

Акридина поклонилась Козьмину и скорымъ шагомъ направилась къ двери.

Еще минута, и произошелъ бы взрывъ.

Даже и теперь, въ присутствіи любимаго человѣка, она не была бы въ состояннн вынести, не давъ отпора, такую выходку. Не одна женщина была въ ней оскорблена; но она не могла бы снести, безъ разноса, самой сути того, что проповѣдывалъ такой фанатикъ, вылѣзшій изъ аeonскихъ пещеръ.

Ей, съ новой силой, сдѣлалось ясно, что Боярцевъ, при всей своей гуманности и честности, все-таки стоитъ на нижнемъ звенѣ той же цѣпи, къ которой прикованы вотъ и такіе Козьмины.

Иначе развѣ онъ выслушивалъ бы его такъ кротко?

Никакая свѣтская воспитанность не была бы въ состояннн дать подобнаго спокойствія и благодушія.

И разомъ она увидала, какъ она была уже близка къ измѣнѣ тому, на что Елена Акридина, та, что недавно воевала съ Боярцевымъ, положила всю свою жизнь.

Его она не передѣлаетъ; скорѣе онъ ее. Въ нее закралась запоздалая страсть, а не въ него. Ихъ сближеніе

можетъ повести къ серьезной взаимной любви; но подъ нею пропасть только закрыта, а не заложена.

Сегодня ей надо бѣжать. Даже уйди Козьминъ, и все-таки вспыхнетъ споръ. И кто знаетъ, чѣмъ онъ могъ бы кончиться.

Въ коридорчикѣ нижняго этажа она на цыпочкахъ прошла въ комнату Ульяны, поглядѣть, не тамъ ли она.

— Что Татьяна Егоровна? — шопотомъ спросила она няню.

— Започивали.

— Ну, и прекрасно... Я ѣду. Вы меня не провожайте. Въ передней человѣкъ.

Торопливо завязала она передъ зеркаломъ черный пуховый платокъ, и когда человѣкъ подалъ ей шубку, стала такъ же торопливо застегивать ее.

Она сама лишала себя цѣлаго часа, а можетъ и двухъ, разговора съ Романомъ Денисовичемъ.

Но страхъ все еще владѣлъ ею.

Съ верху донесся возгласъ Козьмина:

— И да будетъ имъ анаѰема!—разслышала она.

И засмѣялась.

Этотъ аѰонскій изувѣръ былъ ужъ слишкомъ курьѰзенъ для нея, въ эту минуту, когда она одна, когда присутствіе мужчины, взявшаго надъ нею власть, не превращаетъ ее въ кроткую подругу его, способную вынести все, для того только, чтобы не прогнѣвить и не смутить его.

— Вамъ извозчика, сударыня?—спросилъ человѣкъ.

— Я сама найду... На перекресткѣ.

И бодрой походкой она вышла на улицу.

XXXVI.

Въ ихъ помѣщеніи Елена никого не нашла и послала сейчасъ узнать, дома ли Лыжинъ; если дома, то просить его къ себѣ.

Но его не оказалось тамъ. Снизу ей принесли записку отъ Иды: „Descends chez la petite. Tu nous y trouveras tous“.

Она немного задумалась. Про исторію Липы она уже знала, и когда Ида стала ей говорить, какъ ее оживляло общество молодежи, собирающейся у той, она ни однимъ словомъ не охладила ея настроенія.

Будь это мѣсяцъ назадъ, она бы считала „пошлымъ

мѣщанствомъ“ сторониться отъ такой „жертвы любви“, какой она считаетъ Липу, и сама бы пошла за ней ухаживать, вмѣстѣ съ Идой.

Но теперь это ей представлялось „не совсѣмъ опрытымъ“. Актриса жила „на содержаніи“ у офицера. Съ нею, вѣроятно, водятся такія же легкія женщины, какъ она сама.

Домъ Боярцевыхъ, Татьяна Егоровна, ея тонъ, правила, строгая религіозность и, поверхъ всего, образъ Романа Денисовича, его чистота, ихъ сближеніе, надежда на полное счастье, желаніе стоять, какъ и онъ, выше какихъ бы то ни было нареканій, брали свое.

Она бы и не пошла, случись это вчера. Но отъ Боярцевыхъ пріѣхала она все съ тѣмъ же осадкомъ недовольства, почти стыда за прежнюю Акридину. Ей хотѣлось попасть въ воздухъ молодыхъ чувствъ и разговоровъ, гдѣ все смѣло и ново, гдѣ не употребляютъ такихъ словъ, какъ тотъ изувѣрь съ Аѳонской горы, гдѣ хозяева не выслушиваютъ дикихъ выходокъ съ искреннимъ или поддѣльнымъ почтеніемъ и благодушіемъ.

Подумавъ немного, она сказала присланной снизу горничной, что сейчасъ будетъ, прошла въ свою спальню, поправила прическу и накинула на себя короткую мантильку съ двумя воротниками, зная, что эта мантилька идетъ къ ней.

У Липы было, дѣйствительно, цѣлое общество. Ее положили на кушетку въ углу, отодвинувъ піанино. Около нея, за самоваромъ, сидѣли Божеярина и Мухина. Ида съ Лыжинымъ — на диванѣ, и ближе къ столу, передъ ними — Петровичъ и художникъ Лукошкинъ. Воденягина незамѣтно было въ лѣвомъ углу отъ двери, за шкафчикомъ.

Елена только мелькомъ, разъ, въ началѣ своего житья въ номерѣ, видѣла Липу на подѣздѣ и нашла лицо ея „очень интереснымъ“.

Ида сейчасъ же подвела ее къ кушеткѣ.

— Вотъ мой другъ, Елена Константиновна Акридина!

Липа сильно пожала ей руку, приподнявъ голову. Худоба и впалые глаза дѣлали ее еще красивѣе. Она была въ темномъ; волосы лежали на плечахъ, распущенные. И въ тѣлѣ она похудѣла, что дѣлало ея фигуру стройнѣе.

— Вы слишкомъ добры, Елена Константиновна, я, право, не заслуживаю.

Голосъ ея сталъ глуше и тонъ перемѣнился разительнo.

Ей еще не позволяли много говорить, и она, передъ приходомъ Елены, больше слушала общій разговоръ, изрѣдка вставляя свое слово.

Акридина почувала, что ея приходъ вызвалъ стѣсненіе и въ хозяйкѣ, и въ нѣкоторыхъ гостяхъ.

Поэтому она сейчасъ же, присѣвъ къ Лыжину на диванъ, стала жать ему руку и заговорила:

— Лыжинъ! Какъ я рада васъ видѣть! Точно мы съ годъ не видались.

— Пожалуй!—откликнулся онъ, весело ее обглядывая.— У васъ все хорошо идетъ? — спросилъ онъ ее потише и поглядѣлъ съ выраженіемъ.

— Хорошо!—отвѣчала она.—Я, господа,—она обратилась тотчасъ же къ остальнымъ,—прервала вашу бесѣду. Извините пожалуйста.

— Ничего! — откликнулась Липа и сказала Божеяриной:—Лѣля, представь же всѣхъ Еленѣ Константиновнѣ.

Божеярина встала и, поводя сначала правой, потомъ лѣвой рукой, съ жестомъ драматической ученицы проговорила:

— Вотъ это писатель Петровичъ и художникъ Лукошкинъ, а это моя подруга Мухина. Тамъ, въ углу, господинъ Воденягинъ.

— Что ты это все господинъ да господинъ? — со смѣхомъ перебила ее Мухина.

Всѣ разомъ разсмѣялись и всѣмъ стало ловко.

— Точно въ переводныхъ пьесахъ съ французскаго! — продолжала Мухина, и ямки заиграли на ея пухлыхъ щекахъ. — Первый любовникъ отступаетъ къ двери со шляпой и съ благороднымъ выраженіемъ восклицаетъ: „Сударыня!“ А первая любовница, на авансценѣ, ему въ тонъ: „Сударь!“

Опять раздался дружный смѣхъ. Липа только улыбнулась.

Съ нея вмѣстѣ съ ея болѣзнью точно слетѣла ея шумность.

— Вамъ чаю угодно? — спросила Божеярина и, круто обернувшись въ сторону своей подруги, выговорила съ особой интонаціей:—Благодарю за репримандъ.

— У васъ здѣсь славно, — сказала Лыжину Елена вполголоса. — Такъ молодо! И я рада за Иду! — прибавила она.

Та разслышала ея слова.

— Да, мнѣ очень хорошо... И ты меня должна вдвойнѣ понимать.

Она наклонилась къ Еленѣ и досказала:

— У тебя тамъ, а у меня здѣсь... Вмѣсто смерти — жизнь.

Слово „смерть“ всѣ могли разслышать. Но здѣсь изъ „случая“ съ Липой секрета не дѣлали. Она сама, передъ приходомъ Акридиной, сказала, не приходя въ волненіе и съ тихой усмѣшкой:

— Лидія Павловна, Лёля да докторъ Гурьяновъ спасли меня. Нужно ли это было? Если нужно, надо постараться, чтобы они объ этомъ первые не жалѣли.

Она хотѣла показать, что никакого щекотливаго вопроса не дѣлаетъ изъ своей попытки покончить съ собою. Такъ всѣ ее и поняли. Ида и „дѣвочки“ знали уже, что она, когда и совсѣмъ оправится, не будетъ выступать въ Москвѣ и уѣдетъ въ провинцію. О баронѣ Гольцѣ она ни разу не спросила ни у кого и ни однимъ словомъ его не задѣла, точно онъ не существуетъ на свѣтѣ. И видно, что это не стѣитъ ей никакихъ усилій надъ собою.

Елена еще считала ее жертвой любви, и теперь ее интересовалъ исходъ этой драмы. Она кое-что соображала насчетъ барона Гольца и своей племянницы. Кажется, Нина впервые поймалась. И пускай познаетъ, что такое страсть, хотя бы и къ офицеру. Пускай судьба собьетъ съ нея высокоумѣрную увѣренность въ себѣ, весь этотъ нынѣшній позитивизмъ тщеславія и равнодушія ко всему, что не она, не ея домъ, не ея туалетъ, не ея наружность.

— Она гораздо красивѣе Нины, — вполголоса сказала Елена Лыжину.

— Вы находите?

— А вы все продолжаете млѣть передъ моей племянницей?

Вопросъ былъ сдѣланъ игриво, но не злобно.

Тотчасъ она взяла Лыжину за руку и прибавила почти шопотомъ:

— Полюбите, только не ее. Вы изстрадаетесь.

Лыжинъ размѣялся.

— Нѣтъ! Даже и въ наперсники врядъ ли гожусь... А такъ, смотрю со стороны, и ничѣмъ не возмущаюсь.

— Даже и гадостями?

— Все вѣдь относительно, другъ мой... Если жена моего хозяина дѣйствительно поймалась,—знаете, что меня будетъ занимать?

— Что?

— Не ея психологія, а то, какъ поведетъ себя Захаръ Лукьяновичъ. Онъ гораздо характернѣе, чѣмъ она. Они разомъ замѣтили, что говорятъ вполголоса.

Общій разговоръ что-то не налаживался, и Еленѣ стало опять неловко. Она же помѣшала, а сама не можетъ оживить общество.

Неужели она такъ вся ушла въ то, что тамъ, въ стародворянскомъ домѣ съ мезониномъ, и нѣтъ у ней въ головѣ ни на что отклика, и въ сердцѣ ничего, кромѣ упорнаго захвата личнаго счастья?

Вошелъ лакей и у дверей перегородки доложилъ:

— Господинъ Брянцевъ; прикажете принять, Олимпиада Дмитриевна?

Всѣ переглянулись. Первая вскочила Божеярина и сейчасъ схватилась рукой за свой шиньонъ. Мухина убѣжала въ спальню оправиться. Появленіе такого крупнаго драматическаго „сюжета“ сейчасъ же подѣйствовало на обѣихъ.

— Просите!—отозвалась Липа и спросила Елену:— вы его, конечно, видали на сценѣ?

— Видала,—отвѣтила Елена, немного удивленная тѣмъ, какимъ тономъ Липа говорила о Брянцевѣ, точно будто она сама не принадлежитъ къ этому же мірку.

Брянцевъ заѣзжалъ разъ, во время ея болѣзни, и оставилъ карточку.

Вошелъ онъ грудью впередъ, одѣтый, какъ всегда, съ особой старательностью, съ бѣлымъ жилетомъ и слегка подзавитой.

Онъ пожалъ руку Липы медленно, стоя съ наклоненной головой у кушетки. Потомъ онъ отдалъ всѣмъ круговой поклонъ и низко поклонился Акридиной, когда Липа, со своего мѣста, представила его.

Запахъ тонкихъ англійскихъ духовъ пошелъ отъ него по комнатѣ, смѣшавшись съ дымомъ папиросъ.

Дѣвочки уже вернулись и, возбужденно поздоровавшись съ нимъ, стали угощать его чаемъ. Онъ имѣлъ съ ними особенный, благодушно-поощрительный тонъ.

Брянцевъ желалъ сначала нащупать почву, какъ здѣсь

вести себя: вполнѣ „игнорируя“ исторію, или какъ товарищъ по искусству, безъ ненужной уклончивости.

Онъ выбралъ средній путь и, глотнувъ изъ стакана съ чаемъ, обратился къ двумъ молодымъ людямъ—писателю и художнику, и началъ:

— Вотъ, господа!.. Помните обмѣнъ нашихъ мыслей здѣсь, въ этой самой комнатѣ?

— Какъ же!—живо откликнулся Петровичъ.

Художникъ только мотнулъ головой, и его затуманенные глаза ушли въ тотъ уголь, гдѣ было изголовье кушетки.

Изъ нихъ всѣхъ, кромѣ женщинъ, онъ всего больше страдалъ за женщину, за нанесенное ей оскорбленіе. Но онъ боялся высказаться. Нервы у него въ такомъ напряженіи, что онъ способенъ былъ и разревѣться.

— Да, господа, — продолжалъ сдержанно и мягко актеръ, — поучительный примѣръ. Съ душой артиста нынче играютъ какъ съ какимъ-то неодушевленнымъ предметомъ. И женщину шадятъ такъ же мало, какъ и мужчину!

— Брянецъ! — остановила его Липа и приподнялась станомъ, облокотившись о спинку кушетки. — Спасибо за ваше участіе. Вы здѣсь можете говорить безъ всякихъ умолчаній, — она сдержала горькій смѣхъ, — но, право, не стоитъ. Чтѣ было—то прошло!

— Зло и низость не заслуживаютъ прощенія, Олимпіада Дмитріевна!

— Мы сами всѣ виноваты.

— Кто же это всѣ?

— Люди того міра, гдѣ и я, грѣшная, до сихъ поръ билась. Слишкомъ актеры и актѣрки, — выговорила она полудурачливо, — падки до того, что про нихъ пишутъ. А кто накидывается на ядовитую приманку славы, тотъ самъ и виноватъ!

XXXVII.

— Олимпіада Дмитріевна принимаетъ? — раздался отъ дверей молодой звонкій голосъ.

Дѣвочки сейчасъ узнали голосъ Шипилина.

— Принимаетъ, принимаетъ! — крикнула Мухина, бросаясь къ нему навстрѣчу.

Лѣля Божеярина уже поддразнивала ее тѣмъ, что она „имѣетъ легкой интересецъ“ къ студенту.

Шипилинъ, не снимая пальто, выставилъ свою голову изъ-за портъеры и окликнулъ Лыжина:

— Юрій Петровичъ!

— Чтò угодно?

— Къ вамъ навѣрхъ прошелъ Иванъ Кузьмичъ.

— Кострицынъ?

— Да. Мы вмѣстѣ шли.

Лыжинъ приподнялся и, обращаясь къ Липѣ, спросилъ:

— Позвольте мнѣ просить сюда моего пріятели. Я желалъ бы вамъ его представить.

— Очень рада... Мѣста, кажется, хватить, — откликнулась Липа.

— Можно еще послать за стульями, — сказала Мухина и поглядѣла съ лаской своихъ, и безъ того добрыхъ, глазокъ на студента.

Черезъ пять минутъ Кострицынъ уже сидѣлъ у круглаго стола, и Божеярина наливала ему стаканъ чаю.

Его пріятно встряхнулъ этотъ неожиданный визитъ къ Липѣ. Онъ смотрѣлъ на нее со смѣсью любопытства и неяснаго и быстрого сочувствія.

Еще вчера онъ, говоря о знакомствѣ съ ней Лыжина, считалъ ее „прожженой“.

Здѣсь, въ двухъ шагахъ отъ кушетки, гдѣ лежала Липа, такая величавая и тихо задумчивая въ лицѣ, съ него слетѣло всякое дурное отношеніе къ этой женщинѣ, которую онъ совсѣмъ не зналъ иначе, какъ по газетнымъ пасквильнымъ замѣткамъ.

Актеръ овладѣлъ опять разговоромъ на ту же тему.

— Олимпиада Дмитриевна, — началъ онъ въ позѣ лектора, приступающаго къ публичной бесѣдѣ. — Вы отчасти правы, находя, что мы, артисты разныхъ специальностей, слишкомъ отдаемъ впечатлѣніямъ отъ прессы и публики. Но, спрашиваю я васъ всѣхъ, господа: развѣ артисту есть возможность уйти отъ прямого воздѣйствія этихъ двухъ трибуналовъ его таланта и умѣнья?

Присутствіе женщинъ заставляло Брянцева говорить красивѣе, употреблять выраженія — „на высотѣ положенія“, какъ онъ привыкъ въ такихъ случаяхъ. Онъ зналъ, что Лыжинъ — „интересный интеллигентъ“, Кострицынъ — магистрантъ, Воденягинъ — человекъ съ политическимъ прошедшимъ, Шипилинъ — студентъ, играющій роль въ средѣ своихъ товарищей.

Къ университету и студентамъ Брянцевъ имѣлъ почти-

тельно-нѣжное чувство, какъ большинство актрисъ и актеровъ. Студенческая публика вліяетъ на ихъ репутацію, рѣшаетъ вызовы и часто успѣхъ роли или всей пьесы; а провалъ пьесы непременно вліяетъ и на успѣхъ исполнителей.

— Да, вы не только правы, — повторилъ Брянцевъ и осторожно положилъ папиросу на край блюдечка, — такая неизбѣжная впечатлительность дѣлаетъ часто сценическихъ артистовъ мучениками особыхъ условий своего дѣла.

— Въ какомъ смыслѣ? — остановилъ его Кострицынъ, среди большого молчанія.

Онъ мысленно добавилъ одной изъ своей любимыхъ поговорокъ: „Хорошо птица поетъ—гдѣ-то сядетъ!“

— Очень понятно, господа! — груднымъ звукомъ отозвался Брянцевъ и выпрямилъ грудь.—Гдѣ же, въ какой другой области артистъ такъ подвергаетъ свое часто законное самолюбіе ежедневнымъ испытаніямъ?

— Да, вы вотъ въ какомъ смыслѣ!..

— Вы только сравните артиста съ писателемъ или даже съ художникомъ. Писатель написалъ одну пьесу, одну повѣсть въ годъ... Еще драматургъ приходитъ въ прямое столкновеніе съ залой. Его вызываютъ или ему шикаютъ.

— И свищутъ, — добавилъ Петровичъ.

Многіе засмѣялись.

— Но всего разъ вѣдь, господа! Точно то же и живописецъ, выставляющій свою картину. Этотъ даже и совсѣмъ гарантированъ отъ прямого дѣйствія на свои нервы, отъ прямыхъ оскорбленій. На выставкахъ не принято ни шикать, ни аплодировать... Писатель, — продолжалъ Брянцевъ съ жестомъ лектора, блестяще развивающаго по категоріямъ свои доводы, — писатель-беллетристъ и совсѣмъ не видитъ публики. Онъ можетъ абсолютно ее игнорировать, если ему это угодно.

— А господа рецензенты? — отозвался изъ своего угла Воденягинъ. — А милашки, въ родѣ господина... Ну, да именъ не нужно!

Всѣ поняли, что онъ съ трудомъ воздержался отъ имени Спондѣева.

— Такъ вѣдь и для насъ, кромѣ всего остального, есть та же критика, та же брань, клевета, непониманіе, интрига! И поверхъ всего, господа, ежедневное, если хотите, раздраженіе нашего я вызовами. Хорошо, со стороны,

философствовать, но надо быть человѣчнымъ... Сегодня васъ за роль вызвали пять разъ... Завтра, за ту же роль, безусловно одинаковую на вашъ собственный взглядъ, ни хлопка... И рядомъ, товарища, которому вчера шикали, вызываютъ какъ бы вамъ въ пику.

— И очень!—крикнули разомъ дѣвочки.

Въ ихъ сторону Брянцевъ обернулся и наставительнымъ тономъ закончилъ:

— Вамъ, mesdames, предстоитъ все это испытать. И нѣтъ силы, особенно женской душѣ, закалить себя такъ, чтобы зала, приемъ—это роковое актерское слово—не существовало для насъ. Нѣтъ такой силы!

— Нѣтъ!—подтвердила Божелрина и переглянулась съ Мухиной.

Обѣ онѣ, вразъ, подумали:

„Какой же онъ умный! Не мудрено, что такую силу забираетъ на сценѣ“.

— Но вамъ, —мѣняя тонъ, заговорилъ Брянцевъ, уже въ сторону Липы, — вамъ, Олимпіада Дмитриевна, еще столько впереди! Вы, конечно, когда вполнѣ оправитесь, будете продолжать свои дебюты, вѣря въ свое дарованіе?

— Нѣтъ! —откликнулась Липа, и лицо ея стало еще серьезнѣе.

— Какъ нѣтъ?

— Очень просто. Съ меня „спала пелена“, Брянцевъ, знаете, какъ вы въ Чацкомъ вскрикиваете. Самой кажется, что всѣ въ стачкѣ противъ тебя, клеветуютъ... И—ничуть не бывало!

— Помилуйте! —вмѣшался Шипилинъ и вскочилъ съ своего мѣста. — Помилуйте, Олимпіада Дмитриевна! Вамъ грѣшно говорить. Вы насъ не подкували... когда вамъ хлопали... мои товарищи. Ноты у васъ есть—въ душу забираются, ей-Богу!

Его глаза блеснули. И обѣ дѣвочки закивали ему головой.

— „Въ душу забираются!“—повторила Липа, и ея тонъ заставилъ Акридину и Иду прислушаться съ особеннымъ интересомъ.

И Кострицынъ значительно поглядѣлъ на Лыжина, отъ котораго отдѣлялъ его столъ передъ диваномъ.

— Этого мало, господа, —продолжала Липа, все еще довольно медленно.—Одного нутра мало.

— Разумѣется!—докторально подтвердила Акридина.

— А ноть нѣкоторыхъ нѣтъ, и на сильныя партіи не хватить регистра. Теперь, — и Липа оглядѣла всѣхъ съ усмѣшкой, — теперь и подавно... И средній-то регистръ можетъ оказаться слабъ... Да и вообще...

Не договоривъ, Липа повела рукой въ воздухъ.

— Если вы, Олимпиада Дмитриевна, — возразилъ Брянцевъ, — чувствуете въ себѣ артистку, то вопросъ голоса — еще не все.

— Какъ же не все, для пѣвицы? — замѣтила Акридина.

Студентъ и дѣвицы тоже вопросительно поглядѣли на актера.

— Не будетъ ноть оперныхъ, найдутся ноты для драмы, — выговорилъ онъ, сложивъ губы въ поощрительную усмѣшку и глазами приласкалъ Липу. — Въ васъ, Олимпиада Дмитриевна, всѣ задатки драматической артистки на крупныя роли — ростъ, фигура, лицо, тонъ, тембръ голоса, движенія. Повѣрьте мнѣ: опера — дѣло рискованное. Виртуозный голосъ въ нашемъ ужасномъ климатѣ — теплое растеніе. А въ драмѣ женщина можетъ занимать первое мѣсто двадцать, тридцать лѣтъ, иногда всю жизнь... стѣять только перемѣнить амплу.

„Вотъ ты куда пробираешься“, — подумалъ Кострицынъ, и ему вдругъ сдѣлалось жутко отъ мысли, что вотъ этотъ „первый сюжетъ“ займется Липой, станетъ готовить ее на драматическую сцену, съ задней мыслью легкой побѣды. Такой, небось, не упустить случая!

— Нѣтъ, Брянцевъ, — заговорила Липа, и голосъ ея дрогнулъ, — и опера, и драма — все это одна и та же ловушка. Ужасный этотъ міръ! Вы сами сейчасъ набросали намъ картину... всѣхъ гадостей. Жить весь свой вѣкъ въ чаду, кипѣть въ котлѣ! И постоянно лгать самой себѣ, дѣпляться за что-то, что отъ тебя предательски ускользаетъ. Все бросить въ эту бездонную пропасть — и тѣло, и душу, и всякое человѣчное чувство, и мысль, и то, что еще такъ недавно считала святымъ, ставила выше собственной особы и воображаемыхъ талантовъ!

Голосъ ея все сильнѣе вибрировалъ и дѣлался теилѣе; но болѣзненной нервности не замѣчалось.

Ида и Елена заслушались ее и взглядывали другъ на друга.

Въ Еленѣ слова Липы особенно отдавались. И она сама близка къ такому же перелому. Ея ученость, забота объ извѣстности, поѣздки, конгрессы, медали, оваціи — все это

тамъ гдѣ-то. Безъ любви, безъ взаимности она не согласна жить. То же говорить и въ этой „актеркѣ“.

Ида знала, что въ „актеркѣ“ есть и еще что-то, и она дѣйствительно близка къ перелому не изъ одной отвергнутой любви.

Задумался и Лыжинъ... Изъ своего угла Воденягинъ, что-то слышавъ „свое“, поднялъ голову. Художникъ Лукошкинъ понималъ Липу больше всѣхъ остальныхъ, и у него вырвался, среди общаго молчанія, возгласъ:

— Это такъ!

Всѣ на него поглядѣли.

— Однако, — возразилъ Кострицынъ, чувствуя новое, незнакомое ему волненіе, — гдѣ же женщина царить, какъ не на сценѣ, гдѣ она можетъ поднять свою личность до высшаго предѣла?

— Царица! — глухо возразила Липа. — Царица! Полноте, господа. Кого прельщать? Передъ кѣмъ бѣса тѣшить? И въ какой странѣ?.. Совѣстно! Гадко!

И она взялась руками за лицо.

Всѣ опять примолкли.

XXXVIII.

По кабинету Захаръ Лукьяновичъ ходилъ большими шагами и курилъ.

Лыжинъ сидѣлъ въ креслѣ, въ глубинѣ комнаты.

— Такъ васъ Питеръ не прельщаетъ, Юрій Петровичъ? А то бы прокатились! Дня въ четыре я бы со всѣми дѣлами управился.

Только что передъ тѣмъ Кумачевъ предложилъ Лыжину съѣздить съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ, куда онъ отправлялся, какъ глава депутаціи и, особенно, какъ попечитель нѣсколькихъ благотворительныхъ учреждений.

Лыжинъ не любилъ Петербурга и, кромѣ того, онъ не желалъ ѣхать „при его степенствѣ“, какъ бы въ качествѣ его домашняго секретаря.

По возбужденному настроенію Кумачева видно было, что онъ надѣялся на особенную награду. Говорилъ онъ съ Лыжинымъ не объ этомъ, а о томъ ходатайствѣ, гдѣ онъ являлся защитникомъ „истинно-русскихъ“ интересовъ.

— Напрасно вы не желаете проѣхаться Юрій Петровичъ. Тамъ бы и вамъ показалъ нѣсколько образчиковъ

петербургскихъ высокоумныхъ администраторовъ, которые мудрятъ надъ святой Русью.

Лыжинъ зналъ, что предметъ ходатайства все то же— „поощреніе національной промышленности“. Прежде онъ бы посмотрѣлъ на это, какъ на ненасытную погою за барышомъ русскихъ „буржуевъ“, подъ прикрытіемъ любви къ отечеству. Теперь дѣло представлялось ему иначе, и онъ уже не считалъ такого Захара Лукьяновича „съ товарищи“, жадными кулаками, способными только кланчить о запретительныхъ пошлинахъ и усиленной правительственной поддержкѣ. Фабричный людъ видѣлся ему изъ-за этихъ хозяйскихъ домогательствъ—тысячи рабочихъ, которымъ приходилось бы плохо, на ихъ тощей землишкѣ—не будь тутъ тѣхъ же Кумачевыхъ, постоянно расширяющихъ свое производство... А безъ высокихъ пошлинъ—гдѣ же имъ соперничать съ заграничнымъ товаромъ?

Брать съ нимъ въ Петербургъ Лыжину все-таки не хотѣлось—не изъ одного только дворянскаго чувства. Здѣсь, въ домѣ Захара Лукьяновича, что-то начинало происходить на половинѣ Антонины Борисовны. Въ ея обращеніи съ нимъ произошла на-дняхъ перемѣна. Она точно колебалась: быть ли съ нимъ совсѣмъ откровенной, или остаться въ тонѣ ласковаго благоволенія, не допуская ни до какой фамильярности.

Онъ себя допросилъ. Никакой претензіи онъ въ себѣ не подмѣчаетъ. Нина, какъ женщина, была бы въ его вкусѣ; но ему любить поздно, да и никогда онъ не склоненъ былъ къ связи съ замужней женщиной. Ему хотѣлось найти въ Нинѣ больше души и ума, чѣмъ предполагалъ пріятель его, Кострицынъ, и, обратись она къ нему искренно за поддержкой въ минуту женскаго кризиса, онъ готовъ былъ поддержать ее.

Кризисъ, кажется, явился. Его занимало также—догадывается ли о чемъ-нибудь „супругъ“.

Захаръ Лукьяновичъ казался совершенно довольнымъ, даже съ особенно приподнятымъ сознаниемъ своей личности. Никогда, слушая его, нельзя бы было примѣнить къ нему прямѣе изреченія, выбраннаго имъ самимъ: „*ibo singulariter donec transeam*“.

Или, быть-можетъ, онъ такъ мастерски умѣетъ владѣть собою? Станнымъ могло бы и ему самому показаться хоть бы то, что Нина Борисовна совсѣмъ не участвуетъ

въ его петербургской экспедиціи. Лыжину не было извѣстно, предлагалъ ли Кумачевъ и ей проѣхать въ Петербургъ. Если и не предлагалъ, все-таки она съ своимъ тщеславіемъ должна была бы проявить чѣмъ-нибудь свое сочувствіе его поѣздкѣ и тому, съ чѣмъ она сопряжена.

И самъ Захаръ Лукьяновичъ, со вчерашняго дня, замѣчалъ то же. Онъ не приглашалъ жену прямо, но былъ бы очень радъ съ ней поѣхать. Нина сказала ему только:
— Что жъ! Поѣзжай! Я очень рада.

Въ другое время она обо всемъ его, съ-глазу-на-глазъ, обстоятельно бы допросила и дала бы указанія, у кого побывать изъ ея знакомыхъ и родственниковъ. На этотъ разъ—ничего.

Въ ея обращеніи съ нимъ онъ не подмѣчалъ ничего необычнаго; только ему сегодня утромъ, когда они проснулись, показалось, что она слишкомъ поспѣшно ушла въ свою уборную.

О баронѣ Гольцъ онъ разъ подумалъ съ такимъ чувствомъ, какого прежде не зналъ, и только. Этого, хотя бы и весьма благообразнаго „калегварда“, онъ не будетъ же, ни съ того, ни съ сего, ревновать къ женѣ! Антонину Борисовну онъ слишкомъ высоко ставитъ, да и не считаетъ совсѣмъ склонной къ увлеченіямъ: не такая у нея натура. Даже въ немъ, если его разбередить, найдется гораздо больше темперамента. Слѣдовательно, если онъ за себя можетъ въ-время поручиться, то тѣмъ паче она.

Кумачевъ надавилъ пуговку звонка.

— Есть гости у барыни?—спросилъ онъ вошедшаго камердинера.

— Баронъ Гольцъ сидятъ у нихъ.

Въ лицѣ Захара Лукьяновича не дрогнула ни одна жилка.

Слова лакея: „сидятъ у нихъ“ непріятно прошлись по немъ, точно у него кожу гдѣ-то засадило.

— Не хотите подняться къ Антонинѣ Борисовнѣ?—спросилъ онъ Лыжина, когда камердинеръ вышелъ изъ кабинета.

— Съ удовольствіемъ, только позвольте мнѣ написать у васъ одно письмо.

— Сдѣлайте одолженіе.

Уходя, Кумачевъ обернулся къ столу, куда уже при-сѣлъ Лыжинъ, и, покачавъ головой, выговорилъ:

— Жаль, что вы не желаете проѣхать въ Питеръ; право, жаль.

„Питеръ“, вмѣсто „Петербургъ“, онъ говорилъ всегда, желая и въ этомъ держаться коренныхъ русскихъ названій.

Въ третій разъ счетомъ въ теченіе одной недѣли ему приводилось встрѣчаться съ барономъ и всегда въ одно и то же время. Правда, это пріемные часы Антонины Борисовны,—однако, что-то частенько.

И въ первый разъ, когда онъ проходилъ по первой гостиной, ему стало немного тревожно, точно онъ боялся на что-нибудь наткнуться, если войдетъ невзначай въ кабинетъ жены.

Даже захотѣлось кашлянуть.

Онъ отлично зналъ, что ничего подобнаго никогда не испытывалъ. Да и съ какой стати?

Раздались шпоры по ковру. Баронъ Гольцъ встрѣтился съ нимъ въ дверяхъ второй гостиной и, остановившись, отвѣсилъ ему почтительный поклонъ.

Захаръ Лукьяновичъ задержалъ его руку и спросилъ:

— Куда же вы спѣшите, баронъ? Или много еще визитовъ?

— Есть,—лаконически выговорилъ Гольцъ.

— Долго еще пробудете у насъ, на Москвѣ?

— Еще не рѣшилъ... вѣроятно, до поста.

— Поживите.

Никогда еще Захаръ Лукьяновичъ не чувствовалъ себя такимъ джентльменомъ. И его голосъ звучалъ гораздо барственнѣе, чѣмъ у этого великосвѣтскаго офицера.

Проводивъ его до дверей первой гостиной, онъ спросилъ его на прощанье:

— Прикажете поклониться отъ васъ городу Санктпетербургу?

— Вы ѣдете?

Гольцъ спросилъ его умышленно спокойно.

— Какъ же, и не дальше, какъ сегодня вечеромъ.

Кумачевъ точно хотѣлъ и самого себя увѣрить, что онъ нисколько не смущенъ, да и офицеру показать, что не считаетъ его опаснымъ.

Входя въ кабинетъ жены, онъ подумалъ:

„А если бъ вдругъ попросить Нину, чтобъ она поѣхала со мной?“

Средство показалось ему очень вѣрнымъ, только онъ опять-таки считалъ себя и ее выше такихъ подходовъ.

Будь онъ „самъ“ на старо-купеческой ладъ, онъ бы безъ церемоніи приказалъ ей укладываться, разъ его безпокоить то, что она остается безъ него.

Развѣ онъ, Захаръ Лукьяновичъ, способенъ на это.

Нина стояла передъ мольбертомъ, гдѣ уже зарисованы были ирисы, и смотрѣла на одинъ изъ цвѣтовъ.

— Это ты, Закки?

Лицо ея было ясное, глаза блестящіе, на губахъ легкая усмѣшка. Смущенія ни единой капли.

— Ниночка!—онъ иногда такъ ее звалъ,—ты, кажется, не очень рада, что я ѣду?

— Почему?

Она повела своими бархатными бровями.

— Вѣдь ты знаешь,—онъ взялъ ее слегка за талию и прошелся съ нею по комнатѣ,—изъ этого похода твой Закки можетъ вернуться... кое-съ-чѣмъ.

Для нея это было важнѣе, чѣмъ для него самого. Получи онъ давно желанное званіе, онъ имѣетъ входъ всюду, а въ ближайшемъ будущемъ и четвертый классъ, и губернаторство, если онъ этого пожелаетъ.

— Ты надѣешься?—спросила она ласково, но безъ всякаго оживленія.

— Постараюсь вести себя, какъ мальчикъ-пай и заслужить награду, прежде всего отъ моей женушки.

Никогда онъ не называлъ ее „женушка“.

Нина даже поглядѣла на него.

„Ой, попробуй средство!—подсказалъ себѣ Захаръ Лукьяновичъ.—Пригласи ее въ Петербургъ и подмѣчай, какъ она поведетъ себя“.

Пересилило сознание своего джентльменства.

— Ты скучать не будешь?—спросилъ онъ и поцѣловалъ ее въ шею.

Нина стояла неподвижно и та же холодная усмѣшка раскрывала ея пышный ротъ.

— Постараюсь не скучать.

Заслышавъ чьи-то шаги, она легкимъ притрогиваніемъ руки освободила свою талию.

— Это Юрій Петровичъ!—успокоительно выговорилъ Кумачевъ.

— А-а!

Она все-таки освободила свою талию и пошла къ ди-

вану, на который опустилась въ свою полумежачую позу. Захару Лукьяновичу было не по себѣ.

XXXIX.

Нина удержала Лыжина, послѣ того, какъ мужъ ея удалился.

Въ ней, на взглядъ Лыжина, была та „игра“ въ обращеніи съ мужемъ, какой прежде онъ не подмѣчалъ, что-то двойственное и трудно уловимое.

Когда они остались вдвоемъ и Нина приказала подать чай, онъ сказалъ ей:

— Вы, Антонина Борисовна, какъ я же,—Петербурга не долюбливаете?

— Нѣтъ, — промолвила она, игриво поглядывая на него. — Съ Заки я не разсудила ѣхать. Зачѣмъ? Только ему мѣшать! Онъ цѣлые дни будетъ представляться и разѣзжать по министерствамъ разнымъ... Морозы ужасные. И никого мнѣ не хочется особенно видѣть. Къ Фигнеру я равнодушна, достаточно слушала его и здѣсь... А Михайловскій театръ ужасно упалъ.

„Хитришь ты, голубушка, — весело поправлялъ ее, про себя, Лыжинъ. — И хитришь довольно ловко, отдаю тебѣ справедливость“.

Въ немъ, противъ собственнаго ожиданія, заговорило не злорадство барина при видѣ того, какъ зазнавагося купчишку начинаетъ артистически обманывать его жена, родовитая дворянка, — нѣтъ, совсѣмъ противное.

Захара Лукьяновича ему становилось жалко, какъ бы обидно за него.

— Вы скучать безъ него не будете, — сказалъ онъ не звукомъ вопроса, а съ интонаціей увѣренности.

Нина поглядѣла на него пристально.

Ея тонъ былъ сегодня не такой, какъ на-дняхъ, проще и съ явнымъ отбѣнкомъ почти пріятельской искренности.

И это онъ отмѣтилъ, про себя.

Лыжина случай посылалъ ей, какъ единственнаго человека, котораго она могла приблизить къ себѣ, ничѣмъ не рискуя. Свою пріятельницу Nanon она не желала дѣлать своей наперсницей. Та придастъ всему банальный характеръ и начнетъ болтать по всему городу, хотя и станеть божиться и клясться, что тайна умереть съ ней вмѣстѣ. Къ Эсаулову она охладѣла... Да и ничего нѣтъ

глупѣе, какъ говорить о своемъ любовномъ дѣлѣ мужчинѣ, который когда-то имѣлъ на васъ брачные виды.

Оставаться совсѣмъ одной съ своимъ „секретомъ“ было ей тяжело, чего она и сама бы не ожидала отъ себя. Только Лыжина она считала человѣкомъ „de son bord“ въ своемъ домѣ, и съ того дня, когда, въ этой самой комнатѣ, она поцѣловала Гольца, ей надобенъ былъ сообщникъ-другъ, съ которымъ она чувствовала бы себя въ своемъ лагерѣ, въ лагерѣ людей родовитыхъ, надѣленныхъ бѣлой костью. Такому сообщнику будетъ лестно ея довѣріе. Онъ его пойметъ, онъ умный и бывалый холостякъ. Хорошія чувства къ своему „принципалу“ онъ врядъ ли можетъ имѣть. Милліоны, себѣ на умѣ и напускное джентльменство Захара Лукьяновича должны тайно раздражать такого тонкаго человѣка, какъ Лыжинъ.

Въ глазахъ Нины онъ не прочелъ никакого предвѣщенія скуки одиночества по отъѣздѣ супруга.

— Зачѣмъ, Юрій Петровичъ,—шутливо начала Нина,—говорить мнѣ казенныя фразы? Мы съ вами выше этого. Развѣ я сантиментальная Пульхерія Ивановна? Нашъ медовый мѣсяцъ давно прошелъ. И, вообще, мы держимся правила не быть постоянно вмѣстѣ. Развѣ вы не находите, что такъ лучше?

Лыжинъ молча согласился наклоненіемъ головы. Онъ могъ бы сейчасъ же перевести разговоръ туда, гдѣ Нина ждала его... И почему-то медлилъ, съ какой-то полусознательной хитростью.

— Знаете, — продолжала Нина въ нѣсколько иномъ тонѣ,—въ страстныхъ и сантиментальныхъ супружествахъ часто выходятъ такіе перевороты. Вы слышали, Юрій Петровичъ, про Орѣхову, двоюродную сестру нашего знакомаго... вы съ нимъ познакомились у насъ на обѣдѣ... Помните, когда были въ первый разъ?

— Помню, помню.

— Она была сирота и наследница шести милліоновъ.

— Господи!

— Только у купчихъ и могутъ быть такія безумныя деньги. Она еще дѣвочкой влюбилась въ приказчика своего дяди. Жгучая страсть! Опекунъ ей не позволялъ. Она тайно обвѣнчалась... Красавецъ-мужчина, какъ выражается Захаръ Лукьяновичъ.

Лыжинъ замѣтилъ, что она въ первый разъ называла своего мужа по имени и отчеству, а не „Заки“.

— Пожили два года! Любовь такая, ни въ сказкѣ разсказать!.. *Un Vésuve, quoi!* И вдругъ встрѣча съ теноромъ—мужъ получаетъ милліонъ. Это у нихъ,—протянула она съ усмѣшкой,—называется...

— Отступное?—подсказалъ Лыжинъ,

— Ха-ха! Вы знаете? Да, да, отступное. Премилое слово... И разводъ готовъ въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца.

— Можно и скорѣе,—прибавилъ Лыжинъ.

— Можно?—спросила она, вдругъ блеснувъ глазами, и вся придвинулась къ нему, полулежа на диванѣ.

— Это зависитъ отъ капиталовъ.

— А чтò... это стòитъ обыкновенно? Знаете... не такъ, чтобы глупо бросать... Вѣроятно, существуетъ что-нибудь въ родѣ таксы?

— Не прицѣнивался, Антонина Борисовна... Что-то, однако, приводилось слышать...

— Тысячъ двадцать, тридцать?

— Гдѣ! Это слишкомъ! Даже и для богачей дешевле.

— Неужели не больше десяти?

— Простыхъ смертныхъ и тысячи за двѣ освобождаютъ отъ узъ. Конечно, не такъ скоропалительно, съ нѣкоторой проволочкой. Кажется, дорогой цѣной считается—тысячъ шесть-семь.

— *Mais c'est une misère!*

Они оба засмѣялись, и Нина, не мѣняя своей полулежащей позы, наклонилась надъ маленькимъ японскимъ столикомъ, гдѣ стоялъ стаканъ Лыжина. И онъ придвинулся къ дивану.

— Особенно для такихъ барынь, какъ та коммерсантка, про которую вы сейчасъ рассказывали.

— Знаете, Лыжинъ,—съ злобнымъ блескомъ въ глазахъ продолжала Нина.—Вѣдь только эти купчихи и живутъ... *selon leur fantaisie*. Точно царицы какія-нибудь, въ родѣ Клеопатры. Для нихъ нѣтъ препятствій... Выходятъ замужъ, откупаются отъ мужей, берутъ новыхъ, заводятъ обожателей. *Enfin, elles jouissent de la vie, comme personne!*

— Кажется, и въ дворянскомъ обществѣ нынче довольно часты разводы?

— Бываютъ! Въ Петербургѣ гораздо чаще, чѣмъ въ Москвѣ. Только,—она пренебрежительно улыбнулась,—все это гораздо трусливѣе... *Cela traîne!* Нѣтъ смѣлости!

— Потому что капиталы не тѣ.

— Ха-ха-ха! Можетъ-быть. En un mot, c'est plus mesquin! И это—право обидно.

Она не досказала чего-то. Лыжинъ посмотрѣлъ на нее, улыбаясь, и потише спросилъ:

— Вамъ что же завидовать, Антонина Борисовна,—вы далеки отъ всей этой купли-продажи мужей и женъ.

Не безъ задней мысли сказалъ онъ это и ждалъ.

Не сразу отвѣтила Нина. Она потянулась, закинула полюбнаженныя руки за шею движеніемъ, полнымъ пѣги, и промолвила:

— Я никогда никому не завидую. Но, не правда ли, памъ, женщинамъ d'un tout autre monde, — встала она по-французски, — приходится брать примѣръ съ такихъ вотъ госпожъ. Онѣ только, повторяю, и умѣютъ жить и ставить свои страсти или даже... une simple toquade— выше всего. Онѣ только и умѣютъ кидать милліоны. Ça, c'est crâne! — почти крикнула она и вдругъ подобралась, опустила ноги и торопливо спросила:

— Который можетъ быть часъ?

— Четыре, — отвѣтилъ Лыжинъ, посмотрѣвъ на свои часы.

— Ah, mon Dieu! Я опоздаю!

Нина вскочила и, протягивая ему руку, — Лыжинъ тоже поднялся, — сказала потише:

— Мнѣ надо быть къ пяти въ манежъ.

— Берете уроки?

— Я ѣзжу съ дѣтства. У насъ репетиція карусели. Вы не ѣздите?

— По-казацки... По-ученому не умѣю.

— Когда у насъ пойдетъ получше — не хотите ли посмотреть?

Лыжинъ поблагодарилъ молча.

Для него все выяснилось. Она заспѣшила въ манежъ, гдѣ будетъ ѣздить съ барономъ. Въ отсутствіе Захара Лукьяновича произойдетъ пѣчто, если уже не произошло, судя по тому, что онъ схватилъ въ ея разспросахъ насчетъ расходовъ по бракоразводнымъ дѣламъ.

„Неужели она уже такая прожженная?“ — спросилъ онъ себя, проходя вторую гостиную, и вспомнилъ, что Кострицынъ этимъ именно словомъ выразился какъ-то про Липу Углову. Нѣтъ, Липа такъ же, какъ и онъ—обломокъ крушенія и способна очутиться теперь за тысячи верстъ отъ

всякой актерской суеты и женской погони за серьезной ли любовью, за мелкими ли интригами.

Ей далеко до Антонины Борисовны. Будь у этой собственной миллионъ, она вряд ли бы бросила его на отступное мужу; заведя друга, придержала бы свой капиталъ и только въ случаѣ прямой выгоды взять во вторые мужа любовника — начала бы добиваться развода у перваго.

Не ошибается ли она? Захаръ Лукьяновичъ можетъ оказаться посильнѣе ея натурой. Да и капиталы всѣ у него. Дарственной записи онъ еще не сдѣлалъ въ пользу своей, хотя бы и обожаемой, жены.

Въ уборной Нина, одѣваясь въ амазонку, чувствовала себя гораздо какъ-то „уютнѣе“ послѣ разговора съ Лыжинымъ. Она была убѣждена, что очаровываетъ его своей простотой и смѣлостью. Такого пособника ей необходимо имѣть. Онъ—не „купчишка“, а свой братъ, дворянинъ, и что бы ни случилось — у ней всегда будетъ подъ рукой вѣрный человекъ. Ходы свои съ нимъ она прекрасно разочла. Да и что тутъ мудренаго, когда она и тому, кто ее захватилъ не на шутку, не желаетъ давать ходовъ больше того, какіе она разсудила допустить въ ожиданіи минуты, когда она доведетъ все свое „дѣло“ до желаннаго исхода.

XI.

Князь Иларіонъ съ самаго завтрака не выходилъ отъ себя. Лампа давно уже погасла у него на письменномъ столѣ, съ пріѣзда его покрытомъ рукописями и тетрадами всякихъ форматъ.

Вчера вечеромъ уѣхалъ Захаръ Лукьяновичъ и, прощаясь съ нимъ,—онъ зашелъ къ нему сюда, — нѣсколько разъ пожалъ ему руку и сказалъ:

— Позвольте пожелать вамъ, князь, добраго здоровья и полного успѣха.

Онъ поглядѣлъ при этомъ на столъ съ рукописями... Князь даже покраснѣлъ. Это былъ прямой вызовъ: „обратись, молъ, ко мнѣ; я тебѣ издамъ хоть десять томовъ“.

Но ему опять стало совѣстно воспользоваться этимъ.

Кумачевъ, у двери, прибавилъ и какимъ-то особеннымъ тономъ:

— Спокойствіе моего дома, князь, поручаю вашему до-

броду вниманію. Ваша племянница привыкла почитать васъ; ежели что—прошу не оставить ее вашими совѣтами.

И не сразу ушелъ, а поглядѣлъ на него довольно-таки пристально.

Эти слова запали въ душу князя. Племянницу свою онъ еще сегодня не видалъ. Она дома не завтракала. Онъ съ ранняго утра сидитъ надъ тетрадами. Въ который разъ располагаетъ онъ ихъ въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ, и только сегодня написалъ онъ своимъ крупнымъ живописнымъ почеркомъ полное оглавленіе, раздѣливъ свой трудъ на три отдѣла: общій и два конкретныхъ. Одинъ изъ нихъ—основы этики (онъ вездѣ писалъ по-старинному: *этика*), какъ осуществленіе мировой красоты и свободы и ея олицетворенія въ женщинѣ, ея любви, ея животворной роли въ родовомъ укладѣ, въ семьѣ и обществѣ.

Съ того вечера, когда князь вернулся послѣ пренія съ Кострицынымъ, его „трудъ“ — эти нѣсколько разъ переписанныя тетради — сталъ ему еще дороже. Онъ пугался мысли скоропостижно умереть, даже не прочитавъ ихъ никому, не вызвавъ ни въ комъ отклика, ни въ одномъ молодомъ существѣ. На студентовъ онъ не надѣялся. Они слишкомъ далеки отъ его міропониманія.

Переводъ подлинныхъ книгъ, изданныхъ еще самимъ учителемъ, лежитъ у него въ особомъ сундукѣ, въ спальнѣ. Тамъ уже нечего пересматривать.

Ему сдѣлалось совѣстно, когда онъ подумалъ, что на изданіе тѣхъ книгъ онъ точно поставилъ уже крестъ, а собственныя „измышленія“ все еще надѣется напечатать, найдя издателя. Положимъ, онъ завѣщаетъ весь этотъ многотомный трудъ, трудъ всей жизни, публичному книгохранилищу.

Перечитывая отдѣльные параграфы, князь все разгорался. Ему казалось уже менѣе унизительнымъ предложить Захару Лукьяновичу изданіе его „Введенія“ въ истинное пониманіе системы великаго мыслителя. Это ему будетъ доступнѣе, чѣмъ всѣ томы Феноменологии, Энциклопедіи и другихъ частей ученія, выпущенныхъ самимъ учителемъ,— на это князь особенно сильно напиралъ и считалъ лекціи, вышедшія по смерти его, не подлинными по тексту. И ему сдавалось, что духъ этихъ посмертныхъ лекцій жилъ только въ немъ. Ученіе о прекрасномъ излагалъ онъ въ своемъ собственномъ трудѣ особенно по-

дробно. Надъ изложеніемъ этихъ главъ сидѣлъ всего больше.

Изъ нихъ надо выбрать самыя глубоко продуманныя страницы и, прежде чѣмъ знакомить съ ними Захара Лукьяновича, прочесть ихъ Нинѣ. Въ ту ночь, когда онъ началъ ей излагать идею красоты, претворенной въ естество женщины, она была слишкомъ нервна. Но умъ у ней есть, и характеръ, и вѣрное чувство того, чѣмъ должна быть женщина. Она не держится разсудочно-дживыхъ поползновеній къ эмансипаціи, не добивается равенства съ мужчиной во всемъ томъ, что и въ немъ самомъ—только проявленіе его болѣе грубой и матеріально-ограниченной природы. Отъ нея исходитъ на весь домъ дуновение красоты, достолюбезности, граціи и высшей свободы духа, присущей существамъ ея пола.

Съ разгорѣвшимися щеками и поводя правой бровью, пересчитывалъ князь тѣ мѣста одной изъ тетрадей, гдѣ всего ярче и неотразимѣе представлены доказательства того, на чемъ зиждется духъ женщины, любовь и семейный союзъ, безъ котораго немыслимъ никакой общественный укладъ. Вотъ эти мѣста онъ и прочтетъ Нинѣ, можетъ-быть, сегодня же, до ихъ обѣда. А первоосновы ученія о красотѣ, какъ источникъ добра, повезетъ прочесть къ Цыбашеву, которому онъ еще ничего не читалъ... Пускай тотъ скажетъ свое слово, если не о самомъ ученіи — спорить съ нимъ ему будетъ тяжело, — то объ языкѣ, методѣ и силѣ діалектическихъ „предпосылокъ и королларіевъ“.

Чѣмъ онъ внимательнѣе просматривалъ, тѣмъ сильнѣе увлекался самой формой изложенія и незамѣтно началъ читать вслухъ все громче и громче. Перелистывая медленно свои фоліанты и пропуская цѣлыя страницы, онъ выговаривалъ медленно своимъ музыкальнымъ басомъ, съ легкой хрипотой:

— „Красота женщины есть сладкое и непреодолимое плѣненіе, производимое ею на все окружающее. Ей все безгранично подчинено; никто и ничто не хочетъ сбросить съ себя ея плѣнительнаго ига. Въ ней красота — божественное сліяніе необходимости и свободы. Она есть чудо, и только грубый реализмъ не понимаетъ его“...

Тутъ князь закинулъ голову назадъ и, съ тихой торженностью оглянувъ комнату, повторилъ:

— Великое чудо!

Страницы собственной прозы неудержимо привлекали его.

Онъ продолжалъ, пропуская по цѣлымъ страницамъ, выговаривать вслухъ:

— „Красота женщины есть сочетаніе несочетаннаго“...

— Разумѣется, — остановилъ онъ себя, — теперешніе разсудочники поднимутъ меня на смѣхъ за такое выраженіе, но лучше не придумаешь.

— „Сочетаніе несочетаннаго“, — съ наслажденіемъ и убѣжденно повторилъ онъ и продолжалъ выхватывать изъ рукописи:

„Только одна красота — истинно реальна; матеріальная же реальность есть несообразность, полная противорѣчій. Сфера красоты — величайшая поэма человѣчества, ибо человѣкъ дѣйствительно живетъ лишь въ образахъ прекраснаго. Женщина согрѣла красоту на своей груди. Мужчина — грубый и жалкій умникъ“!..

Эту фразу князь раскатисто пустилъ по просторной комнатѣ и тряхнулъ сѣдыми кудрями.

„Для женщины сама жизнь есть цѣль; все же остальное — подспорье жизни. Нравы создаетъ только женщина. Она — великій художникъ и творитъ въ себѣ, собою, и себя самою, а черезъ то — семью, общество, все человѣчество. Она все въ себѣ самой вдохновляетъ и живетъ абсолютнымъ образомъ божественной красоты“...

Въ головѣ князя естество женщины окружило въ ту минуту сіяніе, и онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что нельзя ярче и значительнѣе выразить всѣ эти для него лучезарныя истины.

„Она сама себя восхищаетъ и тѣшитъ, и гонитъ изъ себя во внѣ то, что кроется въ тайникахъ ея естества. Въ силѣ ея любви — вся безпредѣльность бытія“...

Остановившись, князь быстро перевернулъ листъ и торжественно воскликнулъ:

„Ибо нельзя любить человѣка вообще или общечеловѣка внѣ проникновенія въ его духъ, внѣ великой тайны общенія мужчины и женщины“...

Онъ всталъ отъ волненія, отеръ влажный лобъ и нѣсколько разъ прошелся широкимъ шагомъ по комнатѣ.

Тетради все еще прельщали его. Онъ разохотился, и ему пришла тутъ же мысль: „если онъ такъ же горячо и вѣско прочтетъ эти мѣста племянницѣ — она будетъ захвачена и повліяетъ на мужа. Вѣдь она, какъ большин-

ство женщины, не догадывается, какую „идею“ она собою изображаетъ въ брачномъ союзѣ.

На бракъ и семью князь держался взглядовъ въ строгой послѣдовательности съ своими „первоосновами“. Ему противны были всѣ новѣйшіе протесты, ведущіе къ торжеству ограниченнаго и безнравственнаго договорнаго начала.

„Любовь родовая, — слово: „половая“ онъ не хотѣлъ ставить, — началъ онъ опять читать вслухъ, — высшій вдохновенный актъ воли. Не разумѣя глубочайшаго смысла бытія, нельзя и любить, нельзя и создавать брачнаго союза. Женщина и мужчина — высочайшія антимоніи. Женщина — осуществленная мечта дѣйствительности, и мечты этой не увидишь на торжищахъ возможности вещественной жизни“...

Восхищенный послѣднимъ опредѣленіемъ, онъ еще разъ повторилъ его.

„Въ своемъ домѣ женщина представляетъ собою самое дыханіе жизни. Сила родового начала претворяется въ ней въ ангельскую чистоту, въ радость, милосердіе, свободу и нетлѣнную красоту“...

Слезы задрожали въ могучихъ перекатахъ голоса.

Медленно и тише проговорилъ онъ послѣднія тирады, доканчивая пересмотръ отдѣла.

„Первая *итостась* добра и есть семья. Говорить о локобы рабской неволѣ семейнаго союза — все равно, что нападать на жизнь за то, что въ ней есть самаго коренного и закономѣрнаго“...

Этотъ аргументъ показался ему сегодня еще несокрушимѣе.

„Все существуетъ только въ своемъ предопредѣленіи, — сталъ онъ читать болѣе задорно. Безъ обязательствъ ничего создаться не можетъ. — Бракъ есть проявленіе абсолютной свободы, актъ воли, упоенной глубочайшимъ смысломъ жизни“...

Его переполнило вслѣдъ за этимъ умиленіе отъ величій идей, навѣянныхъ на него тѣнью великаго учителя.

„Мужчина и женщина одинаково стремятся къ союзу; а то, къ чему стремишься, не въ нашей волѣ. Въ семьѣ совершается духовная жертва, въ мірѣ же вещественныхъ реальностей нѣтъ ничего священнаго, какъ нѣтъ и ничего истинно-животворнаго. Только въ мірѣ дѣйствитель-

ности духа, красоты и свободы то, что согрѣто любовью, безусловно нерасторжимо“...

Нерасторжимость брачнаго союза являлась передъ его умственнымъ взглядомъ твердыней, которую по существу никто и ничто не одолѣеть.

„Брачный союзъ, — читалъ онъ восторженно, забывая, гдѣ онъ, — несокрушимъ. Договоръ и разводъ — жалкое безобразіе. Отнять жену у мужа — значить, лишить его дѣйствительнаго бытія. Отнять мужа у жены — лишить ее руководящаго разума. Вспыхнетъ огонь семейнаго очага, и безпутный просторъ холостяка превратится въ чудный храмъ съ алтаремъ неугасимой любви. Въ брачномъ союзѣ вѣчность удваивается: происходитъ божественное сліяніе двухъ вѣковѣчныхъ стремленій“...

Закрывая тетрадь, князь произнесъ такимъ же умиленно-торжественнымъ звукомъ:

— Въ супружеской любви человѣкъ и природа взаимно проникаются въ одно цѣлое, утверждаютъ себя и находятъ себѣ высшее оправданіе.

Онъ такъ былъ захваченъ своимъ чтеніемъ, что, взявъ тетрадь, быстро вышелъ стъ себя, поднялся наверхъ и изъ полуосвѣщенной первой гостиной направился къ племянницѣ.

Въ дверяхъ ея кабинета, на болѣе свѣтломъ фонѣ, онъ увидѣлъ ее и рядомъ высокаго офицера.

Князь не узналъ Гольца.

Ему показалось — онъ вдаль видѣлъ еще прекрасно, что Нина, прощаясь съ офицеромъ, прильнула къ нему.

Князь сталъ какъ вкопанный и правой рукой взерошилъ волосы. Тетрадь упала на коверъ. Онъ въ большемъ смущеніи поднялъ ее и тѣмъ же быстрымъ шагомъ пошелъ назадъ съ пылающими щеками.

XLI.

Въ избушкѣ Цыбашева гости и хозяинъ только что отпили чай.

Противъ кресла Порфирія Алексѣевича, сидѣвшаго съ покрытыми одѣяломъ ногами, помѣщался князь Иларіонъ. Правѣе, ближе къ письменному столу, въ покойной, сгорбленной позѣ, курилъ докторъ Гурьяновъ.

Больше гостей не было. Передъ чаемъ князь уже читалъ — взволнованнымъ голосомъ, безъ увѣренности — общую часть „Введенія“.

Онъ все еще не могъ оправиться: своимъ дальнор-кимъ глазамъ онъ довѣрялъ. По-старинному, ему слѣдо-вало бы, выпроводивъ того офицера, накинуться на пле-мянницу, погрозивъ сообщить обо всемъ мужу, если она не прекратитъ тотчасъ же свои шуры-муры.

И безъ гнѣвнаго разноса можно было бы поговорить съ ней. На это онъ имѣлъ родственное право, да и долгъ челоуѣка и мыслителя приказывалъ подѣйствовать сло-вами разума и любви.

Не пошелъ онъ ни на то, ни на другое. Въ него за-кралась неувѣренность. Онъ могъ и опибиться. Въ гости-ной стоялъ полусвѣтъ. Съ поличнымъ онъ ихъ не захва-тилъ бы: они услышали бы его сильные шаги. Нина, пожалуй, обрѣзала бы его словами:

— Вы, дядя, подсматриваете за мною?

Обѣдать съ нею съ-глазу-на-глазъ онъ не былъ въ состоянїи, ушелъ со двора, поѣлъ за кухмистерскимъ общимъ столомъ, гдѣ-то на бульварѣ, потомъ все еще въ волненїи часа два ходилъ по сильному морозу, дошелъ до Дѣвичьяго Поля и оттуда уже отправился на Плю-щиху, къ Цыбашеву.

Онъ ухватился за это чтенїе. Быть-можетъ, онъ най-детъ у него одобренїе. У Цыбашева большое знакомство. Поговорить съ какимъ-нибудь издателемъ или купцомъ, играющимъ роль мецената: такихъ теперь довольно на Москвѣ; торгуютъ чаемъ или хлопкомъ, а издають на-учныя и даже „философическія“ книжки.

Когда онъ подходилъ къ домику Цыбашева, его взялъ новый приливъ стыда.

Къ чему непременно добиваться появленїя въ печати его „Введенїя“, когда онъ уже помирился съ тѣмъ, что „подлинныя“ книги учителя останутся, и послѣ его смерти, въ видѣ рукописи?

„Вѣдь надо и честь знать! — повторялъ князь, шагая по неровнымъ, узкимъ тротуарамъ московской окраины. — Просто хочу слышать живое слово челоуѣка, хорошо зна-комаго съ ученїемъ, не такого софиста и декадента, какъ тотъ рѣчистый приказчикъ Захара Лукьяновича“...

Кострицына онъ, послѣ того, видѣлъ раза два въ домѣ племянницы, но въ пренїя больше съ нимъ не вступалъ, чувствуя совершенную ихъ бесполезность.

Чтенїе длилось до чаю, съ добрый часъ. Онъ цѣли-комъ прочелъ двѣ главы, въ которыхъ полагались пред-

посылки всего того сооруженія діалектики, откуда онъ, сидя у себя, такъ вдохновенно декламировалъ самыя вѣскія положенія.

Цыбашевъ слушалъ внимательно, но съ утомленнымъ лицомъ. Наканунѣ у него былъ сильный припадокъ, и докторъ Гурьяновъ, при князѣ, сказалъ ему:

— Пожалуйста, Порфирій Алексѣвичъ, ровно въ десять гоните насъ... Не увлекайтесь разговоромъ, особенно на отвлеченныя темы.

Авдотья Оминишна, не очень дружелюбно посматривала на князя, за его долгое чтеніе, унесла въ послѣдній разъ подносъ съ чашками.

Развернувъ опять свою рукопись, князь тихимъ голосомъ и осторожно поглядывая изъ-подъ своихъ бровей на хозяина, сказалъ:

— Позвольте продолжать... или имѣете сдѣлать мнѣ замѣчанія насчетъ отдѣльныхъ мѣстъ? Я буду вамъ, Порфирій Алексѣвичъ, много обязанъ, если не по существу, то въ смыслѣ діалектическомъ.

Цыбашевъ слегка нахмурилъ лобъ.

Ему было не особенно пріятно огорчить князя.

— Видите ли, Иларіонъ Ивановичъ,—какъ бы нехота началъ онъ,—вы, какъ вѣрный поборникъ системы, вѣрны и языку вашего учителя.

— А то какъ же?—наивно спросилъ князь и оглянулъ обоихъ собесѣдниковъ.

— Я и не дѣлаю вамъ изъ этого ни малѣйшаго упрека. Но вѣдь вы желаете, конечно, чтобы васъ прочло возможно большее число?

— На пониманіе массы, грамотной черни... тѣхъ, что я называю чернью... рассчитывать не должно.

— А специалистовъ по философіи и вообще людей въ ней очень начитанныхъ сколько во всей Россіи? Сотня—много двѣ. Ихъ вы не убѣдите.

— Постараюсь.

— Массу можно только оттолкнуть изложеніемъ. Съ ней надо говорить ея языкомъ. Нѣкоторые термины, которые намъ, старикамъ, съ перваго разу понятны, имъ показуются тарабарщиной.

Князь жалобно усмѣхнулся и тряхнулъ головой.

Иначе я писать не умѣю, — смиренно выговорилъ онъ.

— Позвольте мнѣ на минутку самому прочесть! Андрей Сергѣичъ, дайте мнѣ очки.

Гурьяновъ поглядѣлъ вбокъ на своего пріятели и какъ бы желая ему сказать: „напрасно вы будете напрягаться, дружище“.

Цыбашевъ не обратилъ вниманія на взглядъ доктора, и какъ только надѣлъ очки и приблизилъ рукопись къ свѣчѣ—оживился; глаза его заиграли.

Онъ началъ пробѣгать ими по страницамъ.

— Вотъ! Сейчасъ!.. Вы позволите, князь?

— Поклонюсь въ ножки за всякое доброе слово.

— Напримѣръ, эта фраза,—Цыбашевъ кинулъ взглядъ на Гурьянова:—„Мертвенная потуга всяческихъ поползновеній“... Согласитесь... Молодежь сейчасъ...

— Подниметь на смѣхъ?—подсказалъ князь.

— Да, будетъ глумиться непремѣнно. Вашу мысль можно понять; но выборъ словъ... отзывается именно потугой. Ха-ха! Извините за каламбуръ. Или, напримѣръ, такой серьезнѣйшій для васъ аргументъ: „Въ разсѣянности явленій данъ разуму смыслъ бытія“.

— Какъ же можно иначе выразить?—строже спросилъ князь.

— Но вѣдь это мы съ вами понимаемъ, въ какомъ смыслѣ вы ставите тутъ слово „разсѣянность“.

— Разбросанность?

— А масса вашихъ читателей сразу этого не пойметъ. Или, напримѣръ, идущая въ концѣ той же страницы фраза: „Бытіе, разумъ, любовь—суть образы одного и того же умонапряженія“. Грѣшный человекъ... и я этого не понялъ.

— Какъ же иначе?—крикнулъ князь и заходилъ по комнатѣ.—Коль скоро отъ идеи идетъ все, то мы только напряженіемъ нашего идейнаго „я“ можемъ возсоздавать такія категории, какъ бытіе, разумъ или любовь.

— Помилуйте... Это тавтологія, и притомъ неудобоваримая... Умъ, напрягаясь, родить разумъ. Это даже и погегельянски невѣрно. Умъ есть по-нѣмецки *Verstand*, а разумъ—*Vernunft*, и умъ, разсудокъ, находится въ подчиненіи у разума?

— Да-а,—озадаченно вымолвилъ князь и засунулъ пальцы правой руки въ волосы.

— Или вотъ еще: „Красота есть дѣйствительный образъ“. Вѣдь это только начетчикъ по діалектикѣ идеализма пой-

меть, что вы хотите тутъ сказать словомъ *дѣйствительный* въ противоположность всему случайному и преходящему, недѣйствительному.

Щеки Цыбашева разгорѣлись. Въ немъ профессоръ и знатокъ языка проснулся и заигралъ.

Князь облокотился объ уголь шкапа и стоялъ въ позѣ экзаменующагося студента.

— И рядомъ съ этимъ — чрезвычайно мѣткія старинныя слова. Напримѣръ, хоть бы такая строка: „павечеріе нашего земного бытія“. Прекрасно: „павечеріе“...

Лицо князя сейчасъ же распустилось въ улыбку.

— Затѣмъ есть просто вещи, способныя сбить съ панталыку всякую молодую нетвердую голову.

— Боже меня избави!

— Помилуйте! Вдумайтесь только въ рядъ такихъ изреченій...

Цыбашевъ сталъ читать, подъяръ, дѣлая короткія паузы между отдѣльными фразами.

— „Внѣ человѣка все научное—безсмысленно. Человѣкъ творить жизнь силою своего вдохновенія, и его призваніе—побѣдить свою реальную судьбу. Красота доступна человѣку—и она лишь реальна; реальность же преходящаго вещества есть несообразность, полная противорѣчій“. Каково, Андрей Сергѣичъ?

— Слышу, слышу!

— „Посему,—продолжалъ горячѣе читать Цыбашевъ,— посему красота не нуждается въ услугахъ знанія; знаніе же должно быть утверждено и озарено красотой“...

Онъ положилъ тетрадь на колѣни и всплеснулъ руками.

— Батюшка! Ваше сіятельство! На чемъ же могутъ держаться такіе афоризмы? Вѣдь это въ юной головѣ произведетъ, извините меня, чудовищный кавардакъ.

— *Еже писѣхъ—писѣхъ!*—выговорилъ князь упавшимъ голосомъ.

— Кто сказалъ эти слова? Уклончивый римскій чиновникъ! Вамъ они врядъ ли пристали. Искренность вашу я безусловно признаю; но одной ея мало, князь. Вы вотъ, двумя страницами дальше, изволите опредѣлять три сорта мыслителей и обращаетесь съ ними... *trois cavaliers*.

— Гдѣ же, скажите на милость?

Князь подошелъ къ креслу Цыбашева и загнулъ, черезъ голову его, въ рукопись.

— А какъ же! Извольте. Чтò же это такое: „Одни,— то-есть крайніе спиритуалисты,— пояснилъ онъ въ сторону Гурьянова,— впадаютъ въ ложное притязаніе своей облыжной свободы“. Ну, это еще куда ни шло, хотя и очень туманно выражено. „Другіе—и это всё мы, кто держится знанія и опыта—довольствуются механическимъ безсмыслиемъ!“ Благодарю покорно! За всё наши труды и стремленія, за все, чтò намъ пришлось испытать горькаго и тяжкаго—человѣкъ вашихъ лѣтъ и вашего душевнаго благородства кидаетъ намъ такой приговоръ!

— Я разумѣю фанатиковъ узкаго позитивнаго духа.

— Вы не оговариваетесь! Даже вашъ приговоръ эклектикамъ, что они „пытаются все склеить своей разсудочной глупостью“, я считаю глубоко-несправедливымъ. Есть всякіе эклектики, и нѣкоторые изъ нихъ принесли вашему же гегельянству большую услугу! Первый—блаженной памяти Кузень.

— Не надо его! Не надо его!—гнѣвно крикнулъ князь и даже замахалъ руками.

Цыбашевъ собрался возразить, но изъ двери показалась голова Авдотьи Ѳоминышны.

— Довольно, Порфирій Алексѣевичъ, довольно! Властью мнѣ данной объявляю преніе законченнымъ! — сказалъ Гурьяновъ и взялся за шапку.

Десять минутъ спустя, князь шагаль по безмолвному бульвару, и жесты рукъ его показывали, что онъ горячо думаетъ.

Цыбашевъ — даромъ, что когда-то зашибался самъ Гегелемъ — доканалъ его. Куда же тутъ издавать свою книгу? Только вызывать гомерическій хохотъ мальчишекъ и вреднѣйшихъ суеслововъ, въ родѣ господина Кострицына.

Дома ему также жутко. Съ племянницей ему противно будетъ объясняться. Она загрязнила сразу образъ красоты и свободы—„на алтарѣ семейнаго храма“.

„Пора уходить со всѣту,—повторялъ онъ.—А пока земля не приберетъ, лучше возиться съ мужичками“...

И онъ вспомнилъ, что подь Москвой живетъ его ученикъ, крестьянинъ, выписавшійся въ мѣщане, котораго онъ выучилъ дѣлать сыръ „на манеръ сестера“, какъ тотъ выговаривалъ.

„Поѣду къ нему въ гости, на двое сутокъ“, — рѣшилъ старикъ, переставъ разводить руками, и пошелъ спокойнѣе.

XIII.

Парныя четверомѣстные сани подѣхали къ крыльцу гостиницы „Дрезденъ“.

На переднемъ сидѣннѣ Нина помѣстила англичанку-бонну съ дѣтьми, Борей и Китти.

Дѣти, нарядно и тепло одѣтыя, держались по обѣимъ сторонамъ бонны.

— Мы выйдемъ всѣ, — сказала ей Нина по-англійски, — никакого другого языка та не понимала. — Боря, выльзай!

Она сама разстегнула полость саней и первая вышла на крыльцо.

Стояла ясная, не очень морозная погода. По Тверской и по площади оживленно мелькали сани и пѣшеходы. Шель третій часъ.

Лакея она нарочно не взяла. У швейцара, отворившаго имъ дверь, она ничего не спросила и прошла наверхъ. Бонна и дѣти поднимались за ней слѣдомъ.

Дѣтей взяла она кататься. Дорогой она какъ будто что вспомнила и сказала англичанкѣ:

— Я должна сдѣлать визитъ... Это въ отелѣ, и дѣти могутъ подождать въ коридорѣ и отогрѣться.

Англичанка, очень молчаливая особа, только наклонила голову. Она ничего не знала и не подозрѣвала, кого могла Нина встрѣтить въ этомъ отелѣ и кто у ней бывалъ изъ молодыхъ людей. Кромѣ дѣтей, она ничего не знала въ домѣ и цѣлые дни проводила въ дѣтской.

— Дѣти! Вы посидите здѣсь. Вотъ тамъ диванъ. Только не шумѣть!

Она скорымъ шагомъ повернула вправо.

У проходившаго офиціанта спросила, въ концѣ коридора:

— Гдѣ стоятъ Игумновы?

Фамилію Нина не выдумала. Она знала, что такая помѣщичья семья живетъ, по зимамъ, въ Москвѣ и, кажется, въ этой гостиницѣ.

Офиціантъ взглянулъ на нее и, подумавъ, отвѣтилъ:

— У насъ такихъ нѣтъ, сударыня.

— Вы навѣрно знаете?

— Нешто сегодня утромъ пріѣхали... Я справлюсь у швейцара.

Онъ побѣжалъ внизъ, по другой лѣстницѣ.

Нина оглянулась и, что-то вспомнивъ, пошла назадъ, повернула влѣво и у одной изъ дверей постучалась.

Оттуда тотчасъ же вышелъ Гольцъ.

— Bonjour! — вызывающимъ тономъ выговорила она. — Me voilà!

Онъ, немного смутившись, протянулъ ей руку и взялся за дверь.

— Voulez-vous entrer? — спросилъ онъ вполголоса.

— Je ne suis pas seule.

И она пошла маленькими шагами по коридору.

Гольцъ взглянулъ на нее и улыбнулся.

— Я не считаю, — сказалъ онъ по-русски, — что вы выиграли пари.

— Какъ же нѣтъ?

— Это уловка.

— Но я у васъ. Вы видите...

— Ха-ха! Въ коридорѣ! Это все равно, что встрѣтить въ театрѣ или на бульварѣ.

— Oh! que non!

Они остановились у окна, въ короткомъ колѣнѣ коридора, гдѣ никто не могъ имъ помѣшать.

Вчера, когда она въ дверяхъ первой гостиной прильнула къ нему, онъ первый шепнулъ ей:

— Il y a quelqu'un!

Она узнала фигуру князя, быстро пошедшаго назадъ, и тревожно спросила:

— A-t-il vu quelque chose?

На это Гольцъ только пожалъ плечами.

Онъ находилъ, про себя, что мѣсто для прощальнаго поцѣлуя было выбрано не совсѣмъ удачно.

Передъ прощаньемъ, еще въ ея кабинетѣ, онъ поглядѣлъ на нее пристально и выговорилъ:

— Вы воображаете себя очень смѣлой; а хотите пари держать, что вы не рѣшитесь быть у меня?

— Въ отелѣ?

— Да, въ отелѣ.

Нина выдержала его взглядъ и сказала, подзадоривающимъ звукомъ:

— Извольте... Я принимаю пари.

— На чтò?

— На что хотите... хоть на фунтъ конфѣктъ.

Сегодня имъ обоимъ стало неловко; но Гольцъ скорѣе овладѣлъ собою и разсердился.

— Такъ нельзя,—глухо выговорилъ онъ, закусивъ губы.

— Вы хотите невозможнаго,—начала Нина, кутаясь въ шубу.—Князь Иларіонъ уѣхалъ на два дня изъ Москвы. Онъ навѣрно видѣлъ и не желаетъ возвращаться до приѣзда моего мужа.

Больше недѣли прошло, какъ она его поцѣловала въ первый разъ.

Цѣлый день, послѣ того, Нина не вѣрила сама этому факту. Она, Антонина Борисовна, умѣвшая всегда такъ блистательно управлять собою, съ ея гордостью, съ ея знаніемъ мужчинъ,—и вдругъ, какъ первая попавшаяся дѣвчонка, чмокнуть офицера потому только, что онъ не сдавался!

Должно-быть, знанія-то мужчинъ у ней и нѣтъ никакого. Да и откуда ему быть? У ней не было серьезнаго романа. Она никого не любила. Случай съ Гольцемъ показалъ ей, что она и не думала любить своего „Закки“.

И стоило офицеру явиться на другой день, и ее опять потянуло. Какой-то незнакомый ей задоръ овладѣлъ ею. Какъ мужчина, мужъ уже не существовалъ для нея. Это произошло быстро, въ одинъ, въ два дня. Впервые охватила ее сладкая прелесть тайнаго чувства. Ей сдѣлалось весело, такъ, какъ никогда не бывало, точно она взбирается на вершину снѣговой горы, по краю бездонной пропасти.

И со второго же интимнаго визита Гольца она показала ему, что такъ, „en passant“, онъ ею не будетъ обладать.

Это онъ понялъ и выказалъ настолько ума и порядочности, что не разсердился.

Нина допускала, что онъ ей дороже, чѣмъ она ему; но въ себѣ самой она чувствовала достаточно силы, чтобы протянуть ихъ теперешнія отношенія такъ долго, какъ она находила нужнымъ.

Ни разу въ теченіе этой недѣли ее не схватилъ за сердце страхъ потерять его. Она говорила себѣ: „Такой человекъ, какъ Гольцъ, упоренъ... Онъ будетъ добиваться полной побѣды и поймается...“ Въ какомъ видѣ поймается?

Она еще не выяснила себѣ этого во всѣхъ подробно-

стяхъ, но вѣрила въ свою натуру и въ свой умъ. Если ей написано на роду связать свою дальнѣйшую судьбу съ этимъ человѣкомъ, она это сдѣлаетъ только послѣ того, какъ все въ ней будетъ стоять за такой исходъ.

Одно она знала уже и теперь: Гольца она чувствуетъ равнымъ себѣ.

„C'est l'homme de mon bord!“ — повторяетъ она; а ея мужъ, какъ только начался ея романъ, точно совсѣмъ пересталъ существовать для нея.

Ей никакого душевнаго усиля не стоило сейчасъ же начать съ нимъ „игру“, по замѣчанію Лыжина.

Пока ея сердце и темпераментъ молчали, она еще могла имѣть какія-нибудь „scrupules“ съ Захаромъ Лукьяновичемъ; но теперь онъ только „подробность“ ея положенія, препятствіе къ полной свободѣ. Съ нимъ она себя не выдастъ; все равно, если бъ онъ былъ ея приказчикомъ.

Осторожность, однако, нужна для себя самой, чтобы не давать лишнихъ ходовъ мужчинѣ, который, не желая того, вызвалъ въ ней „un coup de passion“, какъ она называла свое влеченіе къ Гольцу.

Медленно проходили они по коридору.

— Завтра у Верховцевыхъ?—спросила Нина.

— А сегодня вечеромъ?

Они опять остановились.

— Лучше не видаться.

— До приѣзда супруга?—выговорилъ Гольцъ шутливо.—

Такъ, разумѣется, благоразумѣе... Но только...

— Только, что?—задорно повторила Нина.

— Это игра въ прятки.

— Можетъ-быть... Вы должны меня понять. Вы джентльменъ.

Безъ словъ онъ поклонился. Лицо его говорило: „Я порядочный человѣкъ. Благодарю за оказанное вниманіе и настаивать не буду“.

— Пари я все-таки не считаю выиграннымъ,—сказалъ онъ весело и, мѣняя тонъ, спросилъ: — Вамъ не угодно, чтобы я провожалъ васъ?

— Не угодно. Тамъ дѣти съ бонной.

— У! какая вы!

Они пожали другъ другу руку, и, уходя, Нина обернулась и проговорила чуть слышно:

— A demain!

Дѣти смирно сидѣли на площадкѣ. Бонпа, конечно, была въ полной увѣренности, что ихъ мать дѣлала визитъ какой-нибудь дамѣ.

— Ну, ѣдьте!—возбужденно окликнула дѣтей Нина.— Я васъ завезу и сдѣлаю еще два визита,—прибавила она въ сторону англичанки.

Гольцъ не сразу ушелъ къ себѣ въ комнату. Нѣсколько разъ прошелся онъ по своему коридору, закуривъ папиросу.

На губахъ блуждала усмѣшка.

Всякаго мужчину, на его мѣстѣ, раздражилъ бы такой женскій „фортель“. Онъ въ правѣ былъ ждать чего-нибудь совсѣмъ другого.

Она схитрила—и это ему понравилось. До сихъ поръ онъ еще не сходилъ съ свѣтской женщиной красивѣе и блестяще Нины. Правда, она первая его поцѣловала. Но онъ не нашелъ, что она „лѣзетъ“. Это его тронуло, почти сконфузило. Самодовольства онъ не ощутилъ и на другой день не выказалъ съ нею никакого фатовства.

Они еще до сихъ поръ не на „ты“. Въ ней онъ не видитъ ни разврата „бабенки“, ни бездушія кокетки, желающей одурачить и вытолкать вонъ.

Эта женщина имъ искренно увлеклась, но выдерживаетъ свой „гоноръ“, и это ему въ сущности нравится. Иначе вышло бы похоже на интрижку, которой „цѣна—грошъ“. Приятно ему и то, что Нина не впадаетъ въ восторженность, не стала сразу приставать съ вопросами: „m'aimes-tu? me jures-tu de m'aimer toujours?“... Она вѣдь знала, что у него была связь, и нисколько этимъ не смущалась. Если у нихъ выйдетъ что-нибудь прочное—связь съ нею будетъ, навѣрно, самое пріятное, что онъ только испыталъ въ своей холостой жизни.

Не очень ему по вкусу состоять въ друзьяхъ дома при самомъ мужѣ—онъ никогда этого не долюбливалъ. Но развѣ этого Захара Лукьяновича, какъ онъ ни лѣзъ въ господу, можно считать себѣ равнымъ? И она не ставитъ ихъ на одну доску. Это сейчасъ чувствуется.

Ни съ кѣмъ еще не бывало ему такъ ловко съ тѣхъ поръ, какъ онъ оцѣнилъ ее. Разумѣется, онъ, для того, чтобы быть около нея, не бросить службу и не поселится здѣсь безъ дѣла.

Да такая умная женщина и не потребуетъ этого. Изъ Петербурга будетъ онъ наѣзжать.

Пора ему туда. Еще нѣсколько дней — и она будетъ у него въ гостяхъ уже безъ всякой хитрости.

Въ головѣ Гольца все это укладывалось довольно стройно и отвело его отъ „пакостной исторіи“, испортившей ему его жизнь въ Москвѣ.

XLIII.

Потемнѣвшій отъ ѣзды снѣгъ взбивался клубами изъ-подъ копытъ вороной пары.

Нина, кутаясь въ свою шубу съ собольей оторочкой, ѣхала по направленію къ Воздвиженкѣ.

Она только что завезла дѣтей и въ домъ сама не заходила.

Въ шапочкѣ съ собольей оторочкой, она глядѣла впередъ весело и смѣло. На душѣ у ней было какъ-то особенно молодо. Эта „escapade“ съ посѣщеніемъ Гольца въ отелъ удалась ей чрезвычайно; по крайней мѣрѣ она такъ думала.

Ноготка она не завязила, а пари выиграла. Онъ теперь ясно долженъ видѣть, съ какой женщиной имѣетъ дѣло. И онъ не фать. Съ каждымъ свиданіемъ она все сильнѣе убѣждается въ этомъ.

И какъ ловко все обдумала, вплоть до малѣйшихъ подробностей. Если бъ ее встрѣтили въ коридорѣ, до номера Гольца, она сказала бы, что была съ визитомъ; увидаль бы кто-нибудь, когда они вдвоемъ шли къ выходу — онъ ее провожаетъ внизъ: она съ дѣтьми заѣзжала и вызвала его въ коридоръ. А заѣзжала она — пригласить къ себѣ:

Что-то дѣтски-радостное и плутоватое наполняетъ ее. Какая это „славная“ вещь, когда тебя сильно влечетъ къ мужчинѣ, и ты настолько владѣешь собою, что можешь продлить время!

Развѣ она можетъ сравнить это съ тѣми мѣсяцами, когда она „состояла“ въ невѣстахъ Захара Лукьяновича? Потому только тогда и не было скучно, что они цѣлые дни ѣздили по магазинамъ. И это, внутренно, ее обижало, хотя она и видѣла впереди обладаніе милліонами.

Теперь она и о милліонахъ совсѣмъ забыла.

Гольцъ не богачъ, но у него хорошее дворянское состояніе. Хватить и на нихъ обоихъ, и даже на дѣтей.

Вся ея жизнь — дома; въ гостяхъ, на улицѣ — весь городъ, эта Москва, начинавшая приѣдаться, окрашены дру-

гимъ цвѣтомъ. И ей хотѣлось, чтобы чувство запретнаго плода, опасность, рискъ увеличились. Она уже слишкомъ осторожна; но такъ, до поры до времени, умнѣе и пріятнѣе.

Ей нужно было сдѣлать визитъ въ титулованный домъ, гдѣ хозяйка ужасно важничаетъ и все еще, въ сорокъ лѣтъ, считаетъ себя молоденькой. Нина терпѣть ее не могла; но поддерживать связи надо.

Нина всложнила о своей „тетенькѣ“, Еленѣ Константиновнѣ Акридиной. Сколько времени она къ ней не кажетъ глазъ. Сегодня она способна быть съ ней по-родственному. Если та дѣйствительно „вторилась“ въ своего предводителя,—пускай наслаждается. Она готова даже позвать ихъ обоихъ обѣдать, и пусть они у ней объяснятся въ любви.

— Въ переулокъ, первый подъѣздъ направо! — приказала Нина кучеру.

Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ она сейчасъ же почувствовала себя особенно. Здѣсь вѣдь, до сихъ поръ, живетъ недавняя возлюбленная „Антоши“. Она не умерла отъ яда. Вѣроятно, опять появится на сценѣ и опять ее будутъ ругать.

Ревности и безпокойства въ ней не было ни малѣйшихъ. Чего же ей еще бояться? Развѣ за него? Если бы та особа позволила себѣ шантажъ—она сейчасъ обратится къ генералу Кишкетову. Тотъ сумѣетъ удалить „cette drôlesse“, —мысленно выразилась Нина, поднимаясь на крыльцо.

Ни Акридиной, ни Иды не было дома. Нина вынула изъ бокового кармана шубы книжечку, и когда она отдавала двѣ карточки швейцару, въ переднюю вошелъ Кострицынъ.

— Антонина Борисовна! Мое почтеніе!

— Къ кому вы?—спросила Нина, запахиваясь въ шубу и не подавъ ему руки.

— Я-то?..

Онъ почему-то не сразу отвѣтилъ и предпочелъ спросить ее:

— У вашей тетушки изволили быть?

Нина, прищурившись, взглянула на него и, отведя немного въ уголь, спросила:

— Вѣдь здѣсь и Лыжинъ?

— Какъ же... Я собственно къ нему и зашелъ.

— Et la dame en question? — Нина сдѣлала жестъ головой вверхъ.—Comment va-t-elle?

— Не знаю,—отвѣтилъ Кострицынъ какъ-то нетвердо.

— Вы знаете, что Закки пробудеть еще два дня въ Петербургѣ?

— Какъ же... Захаръ Лукьяновичъ далъ депешу.

„Даль депешу! — повторила Нина, садясь въ сани.— Какой этотъ Иванъ Кузьмичъ гостинодворецъ, хоть и ученый!“

Кострицынъ оставилъ свое пальто внизу и, когда швейцаръ вернулся въ сѣни, посадивъ Нину, онъ вполголоса спросилъ его:

— Лыжинъ у себя?

— У себя-съ.

— А госпожа Днѣпровская?

— Онъ никуда еще не выѣзжаютъ.

— Ихъ можно видѣть?

— Я доложу... Да, онъ принимаютъ.

— Ну, такъ докладывать не надо. Кто-нибудь сидитъ у ней?

— Никакъ нѣтъ. Была госпожа Божеярина, да ушла еще передъ завтракомъ.

— Такъ вы не безпокойтесь, голубчикъ.

Антонинъ Борисовичъ онъ солгалъ. Пришелъ онъ не къ одному Лыжину. Къ нему онъ поднимется послѣ визита къ Липѣ Угловой.

Визитъ онъ обязанъ ей сдѣлать. Иначе это будетъ „порядочное свинство“. Но онъ не признался бы даже самому себѣ, что его какъ будто, третій день, тянуло сюда. И въ то же время онъ стѣснялся чего-то; хотѣлъ, еще вчера, завернуть къ Лыжину и попросить провести его къ госпожѣ Днѣпровской, какъ будто онъ самъ какой-то дикій гимназистъ,—онъ, Иванъ Кузьмичъ, про котораго злые языки давно поговариваютъ, что онъ у самого Юпитера табачку бы попросилъ.

Тихонько постучался онъ у дверей Липы.

Оттуда донесся лютвенно ея голосъ, изъ первой же комнаты. Это его порадовало. Значить, она не больна и сидитъ въ гостиной.

— Олимпиада Дмитриевна принимаетъ?—спросилъ онъ, просовывая голову.

— Принимаетъ. Кто это? — окликнула Липа голосомъ здоровой.

Небольшая хрипота слышалась въ немъ авственнѣе, чѣмъ это было до ея болѣзни.

Липа лежала на кушеткѣ, одѣтая, и читала.

Кострицынъ сейчасъ же узналъ обложку журнала.

— А! Садитесь! Садитесь! Спасибо за память... Какъ васъ зовутъ, извините... У меня память куриная.

— Иванъ Кузьмичъ... Можетъ, и фамилію забыли?

— Не хочу лгать. Не совсѣмъ тверда.

— Кострицынъ. Отъ кострига... Народное слово. Знаете, то, что отлетаетъ со льна. А „г“, по общимъ фонетическимъ законамъ, смягчено въ „ц“.

— Въонъ вы какой мудреный. До всего доходите.

Кострицынъ слегка покраснѣлъ, садясь поодаль, въ кресло. Его учительская болтовня показалась ему архи-педантской и просто глупой.

— Извините,—пролепеталъ онъ, чувствуя, что продолжаетъ краснѣть.

— Въ чемъ?—спросила Липа, широко раскрывъ глаза.

Эти глаза его и смущали. Онъ находилъ ее еще красивѣе, чѣмъ въ тотъ вечеръ. Цвѣтъ лица желтовато-матовый, точно мраморъ. Темнота подъ глазами прошла. Волосы небрежно причесаны, но такъ чудесно драпируютъ ея лицо! И что за бюстъ, что за руки!

Одѣта она все такъ же скромно, и, кажется, не безъ умысла скромно. А какова же она на сценѣ, съ обнаженной шеей и руками!

Великолѣпную Аянтонину Борисовну и сравнить съ ней нельзя. У той злые глаза, все лицо жесткое и слишкомъ гладкое; голоеъ самъ по себѣ не плохой, но дерзко-повелительный или нахальный.

„Ну, и пускай его, дурака!“—выбралъ весело Кострицынъ, подумавъ о „калегвардѣ“, который бросилъ такую женщину.

И сейчасъ же ему стало обидно за Липу. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, она была просто его „содержанка“ и мирилась съ такимъ положеніемъ?

— Скажите мнѣ, Иванъ Кузьмичъ, —заговорила Липа и повернула голову въ его сторону, книгу она положила рядомъ, на столикѣ,—вы чѣмъ занимаетесь?

Такой вопросъ показался бы ему отъ другой или чезуръ наивнымъ, или безцеремоннымъ.

— Вы извините,—тонъ у нея былъ самый искренній и

она не улыбалась, — ни вашъ пріятель Лыжинъ, ни студентъ Шипилинъ не сказали мнѣ тогда толкомъ.

— Я просто шатунъ, Олимпиада Дмитриевна.

— Какъ же это? Однако, вы очень учены... Профессоръ, можетъ-быть?

— Нѣтъ! Куда! Если хотите, имѣю стѣпень, даже двѣ... А живу частной службой.

Онъ не хотѣлъ досказать, у кого онъ служить. Наверно, она знаетъ про Кумачеву.

— И изъ какихъ вы?—продолжала допрашивать Липа, все такъ же искренно и серьезно, почти строго.

— Въ какомъ же это смыслѣ?—отозвался Кострицынъ, уже спокойнѣе, но все еще не овладѣвъ вполнѣ собою.

— Видите, Иванъ Кузьмичъ, когда я съ хорошими людьми встрѣтилась впервые, и они меня пригрѣли... за ихъ дѣло я готова была всю себя отдать. Только они меня пожалѣли. А сами всѣ почти погибли.

Голосъ Липы оборвался. Онъ слушалъ съ опущенной головой и старался проникнуть въ суть того, о чемъ она говорить въ общихъ выраженіяхъ.

— Что же это за люди были, Олимпиада Дмитриевна?

— Объ этомъ послѣ... если мы съ вами поближе познакомимся. А мой вопросъ, изъ какихъ вы сами, не примите за дерзость. Когда я, какъ народъ нашъ выражается, „дьявола тѣшила“ и была актрисой, для меня всѣ мужчины были равны. На всѣхъ вѣдь у актера одинъ взглядъ—хищный. Да иначе и быть не можетъ. Теперь,—протянула она,—такъ мнѣ не полагается. И я каждого, кто ко мнѣ приходитъ, спрашиваю. Я знаю, что вы порядочный человекъ. Васъ представилъ Лыжинъ; онъ — другъ Иды Павловны. А она сама—прелесть. По нынѣшнему времени, Иванъ Кузьмичъ, одной общей привязанности мало. Да и отчего неловко поставить вопросъ: изъ какихъ вы? И ловко, совсѣмъ ловко, спросить: вы въ какомъ вѣдомствѣ служите, или на какомъ вы амплуа?

— Вы желаете, стало, знать, какого я направленія?

— Да.

— У меня его нѣтъ — въ обычномъ смыслѣ. Я хочу мыслить самъ по себѣ, а не повторять зады.

— Вотъ оно чтѣ!—отѣлинулась Липа и смолкла.

Кострицыну стало очень жутко.

XLIV.

— Нѣтъ, Иванъ Кузьмичъ, нельзя быть ни въ сихъ, ни въ оныхъ,—говорила Липа, уже ходя по комнатахъ съ заложенными назадъ руками.

Кострицынъ сидѣлъ въ неловкой позѣ и курилъ. Онъ съ удивленіемъ чувствовалъ, что его смѣлая рѣчистость куда-то ушла. Онъ не находилъ въ себѣ всегдашней увѣренности. Сталъ-было развивать теорію „личности“ — и какъ-то ничего не вышло ни красиваго, ни вразумительнаго.

— Нѣтъ, — повторила Липа и подошла къ нему, — вы это такъ, Иванъ Кузьмичъ, себя только тѣшите.

— Почему же-съ?—почти сконфуженно спросилъ онъ.

— Не можетъ быть, чтобы васъ не возмущало то, что теперь въ ходу и въ модѣ. У Некрасова-то помните стихъ: „Бывали хуже времена, но не было подлѣй“...

— Помню. Такъ, въ обличительномъ вкусѣ, про всякое время можно сказать.

— Нѣтъ, не про всякое. Даже десять лѣтъ назадъ со-всѣмъ не то было.

Въ ухахъ у него застрялъ возгласъ Липы: „ни въ сихъ, ни въ оныхъ“. И онъ вспомнилъ, что мать Захара Лукьяновича, Раиса Гордѣевна, въ началѣ зимы сказала ему, да еще гораздо язвительнѣе, ту же почти фразу, въ сѣняхъ дома Кумачева, послѣ своего столкновенія съ сыномъ изъ-за учительницы Суревичъ.

— Позвольте, Олимпіада Дмитріевна, я на первое же знакомство съ вами не хочу спорить. Да и вообще рѣчь идетъ не обо мнѣ.

— А о комъ же, Иванъ Кузьмичъ?

— Если позволите—о васъ. Тогда вечеромъ... вы были въ такомъ настроеніи... въ простраціи, такъ сказать, не столько физической, сколько душевной. И я, слушая вашу бесѣду съ Брянцевымъ, искренно жалѣлъ, что вы не желали сдаться на его доводы. Онъ, положимъ, хвостъ выпустилъ въ родѣ павы. Безъ этого господя артисты не могутъ держать себя. И очень ужъ любитъ красиво выражаться... опять дѣло понятное: изъ ролей выхватилъ.

— Это вѣрно!—веселѣе воскликнула Липа.

— Но онъ дѣло говорилъ.

— Обо мнѣ, что ли?

Липа опять остановилась.

— О васъ... Съ какой же стати, Олимпіада Дмитріевна, бросать на вѣтеръ дарованіе? Что же есть самаго цѣннаго въ человѣческой личности? Талантъ все замѣняетъ—умъ, волю! Онъ только и позволяетъ стать выше всего, умалиющаго наше „я!“

— Ахъ, полноте!

И сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ къ двери, Липа вернулась и присѣла, опустивъ руки на колѣни, на кушетку, около Кострицына.

— Для нашей сестры театръ — прямой путь къ торговлѣ собою. Вотъ что, Иванъ Кузьмичъ!

— Помилуйте!

Кострицынъ весь встрепенулся.

— Знаю, что вы мнѣ возразите. Есть талантъ — тогда дорога широка и безъ всякихъ сдѣлокъ! Фразы! Будь у васъ талантъ, не будь, оперетная вы или оперная, — на сто женщинъ девяносто пять не обойдутся безъ поддержки!.. Вы слышите: слово, кажется, приличное, а что оно значитъ? Хорошо было здѣсь Брянцеву ратовать. Мужчины — другое дѣло... Да и то, сколько изъ нихъ вышло въ люди — кѣмъ? — Женщиной! Начнетъ съ провинціи, смазливый мальчикъ... къ перерзѣлой премьершѣ поступить подъ крылышко. Она его и пуститъ въ ходъ. Контрактъ не подписываетъ иначе, чтобы и его на первое амплуа. Потомъ въ столицу. Когда она состарится — онъ ее броситъ... А дѣвушка, хоть расчестной, если ей не повезетъ сразу, какъ это бываетъ разъ въ двадцать лѣтъ, нельзя не продать себя, не въ томъ, такъ въ другомъ видѣ.

„Зачѣмъ это она говоритъ? — почти съ болью въ сердцѣ спросилъ мысленно Кострицынъ. — Можетъ-быть, оно и такъ, но къ чему объ этомъ распространяться?“

— Мнѣ не хотѣлось только при моихъ дѣвочкахъ, Лелѣ и Катѣ, выставить напоказъ всю гнусность этой дороги, по которой я, еще мѣсяцъ назадъ, шагала. Самого-то Брянцева спросите! Развѣ теперь вездѣ, вы слышите — вездѣ, и въ привилегированныхъ театрахъ, каждая дѣвочка, хотя бы расчестная и талантливая, не ищетъ руки въ сильномъ персоналѣ, въ первомъ актерѣ? Это нынче у нихъ программа такая! А что это значитъ? Не продаетъ себя за деньги, такъ за протекцію.. Это рѣшительно все равно.

— Но васъ это уже не касается, Олимпіада Дмитріевна.

— Ха-ха! Какъ не касается! — Липа всплеснула ру-

ками.—Какъ не касается! У меня былъ и голосъ, и наружность, и смѣлость — все. Я не нуждалась въ кускѣ хлѣба. И все-таки вышло то же, что съ сотнями выходныхъ дѣвочекъ. Иначе нельзя на подмосткахъ, которые господа рецензенты такъ обсахариваютъ. Все въ васъ выѣстъ жадность къ приему... Вся ты—одно безпардонное любованіе собою и суетность до мерзости! Тутъ какія же могутъ быть задержки? Сколько ни получай жалованья—хватать не будетъ: на костюмы, на всякія погремушки. Содержанія не хватаетъ, да еще изъ двухъ сезоновъ одинъ навѣрно васъ надуетъ антрепренеръ. Поддержка и является,—только мы себя сами морочимъ, думаемъ, что это любовь... и что нами не только увлекаются, но и уважаютъ, ставятъ, за талантъ, выше всѣхъ остальныхъ женщинъ! Какъ бы не такъ!

Липа пододвинулась къ нему и, уперевъ руки въ колѣни, вызывающе спросила его:

— Вы думаете, потому я хотѣла съ собой покончить, что гвардейскій офицеръ, считающійся красавцемъ-мужчиной, бросилъ меня?

На этотъ вопросъ Кострицынъ сначала только повель плечами и потупился.

Ему еще больнѣе стало за нее.

Зачѣмъ она такъ говоритъ о себѣ?

— Олимпиада Дмитріевна! Дорогая! Не разстраивайте себя!

Обѣ его руки протянулись къ ней.

— Никакого тутъ разстройства нѣтъ,—возразила Липа и, не мѣняя позы, продолжала, такъ же сильно, но поглуше:—Этотъ поручикъ не хотѣлъ продолжать комедіи, да онъ ея и не игралъ. Это я воображала. Онъ мнѣ преспокойно показалъ, что всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ — и сверчокъ этотъ я... Глупое насѣкомое! Должно-быть, такое же тщеславное, какъ и всѣ актеры! Это меня ударило прямо... не въ сердце, а въ душу... Я душу особо ставлю, Иванъ Кузьмичъ. Женская натура не выдержала. Сейчасъ за склянку со снадобьемъ и схватилась. Ничего! Какъ видите — жива осталась!.. И прозрѣла.

— Прозрѣли? — повторилъ Кострицынъ и смѣлѣе поглядѣлъ на Липу.—Въ какомъ смыслѣ?

— А вотъ первымъ дѣломъ—поставила крестъ на артисткѣ Днѣпровской. Знаете, какъ кавалеристы часто го-

ворять: и по конному, и по пѣшему строю. Такъ и я скажу: и на вокальную, и на драматическую актерку Днѣпровскую поставила крестъ—и баста.

— Это—то же самоубійство, Олимпиада Дмитриевна!

Кострицынъ всталъ. Липа опустила голову въ руки и молчала.

— Нѣтъ! — вырвалось у нея послѣ паузы. — Не самоубійство, а воскрешеніе личности, о которой вы такъ сильно хлопчете.

— Но какую же дорогой?

— Видите — непременно дорога. Ха-ха! Точно мы всё отмѣчены божественнымъ перстомъ... А сотни милліоновъ только о томъ бьются, какъ бы имъ съ голоду не умереть...

— Да... Стало, спасаться желаете?

— Пожалуй, если вамъ нравится это слово.

Возобновлять бесѣду онъ не могъ. Онъ точно боялся, что Липа начнетъ опять изливаться, и отъ этихъ разоблаченій ему сдѣлается опять больно.

— А пока, — сказалъ онъ, — позвольте пожелать вамъ добраго здоровья.

— Чтѣ мнѣ сдѣлается! Я—двужилъная.

Она встала съ кушетки и, протянувъ руку, спросила:

— Вы что же такъ торопитесь?

— Долженъ зайти еще къ Лыжину.

— Онъ милый! Поклонъ ему отъ меня.

Наверхъ Кострицынъ входилъ ускоренной походкой, охваченный настроеніемъ, которое ему поскорѣе захотѣлось стряхнуть съ себя у Лыжина.

Тотъ собирался куда-то обѣдать.

— Откуда?—спросилъ онъ.

— Снизу, — отвѣтилъ Кострицынъ страннымъ тономъ и сейчасъ же присѣлъ на диванъ.

— Былъ у Днѣпровской?

— Былъ.

— Она здорова?

Лыжинъ поглядѣлъ на него, прищуриль одинъ глазъ,— и усмѣхнулся.

— Иванъ Кузьмичъ! Милѣйшій мой Сократъ! Что вы... по-гречески я не знаю, какъ это называется, а французы говорятъ: „tout-chose?“

— А что?

Кострицынъ потряхнулъ головой.

— Да знаешь, друже, эту женщину мнѣ стало жалко...

не потому, что съ ней случилось... А она во что-нибудь ударится. Ты ничего не слыхалъ про ея прошлое?

— То же, что и ты.

— Нѣтъ, не любовное... или тамъ актерское, что ли... А раньше, до поступленія на сцену, не было ли у ней такой полосы...

— Что-то мнѣ Ида говорила.

— Не зналась ли съ нелегальнымъ народомъ?.. Боюсь я, что старыя дрожжи опять забродили.

— Боишься?

Лыжинъ подошелъ къ нему и положилъ руку на плечо пріятеля.

— Она тебѣ нравится, какъ женщина?

— Не хочу лукавить—нравится.

И онъ чего-то не досказалъ. Лыжинъ вспомнилъ свой разговоръ съ Еленой Акридиной, когда онъ поступилъ на службу къ Кумачеву, о Нинѣ. Тогда и онъ самъ точно побаивался за себя, допускалъ возможность увлеченія ею. Теперь онъ знаетъ навѣрно, что Нина для него не опасна.

Неужели въ Кострицына запала другая искра? Настоящая?

Оглавленіе VІІ тома.

ПЕРЕВАЛЪ. Романъ въ трехъ частяхъ.	стр.
Часть первая	5
Часть вторая	166

Изданія А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛЪСКОВА.

НОВОЕ, 2-Е ИЗДАНИЕ, ВЪ 12-ТИ ТОМАХЪ,

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ пяти портретовъ Н. С. Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравированныхъ на стали у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

Первое изданіе сочиненій Лѣскова печаталось въ теченіе 1889—1890 гг. и состояло изъ десяти томовъ. Въ 1893 году вышелъ въ свѣтъ XI дополнительный томъ, а въ минушемъ 1896 году А. Ф. Марксомъ изданы остальные произведенія Лѣскова, въ новомъ XII-мъ томѣ, редактированномъ и приговоренномъ къ печати самимъ авторомъ. Первое изданіе соч. Лѣскова, стоившее 26 рублей, быстро разошлось, и въ послѣднее время, когда первые десять томовъ стали бібліографическою рѣдкостью, оно продавалось по цѣнѣ отъ 40 до 50 рублей.

Купивъ у наследниковъ право собственности на все сочиненія покойнаго Н. С. Лѣскова, А. Ф. Марксъ, согласно поставленной имъ себѣ задачѣ—сдѣлать сочиненія русскихъ писателей доступными для возможно большаго круга читателей, рѣшилъ выпустить новое изданіе полнаго собранія сочиненій Лѣскова, нисколько не уступающее первому изданію ни по качеству бумаги, ни по шрифту и проч., но по возможно дешевой цѣнѣ—15 руб. вмѣсто прежнихъ 26 руб.

Въ статьѣ Р. И. Сементковскаго, помѣщенной въ первомъ томѣ соч. Лѣскова, обстоятельно выяснены взгляды, стремленія и идеалы Лѣскова, проводимые имъ въ своихъ произведеніяхъ, и тѣ вліянія ранняго дѣтства и позднѣйшей жизни, подъ которыми сложились эти взгляды. Считаая лучшимъ вдаваться здѣсь подробно въ указанія и перечисленія достоинствъ такого первоисточника и извѣстнаго писателя, какъ Н. С. Лѣсковъ, ограничимся лишь выдержкой изъ статьи одного изъ нашихъ критиковъ, слѣдующимъ образомъ характеризующаго Лѣскова: „Подходъ въ некоторомъ отношеніи своего таланта къ Островскому, Писемскому и Достоевскому, онъ ни одному изъ этихъ великихъ мастеровъ русскаго слова не уступаетъ по чисто-художественнымъ силамъ... Ни у одного русскаго писателя нѣтъ такого неисчерпаемаго богатства фабулы... Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической маперы Лѣскова... Наконецъ, не много знаетъ Лѣсковъ соперниковъ въ литературѣ по колоритности и оригинальности своего языка“.

Второе изданіе состоитъ изъ двѣнадцати объемистыхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ: т. I LVI+526 страницъ, т. II 519 стр., т. III 565 стр., т. IV 813 стр., т. V 609 стр., т. VI 515 стр., т. VII 575 стр., т. VIII 575 стр., т. IX 505 стр., т. X 507 стр., т. XI 469 стр. и т. XII 468 стр.—**ВСЕГО LVI+6646 СТРАНИЦЪ.** Въ эти 12 томовъ вошли все сочиненія Н. С. Лѣскова, помѣщенные какъ въ первыхъ десяти томахъ перваго изданія, такъ и въ двухъ дополнительныхъ XI и XII томахъ и такимъ образомъ оно является первымъ по полнотѣ собраніемъ соч. Н. С. Лѣскова.

Изданіе отпечатано очень изящно, на хорошей бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ.

Цѣна полному собранію соч. Н. С. Лѣскова въ 12 томахъ 15 руб., съ перес. 17 руб., а въ 12 роскошн. коленчоровыхъ переплеткахъ, тисненыхъ золотомъ и краскою,—20 руб., съ пересылкою 23 руб.

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, СПБ., М. Морская, № 22.

ИМѢЮТСЯ ТАКЖЕ ВЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ

XI-ЫЙ И XII-ЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ТОМЫ КЪ 1-МУ ИЗДАНІЮ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧ. Н. С. ЛЪСКОВА.

СОДЕРЖАНІЕ XI ТОМА: Часть воли Божіей. Сказка. — Полуночники. Пейзажъ и жанръ. — Юдоль. Рапсодія. — О вѣкереяхъ. Postscriptum къ „Юдоль“. — Импрозиторы. Картина къ натурѣ. — Пустоплясы. Святочный рассказъ. — Дуралюкъ. Разказъ. — Невинныя Пруденціи. Легенда. — Легендарные характеры. Опытъ систематическаго обозрѣнія.

СОДЕРЖАНІЕ XII ТОМА: Въ этотъ **НОВЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ** томъ, редактированный и приговоренный къ печати самимъ авторомъ, вошли слѣдующія произведенія **Н. С. Лѣскова**, не помѣщенные въ прежнихъ изданіяхъ полнаго собранія его соч не **я:** 1) Змийнй день.—2) Разказъ **кстати:** а) Дама и Фефѣла; б) Загонъ.—3) Продуктъ природы.—4) Сибирскія картинки.—5) Вдохновенные бродяги.—6) Некрещеный попъ.—7) Владычній судъ.—8) Язвительный.—9) Домашняя челядь.—10) Сожестіе въ адѣ.

Обращаемъ вниманіе на эти два тома тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова (перваго изданія) только въ **ДЕСЯТИ** томахъ.

ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА 3 РУБЛЯ.

Записывающіе XI-ый и XII-ый томы (1-го изданія) соч. Лѣскова изъ конторы изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, М. Морская, д. № 22,—за пересылку не платятъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

6 КОЛЕНКОРОВЫХЪ КРЫШЕКЪ

на прилагаемые при „Нивѣ“ въ 1897 г.
12 томовъ соч. П. Д. БОБОРЫКИНА,
по одной крышкѣ на каждые два тома.
Крышки весьма изящны и изготовлены изъ
лучшаго англійскаго коленкора, съ красивы-
ми тисненіями золотомъ и краскою. Крыш-
ки продаются только комплектами, т. е.
всѣ шесть вмѣстѣ, отдѣльныя же крышки не
продаются. Цѣна всѣмъ шести крышкамъ
1 р. 50 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Кон-
тору журнала „Нива“, С.-Петербур-
бургъ, Малая Морская, 22.

Въ конторѣ Н. Н. Печковской,
въ Москвѣ, Петровскія линіи, цѣна
шести крышкамъ безъ пересылки 2 руб.

НОВЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАВАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ.

1. КОЛЯСКА. Пов. Въ перепл. 15 к.	9. ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА. По-
вѣсть. Въ перепл. 15 "
2. ВЕЧЕРЪ НАКАНУНЪ ИВАНА
КУПАЛА. Повѣсть. Въ
перепл. 20 "	*10. НОЧЬ ПРЕДЪ РОЖДЕ-
СТВОМЪ. Пов. Въ перепл. 30 "
3. ВІЙ. Повѣсть. Въ перепл. 25 "	11. ЖЕНИТЬБА. (Совершенно
невѣроятное событіе).
Комедія. Въ перепл. 25 "
*4. МАЙСКАЯ НОЧЬ ИЛИ УТО-
ПЛЕННИЦА. Повѣсть. Въ
перепл. 20 "	*12. ШИНЕЛЬ. Пов. Въ перепл. 25 "
*5. СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА.
Пов. Въ перепл. 20 "	13. ЗАКОЛДОВАННОЕ МѢСТО.
Пов. Въ перепл. 15 "
6. НОСЪ. Повѣсть. Въ перепл. 15 "	14. РЕВИЗОРЪ. Ком. Въ перепл. 40 "
7. СТРАШНАЯ МЕСТЬ. Пов.
Въ перепл. 25 "	15. СТАРОСВѢТСКІЕ ПОМЪ-
ЩИКИ. Пов. Въ перепл. 25 "
*8. ТАРАСЪ БУЛЬБА. Повѣсть.
Въ перепл. 30 "	

15 книжекъ. Цѣна 3 р. 45 к.

Выписывающіе отъ 1 до 3 брошюръ прилаг. за пересылку заказн. бандеролью
15 к.; отъ 4 до 8 брошюръ—25 к.; отъ 9 до 14 брошюръ—40 коп.
Выписывающіе одновременно не менѣе 15-ти книжекъ непосредственно
изъ Конторы изданій А. Ф. МАРКА, СПб., Мал. Морская, 22,—ЗА
ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЬ.

Всѣ 15 книжекъ вышущены новымъ изданіемъ и украшены новыми худо-
жественно исполненными рисунками и выветками, прекрасно иллюстрирую-
щими ихъ содержаніе. Книжки имѣются въ продажѣ только въ переплетахъ.

Отмѣченныя * допущены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія
для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для
городскихъ училищъ и сельскихъ школъ.

Требованія и деньги адресовать въ контору изданій А. Ф. Марка, С.-Пе-
тербургъ, Малая Морская, № 22.

